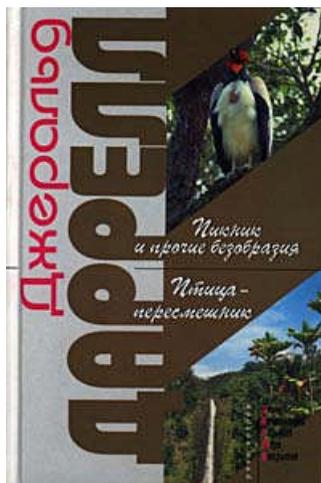


Джеральд Даррелл

ПИКНИК И ПРОЧИЕ БЕЗОБРАЗИЯ

ПТИЦА-ПЕРЕСМЕШНИК



АННОТАЦИЯ

Джеральд Даррелл - великолепный писатель, знаменитый путешественник-натуралист - обладал неповторимым даром рассказчика и тонким искрометным юмором. Его книги помогли миллионам детей и взрослых во всем мире по-новому взглянуть на мир живой природы и ощутить себя неотъемлемой ее частью. В повестях «Пикник и прочие безобразия» и «Птица-пересмешик» описываются семейный пикник на зеленых лугах «старой доброй Англии» со всеми вытекающими из этого последствиями и путешествие на экзотический, утопающий в зелени остров Зенкали, лежащий в стороне от морских путей, там, где сливаются воды Индийского и Тихого океанов.

ПИКНИК И ПРОЧИЕ БЕЗОБРАЗИЯ



ОГЛАВЛЕНИЕ

Пикник

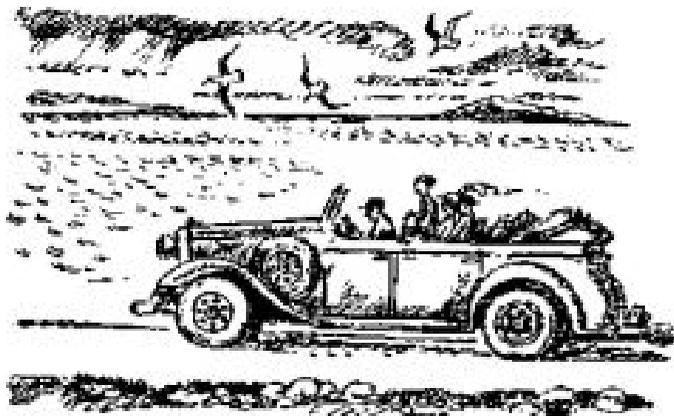
Первый рейс

Выпускники частных школ

Смятение от чтения

Человек от "Мишлена"

Переход



Моей сестре Марго, которая с великим добродушием относится к тому, как я подшучиваю над ней в печати.

С любовью

ПИКНИК

Март и апрель в том году выдались необычайно теплыми и сухими для Англии. Фермеры, застигнутые врасплох обстоятельствами, не позволяющими заявить о своей несостоятельности по причине поздних заморозков, сплотили ряды и заговорили об ужасах засухи. Люди, которые осенью заверяли нас, что небывалое количество грибов и ягод предвещает суровую зиму и еще более суровое лето, теперь твердили, что обилие ягод и грибов - предвестие погожей весны в следующем году. В довершение всего наши платные Мюнхгаузенy - авторы прогнозов погоды - обещали период небывалой жары с апреля по август. От этого прогноза доверчивые англичане

пришли в такое возбуждение, что многие из них вдалились в крайность, умащая кожу растительными маслами и возлежа в шезлонгах. Во всем Борнмуте на южном побережье, где мы теперь жили, ни за какие деньги нельзя было достать купальник и зонтик от солнца.

Моя семья, все сплошь солнцепоклонники, просто расцвела. Ее члены чаще ссорились, больше пели, больше спорили, ели и пили больше обычного, потому что в саду перед домом весенние цветы источали самые сладостные ароматы и бледноватое солнце грело вовсю. Но особенно сильно обсуждаемые прогнозы подействовали на мою матушку; думаю, главным образом потому, что она слушала сводки погоды по радио.

Одно дело - читать свой гороскоп в журнале для женщин, совсем другое, когда тебе гадают настоящая цыганка, сидя на подножке своей кибитки. Этот пример как нельзя лучше объясняет пристрастия моей мамы. Всю войну британское правительство, включая Черчилля (когда он не был занят другими делами), обитало в нашем радиоприемнике исключительно для того, чтобы сообщать нашей родительнице о ходе военных действий и угрозе немецкого вторжения. Они ни разу не солгали и, что еще важнее, выиграли войну. Конечно, к этому времени война давно уже кончилась, однако репутация обитателей радиоприемника оставалась незапятнанной. И слушая, как фермеры толкуют о массовом падеже скота и высыхании водоемов, как анонимные доктора учат предохраняться от теплового удара, как косметологи описывают способы загорать без вреда для кожи, мама, естественно, заключила, что на Англию надвигается такая жара, что по сравнению с нашей отчизной Вест-Индия покажется чем-то вроде Аляски.

- Я придумала чудесный способ отметить возвращение Ларри, - объявила она однажды утром за завтраком.

Ларри, который уже лет десять не показывался в Англии, собирался нанести мимолетный визит по случаю презентации одной из его книг. И хотя в очередном письме он сообщал, что его мутит при мысли о возвращении на "остров Пудингов", мама не сомневалась, что после стольких лет добровольного изгнания он ждет не дожидается свидания с "доброй старой Англией".

- Это кто же жаждет отметить его приезд? - осведомился Лесли, налегая на джем.

- Лесли, дорогой, я знаю, что ты вовсе не против, - возразила мама. - До чего приятно будет собраться всем вместе после стольких лет.

- От Ларри всегда одни неприятности, - вступила моя сестра Марго. - Он только и знает, что критиковать.

- Ну, не такой уж он придирчивый, - покривила душой мама. - Просто у него свой взгляд на некоторые вещи.

- Ты хочешь сказать, ему нужно, чтобы все соглашались с ним, - заметил Лесли.

- Вот именно, - подхватила Марго. - Он все знает лучше всех.

- У него есть право на собственное мнение, - сказала мама. - Мы за это воевали.

- В самом деле? - спросил Лесли. - Значит, мы все обязаны разделять мнение Ларри?

- Ты отлично знаешь, что я подразумеваю, Лесли, - строго произнесла мама. - Не пытайся сбить меня с толку.

- И что же ты задумала? - поинтересовалась Марго.

- Ну, - начала мама, - поскольку ожидается невыносимая жара...

- Кто это сказал? - перебил ее Лесли.

- Радио, - твердо произнесла мама, как если бы речь шла о Дельфийском оракуле. - По радио сообщили, что нас ожидает полоса небывало высокого давления.

- Так я и поверил, - мрачно сказал Лесли.

- Но ведь это сказали по радио, дорогой, - настаивала мама. - Это не просто слух, прогноз исходит от Министерства военно-воздушных сил.

- А я и Министерству ВВС тоже не верю, - сказал Лесли.

- Я тоже, - согласилась с ним Марго. - Особенно после того, как сделали пилотом Джорджа Мэтчмена.

- Нет, в самом деле? - поразился Лесли. - Да ведь он слеп, как летучая мышь, и пьет, как лошадь.

- Точно, у него бывают приступы слепоты, - сурово подтвердила Марго.

- Право, не вижу, какое отношение Джордж Мэтчмен имеет к прогнозам Министерства ВВС, - возразила мама, которая никак не могла привыкнуть к поразительной способности ее чад менять тему разговора.

- А может быть, это Джордж прогнозы читает, - предположил Лесли. - Что до меня, то я не доверил бы ему сообщать даже точное время.

- Это не Джордж, - твердо произнесла мама. - Я знаю его голос.

- И все-таки - что ты задумала? - снова осведомилась Марго.

- Так вот, - продолжала мама. - Поскольку нам предсказывают хорошую погоду, я подумала, что нам следует вывезти Ларри за город, показать ему сельскую Англию во всем ее великолепии. Уверена, он успел соскучиться по ней. Когда мы с вашим отцом приезжали домой из Индии, непременно совершали такие вылазки. Вот я и предлагаю попросить Джека, чтобы он вывез нас на пикник на своем "роллс-ройсе".

Несколько секунд мы молча переваривали эту идею.

- Ларри не согласится, - заговорил наконец Лесли. - Ты же знаешь его. Он станет беситься по малейшему поводу, сама знаешь.

- А я уверена, что он будет просто счастлив, - возразила мама не слишком убежденно.

Мысленно она представила себе моего старшего брата в состоянии бешенства.

- Я знаю, что надо сделать, - вступила Марго. - Пусть это будет сюрприз. Загрузим еду и все прочее в заднее отделение кузова, а ему скажем, что просто покатаемся тут поблизости.

- И какое место ты выбрала? - спросил Лесли.

- Лэлворт-Кону, - ответила мама.

- Ничего себе поблизости, - вздохнул Лесли.

- Но он ничего не заподозрит, если не увидит припасы, - торжествующе сказала Марго.

- На третьем часу пути даже Ларри почует неладное, - заметил Лесли.

- А по-моему, - отозвалась мама, - просто скажем ему, что приготовили своего рода подарок по случаю его возвращения домой. Как-никак, десять лет его не видели.

- Десять мирных, спокойных лет, - поправил Лесли.

- Не такие уж мирные, - возразила мама. - Не забывай про войну.

- Я подразумеваю - десять лет без Ларри, - объяснил Лесли.

- Лесли, дорогой, не говори таких вещей даже в шутку, - укоризненно произнесла мама.

- А я вовсе не шучу, - ответил Лесли.

- Не станет же он поднимать шум из-за пикника по случаю возвращения домой, - заметила Марго.

- Ларри способен поднять шум из-за чего угодно, - убежденно произнес Лесли.

- Не надо преувеличивать, - сказала мама. - Вот придет Джек, и спросим его насчет "роллса". Чем он сейчас занят?

- Полагаю, разбирает машину, - отозвался Лесли.

- Это что-то ужасное! - пожаловалась Марго. - Три месяца, как мы обзавелись этой машиной, и почти все время она пребывает в разобранном виде. Это просто невыносимо. Всякий раз, когда мне хочется прокатиться, части мотора разбросаны по всему гаражу.

- Не надо было выходить замуж за механика, - сказал Лесли. - Знаешь ведь, что у них страсть все разбирать. Настоящие разрушители машин.

- Ничего, - заключила мама. - Попросим его как следует потрудиться, чтобы "роллс" был в собранном виде к приезду Ларри. Уверена, что он не станет возражать.

Упомянутый "роллс" представлял собой великолепную модель 1922 года, которую Джек высмотрел тайком в каком-то деревенском гараже. Давно не мытая и не чистенная, она тем не менее не утратила своих благородных черт. Он приобрел ее за весьма приличную сумму - двести фунтов стерлингов - и торжествуя приехал на ней домой, где машина в его руках расцвела и получила имя "Эсмеральда". Теперь кузов ее сверкал, деревянные части были отполированы до блеска, мотор не оскверняли даже самые малые пятнышки масла. "Эсмеральда" была снабжена подножками, парусиновой крышей, которую можно было убирать в хорошую погоду; подняв толстое стекло, вы могли спокойно критиковать рабочий класс, не опасаясь, что вас услышит водитель, но одной из главных достопримечательностей была выполняющая роль телефона труба, через которую вы отдавали распоряжения упомянутому водителю. Роскошное творение; казалось, мы стали обладателями динозавра. На переднем и на заднем сиденьях свободно могли расположить-

ся по четыре пассажира. Добавьте встроенный шкафчик орехового дерева для напитков и багажное отделение, где можно было разместить четыре дорожных сундука или двенадцать плоских чемоданчиков. На такой экипаж не жаль было потратиться, и Джек ухитрился где-то раздобыть пожарную сирену, которая издавала надменное ушераздирающее "та-та, та-та". Сирена включалась только в экстренных случаях; обычно Джек обходился медным рожком с огромной черной грушей, чей голос напрашивался на сравнение с ревом смиренного калифорнийского морского льва. Этого было довольно, чтобы подстегивать пожилых леди, переходящих улицу на перекрестках; тогда как при звуках пожарной сирены двухэтажные автобусы поспешно сворачивали на обочину, пропуская нас.

В эту самую минуту в столовой появился Джек - без пиджака, обильно смазанный машинным маслом. Мужчина среднего роста, он обладал шапкой черных кудрей, яркими голубыми глазами и носом, которому позавидовал бы любой римский император. Это был всем носам нос, большой и мясистый, способный обрадовать сердце Сирано де Бержерака и обладающий даром изменять окраску под действием холодной погоды, в час открытия пивных и в связи с любыми прочими выдающимися событиями; словом, он дал бы сто очков вперед даже хамелеону. С таким носом можно было вести себя вызывающе; за него можно было укрыться в тяжелую минуту. В зависимости от настроения хозяина нос этот мог выглядеть гордо или потешно; однажды увидев, его невозможно было забыть, как врежется в память клюв утка-носа.

- Ах! - восторженно произнес Джек, поводя зарумянившимися ноздрями. - Кажется, я слышу запах копченой рыбы?

- Зайди на кухню, она там греется, - отозвалась мама.

- Где ты был? - без нужды осведомилась Марго: разводы машинного масла красноречиво свидетельствовали, где пребывал Джек.

- Чистил мотор "Эсмеральды", - так же без нужды объяснил он.

После чего вышел на кухню и вернулся с тарелкой, на которой лежала рыба. Сев за стол, он принялся разделять свою добычу.

- И что только ты не придумываешь с этим автомобилем, - сказала Марго. - Без конца разбираешь его по частям.

- Я знал человека, который был мастер разделять рыбу, - сообщил мне Джек, не обращая внимания на сетования моей сестры. - Положит на спинку и каким-то образом ухитрится вынуть все кости до одной. Здорово у него получалось. Все до одной косточки отделялись, словно струны на арфе... Как сейчас вижу.

- А что с ней случилось? - спросила Марго.

- С кем что случилось? - рассеянно отозвался ее супруг, уставившись на рыбу на своей тарелке так, будто рассчитывал гипнозом извлечь из нее кости.

- С "роллсом", - сказала Марго.

- С "Эсмеральдой"? - всколыхнулся Джек. - Что с ней?

- Я спрашиваю тебя об этом. Ты просто невыносим.

- С ней все в порядке, - ответил Джек. - Великолепная машина.

- Была бы великолепная, если бы мы могли ею иногда пользоваться, - саркастически заметила Марго. - Не так уж она хороша, вся выпотрошенная там, в гараже.

- Про машину нельзя говорить "выпотрошенная", - возразил Джек. - Это не рыба.

- Нет, ты невыносим! - воскликнула Марго.

- Ну, ну, дорогие мои, - вмешалась мама. - Если Джек говорит, что машина в порядке, значит, все в порядке.

- В порядке для чего? - поинтересовался Джек.

- Мы задумали вывезти Ларри на пикник, когда он придет, - объяснила мама. - И нам казалось, что хорошо бы сделать это на "роллсе".

Джек поразмыслил, расправляясь с рыбой.

- А что, неплохая мысль, - произнес он наконец ко всеобщему удивлению. - Я как раз отрегулировал мотор. Самое время проверить его в деле. И куда вы хотите поехать?

- Лэлворт-Коу, - сказала мама. - Красивейшие места, Парбекские пласты.

- Там еще есть отличные холмы, - радостно подхватил Джек. - Будет где проверить сцепление.

Ободренная сознанием того, что "Эсмеральда" в полном порядке, мама энергично занялась приготовлениями к пикнику. Как обычно, припасенных ею продуктов хватило бы, чтобы прокормить армию Наполеона на пути ее отступления из Москвы. Тут были корнуоллские пироги и слойки, запеканки с мясом и без него, три жареных цыпленка, две большие булки домашней выпечки, сладкий пирог, бренди, меренги; не говоря уже о трех сортах джемов и кислой приправы, печенье, фруктовом торте и безе. Разложив все это на кухонном столе, она позвала нас.

- Как вы думаете, этого будет достаточно? - озабоченно справилась мама.

- Я думал, мы просто поедем на несколько часов в Лэлворт, - заметил Лесли. - Мне как-то не приходило в голову, что мы эмигрируем.

- Мама, зачем нам столько! - воскликнула Марго. - Мы не можем все это съесть!

- Ерунда! Вспомните - на Корфу я припасала вдвое больше еды, - возразила мама.

- Но на Корфу нас собиралось от двенадцати до четырнадцати человек, - напомнил Лесли. - Теперь же будет всего шестеро.

- Красному Кресту этого хватило бы, чтобы два года кормить голодающих где-нибудь за морями, - сказал Джек.

- Ничего подобного, - оборонялась мама. - Вы же знаете, как Ларри любит поесть, и ведь мы остановимся в приморье, а от морского воздуха всегда разыгрывается аппетит.

- Ладно, будем надеяться, что все эти припасы поместятся в багажном отделении "Эсмеральды", - заключил Джек.

На другой день мама решительно настояла на том, чтобы все как следует принарядились для встречи Ларри на вокзале. Продолжительные старания Марго подобрать нужный оттенок губной помады опрокинули мамин план - только мы приготовились занять места в "роллсе", как перед домом остановилось такси, в котором восседал Ларри, прибывший в Борнмут раньше намеченного. Опустив стекло, он уставился на нас.

- Ларри, дорогой! - воскликнула мама. - Какой приятный сюрприз!

В ответ из уст Ларри прозвучали первые за десять лет слова, обращенные к родичам.

- Как у вас тут с простудой? - сердито осведомился он скрипучим голосом. - Если кто-нибудь болен, я поеду в гостиницу.

- Простуда? - отозвалась мама. - Никто не болен, а что?

- Все обитатели этого забытого Богом острова поголовно заражены этой дрянью, - сообщил Ларри, выходя

из такси. - Я провел неделю в Лондоне, спасаясь бегством от прицельного огня микробов. Люди чихали и шмыгали носом, точно стая простуженных бульдогов. А что творилось в поезде - пассажиры кашляли, отхаркивались и плевались, не вагон, а какой-то чертов странствующий туберкулезный санаторий. Я всю дорогу отсиживался в туалете, зажав нос и брызгая аэрозолем через замочную скважину. Ума не приложу, как только вы можете жить на этом чумном острове. Клянусь, в Лондоне такая эпидемия гриппа - хуже Великой чумы 1665 года.

Рассчитавшись с водителем, он взял чемодан и первым вошел в дом.

На нем был весьма неприглядный костюм из шерстяной ткани отвратительного зеленого цвета с красноватой клеткой, на голове - грубошерстная охотничья шляпа. Этакий маленький тучный Шерлок Холмс.

- Слава Богу, у нас все здоровы, - сказала мама, следуя за Ларри. - Тут такая чудесная погода. Будешь пить чай, дорогой?

- Я предпочел бы добрый стаканчик виски с содовой, - отозвался он, извлекая из широкого кармана пальто наполовину опустошенную бутылку. - Лучшее средство от гриппа.

- Но ведь ты говорил, что у тебя нет гриппа, - заметила мама.

- Совершенно верно, - ответил Ларри, наливая себе стаканчик. - Это на всякий случай. Так сказать, профилактическое средство.

Он явно занимался профилактикой по дороге в Борнмут и с каждым часом заметно веселел, так что мама в конце концов отважилась завести речь о пикнике.

- Понимаешь, - начала она, - служба погоды последовательно предсказывает небывало жаркую погоду, вот

мы и подумали завтра отправиться на "роллсе" на пикник.

- Тебе не кажется, что это не совсем красиво - бросать меня и уезжать куда-то после десяти лет разлуки? - спросил Ларри.

- Что за глупости, дорогой, - ответила мама, - ты поедешь вместе с нами.

- Пикник в Англии? Ни за что на свете, - судорожно выдохнул Ларри. - Только без меня. Помню пикники моей юности. Приправа из песка и муравьев в еде, попытки разжечь костер из мокрых веток, вой бури, легкий снегопад в ту самую минуту, когда ты принимаешься за первый бутерброд с огурцами...

- Ничего подобного, дорогой. Служба погоды предсказывает затяжной период высокого давления, - сказала мама. - Обещает завтра жаркую погоду.

- Возможно, у них там в Лондоне и впрямь жарко, но ты уверена, что у нас тут будет такая же погода? - спросил Ларри.

- Уверена, - энергично заявила мама.

- Ладно, я подумаю, - пообещал Ларри, отправляясь спать и беря с собой остатки виски, чтобы было чем ночью отбиваться от микробов.

Утро выдалось ясное и безветренное, солнце уже в семь часов заметно пригревало. Все сулило успех нашему предприятию. Заботясь о том, чтобы у Ларри было хорошее настроение, мама подала ему завтрак в постель. Даже Марго в интересах мира и покоя избавила нас от обычных пыток, когда она по полчаса пела в ванной последние хиты, не зная толком ни слов, ни музыки.

В десять часов все припасы были погружены, и мы приготовились выезжать. Джек еще раз проверил мотор, внося какие-то мелкие, но важные коррективы, мама в последний раз пересчитала свертки с едой, Марго триж-

ды возвращалась в дом за какими-то забытыми предметами. Наконец все мы были готовы и собрались на дорожке в саду.

- Вам не кажется, что по случаю такой хорошей погоды стоит убрать парусиновую крышу? - предложил Джек.

- Конечно, конечно, дорогой, - отозвалась мама. - Грех не воспользоваться такой прекрасной погодой.

Лесли и Джек совместными усилиями убрали крышу, все заняли свои места, и вот уже мы катим под звуки птичьего щебетания по зеленой, цветущей английской сельской местности. Каждая роща на волнистых Парбекских холмах выделялась четким рельефом на фоне голубого неба, где в высоте застыли неподвижно призрачные нити облаков. Воздух был напоен благоуханием, солнышко приятно грело, и наш автомобиль, жужжа, будто сонный шмель, плавно скользил среди ветвей живой изгороди, переваливал через зеленые холмы, коршуном нырял в долинки с кучками крытых соломой домов, которые явно нуждались в стрижке.

- Да-а, - задумчиво произнес Ларри. - Я совсем забыл, насколько английский ландшафт местами напоминает кукольные селения викторианской эпохи.

- Правда, красиво, дорогой? - сказала мама. - Я знала, что тебе понравится.

Только мы промчались через деревушку с белеными домами, чьи соломенные крыши напоминали огромные вздыбленные корочки пирога, как сидящий за баранкой Джек вдруг весь подобрался.

- Вот! - внезапно выпалил он. - Слышали! Легкий металлический стук, потом скрежет.

Мы притихли.

- Мне казалось, - обратился Ларри к маме, - в нашей семье и без того довольно душевных расстройств, зачем

было еще добавлять помешательства, сочетаясь священными узами брака.

- Вот опять! Скрежет! Скрежет! Неужели вы не слышите? - вскричал Джек с фанатическим блеском в глазах.

- О, Господи! - с горечью произнесла Марго. - Почему мы не можем никуда выехать без того, чтобы на тебя не напало желание разобрать машину на части?

- Но это может быть что-то серьезное, - сказал Джек. - Этот металлический стук... Возможно, сломалось магнето.

- По-моему, просто у тебя из-под колеса выскочил камешек, - возразил Лесли.

- Да нет же, - настаивал Джек. - От камня совсем другой звук. Без этого тиканья.

- Лично я не слышал никакого тиканья, - заметил Лесли.

- Так всегда, никто кроме него не слышит тиканья, - жалобно произнесла возмущенная Марго. - Меня уже тошнит!

- Ну, ну, дорогие, не ссорьтесь, - вступила мама. - Как-никак, Джек единственный в нашей семье разбирается в механике.

- Если он и впрямь механик, то меня удивляет современная техническая терминология, которую он усвоил, - заметил Ларри. - Не помню, чтобы прежде техники прилюдно толковали о каком-то тиканье.

- Если, по-твоему, Джек, это что-то серьезное, - сказала мама, - может быть, нам лучше остановиться, чтобы ты мог проверить, в чем дело?

Джек не мешкая свернул на обрамленную цветущими ивами площадку для временных стоянок, выскочил из машины, поднял капот и нырнул в чрево "Эсмеральды", как умирающий от жажды человек в пустыне бросился

бы во встреченный им водоем. Сперва мы услышали тяжелые вздохи, потом кряхтенье, которое сменилось звенящим жужжанием, словно сердитая оса запуталась в струнах цитры. То напевал наш зять.

- Что ж, - заговорил Ларри, - поскольку нашего форейтора, похоже, ударило молнией, как насчет глотка живительной влаги?

- Не рановато ли, дорогой? - спросила мама.

- Возможно, рановато для англичан, - отозвался Ларри, - но не забудь, что я не один год прожил среди безразличных чужеземцев, которые не связывают удовольствие с каким-то определенным часом и не считают, что человек подвергает угрозе свою бессмертную душу всякий раз, когда выпивает стаканчик, будь то днем или ночью.

- Хорошо, дорогой, - уступила мама. - Быть может, и впрямь неплохо будет выпить по стаканчику.

Лесли вторгся в багажное отделение и налил всем спиртного.

- Раз уж нам пришлось остановиться, следует признать, что здесь совсем недурно, - снисходительно заметил Ларри, созерцая волнистые зеленые холмы, расписанные клеточками живых изгородей и кудрявой листвой над черными стволами перелесков.

- А солнце прямо-таки припекает, - добавила мама. - Необычная теплынь для этого времени года.

- Боюсь, зимой нас ждет расплата, - мрачно произнес Лесли. - Так всегда бывает.

В эту секунду из-под капота донесся оглушительный чих. Ларри окаменел, не донеся до рта стакан.

- Что это было? - спросил он.

- Джек, - ответил Лесли.

- Этот звук! - воскликнул Ларри. - Его издал Джек?

- Ага, - подтвердил Лесли. - Джек чихнул.

- Господи! - вскричал Ларри. - Он везет с собой этих чертовых микробов. Мама, я целую неделю оборонялся от инфекции всеми способами, известными Британской медицинской ассоциации, и все это только для того, чтобы меня затащили в дебри, где кругом на полтора-два километра нет ни одного медика, и мой собственный зять бомбардировал меня вирусами гриппа. Это уж слишком!

- Ну, ну, дорогой, - попыталась успокоить его мама, - будто не знаешь, что люди и без простуды чихают.

- Только не в Англии, - возразил Ларри. - В Англии любой чих - предвестник невзгод, а то и смерти. Иногда мне кажется, что для англичан единственное развлечение - пестовать свои вирусы.

- Ларри, дорогой, ты преувеличиваешь, - сказала мама. - Он чихнул-то всего один раз.

Джек чихнул снова.

- Ну что! - воскликнул Ларри. - Вот тебе и второй раз. Уверяю, с этого начинаются эпидемии. Почему бы нам не оставить его здесь, кто-нибудь подберет его и отвезет в Борнмут, а нашу машину поведет Лесли.

- Не говори глупости, Ларри, мы не можем бросить его на дороге, - сказала мама.

- Почему это? - спросил Ларри. - У эскимосов заведено сажать своих стариков на льдины, чтобы их съели белые медведи.

- Не вижу, почему Джек должен быть съеден белым медведем только потому, что ты боишься какой-то дурацкой легкой простуды, - возмутилась Марго.

- Это была метафора, - пояснил Ларри. - Что до здешних мест, то тут его, вероятно, заклевали бы до смерти кукушки.

- Все равно, я против того, чтобы бросать его, - сказала Марго.

В эту минуту выбрался из-под капота Джек. И без того внушительный нос его увеличился чуть не вдвое и приобрел окраску переспелой хурмы, а из наполовину закрытых глаз текли обильные слезы. Он подошел к нам, продолжая громко чихать.

- Уходи! - закричал Ларри. - Убирайся подальше со своими мерзкими микробами!

- Это де бикробы, - выговорил Джек. - Это сенная лихорадка.

- Мне нет дела до научных названий! - кипятился Ларри. - Уходи! За кого ты меня принимаешь, черт возьми? За Луи Пастера? Разносишь тут свои проклятые микробы!

- Это сенная лихорадка, - повторил Джек, чихая. - Где-то тут расуд то ли какие-то проклятые цветы, то ди еще что-то.

Он злобно повел кругом слезящимися глазами и остановил взгляд на ивах.

- Ага! - прорычал он, перемежая слова чихом. - Вот они, черт бы их побрал.

- Ни черта не понимаю, - сказал Ларри. - Эта простуда явно повлияла на его рассудок.

- Он говорит про сенную лихорадку, - объяснила Марго. - Это ивы вызвали приступ.

- Но ведь это еще хуже простуды, - встревожился Ларри. - Я вовсе не хочу заразиться сенной лихорадкой.

- Ты не можешь ею заразиться, дорогой, - сказала мама. - Это вид аллергии.

- А хоть бы анаграмма, - возразил Ларри. - Не желаю, чтобы он дышал на меня.

- Но она не заразна, - настаивала Марго.

- Ты уверена? - спросил Ларри. - Все когда-то происходит впервые. Полагаю, то же самое говорил своей жене первый человек, заболевший проказой, и не успела

она оглянуться, как пришлось учредить колонию, чьи обитатели звонили своими колокольчиками и кричали "нечистый".

- Не надо усложнять, дорогой, - сказала мама. - Это самая обыкновенная сенная лихорадка.

- Наб бадю уехать от этих деревьев, - объявил Джек.

После чего сел за руль и с ходу развил такую скорость, что мы едва не врезались в выехавшую из-за поворота телегу с навозом, которую тащили два могучих битюга.

- Не помню, чтобы я подписывал с ним уговор вместе кончать жизнь самоубийством! - прокричал Ларри, цепляясь за дверцу.

- Не так быстро! - воззвала Марго. - Ты едешь слишком быстро.

- Воздух! - прорычал Джек. - Бде надо выехать на воздух, бодальше од эдой быльцы.

После нескольких километров безумной гонки, сопровождаемой жалобными криками мамы и Марго и громгласными укорами Ларри, Джек достаточно проветрил свои ноздри, чтобы ему стало полегче, и мы перешли на более умеренную скорость.

- Я так и знал - не надо было мне возвращаться в Англию, - пожаловался Ларри. - Сперва гриппозный вирус, потом эта сенная лихорадка, потом опасные для жизни скачки. В моем возрасте такое может привести к инфаркту.

Пора было выбирать место для ленча, а мы запутались во множестве дорожек на мысах и пригорках. В попытках обнаружить Лэлворт-Коу мы окончательно заблудились и в конце концов выбрали дорогу, которая привела нас на берег обрамленной крутыми скалами бухты. Озаренные солнцем синие воды навевали безмятежное настроение, и мы решили остановиться здесь. Кроме нас на

всем берегу была только одна пожилая пара, прогуливающая свою собаку.

- Как удачно, - заметила мама. - Мы здесь почти одни. Я опасалась, что в такую хорошую погоду все захотят позагорать.

- Пройдем немного вдоль берега, - предложил Лесли. - Вон туда идти недалеко, и вид будет хороший.

Мы согласились, вышли из "роллса" и побрели по гальке, сгибаясь под тяжестью съестного и ковриков для сидения.

- Мне нужно сесть так, чтобы было к чему прислониться, - предупредила мама. - Иначе вся спина станет разламываться.

- Конечно, тебе необходимо сидеть в цивилизованной позе, - согласился Ларри, - чтобы твои внутренности не завязались узлом. От этого могут быть язвы и прочие пакости. Твои кишки сгниют, и пища будет проскакивать в брюшную полость.

- Ларри, дорогой, ты не мог бы воздержаться от таких замечаний перед едой, - взмолилась мама.

- Как насчет того, чтобы прислониться к скале? - предложила Марго.

- Отличная идея, - согласилась мама. - Вон там, например, я вижу укромный уголок.

Только она направилась в ту сторону, как сверху сорвался изрядный обломок скалы и с грохотом упал на гальку, сопровождаемый струями шуршащего песка.

- Спасибо, - сказал Ларри. - Хочешь сидеть там - без меня. Я вовсе не жажду быть погребенным заживо.

- Глядите, там на берегу - большой черный камень, - показал рукой Лесли. - Лучшей спинки не придумаешь.

Он поспешил к камню, сбросил свой груз, накрыл камень ковриком, обложил подушками и приготовил удобное сиденье для мамы, которая тем временем добрела до

него по гальке. Ларри сел рядом с ней, мы разложили тут же еще коврики и уселись, разбирая обильные припасы.

- Какой-то здесь странный запах, - посетовал Ларри, уписывая слоеный пирожок.

- Это водоросли, - объяснил Лесли. - От них всегда пахнет.

- Говорят, это полезно для здоровья, - заметила Марго. - Запах водорослей полезен для легких.

- Никогда не подумала бы, что этот запах полезен для легких, - пожаловалась мама. - Он... как бы это сказать... чересчур острый, что ли.

- Похоже, ветер приносит его волнами, - заметил Ларри.

- Да-да, я слышу его. - Марго зажмурилась, делая глубокие вдохи. - Прямо чувствую, как мои легкие оживают.

- Ну, моим легким от него ничуть не лучше! - воскликнул Ларри.

- Погоди, ветер меняется, через минуту подует в другую сторону, - весело произнес Лесли, отрезая себе большой кусок пирога с мясом.

- Хоть бы и впрямь переменялся, - сказала мама. - Очень уж запах сильный.

Некоторое время мы ели молча, потом Ларри несколько раз втянул воздух носом.

- Кажется, в самом деле запах становится сильнее.

- Да нет, все зависит от направления ветра, - отозвался Лесли.

Ларри встал, осмотрелся.

- Что-то я не вижу поблизости водорослей, - сообщил он. - Только вон там, у самой воды.

Он подошел к нам, еще раз понюхал.

- Неудивительно, что вы не жалуетесь, - произнес он с горечью. - У вас тут почти не пахнет. Похоже, запах сосредоточен там, где сидим мы с мамой.

Он вернулся к маме, которая ела корнуоллский пирог, запивая его вином, и принялся рыскать вокруг нее. Внезапно он издал такой вопль, исполненный муки и ярости, что мы все подскочили, а мама уронила на колени стакан с вином.

- Силы небесные, вы только поглядите! - взревел Ларри. - Посмотрите, куда нас привел этот чертов тупица Лесли! Ничего удивительного, что мы задыхаемся от вони, мы еще все умрем от брюшного тифа!

- Ларри, дорогой, зачем же так кричать, - пожаловалась мама, вытирая колени носовым платком. - Неужели нельзя говорить спокойно.

- Нельзя! - выпалил Ларри. - Невозможно сохранять спокойствие перед лицом такого... такого обонятельного безобразия!

- Какого безобразия? - спросила мама.

- Знаешь, обо что ты опираешься спиной? Знаешь, что представляет собой опора, выбранная для тебя твоим сыном?

- А что? - Мама тревожно оглянулась через плечо. - Это камень, дорогой.

- Никакой это не камень, - произнес Ларри со зловецким спокойствием в голосе. - И не куча песка, и не валун, и не окаменелый таз динозавра. Ничего похожего на геологию. Знаешь, к чему мы с тобой прислонялись последние полчаса?

- К чему? - испуганно спросила мама.

- К лошади, - ответил Ларри. - К бранным останкам большой гнедой лошади.

- Вздор! - недоверчиво сказал Лесли. - Это камень.

- Где ты видел у камня зубы? - саркастически осведомился Ларри. - Остатки ушей и гривы? Учтите - то ли по злему умыслу, то ли по вашей глупости вашу мать и меня, скорее всего, поразит какая-нибудь смертельная болезнь.

Лесли встал, чтобы проверить слова Ларри, я присоединился к нему. В самом деле, из-под коврика в одном месте торчала голова, некогда без сомнения принадлежавшая лошади. Вся шерсть слезла, а кожа от пребывания в морской воде потемнела и задубела. Рыбы и чайки вычистили глазницы, высохшие губы обнажили мертвый оскал пожелтевших зубов.

- Надо же, черт возьми, - вымолвил Лесли. - Я готов был поклясться, что это камень.

- Ты избавил бы всех нас от многих неприятностей, если бы обзавелся очками, - достаточно жестко отметил Ларри.

- Но откуда я мог знать? - сердито спросил Лесли. - Кто мог ждать, что на пляже будет валяться проклятая здоровенная дохлая лошадь, скажи на милость?

- К счастью, я не большой знаток лошадиных привычек, - ответил Ларри. - Может быть, у нее произошел разрыв сердца во время купания. Однако это ни в коей мере не оправдывает допущенную тобой совершеннейшую глупость, когда ты обратил эту падаль в шезлонг для нас с мамой.

- Чушь! - воскликнул Лесли. - Эта дрянь выглядела точно как камень. Если это дохлая лошадь, так и должна выглядеть, а не как огромный камень, черт подери. Я тут не виноват.

- Она не только выглядит как дохлая лошадь, но и пахнет соответственно, - не унимался Ларри. - Не будь рецепторы твоего носа, как и твой интеллект, парализованы от рождения, ты давно убедился бы в этом. Одного

лишь восхитительного пряного благоухания было бы довольно, чтобы ты понял - это лошадь.

- Ну, ну, мои дорогие, не ссорьтесь вы из-за этой лошади, - взмолилась мама, отойдя в сторонку и прикрывая нос платком.

- Смотрите сами, - выпалил Лесли, - я докажу вам.

С этими словами он отбросил подушки и коврик, обнажая потемневшие, высохшие останки. Марго взвизгнула. Конечно, теперь, когда мы знали, что перед нами лошадь, было бы трудно принять ее за что-нибудь другое, но поскольку ноги зарылись в гальку и было видно только задубелую темную кожу торса, с первого взгляда немудрено было спутать ее с большим камнем.

- Вот! - торжествующе воскликнул Лесли. - Чем не камень!

- Никакого, даже отдаленного сходства с камнем, - холодно отметил Ларри. - Любому ясно -дохлая лошадь. Если и можно было с чем-то спутать ее, так только с каким-нибудь престарелым членом "Жокей-клуба".

- Вы что же, собираетесь до самого вечера спорить над мертвой лошадей? - спросила Марго. - Право, меня мутит от вас, мужчин.

- Да-да, Ларри, дорогой, - подхватила мама. - Давайте лучше уйдем отсюда и выберем другое место для ленча.

- Ага, и вышлем вперед Лесли, - предложил Ларри. - Может, на этот раз он откопает корову или пару баранов. Почем знать, какие еще душистые трофеи ожидают нас? Утонувшая свинья весьма украсила бы наше меню.

- Довольно, Ларри, - твердо сказала мама. - Мало нам этого запаха, так еще мы должны слушать такие речи.

- А я тут ни при чем, - ворчал Ларри, когда мы зашагали дальше по пляжу. - Это Лесли виноват. Он нашел этого восхитительного гниющего победителя скачек "Дер-

би". Он автор путеводителя по Лэлворт-Коу. Почему бы тебе не обратиться на него свой гнев?

Мы нашли подходящее место и набросились на свои припасы с аппетитом, на который явно благотворно действовало сочетание морского воздуха с отсутствием благовоний и споров над дохлой лошадьёю. Хорошенько закусив и уделив, быть может, несколько чрезмерное внимание вину, мы дружно и надолго погрузились в крепкий сон. По этой причине никто из нас не заметил, как изменилась погода. Проснувшись первым, я сперва подумал, что уже наступил вечер, такой сумрак царил на пляже. Одного взгляда на часы оказалось достаточно, чтобы убедиться, что еще только пять. Второй взгляд, наверх, объяснил мне, почему я ошибся. Когда мы засыпали, небо было ярко-голубым и море блестело на солнце, теперь же небо посерело и море, не желая отставать, приобрело сине-фиолетовый цвет, порывы ветра катили на берег угрюмые волны. Вдоль горизонта теснились озаряемые молниями черные тучи, и до моего слуха доносились не такие уж далекие раскаты грома. Я поспешил объявить тревогу, и мои родичи оторвались от ковриков, полусонные, с мутными глазами. До них не сразу дошло, сколь круто изменилась погода.

- О, Господи, - вымолвила мама. - А ведь служба погоды обещала...

- Это ужасная страна, - пожаловался Ларри. - Только законченный мазохист может чувствовать себя здесь уютно. Что ни возьми, все направлено на умерщвление плоти, от стола до лицензионного законодательства, от женщин до погоды.

- Нам лучше поспешить обратно к машине, - сказал Лесли. - С минуты на минуту может хлынуть дождь.

Живо собрав наши припасы, и сумки, и прочее имущество, мы засемили по берегу туда, где начинался

подъем к машине. Увлеченные спором из-за лошади, мы ушли по пляжу намного дальше, чем предполагали, и теперь нас отделяло изрядное расстояние от "роллса". Дождь застиг нас на полпути. Сперва мы ощутили удары редких крупных капель, когда же дождь пристрелялся, разверзлись хляби небесные, и сверху полило, как из ведра. В несколько секунд мы промокли насквозь. Подгоняемые холодными струями, мы взбежали, стуча зубами, вверх по склону к нашему "роллсу", где тут же убедились, что на этом наши злоключения не кончились. Введенный в заблуждение ярким утренним солнцем, Джек оставил парусиновую крышу опущенной, и теперь внутри машины хлопала вода.

- Черт возьми! - взревел Ларри, заглушая гул дождя. - У кого-нибудь здесь сохранилась хоть капля рассудка?

- Откуда мог я знать, что будет дождь? - обиженно спросил Джек.

- Оттуда, что на этой чертовой губке, именуемой островом, дня не проходит без дождя, - ответил Ларри.

Джек и Лесли попытались поднять крышу, однако быстро убедились, что она почему-то забастовала.

- Зря тратим время, - выдохнул Лесли. - Она не поддается. Нам остается только сесть в машину и мчаться во весь опор к ближайшему укрытию.

- Великолепно! - сказал Ларри. - Всю жизнь мечтал прокатиться в муссон на открытой машине.

- Ради Бога, перестань ныть, - рявкнул Лесли. - Все мы одинаково промокнем.

Мы заняли свои места, и Джек включил стартер. Спеша добраться до надежного укрытия, он с ходу развил изрядную скорость, однако наши крики заставили его умерить прыть, потому что на большой скорости дождь больно хлестал наши лица. Мы проехали так с километр, когда характерный толчок вдруг дал знать, что случился

прокол. Джек, чертыхаясь, остановил машину и вместе с Лесли принялся менять колесо; остальные продолжали молча мокнуть под дождем. Волосы Марго, тщательно уложенные в честь приезда брата, свисали на лицо крысиными хвостиками. Мама выглядела так, словно только что завершила одиночный заплыв через Атлантический океан, но хуже всего, похоже, досталось Ларри. Он опустил наушники своей охотничьей шляпы, однако с козырька прямо на его колени низвергалась миниатюрная Ниагара. Толстая шерсть его пальто поглощала влагу не хуже самой сухой из дюн пустыни Сахары. Это пальто само по себе изрядно весило, теперь же, впитав полсотни литров воды, и вовсе облекало тело Ларри, словно мокрые доспехи.

- Хотелось бы знать, мама, чем я тебе не угодил? - спросил он, когда Джек и Лесли заняли свои места и мы поехали дальше.

- О чем это ты, дорогой? Что за глупости - я вовсе не настроена против тебя.

- Никак не могу поверить, что все это случайно, - сказал Ларри. - Слишком похоже на тщательно продуманный план, как если бы в глубине души тобой владело желание истребить меня. Почему просто не задушить меня подушкой, когда я лежал в коляске? Зачем понадобилось ждать, когда я достигну расцвета сил?

- Что за ерунду ты говоришь, Ларри. Посторонний человек мог бы подумать, что ты в самом деле так думаешь.

- Да, я так думаю! - воскликнул Ларри. - Не волнуйся, мои издатели только обрадуются рекламе: "Знаменитый писатель убит собственной матерью. "Я сделала это, чтобы избавить его от страданий", - говорит она".

- Ради Бога, Ларри, уймись, если не хочешь, чтобы я рассердилась, - сказала мама.

- Но ведь это ты придумала устроить пикник, - настаивал Ларри.

- Так ведь служба погоды...

- Пощади, - взмолился Ларри. - Если ты еще раз упомянешь эту службу погоды, я закричу. Хоть бы их там всех поразила молния.

Мы поднялись на самый верх прибрежных скал. Смеркалось, и ветер одну за другой нес завесы дождя, так что видимость сократилась до минимума. Яркая вспышка молнии, сопровождаемая оглушительным раскатом грома прямо у нас над головой, заставила маму и Марго испуганно вскрикнуть. Именно в эту минуту у нас случился второй прокол.

- Ну так, - философически произнес Джек, сворачивая на обочину. - Это все.

И наступила тишина.

- Что ты хочешь этим сказать? - осведомился Ларри немного погодя. - Почему не меняешь колесо? Позволь напомнить тебе, что нас тут поливает дождь.

- Не могу, - коротко ответил Джек. - У нас была только одна запаска.

- Только одно запасное колесо? - изумился Ларри. - Боже правый! Что за организация! Что за планирование! Ты понимаешь, что если бы Стенли так действовал, он до сих пор искал бы Ливингстона?

- Ничего не могу поделать, - ответил Джек. - Было одно колесо, мы его использовали. Кто же мог предвидеть, что будут два прокола, один за другим.

- Хочешь жить - будь готов к неожиданностям, - заметил Ларри.

- Ну вот и получай свою неожиданность, - вступила Марго. - Найди выход, если ты такой умный.

- И найду, - удивил нас Ларри. - Когда тебя окружают тупицы, остается только брать инициативу на себя.

С этими словами он вылез из машины на дорогу.

- Куда ты собрался, дорогой? - спросила мама.

- Вон туда, - показал Ларри. - Там ходит в поле какой-то человек. Не спрашивайте меня, почему он бродит в поле под проливным дождем; возможно, это деревенский дурачок. Но от него я, быть может, узнаю, где находится ближайшая ферма или гостиница с телефоном, чтобы мы могли дойти туда и вызвать летучку.

- Ты молодец, - восхищенно произнесла мама.

- Куда там, - ответил Ларри. - Просто, когда ты со всех сторон окружен глупцами, всякое логическое суждение кажется гениальным.

Он зашагал по дороге, и я последовал за ним, боясь упустить что-нибудь интересное.

Мы подошли к полю, в дальнем конце которого, весело насвистывая, бродил между рядами свежих всходов мужчина, защищенный от дождя двумя мешками - один лежал на его плечах, другой накрывал голову. Время от времени он нагибался над каким-нибудь ростком, внимательно рассматривал его и выдергивал. Кажется, и впрямь деревенский дурачок, подумалось мне. Мы направились к нему, ступая между бороздами. Темная земля была липкая, словно патока, и скоро к каждому нашему ботинку пристало по два килограмма грязи.

- Мало того, что мое пальто весит несколько сот килограммов, - произнес, пыхтя, Ларри, - так еще этот груз на ногах. Не миновать мне разрыва сердца.

- Эй, вы! - крикнул я, как только мы оказались в пределах слышимости.

Мужчина выпрямился и посмотрел на наши мокрые грязные фигуры.

- Добрый день! - отозвался он.

- Учитывая метеорологическую историю Англии, следовало ожидать, что в ее языке найдутся другие слова

для приветствия, верно? - заметил Ларри. - Что может быть нелепее, чем кричать "добрый день" в такую погоду, когда сам Ной почувствовал бы себя не в своей тарелке.

Когда же мы подошли к незнакомцу, Ларри стал само очарование, насколько это позволяло его отнюдь не приглядное убранство и общее состояние.

- Извините за беспокойство, - начал он, - но наша машина сломалась. Не будете ли вы так любезны сказать, где тут находится ближайший телефон, чтобы мы могли позвонить и вызвать ремонтную летучку?

Мужчина внимательно рассмотрел нас поблескивающими голубыми глазками. Его орлиный нос выглядел весьма внушительно на широком, плоском лице цвета желтовато-коричневого осеннего яблока.

- Телефон? У нас тут нет телефонов, и зачем они нам, сэр, совсем ни к чему.

- Понимаю, - терпеливо произнес Ларри. - И все-таки, где находится ближайший телефон?

- Ближайший? Ближайший... Дайте подумать... Давненько я не звонил по телефону, но попробую вспомнить... Так, там в долине ферма Джеффа Роджерса, у него телефона нет... Нет его и у миссис Чарлтон вон в той стороне... Вот что, сэр, пожалуй, вам лучше всего дойти до перекрестка и повернуть направо. Там вы вскоре увидите пивную "Бык", сэр, у них есть телефон... Во всяком случае, был, когда я навещался туда в прошлом году.

- Понятно, - сказал Ларри. - А в какой стороне находится этот перекресток?

- Это будет порядочная прогулка, и почти все время в гору.

- Неважно, - отозвался Ларри. - Вы только объясните нам, как...

- Я мог бы одолжить вам Молли, - предложил мужчина. - Так-то вы доберетесь быстрее.

- Мне не хотелось бы беспокоить вашу супругу... - начал Ларри, но мужчина прервал его громким хохотом.

- Мою жену! - выдохнул он. - Мою жену! Господи! Вы меня рассмешили, сэр. Молли - не жена, сэр, видит Бог, Молли - моя лошадь.

- О, - сказал Ларри, - вы чрезвычайно любезны, но я много лет не ездил верхом, и у нас сегодня уже был один неприятный случай с лошадью.

- Нет-нет, это не верховая лошадь, а ездовая, - объяснил мужчина. - Я одолжу вам двуколку.

- Понятно, - сказал Ларри. - Но как же мы потом вернем ее вам?

- Не беспокойтесь, сэр, все будет в порядке. Вам надо будет только аккуратненько привязать вожжи к двуколке, и Молли сама дорогу найдет, все равно что верная жена, не в обиду моей старушке будет сказано. Когда я в субботу навещаюсь в пивную и выпью лишнюю кружку, сэр, меня укладывают в двуколку, и Молли как штык привозит меня домой, сэр.

- Мудрое животное, - отметил Ларри. - А ваша двуколка выдержит шесть человек?

- Конечно, сэр, если будете ехать не слишком быстро. И если двое-трое из вас будут слезать на подъемах.

Зайдя за изгородь, мы увидели Молли; накрытая мешками, она задумчиво жевала насыпанный в торбу корм. На вид крепкая, как эксмурские пони, но раза в два крупнее. Хозяин отвязал Молли и вручил вожжи Ларри, который поспешил передать их мне.

- Ты ведь у нас зоолог, так что давай, действуй, - сказал он.

Мужчина принялся описывать, как нам следует ехать, причем его описание, как это заведено у сельских жите-

лей, изобиловало мало вразумительными деталями, вроде "проедете мимо расщепленной молнией пихты слева от дороги" и "минуете место для купания овец любым удобным способом". На всякий случай мы заставили его повторить все сначала, после чего, не жалея слов благодарности, забрались в двуколку. Молли, которая явно озябла, стоя в загоне, живо отреагировала на мое понукание и понеслась к дороге крупной рысью. Родные приветствовали наше появление восторженными и недоумевающими возгласами.

- Ну и что дальше? - осведомился Лесли. - Возьмете нас на буксир?

- Нет, - сухо ответил Ларри. - Этот экипаж поможет нам найти пристанище и телефон. Если мы привяжем к колесам несколько ножей, Марго может выступить в роли воинственной возницы, и при удаче мы сумеем наехать на какого-нибудь селянина и отрезать ему ноги.

После долгих препирательств мы с Ларри убедили всех променять мокрые сиденья "роллса" на не менее мокрую, но более подвижную двуколку. Проливной дождь успел смениться моросью, которая нисколько не уступала ливню по своему воздействию на наши одеяния. Молли, пригнув уши назад, чтобы лучше слышать мою похвалу ее удали, энергично перебирала ногами, и мы довольно быстро покатали вниз через холмы. Минут через двадцать мы очутились в каком-то совершенно неведомом и необитаемом краю.

- Надеюсь, ты знаешь, куда нам надо ехать, дорогой? - тревожно спросила мама.

- Конечно, - нетерпеливо ответил Ларри. - Инструктаж того человека запечатлен огненными буквами в моем мозгу. Ну-ка, Джерри, поверни направо у того дуба, а потом налево.

Некоторое время мы катили молча, наконец достигли перекрестка без каких-либо указательных столбов. Прежде чем Ларри успел открыть рот для новых инструкций, Молли по собственной воле свернула налево.

- Видите, - торжествуя произнес Ларри, - эта лошадь всецело согласна со мной. Даже бессловесная скотина признает врожденного лидера. Думаю, ее хозяин частенько наведывается в эту пивную, так что ей знакома дорога.

Мы нырнули в мокрый перелесок, где голуби аплодировали нам своими крыльями и сороки подозрительно хихикали. Дорога извивалась между щедро орошавшими нас тяжелыми каплями деревьями.

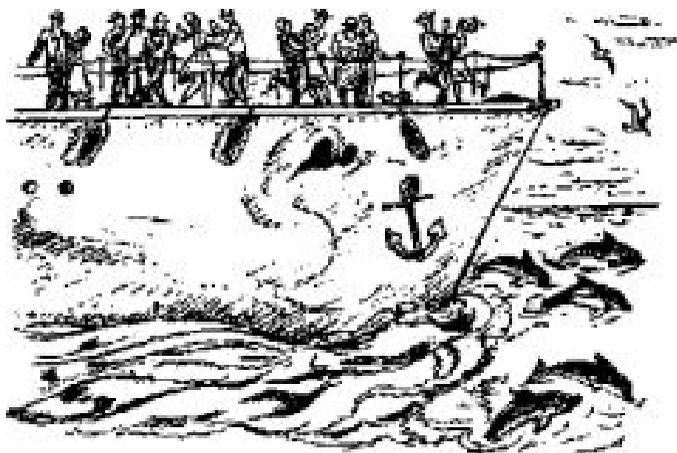
На Ларри нашел лирический стих.

- Скоро, совсем скоро мы увидим чудесную старую деревенскую пивную, - произнес он нараспев. - Там ждет нас горящий камин, который согреет наши члены, и стаканы горячего виски с лимоном, которое согреет наши внутренности. Владелец пивной, скромный селянин, бросится исполнять наши пожелания, и пока мы будем сушиться у огня...

В эту минуту двуколка сделала еще один поворот, и голос Ларри осекся. В полусотне метров от нас стоял прочно засевший в грязи "ролле".

Возможно, у Молли были свои недостатки, но обратную дорогу к хозяину она твердо знала.





ПЕРВЫЙ РЕЙС

Как бы хорошо ни был подвешен ваш язык, все равно мозг буксует, когда вы пытаетесь описать озаренную желтой летней луной площадь Святого Марка в Венеции. Здания выглядят так, будто их вылепили из сладчайшей комковатой нуги самых нежных оттенков красного, коричневого и розового цвета. Сидишь и смотришь, очарованный, на мавританские фигурки, которые появляются каждые четверть часа, чтобы ударить в большой колокол собора Сан Марко, рождая долгое гулкое эхо в разных концах огромной площади.

Вот и этот вечер был исполнен чисто венецианского очарования, и только скопище моих воинственных родителей вокруг двух столиков, уставленных напитками и закусками, портило впечатление. К несчастью, путешествие было задумано моей мамой, и как это всегда бывало с ней, мероприятие, представлявшееся ей сплошным источником радости, с первых дней грозило обернуться крахом, медленно, но верно влекущим ее к позорному

столбу, уготованному членами любой семьи для своих родителей.

- Что бы тебе тактично предупредить меня заранее, - произнес мой старший брат Ларри, уныло созерцая один из множества бокалов, расставленных перед ним возмутительно довольным официантом. - В крайнем случае, я мог бы согласиться на смертельно опасное путешествие по воздуху. Но кой бес заставил тебя вовлечь нас в трехдневное плавание на греческом судне? Право, это было так же глупо, как если бы ты намеренно взяла билеты на "Титаник".

- Я думала, так будет веселее, и ведь греки отличные моряки, - оправдывалась мама. - К тому же это первый рейс нашего корабля.

- Ты всегда спешишь кричать "волки" раньше времени, - вступила Марго. - По-моему, мама замечательно все придумала.

- А я так согласен с Ларри, - через силу выговорил Лесли, которому, как и всем нам, претила мысль о том, чтобы в чем-то соглашаться с нашим старшим братом. - Будто мы не знаем, что такое все греческие пароходы.

- Почему же все, дорогой, - возразила мама. - Есть и совсем неплохие.

- Ладно, теперь уже все равно ничего не поделаешь, - мрачно заключил Ларри. - Из-за тебя мы обречены плыть на паршивой посудине, которую забраковал бы даже этот пьяница Старый Мореход.

- Чепуха, Ларри, - сказала мама. - Ты всегда преувеличиваешь. Представитель агентства Кука очень хвалил наш пароход.

- Он сказал, что в баре на борту всегда кипит жизнь! - торжествующе воскликнула Марго.

- Силы небесные, - выдохнул Лесли.

- И для орошения наших языческих душ, - подхватил Ларри, - бар располагает набором отвратительнейших греческих вин, словно извлеченных из тугой яремной вены какого-нибудь верблюда-гермафродита.

- Ларри, выбирай слова, - сказала Марго.

- Нет, вы только подумайте, - кипятился он. - Меня вытащили из Франции ради злосчастной попытки ожить в памяти места нашей юности, совершенно не считаясь с моим мнением. Я уже начинаю жалеть, что согласился, а ведь мы, черт возьми, пока добрались только до Венеции. Я уже истязую остатки моей печени "Слезам Христу", вместо того чтобы вкушать доброе славное божоле. Уже мои вкусовые сосочки в каждом ресторане штурмуют не бифштексы "шароле", а горы спагетти, напоминающие отвратительные гнезда ленточных червей.

- Ларри, умоляю, прекрати, - сказала мама. - Неужели нельзя обойтись без вульгарности!

Несмотря на музыкальные усилия трех оркестров, играющих каждый свою мелодию в разных концах площади, на разноязычный гомон и сомнамбулическое воркование голубей, казалось, половина Венеции заморожено слушает только нашу семейную перепалку.

- Все будет в полном порядке, когда мы поднимемся на борт, - заверила Марго. - И ведь мы хотели, чтобы нас окружали греки.

- Думаю, именно это беспокоит Ларри, - мрачно заметил Лесли.

- Ладно, - сказала мама, пытаясь разрядить атмосферу напускной уверенности в том, что все идет, как надо, - нам пора. Садимся на один из этих вэпорайзеров и отправляемся в порт.

Мы рассчитались с официантом, добрались до Большого канала и погрузились на один из катеров, которые мама с ее блестящим знанием итальянского упорно назы-

вала взпорайзерами (распылителями); менее сведущие итальянцы предпочитали слово "вапоретто".

Мы не могли налюбоваться дивным городом, плывя мимо величественных зданий по расписанной яркими бликами воде. Даже Ларри вынужден был признать, что уличное освещение Борнмута несколько блекнет перед венецианской феерией. Наконец мы прибыли в порт, который, как и все порты мира, выглядел так, словно сам Данте проектировал его, когда не был занят обустройством своего Ада. Мы жались в кучку среди лужиц фосфоресцирующего света, придающего нам сходство с персонажами какого-нибудь фильма ужасов раннего Голливуда и совершенно затмеваящего серебристые, как паутина, лучи луны. Даже зрелище того, как наша малютка-мама пытается убедить алчных венецианских носильщиков, что мы с нашим разнородным багажом вовсе не нуждаемся в их помощи, не могло развеять наше уныние. Разговор шел на упрощенном английском языке.

- Мы английски. Мы не говорить итальянски! - кричала она с отчаянием, добавляя к этим утверждениям причудливый поток не связанных между собою слов на хинди, греческом, французском и немецком языках. Так уж было у нее заведено общаться с любыми иностранцами, будь то австралийские аборигены или эскимосы. Увы, как уже было сказано, мы были не в состоянии веселиться.

Стоя на берегу, мы созерцали устье Большого канала, когда в нашем поле зрения возникло судно, в мореходных качествах которого усомнился бы даже самый зеленый новичок. На какой-то стадии своей предыдущей карьеры оно благополучно обслуживало внутренние линии, но и тогда, только что сойдя со стапелей и сверкая свежей краской, вряд ли отличалось особой красотой. Теперь же, лишенное всего, что в призрачном фосфорес-

цирующем свете могло придать ему достойный вид, судно это являло собой удручающую картину. Кисть маляра много лет не касалась его корпуса, расцветенного струпьями ржавчины. Подобно моднице, потерявшей высокий каблук, оно сильно кренилось вправо. Картину предельной запущенности венчало скорбное зрелище, открывшееся нам, когда пароход развернулся, подходя к причалу. В носовой части корпуса зияла рваная дыра, через которую могли бы одновременно въехать внутрь два "роллс-ройса". Пробоина выглядела тем страшнее, что команда явно не успела принять даже самых примитивных мер, чтобы залатать ее. Смятые железные листы чем-то напоминали лепестки гигантской хризантемы. Онемев от удивления, мы смотрели, как к нам приближается диковинная посуда с надписью "Посейдон" над самой пробойной.

- Господи! - выдохнул Ларри.

- Ужасно, - произнес Лесли, самый опытный моряк в нашем семействе. - Поглядите только на этот крен.

- Но это наш пароход! - пропищала Марго. - Мама, это наш пароход!

- Вздор, дорогая, не может этого быть, - возразила мама, поправляя очки и с надеждой взирая на высящийся над нами корпус.

- Три дня на этой посудине, - вымолвил Ларри. - Вот увидите, нас ждут переживания похуже тех, что выпали на долю Старого Морехода.

- Надеюсь, они сделают что-нибудь с этой дырой, прежде чем выходить в море, - тревожно произнесла мама.

- Что, например? - спросил Ларри. - Заткнут ее одеялом?

- Но ведь капитан должен был видеть, что произошло, - озадаченно произнесла мама.

- Полагаю, даже греческий капитан обязан был обратить внимание на то, что он совсем недавно с кем-то крепко стукнулся, - согласился Ларри.

- Нас захлестнет волнами, - простонала Марго. - Не хочу, чтобы мою каюту захлестнуло волной. Все мои платья будут испорчены.

- Сдается мне, сейчас уже все каюты затоплены, - заметил Лесли.

- Вот когда нам пригодятся наши ласты и дыхательные трубки, - сказал Ларри. - Представляете себе новшество - мы плывем в столовую обедать. Как это будет замечательно!

- Значит, так - как только мы поднимемся на борт, ты отправляешься к капитану, - постановила мама. - Может быть, он отсутствовал, когда произошло столкновение, и ему еще никто не доложил.

- Право, мама, ты меня раздражаешь, - огрызнулся Ларри. - Что я, по-твоему, должен сказать этому человеку? "Извините, кирие капитано, сэ, вам известно, что нос вашего корабля прогрызли жуки-точильщики?"

- Ларри, что за страсть все усложнять, - отозвалась мама. - Ты ведь знаешь, что я не говорю по-гречески, а то я сама пошла бы к нему.

- Скажи капитану, что я не хочу, чтобы затопило мою каюту, - настаивала Марго.

- Поскольку мы отчаливаем сегодня вечером, они при всем желании не успеют заделать пробоину, - сказал Лесли.

- Вот именно, - подхватил Ларри. - Но мама почему-то видит во мне нечто вроде перевоплощения Ноя.

- Ладно, у меня будет, что сказать, когда мы поднимемся на борт, - воинственно произнесла мама, направляясь вместе с нами к трапу.

Наверху нас встретил романтического вида грек с черными, как анютины глазки, бархатными умильными глазами, в посеревшем белом костюме, на котором уцелело лишь несколько пуговиц. Судя по потускневшим эполетам, это был судовой казначей. Когда он попросил предъявить паспорта и билеты, на нас повеяло таким густым запахом чеснока, что мама отпрянула к поручням, забыв о том, что намеревалась справиться о состоянии парохода.

- Вы говорите по-английски? - спросила Марго, укротив бунт своих обонятельных луковиц.

- Немного, - ответил грек с поклоном.

- Так вот, я не желаю, чтобы мою каюту захлестывали волны, - твердо произнесла Марго. - Вода повредит мою одежду.

- Все, что прикажете, - ответил грек. - Если вы желать жена, я дать свою. Она...

- Нет-нет! - воскликнула Марго. - Волны. Поняли?... Вода.

Судовой казначей явно не различал английские слова "вэйв" и "вайф".

- В каждой кабине есть горячий и холодный душ, - гордо сообщил он. - Еще у нас есть бассейн и ночной клуб с танцами, вином и водой.

- Послушай, Ларри, чем смеяться, лучше помоги нам, - вмешалась мама, прижимая к носу платок для защиты от запаха чеснока, такого крепкого, что казалось - он окружает голову грека светящимся облачком.

Ларри взял себя в руки, обратился к судовому казначею на чистейшем греческом языке (чем явно его обрадовал) и в два счета выяснил, что судно не тонет, что каюты не захлестывает волнами и что капитану известно об аварии, поскольку он сам в ней повинен. О чем Ларри предусмотрительно не стал сообщать маме. Благоуха-

ющий казначей любезно вызвался проводить маму и Марго в их каюту, а мы с братьями отправились искать бар, следуя его наставлениям.

Войдя в бар, мы остолбенели. Больше всего он напоминал обитую панелями красного дерева комнату отдыха какого-нибудь скучного лондонского клуба. Большие шоколадного цвета кожаные кресла и диваны теснились вокруг огромных столов из мореного дуба. Тут и там над бронзовыми индийскими кадками возвышались пыльные потрепанные пальмы. В центре этой унылой роскоши остался свободный клочок паркета для танцев; к нему с одной стороны примыкала небольшая стойка с ядовитым набором напитков, с другой - низкий помост, обрамленный целым лесом пальм в кадках. На помосте жались, словно мошки в янтаре, три унылых музыканта в сюртуках с целлулоидными манишками и с кушаками, какие были в моде в девяностых годах прошлого века. Один играл на древнем пианино и тубе, другой пилил с профессиональным видом скрипку, третий истязал барабаны и тромбон. При нашем появлении это немислимое трио играло для пустого зала "Пикардийские розы".

- Ужасно, - сказал Ларри. - Это не пароход, а какое-то плавучее кафе "Кадена" из Борнмута. Мы тут все свихнемся.

Заслышав его голос, музыканты перестали играть, руководитель трио блеснул золотыми зубами в приветственной улыбке, поклонился нам, приглашая своих коллег последовать его примеру, и они тоже расплылись в улыбке. Нам оставалось только ответить коротким поклоном, после чего мы проследовали к стойке. Теперь, когда появились слушатели, трио с еще большим рвением принялось наяривать "Пикардийские розы".

- Будьте любезны, - обратился Ларри к бармену, морщинистому человечку в грязном фартуке, - налейте мне

в самый большой стакан, какой только есть, анисовки, чтобы я мог отключиться.

Речь иностранца, не только свободно говорящего по-гречески, но и достаточно богатого, чтобы заказать большой стакан анисовки, вызвала счастливую улыбку на лице бармена.

- Амессос, кирие, - сказал он. - Вам с водой или со льдом?

- Немного льда, - ответил Ларри. - Ровно столько, сколько требуется, чтобы побелить пойло.

- Извините, кирие, но у нас нет льда, - смущенно сообщил бармен.

Из груди Ларри вырвался глубокий горестный вздох.

- Только в Греции, - обратился он к нам по-английски, - возможен такой диалог. От него так сильно отдает Льюисом Кэрролом, что этого бармена можно принять за переодетого Чеширского Кота.

- Воды, кирие? - спросил бармен, уловив в голосе Ларри ноту не столько одобрения, сколько порицания.

- Воды, - сказал Ларри по-гречески. - Самую малость.

Бармен налил в стакан изрядную порцию прозрачной анисовой водки из толстой бутылки, затем подошел к маленькой раковине и добавил воды из крана. Тотчас водка приобрела цвет разбавленного молока, и мы ощутили явственный запах аниса.

- Ух ты, крепкая штука, - заметил Лесли. - Возьмем и мы по стаканчику?

Я согласился, и мы подняли три стакана для тоста.

- Ну что ж, выпьем за "Марию Целесту" и всех тех дурней, что плавают на ней, - сказал Ларри, отпил добрый глоток... и тут же изверг его обратно, фыркая, словно умирающий кит, и сжимая горло одной рукой; из глаз его катились слезы.

- О-о-о! - взревел он. - Этот болван, черт бы его побрал, разбавил водку горячей водой!

Наша юность прошла на греческой земле, и мы привыкли к странностям этих людей, но разбавлять свой национальный напиток кипятком - это уж было чересчур.

- Зачем ты налил горячую воду в анисовку? - воинственно осведомился Лесли.

- Потому что у нас нет холодной, - ответил бармен, удивленный тем, что Лесли оказался не в состоянии самостоятельно решить сию логическую загадку. - Потому же у нас нету льда. Это наш первый рейс, кирие, вот почему в баре есть только горячая вода.

- Невероятно, - судорожно вымолвил Ларри. - Невероятно! Первый рейс, и у судна, черт возьми, огромная дыра в корпусе, и оркестр состоит из семидесятилетних стариков, и в баре есть только горячая вода...

В эту минуту в баре появилась чем-то взволнованная мама.

- Ларри, мне нужно поговорить с тобой, - выдохнула она.

Ларри повернулся к ней.

- Ну что ты там обнаружила? Айсберг на твоей койке?

- В нашей каюте был таракан. Марго бросила в него пузырек с одеколоном, пузырек разбился, и теперь там пахнет, как в парикмахерской. И таракан, по-моему, остался невредим.

- Прекрасно, - отозвался Ларри. - Рад, что вы позабылись. Тебе осталось только отметить начало этого бурного плаванья глотком раскаленной анисовки.

- Нет-нет, я вовсе не за этим пришла сюда.

- Неужели только за тем, чтобы рассказать мне про купающегося в одеколоне таракана? - удивился Ларри. - Решила превзойти эксцентричностью греков?

- Да нет же, все дело в Марго, - прошептала мама. - Она пошла сам-знаешь-куда и застряла, не может выйти.

- "Сам-знаешь-куда"? Это где же?

- В уборную, куда же еще. Ты отлично знаешь, что я подразумеваю.

- Ну и что ты хочешь от меня? Я не сантехник.

- Она пробовала вылезть оттуда через отдушины? - спросил Лесли.

- Пробовала, - ответила мама. - Ничего не получается. Оба отверстия, что над дверью, что внизу, слишком малы.

- Что ж, и то хорошо, что есть отдушины, - заметил Ларри. - По опыту знаю, что в греческих уборных воздух просто необходим, и мы сможем просовывать ей еду через нижний паз.

- Не говори глупостей, Ларри, - сказала мама. - Ты должен что-нибудь придумать.

- Попробуй сунуть еще одну монетку в щель автоматического замка, - предложил Ларри. - Иногда это помогает.

- Уже, - сообщила мама. - Я сунула лиру, все равно замок не открывается.

- Потому что это греческая уборная, она принимает только драхмы, - подчеркнул Ларри. - Попробовала бы лучше фунтовую бумажку. Курс обмена в нашу пользу.

- Ну вот что, - сказала мама. - Ступай и найди стюардессу, чтобы помогла Марго. Она уже целую вечность сидит там взаперти. Ты хочешь, чтобы она всю ночь там оставалась? Вдруг она ударится обо что-нибудь локтем и потеряет сознание, как это с ней всегда бывает!

Мама была склонна мрачно смотреть на вещи.

- Сколько я знаю греческие сортиры, - рассудительно произнес Ларри, - так люди, войдя туда, сразу теряют сознание, даже не ударяясь локтем.

- Ради Бога, сделай же что-нибудь! - вскричала мама. - Вместо того чтобы стоять здесь и накачиваться водкой.

Мы последовали за ней и нашли злополучную уборную. Лесли с видом эксперта подошел к двери кабины и подергал ее.

- Моя застряла, моя английски! - услышали мы голос Марго. - Твоя найти стюардесс.

- Знаю, знаю, балда, - прорычал Лесли. - Это я.

- Сейчас же выйди отсюда. Это женская уборная, - отозвалась Марго.

- Ты хочешь выйти из кабины или нет? - сердито спросил Лесли. - Если да, лучше помалкивай!

Ругаясь вполголоса, он принялся обрабатывать замок. Безуспешно.

- Прошу тебя, дорогой, выбирай слова, - сказала мама. - Не забывай, что ты в женской уборной.

- Там внутри, - обратился Лесли к Марго, - должна быть какая-то шишка, за которую нужно потянуть. Что-то вроде задвижки.

- Я уже за все тут тянула, - возмущенно откликнулась Марго. - Чем еще, по-твоему, я занимаюсь здесь битый час?

- Все равно, потяни еще раз, - предложил Лесли. - А я нажму на дверь с этой стороны.

- Хорошо, тяну, - сказала Марго.

Лесли напряг свои могучие плечи и бросился на дверь.

- Это напоминает мне детективный сериал, - заметил Ларри, глотнув анисовки, которую предусмотрительно захватил с собой и которая к этому времени успела остыть. - Ты уж поосторожнее, не то будет в корпусе еще одна пробоина.

- Бесплезно, - пропыхтел Лесли. - Слишком крепкая дверь. Придется нам поискать какого-нибудь стюарда.

И он отправился на поиски кого-нибудь, разбирающегося в механике.

- Нельзя ли поскорее, - жалобно произнесла Марго. - Здесь ужасно душно.

- Только не падай в обморок! - тревожно воскликнула мама. - Старайся ровно дышать.

- И не бейся ни обо что локтями, - добавил Ларри.

- Ларри, не выводи меня из себя, - взмолилась мама. - Когда ты только образумишься?

- Ладно, хочешь я принесу ей горячей анисовки? - предложил он. - Мы могли бы просунуть ей стаканчик под дверью.

Его спасло от маминого гнева появление Лесли, который привел с собой маленького раздраженного человечка.

- Эти леди постоянно так делают, - мрачно обратился человечек к маме, выразительно пожимая плечами. - Постоянно там застревают. Я покажу, все очень просто. И почему только женщины не могут запомнить?

Он подошел к двери, с минуту поколдовал над ней, и она распахнулась.

- Слава Богу, - сказала мама, увидев Марго, однако человечек не дал ей броситься в объятия родичей.

- Назад! - скомандовал он, сопровождая это слово решительным жестом. - Я научу вас.

Мы не успели даже рта раскрыть, как он затолкал Марго обратно в кабину и захлопнул дверь.

- Что он делает? - испуганно вскричала мама. - Что этот человечек задумал? Ларри, сделай же что-нибудь!

- Все в порядке, мама! - успокоила ее Марго. - Он показывает мне, как это делается.

- Что делается? - тревожно осведомилась мама.

Наступила долгая зловещая тишина, которую нарушил поток греческой брани.

- Марго, сейчас же выходи оттуда, - велела не на шутку обеспокоенная мама.

- Не могу, - отозвалась Марго. - Он запер нас.

- Мерзавец! - воскликнула мама. - Бей его, дорогая, бей. Ларри, сходи за капитаном.

- Я хотела сказать, что он тоже не может отпереть, - поспешила объяснить Марго.

- Пожалуйста, найти казначей, - простонал человечек.

- Пожалуйста, найти казначей открыть дверь.

- А где его искать? - осведомился Лесли.

- Это Бог знает что, - сказала мама. - С тобой все в порядке? Держись от него подальше, дорогая.

- Вы найти казначей в кабинете казначей, первая палуба! - кричал несчастный узник.

Последующая сцена всякому, кто не знаком с греческим темпераментом и недоступной пониманию англосакса способностью греков до крайности усложнять элементарнейшую ситуацию, покажется невероятной. Такой же показалась она и нам, знающим греков. Лесли вернулся с казначеем, который добавил аромат чеснока к благоуханию женской уборной, похвалил Ларри за его любовь к анисовке, а Лесли - за знание греческого, вручил маме в утешение гвоздику, торчавшую у него за ухом, после чего обрушил на злополучного человечка, запертого вместе с моей сестрой, такой залп бранных слов, что я удивился, как не расплавилась стальная дверь. Отведя душу бранью, казначей принялся колотить дверь руками и ногами. Наконец повернулся к маме и поклонился.

- Мадам, - сказал он, улыбаясь, - не волнуйтесь. Ваша дочь может быть спокойна вместе с девственником.

Его слова повергли маму в смятение. Она обратилась за объяснением ко мне, поскольку Ларри, насмотревшийся подобных сцен, отправился в бар за новой порции-

ей анисовки. Я объяснил маме, что казначей, видимо, хотел сказать, что девственности Марго ничего не угрожает.

- Ты что-то не так понял, - недоверчиво произнесла мама. - У нее двое детей.

Я слегка растерялся, как теряется всякий, общаясь с греками. Набрав полные легкие воздуха, я приготовился выдать маме обстоятельное разъяснение, однако меня избавило от этого труда появление трех пассажирок, трех тучных, грудастых, широкобоких, усатых деревенских жительниц, втиснутых в непомерно тесные, черные полушелковые платья и источающих в равных пропорциях ароматы чеснока, тошнотворных духов и пота. Они протиснулись между мной и мамой в уборную и при виде яростно колотящего дверь кабины казначея замерли, точно могучие боевые кони перед сражением.

Представители любой другой национальности выразили бы недовольство присутствием в женской святыне судового казначея, не говоря уже об иностранце в моем лице, но греки - люди особого склада. Три дамы тотчас уразумели, что речь идет о драматической ситуации, а какой же грек не обожает таковые. Что там перед таким волнующим эпизодом присутствие в дамской уборной трех мужчин (если учитывать человечка, запертого в кабине вместе с Марго).

Сверкая глазами и раздувая усы, они окружили казначея стеной волнующей плоти и потребовали доложить, что здесь происходит. Как обычно, когда возникают драматические ситуации, все говорили одновременно. Температура воздуха в женской уборной приблизилась к семидесяти градусам, а сила звука достигла такой величины, что в голове звенело, как если бы вы слушали "Полет валькирий", сидя в железной бочке.

Поняв из слов изнуренного битвой с дверью казначея, в чем состоит суть ситуации, три могучих леди, сложением не уступающих профессиональным борцам, отодвинули его лопатами своих ручищ с красным маникюром, приподняли юбки и с оглушительным "Опа! Опа!" атаковали дверь кабины. Думаю, вес живого тарана составлял не менее четырехсот килограммов, однако сталь есть сталь, и три леди шлепнулись на пол, переплетаясь конечностями. С трудом поднявшись на ноги, они принялись оживленно обсуждать возможные способы одолеть стойкую преграду.

Одна из них, весом полегче двух других, решила продемонстрировать придуманный ею способ - лучшего не бывает - на двери соседней кабины. К сожалению, эта дверь не была заперта, в результате женщина с поразительной скоростью влетела внутрь и сильно ушибла бедро, с ходу шлепнувшись на унитаз. Хотя ей не удалось доказать свою правоту, она несколько не расстроилась, тем более что в эту минуту появился Ларри, сопровождаемый барменом, который нес уставленный напитками поднос.

Некоторое время мы дружно потягивали анисовку, желая друг другу здоровья, расспрашивали, у кого какая семья, сколько детей. Свежий интерес к ситуации пробудился, когда вернулся Лесли в сопровождении судового плотника, на поиски которого его отряжали. Тотчас все забыли про анисовку и обрушили на плотника свои варианты решения проблемы; все они были отвергнуты знатоком своего дела. После чего он с видом фокусника закатал рукава и подошел к нехорошей двери. В полной тишине он извлек из кармана крохотную отвертку и вставил ее в какое-то крохотное отверстие. Раздался щелчок, все восторженно ахнули, и дверь распахнулась.

Плотник отступил назад на два шага и торжествующе вскинул руки.

Маленький узник и Марго вырвались на волю, точно беженцы из черных кварталов Калькутты. Казначей набросился на несчастного коротышку и принялся тузить и трясти его, осыпая бранью. Затем слово взял плотник: как-никак, это он открыл дверь. Мы почтительно слушали описание хитроумного устройства замков вообще и данного в частности. Осушив стаканчик анисовки, плотник заговорил таким возвышенным стилем, что сразу стало понятно - замки его хобби. Мы узнали, что он берется открыть любой замок - хоть отверткой, хоть шпилькой, хоть согнутым гвоздем, даже куском твердого пластика. В подтверждение своих слов он взял за руки своих двух товарищей, втащил их в кабину, точно барашков на заклание, и, не давая нам опомниться, захлопнул дверь. Семейство Дарреллов и три тучные леди затаили дыхание. Послышались какие-то щелчки и странный скрежет. Короткая пауза, затем из-за двери обрушился град нехороших слов на эксперта по замкам, который робко извинялся и оправдывался.

Мы неприметно удалились в ту минуту, когда три леди приготвилились к новому штурму. Так закончился первый акт первого рейса.

Не стану описывать растущего раздражения моих родичей, вызванного тем, что в силу не совсем понятных правил греческого этикета обед в столовой не мог быть подан до полного освобождения казначея, а сия процедура затянулась, так как непрерывные атаки на злополучную дверь окончательно испортили замок, и пришлось отрывать боцмана от какой-то пирушки на берегу, чтобы он распилил петли. Устав ждать, мы сами сошли на берег, кое-как перекусили и вернулись в свои каюты в мрачнейшем расположении духа.

На другое утро мы направились в столовую с твердым намерением позавтракать. Годы милосердно стерли в нашей памяти впечатления от греческой стряпни. Конечно, в Греции есть места, где можно вкусно поесть, но их надлежит терпеливо искать, поскольку они не менее редки, чем единорог. Страна располагает почти всеми необходимыми ингредиентами, однако ее обитатели обычно слишком заняты препирательствами, чтобы твердо стоять на пути, ведущие к высотам кулинарного искусства.

Четверка молодых официантов в столовой "Посейдона" не составляла исключения; они предались междоусобной словесной баталии, напоминая стаю сорок, спорящих из-за лакомого кусочка. Декор столовой (если это слово тут годится) не уступал убранству бара, который, как мы успели выяснить, носил гордое название "Найт-Клуб". Преобладал мореный дуб. Медные детали были начищены без ярко выраженного стремления придать им ослепительный блеск, потускневшие скатерти изобиловали следами пятен, устоявших против всех попыток некой прачечной в Пирее справиться с ними. Мама неприметно, но решительно протерла платком свои ложки и вилки и настояла на том, чтобы мы сделали то же. Поскольку мы с утра оказались единственными клиентами, официанты не посчитали нужным прекратить свой диспут; кончилось тем, что Ларри, потеряв терпение, рявкнул "Се паракало!" с такой силой, что мама уронила на пол прибор Марго. Тотчас какофония смолкла, и официанты окружили наш стол с выражением предельного подострастия на лице. Мама, к своей радости, обнаружила, что один из них, обворожительный молодой человек, какое-то время жил в Австралии и обладал элементарным знанием английского языка.

- Так вот, - обратилась она к нему с улыбкой, - мне, если можно, хороший чайничек с горячим чаем. Проследите, чтобы воду как следует вскипятили, и ради Бога, обойдемся без этих мешочков с заваркой, от них меня всегда бросает в дрожь.

- Лично я каждый раз вспоминаю Брамипутру после эпидемии, - вставил Ларри.

- Ларри, дорогой, умоляю - воздержись от воспомина- ний за завтраком, - сказала мама и снова обратилась к официанту. - А еще принесите мне гренки с обжаренны- ми помидорами.

Мы подобрались, ожидая, что последует дальше. Го- ды горького опыта так и не излечили маму от трогатель- ной надежды найти когда-нибудь грека, способного по- нять ее запросы. Само собой, официант пропустил мимо ушей указания мамы относительно чая. Для него чай рос в мешочках для заварки, и всякая попытка пойти против природы грозила самыми тяжелыми последствиями для всех. Однако мама сильно осложнила его жизнь, загово- рив о какой-то неведомой пище.

- Обжатые помидоры? - озабоченно справился он. - Что это?

- Обжатые помидоры? - эхом отозвалась мама. - Я ска- зала - обжаренные. Понимаете - гренки с обжаренными помидорами.

Официант уцепился за единственное в мире разумное понятие - гренки.

- Мадам желает гренки, - твердо сказал он, силясь удержать маму на верном пути. - Чай и гренки.

- И помидоры, - внятно произнесла мама. - Обжарен- ные помидоры.

На лбу официанта выступили капли пота.

- Что такое "обжатые помидоры", мадам? - завершил он хождение по кругу.

Мы все заранее сделали заказ и теперь спокойно сидели, наблюдая, как собирается с силами мама.

- Ну, - выговорила она наконец, - это, гм, помидоры... такие красные плоды, похожие на яблоки. Нет-нет, я хотела сказать - на сливы.

- Мадам желает сливы? - озадаченно спросил официант.

- Да нет же - помидоры, - ответила мама. - Вы, конечно, знаете, что такое помидоры?

Лицо юного грека просветлело.

- Да, мадам, - сказал он, улыбаясь.

- Так вот, - торжествуя молвила мама, - принесите гренки с обжаренными помидорами.

- Слушаюсь, мадам, - покорно произнес официант и удалился в угол столовой, чтобы посоветоваться с казначеем.

Греческая жестикуляция отличается особенным пылом и выразительностью. Мама сидела спиной к казначею и официанту, мы же могли в полной мере насладиться зрелищем "боя с тенью". Судя по всему, казначей нашел убедительные доводы, объясняя официанту, что тому надлежит самому выяснить у клиента, что такое "обжатые" помидоры. Несчастный парень снова вернулся к маме.

- Мадам, - мрачно осведомился он, - как готовят обжатые помидоры?

До этой минуты мама пребывала в убеждении, что ей удалось проломить солидную брешь в воздвигаемых против нее греческих барьерах. Теперь ее уверенность в победе сильно поколебалась.

- Что такое "обжатые"? - спросила она. - Я не говорю по-гречески.

Официант опешил. Как-никак, мадам сама заговорила о помидорах, и с ее стороны нечестно в чем-то винить

его. Мадам заказала "обжатые" помидоры, кому же, как не ей, черт возьми, знать, что это такое?

- Мадам желает помидора, - начал он все сначала.

- На гренках, - повторила мама.

Он уныло побрел обратно к кассе, и завязалась новая перепалка, завершившаяся тем, что тот отправил его на кухню.

- Честное слово, - сказала мама, - сразу видно, что мы вернулись в Грецию, от них невозможно добиться толка.

Мы принялись ждать следующего раунда. Находясь в Греции, главное, - настроиться на то, что все будет делаться шиворот-навыворот, и с легкой душой воспринимать любой исход.

Наконец официант появился снова. Он принес наши заказы, поставил на стол перед мамой чайничек с чаем и тарелку с куском хлеба и двумя разрезанными пополам помидорами.

- Но это не то, что я заказывала, - пожаловалась мама.

- Помидоры сырые, и это не гренки.

- Помидоры, мадам, - упрямо молвил юный грек. - Мадам сказала: помидоры.

- Но обжаренные, - возразила мама. - Понятно?

Он молча смотрел на нее.

- Послушайте, - сказала мама, словно обращаясь к дебилу, - сперва вы поджариваете ломтики хлеба, понятно? Получаются гренки.

- Да, - уныло произнес официант.

- Так вот, - продолжала мама. - Потом кладете на гренки помидоры и обжариваете их. Понятно?

- Да, мадам. Вы не желаете этого? - Он показал на тарелку с хлебом и помидорами.

- В таком виде - нет. Надо поджарить.

Официант унес тарелку и опять затеял перепалку с кассею, крайне озабоченным тем, что в столовой по-

явилась требующая внимания группа греческих пассажиров во главе с уже знакомыми нам тремя тучными ледами.

Затаив дыхание, мы смотрели, как наш официант ставит на стол тарелку с помидорами и хлебом и расстилает рядом бумажную салфетку с видом фокусника, намеревающегося исполнить сложнейший трюк. Заметив наши напряженные взгляды, мама и Марго обернулись в ту самую минуту, когда официант аккуратно поместил хлеб с помидорами в центр салфетки.

- Что он там делает? - спросила мама.

- Выполняет некий древний греческий ритуал, - объяснил Ларри.

Тем временем официант обернул хлеб с помидорами салфеткой и покинул угол столовой.

- Он что, собирается подать мне их в таком виде? - удивилась мама.

Словно замороженные, мы смотрели, как официант важно прошествовал в центр столовой и опустил свою ношу на металлическую доску большой керосиновой печки. Несмотря на весну, стояла прохладная погода, поэтому печь топилась и распространяла приятное тепло. Предвидеть, что задумал этот парень, было несложно, и все же нам не верилось, что такое возможно на самом деле. На глазах у нас он осторожно опустил салфетку с хлебом и помидорами на раскаленную плиту и отступил на два шага, наблюдая за процессом. Не прошло и нескольких секунд, как салфетка вспыхнула, следом за ней загорелся и хлеб. Встревоженный тем, что его новый способ приготовления пищи не оправдал себя, официант схватил с ближайшего стола другую салфетку и бросил ее на плиту, пытаясь потушить пожар. Салфетка, как и следовало ожидать, тоже загорелась.

- Не знаю, что у греков называют деликатесами, - сказал Ларри, - но это блюдо выглядит вполне деликатно, притом оно приготовлено почти у самого столика клиента.

- Этот парень, должно быть, сошел с ума! - воскликнула мама.

- Надеюсь, теперь ты не станешь этого есть, - заметила Марго. - Гигиеничным это блюдо не назовешь.

- Единственный по-настоящему пикантный способ жарить помидоры, - возразил Ларри. - Представляешь, сколько удовольствия ты получишь потом, выковыривая зубочисткой кусочки обугленной салфетки.

- Оставь свои отвратительные шутки, - возмутилась мама. - Будто ты и впрямь думаешь, что я стану это есть.

Еще два официанта присоединились к своему товарищу, и втроем они принялись тушить пламя салфетками. Кусочки помидоров и горящего хлеба летели во все стороны, приземляясь на всех столах и людях без разбора. Одной из тучных леди достался сочный шлепок шматком помидора, а одному престарелому джентльмену, только что занявшему свое место за столом, красный уголек пришил галстук к рубашке, точно раскаленная индейская стрела. Вынырнувший из кухни казначей мгновенно оценил ситуацию, схватил кувшин с водой, подбежал к плите и вылил на нее всю воду. Конечно, пламя погасло, зато ближайшие столы были окутаны облаками пара, который распространился по всей столовой, неся с собой смешанный запах помидоров, горелого хлеба и жженой бумаги.

- Узнаю запах овощного супа с вермишелью, - заметил Ларри. - По-моему, мама, ты просто обязана отведать немного после таких стараний юного официанта.

- Что за чушь ты городишь! - воскликнула мама. - Они тут все сумасшедшие!

- Нет, - вступил Лесли. - Они тут все греки.

- Синонимы, синонимы, - заключил Ларри.

Почему-то один официант ударил кулаком другого; тем временем казначей схватил виновника суматохи за лацканы пиджака и честил его нехорошими словами. Ко всему этому прибавились негодующие крики пострадавших. Угрожающие жесты, толчки и сочная брань являли собой увлекательное зрелище, но у всякого удовольствия есть свой предел, так и здесь все кончилось тем, что казначей вlepил нашему официанту добрый подзатыльник, в ответ на что тот сорвал с себя не первой свежести форменный пиджак и швырнул в лицо казначею, а тот швырнул его обратно и велел парню убираться из столовой. После чего сердито приказал оставшимся официантам навести порядок и направился к нашему столу, извиняясь налево и направо перед другими пассажирами. Подойдя к нам, остановился, выпрямился во весь рост, достал из петлицы пиджака свежую гвоздику и подал маме одной рукой, беря другой ее правую руку и запечатлевая на ней галантный поцелуй.

- Мадам, - сказал он, - примите мои извинения. Мы не можем подать вам обжаренные помидоры. Любое другое блюдо, какое пожелаете, только не обжаренные помидоры.

- Это почему же? - полюбопытствовал Ларри.

- Потому что наш гриль не работает. Понимаете, - продолжал он объяснять, - это наш первый рейс.

- Представляю себе второй, - съязвил Лесли.

- Скажите, - не унимался Ларри, - почему ваш официант задумал жарить на той плите?

- Это очень глупый парень, - ответил казначей. - У нас на судне только опытный персонал. Его демонтируют в Пирее.

- Расскажите, как вы демонтируете официантов? - не выдержал Ларри.

- Ларри, дорогой, - поспешила вмешаться мама, - господин казначей - очень занятой человек, не будем его задерживать. Пусть мне сварят яйцо.

- Благодарю, - с достоинством произнес казначей, поклонился и отступил на кухню.

- На твоём месте я довольствовался бы сырыми помидорами, - сказал Ларри. - Сама видела, как они их обжаривали. Страшно подумать, что они сделают с вареными яйцами.

- Ерунда, Ларри, - отозвалась мама. - Вареное яйцо при всем желании не испортишь.

Она ошиблась. Когда ей через десять минут принесли два яйца, они не только были сварены вкрутую, но и тщательно очищены заботливыми, однако невымытыми пальцами.

- Смотрите! - воскликнул Ларри. - Какое блюдо! Сварено на совесть и покрыто пальцевыми отпечатками, которым сам Шерлок Холмс позавидовал бы!

Пришлось маме спрятать эти странные реликвии в сумочку и после завтрака незаметно выбросить их за борт, чтобы, сказала она, никого не обидеть.

- Одно я скажу, - произнес Ларри, глядя, как яйца летят в воду, - три дня питания одной только горячей анисовкой, и мы сойдем на берег худые, как щепка, и веселые, как Бахус.

Однако он тоже ошибался.

Вечерняя трапеза была, по греческим меркам, почти эпикурейской. Нам подали три блюда: первое - холодное по закону, поскольку речь шла о закусках, два остальных - холодные потому, что их подали на холодных тарелках препиращающиеся, как обычно, друг с другом официанты. Тем не менее все было съедобно, и единствен-

ное недоразумение возникло, когда Марго в своих закусках обнаружила маленький глаз каракатицы. Мы не устояли против соблазна приналець на вино и поднялись из-за стола, слегка покачиваясь, в чудном настроении.

- Вы пойти ночной клуб? - осведомился казначей, кланяясь у выхода из столовой.

- А что, - подхватил Ларри эту идею. - Пошли, устроим оргию среди пальм. Ты не забыла фигуры кадрили, мама?

- И не подумаю выставлять себя на посмешище, - гордо возразила мама. - Но от кофе и от рюмочки бренди, пожалуй, не откажусь.

- Тогда - вперед, в порочные объятия осененного пальмами ночного клуба, - сказал Ларри, не совсем уверенно ведя маму за руку, - туда, где нас ждут возбужденные опиумом восточные девы. Мы не забыли захватить драгоценный камень, чтобы украсить пупок Марго?

Поскольку мы засиделись в столовой, веселье в ночном клубе было уже в полном разгаре. Под звуки венского вальса три тучных леди вкупе с другими пассажирами сражались за жизненное пространство на крохотной площадке для танцев, напоминая бьющийся в неводе косяк рыбы. Все неудобные роскошные диваны, кресла и столы, похоже, были заняты, однако вынырнувший откуда-то ретивый стюард указал на почетные места за самым ярко освещенным столом, сообщив, что они специально зарезервированы для нас капитаном. Нисколько не обрадованные этим известием, мы возразили, что предпочли бы столик в каком-нибудь темном уголке, но тут появился сам капитан - смуглый умильно-романтический грек, чья полнота, как это присуще левантинцам, лишь усиливала привлекательность его внешности.

- Мадам, - с ходу пустился он в комплименты, - я счастлив видеть вас и вашу прелестнейшую сестру на борту нашего корабля во время его первого рейса.

Откуда было капитану знать, что его слова произведут отнюдь не приятное впечатление. Мама заключила, что он относится к разряду, как она довольно смутно выражалась, "тех мужчин", а по лицу Марго было ясно, что при всей ее любви к маме она все же видела некую разницу между маминым восьмым десятком лет и своим цветущим тридцатилетним возрастом. Несколько секунд судьба капитана висела на ниточке, потом мама решила простить его - как-никак, иностранец, а Марго последовала ее примеру, потому что он был весьма недурен. Лесли подозрительно смотрел на капитана, полагая, что пробоина в корпусе - свидетельство его довольно низкой квалификации; Ларри достиг той благодной степени опьянения, которая располагает ко всем относиться снисходительно. С обходительностью профессионального метрдотеля капитан разместил нас вокруг столика и сам сел между мамой и Марго, обнажив в улыбке золотые коронки, сверкающие, словно светлячки, на его смуглом лице. Распорядившись, чтобы нам подали напитки, он, к ужасу мамы, пригласил ее на танец.

- О нет! - воскликнула она. - Боюсь, время моих танцев давно прошло. Предоставляю такого рода развлечения моей дочери.

- Но, мадам, - настаивал капитан, - вы моя гостья. Вы должны танцевать.

Это было сказано таким властным тоном, что мама, к нашему удивлению, словно загипнотизированный кролик, поднялась и позволила ему проводить ее на танцевальную площадку.

- Но мама не танцевала с тех пор, как в двадцать шестом году умер папа! - ахнула Марго.

- Она сошла с ума, - мрачно заметил Лесли. - У нее будет разрыв сердца, и нам придется хоронить ее в море.

Впрочем, это вполне отвечало пожеланиям мамы, которая немало времени отводила выбору места для своих похорон.

- Вы посмотрите на тех трех великанш, - сказал Ларри. - Мама рискует, что ее там затопчут насмерть. Как можно было подвергать себя такой опасности, это же все равно что выходить на арену, битком набитую взбесившимися слонами.

На площадке и впрямь царила такая теснота, что вальсирующие пары вращались в черепашьем темпе. Капитан, используя маму как таран и напирая своими широкими плечами, ухитрился втиснуться в сплошную массу плоти, и они очутились в самой гуще танцующих. Коротышку-маму совсем не было видно, однако время от времени нашим взорам являлось лицо капитана с искорками золотых коронок. Но вот отзвучали последние певучие ноты "Сказок Венского леса", и запыхавшиеся потные танцоры очистили площадку. Сияющий капитан не столько привел, сколько отнес к нашему столику помятую, багроволицую маму. Она опустилась в кресло, обмахиваясь веером, не в силах вымолвить ни слова.

- Отличный танец вальс, - заметил капитан, опрокидывая стаканчик анисовки. - Не только танец прекрасный, но и отменное упражнение для мускулов.

Кажется, он не заметил, что тяжело дышащая мама, чей цвет лица все еще был далек от нормы, выглядела, словно человек, вырвавшийся из смертельных объятий Кинг Конга.

Настал черед Марго, но относительно молодой возраст и большее, чем у мамы, проворство позволили ей благополучно выдержать испытание.

Когда она вернулась к столику, мама горячо поблагодарила капитана за гостеприимство, однако добавила, что после столь хлопотного дня вынуждена удалиться в свою каюту и лечь спать. В самом деле, она целый день провела на палубе, завернувшись в одеяло в шатком шезлонге и жалуясь на качку и холодный ветер. Итак, мама грациозно удалилась. Лесли вызвался проводить ее до каюты, и к тому времени, когда он вернулся, Марго, пустив в ход свое неоспоримое обаяние, сумела убедить капитана, что, хотя венский вальс в самом деле хорош для укрепления мускулов, греческое судно (тем более совершающее первый рейс) не вправе пренебрегать культурным наследием Греции, выраженным в ее национальных танцах. Капитан находился под сильным впечатлением от самой Марго и от ее суждений, и не успели мы сами толком переварить ее идею, как он взялся отстоять национальное наследие Греции. Подойдя твердым шагом к престарелым музыкантам, он громко спросил, какие старые, прекрасные, чисто греческие мелодии они знают. Народные, крестьянские мелодии. Воспевающие красоту страны и доблесть ее народа, величие ее истории и красоту архитектуры, изысканность мифологии и блеск, поразивший мир, мелодии, заставляющие вспомнить Платона и Сократа, говорящие о славном прошлом, настоящем и будущем Греции.

Скрипач ответил, что они знают только одну такую мелодию - "В воскресенье нельзя".

Капитана чуть не хватил удар. Побагровев, он вскинул руки и обратился к публике. Кто-нибудь, спросил он риторически, когда-нибудь слышал о греческом оркестре, не знающем греческих мелодий?

- М-м-м, - отозвалась публика, как это свойственно публике, когда она не совсем понимает, что происходит.

- Позвать сюда старшего помощника! - взревел капитан. - Где Яни Попадопулос?

Сжав кулаки, сверкая золотым оскалом, он стоял посреди танцевальной площадки с таким грозным видом, что официанты мигом бросились искать старшего помощника, каковой вскоре явил народу свой встревоженный лик, видимо опасаясь, что нос парохода обзавелся еще одной пробоиной.

- Попадопулос, - прорычал капитан, - разве песни Греции - не один из лучших элементов нашего культурного наследия?

- Само собой, - с облегчением ответил Попадопулос, видя, что его служебному положению ничто не угрожает; даже самый безрассудный капитан не мог бы вменить ему в вину какое бы то ни было состояние музыкального наследия Греции.

- Так почему же ты никогда не докладывал мне, - продолжал капитан, сверля взглядом старшего помощника, - что этот оркестр не знает греческих мелодий?

- Они знают, - возразил старший помощник.

- Нет, не знают.

- Но я сам слышал! - настаивал Попадопулос.

- Что они играли? - зловеще спросил капитан.

- "В воскресенье нельзя", - торжествующе ответил старший помощник.

Греческое слово "эксcrete" (извержение, испражнение) как нельзя лучше выражает способ дать выход обуевающему человека гневу.

- Ската! Ската! - закричал капитан. - К чертям собачьим "В воскресенье нельзя"! Я говорю о культурном наследии Греции, а ты предлагаешь мне песенку про путану. Это культура? Кому это нужно?

- Путаны нужны команде, - заявил старший помощник. - Что до меня, то у меня прекрасная жена...

- Знать не хочу ни о каких путанах, - прорычал капитан. - Неужели на всем корабле нет никого, кто мог бы играть настоящие греческие песни?

- Почему же, - отозвался Попадопулос, - наш электрик Таки играет на бузуки, и у кого-то из механиков, по-моему, есть гитара.

- Приведи их! - рывкнул капитан. - Веди всех, кто умеет играть греческие песни.

- А если все умеют? - сказал педант Попадопулос. - Кто тогда будет управлять судном?

- Исполни, идиот! - выпалил капитан с такой яростью, что старший помощник побледнел и живо исчез.

Проявив свою власть, капитан вновь обрел хорошее настроение. Вернулся с ослепительной улыбкой к нашему столу и заказал еще напитки. Вскоре из недр парохода явилась пестрая компания полуголых в большинстве людей, вооруженных тремя бузуками, флейтой и двумя гитарами. У одного был даже аккордеон. Капитан остался доволен, однако от услуг аккордеониста отказался.

- Но, капитан, - огорчился тот, - я хорошо играю.

- Это не греческий инструмент, - строго произнес капитан, - его придумали итальянцы. Неужели ты думаешь, что мы играли на итальянских инструментах, когда строили Акрополь?

- Но я хорошо играю, - не сдавался аккордеонист. - Я умею играть "В воскресенье нельзя".

Хорошо, что казначей поспешил выдворить его из ночного клуба, пока капитан не добрался до бедняги.

Остаток вечера прошел замечательно, лишь несколько мелких происшествий омрачили атмосферу наших культурных развлечений. Исполняя трудный танец хосапико, Лесли при попытке в высоком прыжке ударить себя ладонями по пяткам сместил позвоночник, а Ларри растянул голеностоп, поскользнувшись на тыквенных семечках,

которыми кто-то заботливо посыпал пол танцевальной площадки. Более болезненно эта забота отозвалась на бармене. Он задумал танцевать, поставив на голову стакан, как ему представлялось, с водой, поскользнулся и шлепнулся на спину. Содержимое стакана выплеснулось ему на лицо; к несчастью, в нем была не вода, а неразбавленная анисовая водка - на вид не отличишь, но для глаз чрезвычайно неприятно. Зрение бармена спас судовой казначей: сохранив присутствие духа, он схватил сифон с содовой водой и направил в лицо бедняги струю такой силы, что глаза того едва не выскочили из орбит, сводя на нет терапевтическое действие соды. Стонущего бармена отвели в его каюту, и танцы возобновились. Веселье продолжалось до утра, когда, подобно догорающей свече, угасло после двух-трех слабых вспышек. Мы устало добрались до своих коек, меж тем как небо из опалового становилось голубым и море расписали полосы тумана.

Жизнь кипела на борту парохода, когда мы поднялись на ноги, следуя призыву собраться в главном салоне. Вскоре там же появился казначей, поклонился маме и Марго, передал привет от капитана и пригласил нас всех подняться на мостик и полюбоваться панорамой порта. Мама милостиво согласилась принять участие в великом событии с таким видом, точно ей было предложено самолично осуществить спуск судна на воду. После короткого, типично греческого завтрака (холодные гренки, холодный бекон и холодные яйца на ледяных тарелках, плюс теплый чай - нет, кофе, почему-то поданный нам в фарфоровом чайнике) мы дружно взойшли на мостик.

Капитан, чье слегка потухшее после утомительной ночи лицо отнюдь не утратило своего обаяния, радостно приветствовал нас, вручил Марго и маме по гвоздике, с гордым видом показал нам рулевую рубку, после чего

повел нас на палубу, именуемую, согласно утверждениям Ларри, квартердеком. Отсюда нам открылся превосходный вид как на нос, так и на корму нашего "Посейдона". Старший помощник стоял возле лебедки, обмотанной, словно диковинным ржавым ожерельем, якорной цепью, рядом с ним мы увидели матросов, три из которых, если не больше, входили в состав импровизированного оркестра. Все они приветственно махали нам и посылали воздушные поцелуи Марго.

- Марго, дорогая, - сказала мама, - тебе не следует так уж фамильярничать с этими моряками.

- О, мама, не будь такой старомодной, - отозвалась Марго, возвращая воздушные поцелуи. - Как-никак, у меня есть бывший муж и двое детей.

- Именно расточая воздушные поцелуи незнакомым морякам, ты остаешься с двумя детьми и бывшими мужьями, - мрачно заметила мама.

- А теперь, - сказал капитан, сверкая на солнце золотыми зубами, - приглашаю вас, мисс Марго, посмотреть на наш радар. Это устройство позволяет нам избегать столкновений и катастроф на море. Если бы Улисс располагал радаром, он смог бы плыть гораздо дальше, верно? За Геркулесовы столбы, вы согласны? И мы, греки, могли бы открыть Америку... Идемте.

Он завел Марго в рулевую рубку и принялся объяснять принцип действия радара. Корабль в это время приближался к пристани со скоростью велосипеда, укрощаемого пожилым джентльменом. Старший помощник не сводил глаз с мостика, ожидая команды, точно охотничий пес в стойке перед первой в сезоне куропаткой. Тем временем капитан рассказывал Марго, что при помощи радара греки могли бы открыть не только Америку, но и Австралию. Глядя, как сокращается расстояние между нами и пристанью, Лесли забеспокоился.

- Послушайте, капитан! - крикнул он. - Не следует ли нам отдать якорь?

Капитан отвернулся от Марго, и улыбка на его лице сменилась сугубо официальной миной.

- Прошу вас, мистер Даррелл, не беспокойтесь. Все в полном порядке.

Тут же, подняв глаза, он увидел впереди надвигающуюся на корабль, словно несокрушимый цементный айсберг, высокую пристань.

- Матерь Божья, спаси! - крикнул он по-гречески, выскакивая из рубки. - Попадопулос! Отдать якорь!

Именно этой команды ждал старший помощник. Сразу все зашевелились, загремела якорная цепь, тяжелый якорь шумно шлепнулся в воду, и цепь продолжала греметь, разматываясь. Однако корабль упорно продолжал скользить вперед. Было очевидно, что якорь отдан слишком поздно, чтобы играть присущую ему роль тормоза. Капитан, готовый, как и всякий судоводитель, незамедлительно реагировать в чрезвычайных обстоятельствах, ворвался в рулевую рубку, отдал команду "полный назад!" и резко повернул штурвал, оттолкнув рулевого. Увы, ни блестящая оценка ситуации, ни быстрая реакция, ни мастерство судоводителя уже не могли спасти нас.

Продолжая разворачиваться, "Посейдон" с грохотом врезался в пристань. Учитывая, как медленно мы двигались, я ожидал, что нас лишь чуть-чуть тряхнет. Я ошибался. Казалось, мы напоролись на мину. Семейство Дарреллов кучно упало на палубу. Три тучные леди, которые в это время спускались по трапу, лавиной покатились вниз. Никто не устоял на ногах, даже сам капитан. Ларри рассек себе лоб, мама ушибла ребра, Марго порвала чулки. Капитан живо поднялся на ноги, покрутил штурвал, отдал необходимые команды в машинное отде-

ление, после чего с искаженным яростью лицом вышел на мостик.

- Попадопулос! - заорал он злополучному старшему помощнику, который медленно вставал, вытирая разбитый нос. - Ты - сын путаны, болван, осел! Незаконный отпрыск подзаборного турецкого кретина! Почему не отдал якорь?

- Но, капитан, - промычал старший помощник через окровавленный носовой платок, - ты не отдавал такой команды.

- Неужели я один должен следить за всем здесь на борту! - бушевал капитан. - Управлять кораблем, следить за машиной, собирать оркестр, умеющий исполнять греческие мелодии? Мать Божья!

Он спрятал лицо в ладонях.

Кругом царила какофония, обычная для греческих ситуаций. Дикая шум, трагическая фигура капитана - казалось, мы стали свидетелями одной из сцен Трафальгарской битвы.

- Да уж, мама, - произнес Ларри, стирая с век капли крови, - это была блестящая идея. Поздравляю тебя. Однако я, пожалуй, полечу домой. Если мы еще благополучно сойдем на берег.

Наконец ходячим раненым разрешили спуститься на пристань, и мы увидели, что "Посейдон" обзавелся с другой стороны новой пробоиной, почти идентичной первой.

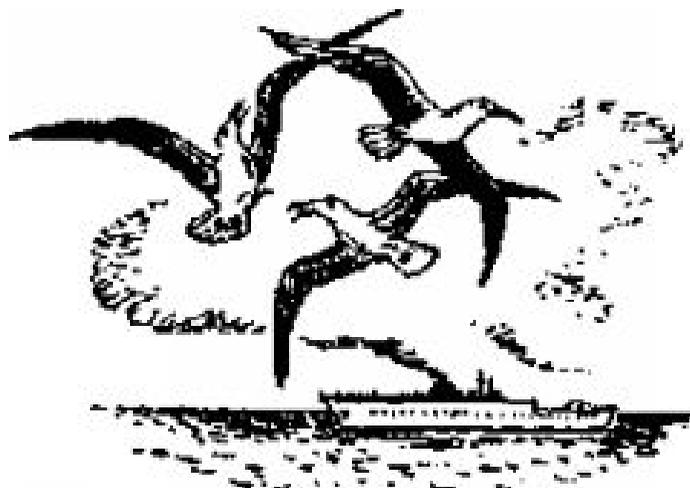
- Что ж, теперь хотя бы установилась полная гармония, - мрачно заметил Лесли.

- Ой, смотрите! - воскликнула Марго. - Наши бедные старые музыканты!

Она помахала им, три джентльмена в ответ поклонились нам, стоя на палубе. Мы рассмотрели, что скрипач сильно рассек себе лоб, а переносица владельца тубы

была залеплена пластырем. Наши приветствия явно были восприняты как знак поддержки их достоинства, столь прискорбно подорванного унижительной отставкой накануне вечером, три музыканта дружно повернулись лицом к мостику, демонстративно подняли свои трубы, тромбон и скрипку и заиграли.

Сверху до нас донеслись звуки "В воскресенье нельзя".





ВЫПУСКНИКИ ЧАСТНЫХ ШКОЛ

Венеция - один из красивейших городов Европы, и я часто посещал ее, однако задерживаться не приходилось. Каждый раз я спешил куда-то еще, а потому для настоящего знакомства не оставалось времени. И вот однажды летом, когда царил жара и я здорово устал от работы и ощутил охоту к перемене мест, решил я на неделю съездить в Венецию, отдохнуть и получше изучить город. Сказал себе, что спокойный отдых в такой обстановке - как раз то, что мне нужно. Редко мне доводилось так раскаиваться в принятом решении; знай я, чем все обернется, скорее улетел бы в Нью-Йорк, или Буэнос-Айрес, или Сингапур, чем отправляться в дивную Венецию.

Мой путь пролегал через Францию с ее бесподобными ландшафтами, через аккуратистку Швейцарию, через высокие перевалы, где на обочинах еще лежали безобразные серые сугробы, и дальше вниз, в Италию, к месту

назначения. Погода стояла прекрасная до той самой минуты, когда я въехал на мост, соединяющий город с материком. Тут небо, как по мановению волшебного жезла, вместо синего стало черным, с прожилками ярко-голубых и белых молний, и обрушило на землю такие потоки, что никакие "дворники" не спасали и на дороге замерли длинные вереницы автомобилей, упираясь бамперами друг в друга. В обездвиженных ливнем машинах сотни итальянцев бились в истерике, отчаянно сигналили и облегчая душу отборной бранью.

Продвигаясь дюйм за дюймом вперед, я наконец добрался до гаража за мостом. Благополучно пристроив здесь машину, высмотрел дородного носильщика, и под сильным дождем мы понеслись галопом к пристани, где ждал катер, принадлежащий гостинице, в которой я забронировал номер. Дождь хлестал мои чемоданы, и к тому времени, когда мы достигли цели, я рассчитался с носильщиком и вместе с багажом очутился на борту катера, мой тонкий летний костюм больше всего походил на мокрые тряпки. Однако едва мы тронулись в путь, ливень сменился легкой летучей моросью, окутавшей каналы, точно батистовой тонкой вуалью, так что красновато-коричневые и розовые стены домов смотрелись совсем как на прекрасных полотнах Каналетто с их мягкими полутонами.

Быстро промчавшись по Большому каналу, катер пришвартовался к пристани у моей гостиницы. Смолк, поперхнувшись, мотор, в это время мимо нас проплыла гондола, довольно вяло управляемая промокшим насквозь гондольером. Два пассажира были защищены от ненастья большим зонтом, так что я не видел их лиц, однако в ту минуту, когда гондола свернула в боковой канал, ведущий к дому Марко Поло, из-под зонта до моего уха донесся звонкий женский английский голос (несом-

ненно, продукт Роудин-Скул, одной из ведущих привилегированных частных школ Англии).

- Ну конечно, Неаполь очень похож на Венецию, только воды там меньше, - пропела живая флейта.

Я остолбенел. Стоя на пристани и провожая глазами удаляющуюся гондолу, я говорил себе, что мне почудилось; между тем во всем мире не было второго такого голоса, к тому же способного высказать такое смехотворное суждение. Он принадлежал одной моей подруге, которую я не видел лет тридцать, а именно - Урсуле Пендрагон-Уайт, пожалуй, самой обожаемой из всех моих подруг, что не мешало ей порой повергать меня в полное смятение.

Меня терзало не только ее безалаберное обращение с английским языком (это она однажды рассказала мне, что ее подруга решила на промывание, не желая производить на свет неграмотного младенца), но и бесцеремонное вмешательство в частную жизнь ее многочисленных знакомых. Последний случай такого рода, запечатленный в моей памяти, - как она пыталась повлиять на своего друга, который, по ее словам, пил так много, что ему грозила девальвация.

Нет-нет, сказал я себе, не может быть. Урсула благополучно вышла замуж за бесцветного молодого джентльмена и поселилась вместе с ним в Гемпширской глуши. С какой стати ей оказаться в Венеции в такое время года, когда все прилежные фермерские жены помогают мужьям убирать урожай или организуют благотворительные базары в своей деревне. Как бы то ни было, сказал я себе, если это все-таки Урсула, не дай Бог снова войти с ней в соприкосновение. Я приехал в Венецию в поисках мира и покоя, а по прошлому опыту общения с Урсулой слишком хорошо знал, что ее присутствие на чисто исключает и то и другое. Как человек, которому

довелось во время исполнения творений Моцарта гоняться за щенком китайского мопса в битком набитом концертном зале, я мог немало рассказать о способностях Урсулы без особых усилий ставить людей в невыносимейшее положение. Нет, повторил я, это не Урсула, а если все же она - слава Богу, что не увидела меня.

Гостиница была роскошная, просторный и красиво обставленный номер с видом на Большой канал - весьма комфортабельный. Сбросив мокрую одежду, приняв душ и глотнув спиртного, я увидел, что погода переменилась и Венеция переливается нежными красками в лучах заходящего солнца. Гуляя по многочисленным переулкам, пересекая маленькие мосты над каналами, я вышел наконец на огромную площадь Святого Марка, окаймленную барами. В каждом из них играл свой оркестр, и в прозрачном воздухе кружили сотни голубей, пикируя на щедро рассыпаемую людьми кукурузу на мозаичной мостовой. Сквозь полчища голубей я пробился к Дворцу дождей, с картинами которого мечтал познакомиться. Дворец был набит туристами самых разных национальностей, от японцев, увешанных фотокамерами, как рождественская елка игрушками, до тучных немцев с их гортанной речью и гибких светловолосых шведов. Влекомый потоком человеческой лавы, я медленно плыл из зала в зал, любуясь живописью. Внезапно откуда-то спереди до моего слуха донесся певучий голос.

- В прошлом году в Испании я посмотрела все картины Грюера... такие мрачные, сплошные трупы и все такое. Тяжелое зрелище, не то что здесь. Право же, Канелони - мой самый любимый итальянский художник. Высший класс!

Конец моим сомнениям - это Урсула. Никакая другая женщина не сумела бы так тесно переплести сыр, макароны и двух живописцев. Осторожно протиснувшись

сквозь толпу, я рассмотрел ее характерный профиль, большие ярко-синие глаза, длинный утиный нос с плоским кончиком - очаровательный эффект - и шапку все еще черных волос, правда, с серебристыми нитями. Она была все так же прекрасна, годы милостиво обошлись с ней.

Урсулу сопровождал растерянный мужчина средних лет, с удивлением слушающий ее оценки, соединяющие живопись и кулинарию. По выражению его лица я заключил, что это какой-то недавний знакомый Урсулы, потому что всякий основательно знающий ее человек спокойно воспринял бы ее реплику.

Как ни хороша она была, я сознавал, что ради моего душевного спокойствия лучше не возобновлять знакомство, дабы какая-нибудь каверза не испортила мне весь отпуск. Неохотно покидал я Дворец, решив прийти на другой день, когда Урсула вдоволь насмотрится живописи. Вернувшись на площадь Святого Марка, выбрал кафе поуютнее, полагая, что вполне заслужил право выпить стаканчик бренди с содовой. Все кафе вокруг площади были битком набиты посетителями, и я надеялся, что это позволит мне остаться незамеченным. К тому же я был уверен, что Урсула не узнает меня, даже если увидит - я заметно прибавил в весе, поседел и отрастил бороду.

Итак, я спокойно наслаждался своим бренди под звуки прелестного вальса Штрауса. Ласковое солнце, приятный напиток и умиротворяющая музыка внушили мне ложное ощущение безопасности. Я забыл о присущей Урсуле способности (весьма развитая у большинства женщин, у нее она граничила с волшебством), войдя в наполненное людьми помещение и окинув его беглым взглядом, не только всех разглядеть, но и описать, в чем каждый был одет. Словом, мне вовсе не следовало удив-

ляться, когда сквозь звуки музыки и гомон в кафе до моего слуха донесся ее голос.

- Дорогой! Дорогой! - кричала она, пробираясь ко мне между столиками. - Джерри, дорогой, это я, Урсула!

Я встал, готовый встретить свою погибель. Урсула бросилась в мои объятия, и губы ее слились с моими губами в долгом поцелуе, сопровождаемом стонущими звуками, какие (даже в наш век терпимости) обычно ассоциируются с альковными сценами. Я уже начал опасаться, что итальянская полиция вот-вот арестует нас за нарушение общественного порядка, наконец она с явной неохотой отступила на шаг, продолжая крепко сжимать мои руки.

- Дорогой, - ворковала Урсула, и в ее огромных синих глазах сверкали счастливые слезы, - дорогой... Я не верю своим глазам... увидеть тебя снова после стольких лет... это чудо... о, я так счастлива, дорогой. Как это здорово - увидеть тебя снова.

- Но как ты меня узнала? - спросил я, отдышавшись.

- Как узнала, дорогой? Глупенький, ты нисколько не изменился, - покривила она душой. - К тому же, дорогой, я видела тебя по телевизору, видела фотографии на обложках твоих книг, еще бы мне не узнать тебя.

- Что ж, я очень рад нашей встрече, - сдержанно произнес я.

- Дорогой, мы не виделись сто лет, - отозвалась она, - слишком долго.

Я отметил, что она рассталась с тем растерянным джентльменом средних лет.

- Садись, - предложил я, - выпей стаканчик.

- Конечно, любимый, с удовольствием. - Она элегантно опустилась на стул.

Я подозвал официанта.

- Что ты пьешь? - спросила Урсула.

- Бренди с содовой.

- Фу! - воскликнула она, деликатно передернув плечами. - Отвратительная смесь. Тебе не следует ее пить, это кончится испарением печени.

- Оставь в покое мою печень, - страдальчески вымолил я. - Ты что станешь пить?

- Мне что-нибудь вроде Бонни Принц Чарльз.

Официант тупо воззрился на нее. Ему еще не доводилось слышать лексические упражнения Урсулы.

- Мадам желает рюмку дюбонне, - объяснил я, - а мне принесите еще бренди.

Я сел, и Урсула, наклонясь над столом, с чарующей улыбкой схватила двумя руками мою руку.

- Дорогой, разве это не романтично? - спросила она. - Мы встречаемся с тобой столько лет спустя в Венеции! В жизни не слышала ничего более романтичного, ты согласен?

- Согласен, - осторожно ответил я. - А где твой муж?

- Как? Разве ты не знаешь? Я развелась.

- Извини.

- Ничего, ничего. Это было даже к лучшему. Понимаешь, после ящур он, бедняга, был уже совсем не тот, что прежде.

Мне не помог даже прежний опыт общения с Урсулой.

- У Тоби был ящур? - спросил я.

- Да... ужасно, - произнесла она, вздыхая, - и он так и не пришел в себя.

- Еще бы. Но ведь ящур у людей - это, должно быть, большая редкость?

- У людей? - Она сделала круглые глаза. - Как тебя понимать?

- Да ведь ты сказала, что Тоби... - начал я, но меня перебил громкий смех Урсулы.

- Глупенький, - вымолвила она, хохоча. - Я говорила про его скотину. Все его племенное стадо, которое он выращивал годами. Ему пришлось всех зарезать, и это страшно подействовало на беднягу. Он начал водиться с недостойными женщинами, пьянствовал в ночных клубах, и все такое прочее.

- Вот уж никогда не думал, - сказал я, - что у ящюра могут быть такие серьезные последствия. А Министерству сельского хозяйства известно про этот случай?

- Ты думаешь, это могло бы их заинтересовать? - удивилась Урсула. - Если хочешь, я могу написать им и рассказать.

- Нет-нет, - поспешил я возразить. - Я просто пошутил.

- Ладно. Теперь расскажи мне про твой брак.

- Я тоже развелся.

- Ты тоже? Дорогой, я же сказала, что это романтическая встреча. - Ее глаза затуманились. - Мы встречаемся с тобой в Венеции после расторгнутых браков. Совсем как в романах, дорогой.

- Вряд ли нам следует особенно зачитываться этим романом.

- А какие у тебя дела в Венеции? - спросила она.

- Никаких, - ответил я неосмотрительно. - Просто приехал отдохнуть.

- О, чудесно, дорогой, тогда ты можешь мне помочь! - воскликнула Урсула.

- Нет! - поспешил я ответить. - Это исключено.

- Дорогой, ты еще даже не знаешь, о чем я хочу тебя попросить, - жалобно молвила она.

- И знать не хочу. Все равно не стану помогать.

- Милый, мы столько лет не виделись, а ты сразу, даже не выслушав, так груб со мной, - возмутилась Урсула.

- Ничего. Я знаю по горькому опыту, на какие затеи ты способна, и вовсе не намерен тратить свой отпуск, участвуя в твоих ужасных махинациях.

- Ты противный, - сказала она, и губы ее задрожали, а синие, как цветки льна, глаза налились слезами. - Жутко противный... я тут одна в Венеции, без мужа, а ты не хочешь даже пальцем пошевелить, чтобы выручить меня в беде. Это не по-рыцарски с твоей стороны... ты гадкий... и... противный.

- Ну ладно, ладно, - простонал я, - выкладывай, в чем дело. Только учти, я не стану ни во что вмешиваться. Я приехал сюда провести несколько дней в мире и покое.

- Так вот, - начала Урсула, вытирая глаза и подкрепляясь глотком дубонне. - Я приехала сюда, чтобы, можно сказать, совершить акт милосердия. Дело чрезвычайно трудное, возможны ослижнения.

- Ослижнения? - не удержался я.

Урсула осмотрелась кругом, проверяя нет ли кого поблизости. Так как поблизости было всего лишь около пяти тысяч веселящихся иностранцев, она посчитала, что может спокойно довериться мне.

- Ослижнения на высоком уровне, - продолжала она, понизив голос. - Это должно оставаться только между нами.

- Ты хочешь сказать - осложнения? - спросил я, желая придать беседе более осмысленный характер.

- Я сказала именно то, что подразумеваю, - сухо ответила Урсула. - Может быть, перестанешь меня поправлять? Эти вечные попытки поправлять меня всегда были одной из твоих худших черт. Это ужасно неприятно, дорогой.

- Извини, - произнес я покаянно. - Валяй, рассказывай, кто там, на высоком уровне кого ослизывает.

- Ну вот. - Она понизила голос так, что ее слова с трудом доходили до меня сквозь окружающий нас гомон. - Тут замешан герцог Толпаддльский. Я потому и приехала в Венецию, что Реджи и Марджери, да и Перри тоже доверяют только мне, и как герцог, разумеется, он просто душка, который страшно страдает от этого скандала, и когда я сказала, что приеду, они, конечно, сразу ухватились за эту возможность. Но ты не должен никому ни слова говорить об этом, дорогой, обещаешь?

- О чем я не должен говорить ни слова? - озадаченно справился я, давая жестом понять официанту, чтобы принес еще выпить.

- Но я ведь только что тебе сказала, - нетерпеливо произнесла Урсула. - О Реджи и Марджери. И Перри. И о герцоге, разумеется.

Я сделал глубокий вдох.

- Но я не знаю этих Реджи, Марджери и Перри. И герцога тоже.

- Не знаешь? - удивилась Урсула.

И я вспомнил, как ее всегда удивляло, что я не знаю никого из широкого скучного круга ее знакомых.

- Нет. А потому, сама понимаешь, я затрудняюсь понять, в чем дело. Могу только представить себе самые разные варианты - то ли все они заболели проказой, то ли герцога поймали на незаконном производстве спиртного.

- Что за глупости ты говоришь, дорогой, - возмутилась Урсула. - У него в роду нет алкоголиков.

Я снова вздохнул.

- Послушай, может быть, ты просто расскажешь, кто из них кому что сделал, учитывая, что я никого из них не знаю и, по правде говоря, предпочел бы не знать.

- Хорошо, - согласилась Урсула. - Перегрин - единственный сын герцога. Ему только что исполнилось восемнадцать, и он славный парень, несмотря на это.

- Несмотря на что? - растерянно спросил я.

- Несмотря на совершеннолетие, - последовал нетерпеливый и не очень вразумительный ответ.

Я решил не трогать очередную загадку.

- Продолжай, - сказал я, надеясь, что дальше все прояснится.

- Так вот, Перри учился в колледже Сент-Джонс... ну, ты знаешь, это жутко шикарная школа, про нее еще говорят, что она лучше Итона Харроу.

- Десять тысяч фунтов за триместр, не считая питание? Как же, слышал.

- Дорогой, туда принимают детей только самых видных родителей, - продолжала Урсула. - Это такое же изысканное заведение, как... как... как...

- Как универмаг "Харродз"?

- Что-то в этом роде, - неуверенно согласилась Урсула.

- Итак, Перри учился в колледже Сент-Джонс, - напомнил я.

- Ну да, и директор не мог на него нахвалиться. И тут вдруг гром среди ясного неба. - Она перешла на выразительный шепот.

- Гром? Что за гром?

- Среди ясного неба, милый, - нетерпеливо пояснила Урсула. - Ты отлично знаешь, и вообще, не прерывай меня, дорогой, дай досказать.

- Я только этого и жду. Пока что я услышал только про какого-то герцогского сынка, про гром и даже не понял толком, при чем тут небо.

- Так помолчи и послушай, я все объясню. Ты совсем не даешь мне говорить.

Я вздохнул.

- Хорошо. Молчу.

- Спасибо, милый. - Она сжала мою руку. - Так вот, значит. До этого грома Перри отлично успевал. Тут в его школу явились Реджи и Марджери. Реджи взяли на должность учителя рисования, он ведь здорово пишет маслом, и гравировет, и все такое прочее, хотя, на мой вкус, он несколько эксцентричен, я даже удивилась, честное слово, что его взяли в такое изысканное заведение, где не очень-то жалуют эксцентриков, сам понимаешь.

- Почему он эксцентрик?

- Ну, скажи сам, милый, разве это не эксцентрично - повесить над камином в гостиной портрет собственной жены в обнаженном виде? Я говорила ему - если уж непременно захотелось вешать ее на стену, лучше повесил бы в ванной, на что он ответил, что сперва подумывал украсить этой картиной комнату для гостей. Как иначе назвать его после этого, милый, если не эксцентриком?

Я не стал говорить ей, что заочно проникся симпатией к Реджи.

- Значит, роль грома исполнил Реджи?

- Да нет же, милый, громом была Марджери. Перри, как только увидел ее, сразу безумно влюбился, она ведь и впрямь хороша собой. Если тебе по вкусу женщины из Полинезии, которых рисовал Шопен.

- Может быть, Гоген?

- Возможно, - неуверенно отозвалась Урсула. - Во всяком случае, она очень мила, разве что малость глуповата. С Перри она повела себя очень глупо, стала его поощрять. И тут ударил еще один гром.

- Еще один гром? - Мужайся, велел я себе.

- Ну да. Эта дурочка, в свою очередь, влюбилась в Перри, а ты ведь знаешь, она ему почти в матери годится, и у нее есть ребенок. Ну, может, в матери и не годит-

ся, но ему-то всего восемнадцать, а ей уж точно тридцать, хоть она все время твердит, что двадцать шесть, но все равно, совсем неприличная история вышла. Естественно, Реджи совсем захандрил.

- У него был простой способ решить проблему - подарил бы Перри портрет Марджери, - предложил я.

Урсула укоризненно посмотрела на меня.

- В этом нет ничего смешного, милый, - строго заметила она. - Поверь мне, мы все были в полном смятении.

Я представил себе, какое это должно быть увлекательное зрелище - некий герцог в полном смятении, однако не стал развивать эту тему, а только спросил:

- Ну и что было дальше?

- Так вот, Реджи прижал к стене Марджери, и она призналась, что влюблена в Перри и у них был роман за гимнастическим залом - лучшего места не выбрали! Естественно, Реджи жутко возмутился и наставил ей синяк под глазом, чего, сказала я ему, вовсе не следовало делать. Потом он стал разыскивать Перри, чтобы, полагаю, и ему наставить синяк, но, к счастью, Перри уехал домой на уик-энд, так что Реджи его не нашел, и слава Богу, потому что Перри, бедняга, довольно щуплый, тогда как Реджи здоров как бык и жутко вспыльчив.

Теперь, когда сюжет стал проясняться, я поймал себя на том, что меня интересует продолжение.

- Говори же, что случилось потом? - сказал я.

- Потом случилось самое худшее, - выразительно прошептала Урсула.

Пригубив бокал, она воровато оглянулась, проверяя, не подслушивает ли вся Венеция, выбравшаяся из домов, чтобы опрокинуть стаканчик перед ланчем. Затем наклонилась вперед и потянула меня за руку. Я тоже наклонился.

- Они сбежали, - прошипела она мне на ухо и откинулась на стуле, чтобы лучше видеть, какое впечатление произвели на меня ее слова.

- Ты хочешь сказать - Реджи и Перри сбежали? - спросил я, изображая удивление.

- Балда, - рассердилась она. - Ты отлично понимаешь, что я подразумеваю. Перри и Марджери сбежали. Прощу тебя, перестань надсмеиваться, это очень серьезное дело.

- Прости, - ответил я. - Продолжай.

- Ну вот, - сказала Урсула, сменив гнев на милость. - Сам понимаешь, переполох был ужасный. Реджи пришел в ярость, потому что Марджери не просто сбежала, но и взяла с собой ребенка и няню.

- Прямо какое-то массовое бегство...

- Конечно, - продолжала Урсула, - отец Перри тоже страшно переживал. Каково-то было герцогу простить адюльтерацию своему единственному сыну.

- Но ведь в адюльтере обычно бывает повинен супруг, - возразил я.

- Мне все равно, кто повинен, - настаивала она. - Была адюльтерация, и все тут.

Я вздохнул. Проблема сама по себе выглядела достаточно сложной без того, чтобы Урсула усложнила ее своими интерпретациями.

- Так или иначе, - сообщила она, - я сказала Марджери, что это вроде как кровосмешение.

- Кровосмешение?

- Ну да, парень-то был совсем еще юный, а ей должно быть известно, что адюльтерация допускается только взрослым.

Я подкрепился хорошим глотком бренди. Было очевидно, что с годами Урсула отнюдь не исправилась.

- Знаешь что, - сказал я, - лучше доскажи мне все остальное за ланчем. Я тебя приглашаю.

- О, милый, в самом деле? Чудесно. Только мне нельзя долго задерживаться, я еще должна повидать Марджери, потому что не знаю, где Реджи и когда появится герцог.

- Ты хочешь сказать, - произнес я с расстановкой, - что все эти люди, о которых ты говоришь, находятся здесь, в Венеции?

- Ну, конечно, милый. - Ее глаза округлились. - Я потому и нуждаюсь в твоей помощи. Разве ты не понял?

- Нет, - признался я, - не понял. Но заруби себе на носу - я не намерен впутываться в эти дела. А пока пойдем, позавтракаем... куда бы ты хотела?

- Я предпочла бы "Смеющийся кот", - ответила Урсула.

- Это где же?

- Не знаю, но мне очень хвалили этот ресторан, - сказала она, пудря нос.

- Ладно, я выясню.

Подозвав официанта, я рассчитался и спросил, как добраться до "Смеющегося кота". Оказалось, что он расположен недалеко от площади Святого Марка, и мы быстро дошли до этого маленького, уютно обставленного ресторанчика; судя по тому, что большинство посетителей составляли венецианцы, следовало ожидать, что нас будут потчевать достаточно сытными блюдами.

Мы присмотрели себе столик на свежем воздухе, под тентом, и я заказал мидии в сметане и с петрушкой, а также приготовленную на корсиканский лад баранью лопатку с каштановым пюре. Мы уже принялись за тающую во рту молодую баранину и подумывали о том, чтобы заказать сыр и какие-нибудь фрукты, когда Урсула, глядя куда-то мне за спину, испуганно вскрикнула. Я повернул голову и увидел, как к нашему столику галса-

ми, точно яхта, приближается могучего сложения пьяный джентльмен.

- О Господи, это Реджи, - вымолвила Урсула. - Как он узнал, что они в Венеции?

- Ничего, - подчеркнул я, - главное, что их нет здесь.

- Но они могут появиться с минуты на минуту, - протонала она. - Я договорилась встретиться здесь с ними и с герцогом. Что будем делать? Быстро, милый, придумай что-нибудь.

Как я ни противился, похоже было, что мне не избежать участия в этой нелепой истории. А потому, глотнув для бодрости бренди, я встал, встречая Реджи, который в эту минуту чудом добрался-таки до нашего столика.

- Реджи, милый! - воскликнула Урсула. - Какой приятный сюрприз! Что ты делаешь в Венеции?

- Привет, Урсула, - отозвался Реджи, покачиваясь, с трудом фокусируя взгляд и выговаривая слова. - Я в-в Вен... Венеции, штоб убить одну грязную крысу... маленькую вшивую грязную крысу, вот зачем я в Венеции... яшно тебе?

Реджи обладал не только богатырским сложением борца, владеющего всеми мыслимыми приемами, но и широким лицом питекантропа с клочковатой бородой и усами. Лысую макушку обрамляли длинные, до плеч волосы. Далеко не привлекательную внешность дополняли мешковатый грубошерстный костюм оранжевого цвета, красный свитер и сандалии. Тем не менее он явно был способен убить юного Перри, попадись тот ему под руку, и я начал подумывать над тем, как бы выманить его из этого ресторана, пока не появились другие действующие лица.

- Реджи, дорогой, познакомься, это мой друг Джерри Даррелл, - пролепетала Урсула.

- Раджнакомитша, - сказал Реджи, сжимая мою руку в пятерне величиной с добрый окорок.

- Выпьешь с нами? - спросил я и подмигнул Урсуле в ответ на ее предостерегающий взгляд.

- Выпить, - прохрипел Реджи, грузно опираясь руками на стол. - То што надо... выпить... как шледует... большой штакан... сотни штаканов... двойной вишки с содовой.

Я принес стул, он тяжело опустился на сиденье. Подозвав официанта, я заказал виски.

- Ты уверен, что тебе еще нужно пить? - неосмотрительно спросила Урсула. - Мне кажется, с тебя уже хватит, дорогой.

- По-твоему, я пьян? - зловеще осведомился Реджи.

- Нет-нет, - поспешила Урсула исправить свою ошибку. - Просто мне показалось, что не стоит больше пить.

- Я, - Реджи ткнул себя в грудь пальцем толщиной в банан, чтобы мы не сомневались, кого он подразумевает, - я шрезв как тудья.

Официант поставил на стол перед Реджи стакан с виски.

- Выпить, вот што мне надо, - сказал Реджи, поднимая стакан не очень твердой рукой. - Шмерть всем пар... парвшивывым дохлым ариш... ариштократическим шу-тенерам.

Осушив стакан одним глотком, он удовлетворенно откинулся на спинку стула.

- Ешшо один, - весело объявил он.

- Как насчет того, чтобы прогуляться до площади Святого Марка и продолжить там? - небрежно предложил я.

- О! Да-да, отличная идея, - подхватила Урсула.

- У меня нет предрашшудков, - важно отозвался Реджи. - Мне вше равно, где пить.

- Отлично, значит - Святой Марк. - И я попросил официанта принести счет.

Однако не успел он выполнить мою просьбу, как нас (выражаясь словами Урсулы) поразил гром среди ясного неба. Она испуганно вскрикнула, я повернул голову и узрел рядом с собой аристократического вида длинного худого джентльмена, смахивающего на серого богомола в элегантном костюме и ботинках, явно шитых на заказ. Его облачение дополнял старый итонский галстук, а из грудного кармана пиджака торчал ирландский льняной платок величиной с кроличий хвостик. Серебристо-серая шляпа венчала голову с серебристо-серым лицом и серебристо-серым моноклем, вставленным в серебристо-серый глаз. Из чего я заключил, что перед нами герцог Толпаддльский.

- Урсула, дитя мое, ради Бога, извини за опоздание, но этот злосчастный катер сломался, - заговорил он, улыбаясь Реджи и мне и излучая отработанное обаяние в полной уверенности, что голубая кровь в венах всегда делает его желанным гостем, как бы он ни опаздывал.

- О, о... э... о, ничего страшного, - пролепетала Урсула.

- А кто эти твои друзья? - милостиво осведомился герцог, готовый обращаться со мной и Реджи как с представителями человеческого рода.

Не без удовольствия я заключил, что герцог и Реджи не знакомы друг с другом. Откинувшись на спинку стула, я улыбнулся Урсуле, которая смотрела на меня отчаянными глазами.

- Представь же нас, дорогая, - сказал я.

Отчаяние в ее глазах сменилось бешенством.

- Ну, - молвила она наконец, - это мой старый друг Джерри Даррелл, а это... это... э... это Реджи Монтроз.

Герцог оцепенел, и милостивое выражение на миг покинуло его лицо. Тут же он приосанился и вставил монокль покрепче в глаз, готовясь блюсти приличия.

- Кто это? - спросил Реджи, с трудом фокусируя взгляд на герцоге.

Урсула с мольбой поглядела на меня. Я пожал плечами. Предотвратить было не в моих силах.

- Кто этот парень? - повторил Реджи, указывая на герцога банановым пальцем.

- Это... э... это... э... герцог Толпаддльский, - пропищала Урсула.

Затуманенное алкоголем серое вещество Реджи не сразу усвоило эту новость, но все же усвоило.

- Толпазл? Толпазл? Ты хошь шказать, это отец того маленького убблюдка?

- Вот что, - сказал герцог, неприметно озираясь, как озирается английский джентльмен, питающий ненависть к публичным перепалкам, - вот что, старина, нельзя ли поспокойнее? Не пристало так выражаться перед дамами.

Реджи тяжело поднялся со стула и покачал толстым пальцем перед орлиным носом герцога.

- Только не учи меня, как выражаться, - воинственно произнес он. - И не давай мне шшветов! Иди лучше со швоими шветами к тому вонючему щенку, которого проижвел на швет, если только ты шам его проижвел, потому что, глядя на тебя, не шкажал бы, что, шпошобен проижвешти даже умштвенно отшталого чихуахуа.

С этими словами он, к моему облегчению, так же тяжело опустился обратно на стул, причем едва его не опрокинул. Пока Реджи с трудом восстанавливал равновесие, лицо герцога медленно наливалось кровью. Не очень-то приятно было знать, что Реджи, как ни дурно

он себя вел, являлся истцом, а сын герцога - обвиняемым.

- Думаю, - сказал герцог, призвав на помощь отработавшую в веках аристократическую выдержку, - думаю, нам следует сесть и потолковать в цивилизованном духе, не опускаясь до вульгарной брани.

В ответ Реджи громко и внятно послал его.

- Реджи, дорогой, веди себя прилично, - взмолилась Урсула.

- Кто? - проникновенно спросил Реджи, словно обратился за ответом к мудрецу. - Кто он такой, этот старпер, а?

- Садитесь, сэръ, присоединяйтесь к нам, - радушно произнес я.

Урсула наградила меня взглядом, который испепелил бы мою особу, если бы я не веселился так в душе.

- Благодарю, - холодно отозвался герцог, - но я не вижу свободного стула, и ваш приятель ясно дает понять, что я тут, мягко выражаясь, лишний.

- Сейчас будет стул, - любезно ответил я, подзывая официанта.

Тотчас явился стул, и герцог осторожно сел, точно боясь, что он сломается под ним.

- Что-нибудь выпьете, сэръ? - спросил я, изображая заботливого хозяина.

- Выпить, - довольно вымолвил Реджи. - Чертовски большие стаканы... десятки литроф, бочки мальвазии... беж вина голова не работает.

- Благодарю, - ответил мне герцог, - если можно... рюмочку хереса.

- Этот ваш щенок совсем не пьет, - вмешался Реджи. - Потребляет только кока-колу и материнское молоко... наштоящий шла... шла... шлабак... бесхрехребетный тип.

- Послушайте, мистер Монтроз, - нетерпеливо произнес герцог, барабанив холеными пальцами по столу. - Я не желаю препираться с вами. Мой приезд в Венецию вызван отнюдь не желанием причинить вам какие-либо неприятности. Если позволите, я постараюсь прояснить ситуацию и в какой-то мере успокоить вас.

- Единственный шпозоб ушпокоить меня - вытащить вашего паршивого щенка из постели моей жены, - громко возвестил Реджи.

Герцог в замешательстве окинул взглядом ресторан. Окружающие нас итальянцы, не привыкшие к таким откровенным разборкам среди англосаксов (особенно британцев), смотрели на нас с живейшим интересом.

- Именно для этого я и приехал в Венецию, - сообщил герцог.

- И што же ты хочешь шделать? Наушкать его ешшо на чью-нибудь жену?

- Я намерен серьезно поговорить с ним, - ответил герцог. - Мне эта связь противна так же, как вам, если не больше. И ей будет положен конец.

- Не шмей называть мою жену шва... шва... шввязью. - Реджи побагровел до такой степени, что казалось - его вот-вот хватит удар. - Кто ты такой, черт дери, штобы называть мою жену шввязью, а?

- Не вижу ничего пренебрежительного в этом слове, - холодно ответил герцог, - однако вы должны согласиться, что такое положение терпеть невозможно. Не говорю уже о разнице в возрасте. Это само по себе ужасает. Но если отставить это в сторону, вам должно быть ясно, что мальчик, как-никак, наследует титул герцога, а это обязывает его быть разборчивым в своих связях.

Реджи не сразу подобрал нужные слова для ответа.

- Клянусь, - сказал он наконец, - ты шамый большой кушок хо... ходячего коншкого навоза, какой я когда-либо видел.

- Реджи, дорогой, разве можно говорить такие вещи герцогу? - воскликнула шокированная Урсула.

- А почему нельзя? - рассудительно спросил Реджи. - Ешли он щчитает, что моя жена неровня его паршивому щенку, тогда он без шон... без шон... шомнения самый большой и самый вонючий ходячий кушок коншкого навоза за пределами ипподрома Ашкот.

Спорщики сверлили друг друга свирепыми взглядами. И в эту самую минуту Урсула снова взвизгнула, потому что нас второй раз поразил гром среди ясного неба. В ресторан, держась за руки, вошли Перри и Марджери. Она - миловидная женщина, отдаленно похожая на девиц с полотен Гогена, он - стройный, гибкий, пригожий молодой человек в байроновском стиле. Не успел я сделать эти наблюдения, как Реджи, взревев, точно поранивший лапу лев с несварением желудка, поднялся со стула и дрожащим пальцем указал на влюбленную парочку, которая в ужасе замерла на месте, потрясенная внезапной встречей.

- Вот они - твой паршивый щенок и его швязь, - прокричал Реджи. - Сейчас я...

Черт дернул меня встать и положить руку на плечо Реджи, чтобы удержать его от опрометчивых действий.

- Постой, Реджи, - сказал я, - ты же в три раза здоровее его...

Я не успел договорить. Схватив отвороты моего пиджака огромной ручищей, Реджи поднял меня, как пушинку, и аккуратно опустил прямо на тележку со сладостями, которую весьма кстати катил мимо нас один из официантов. Мое приземление на тележке причинило непоправимый ущерб персикам с мороженым и лике-

ром, роскошному клубничному торту, изысканному бисквиту со всякой липкой начинкой и великому числу сортов мороженого. Вид столь буйного проявления силы вывел Перри из оцепенения, он отпустил руку Марджери и обратился в стремительное бегство. Издав еще одно львиное рыканье, Реджи с поразительным для его сложения проворством помчался вдогонку, сопровождаемый по пятам Марджери, которая кричала: "Убийца, не смей его трогать!" Следом за ней бежал герцог, крича: "Если с его головы упадет хоть один волос, я подам на вас в суд!" Облепленный мороженым, бисквитом и клубникой, я сделал единственное, что мне оставалось, - швырнул на стол пачку банкнотов, схватил за руку Урсулу и побежал за нашими соотечественниками. Оказалось, что Перри несколько опрометчиво выбрал для бегства переулок, ведущий к площади Святого Марка. Держись он и дальше одних переулков, пожалуй, смог бы уйти от погони, но Перри выскочил, распугивая полчища голубей, на просторы огромной площади, где превосходство Реджи в скорости погубило беглеца. У Большого канала Реджи настиг его и схватил за шиворот. Когда мы, тяжело дыша, прибежали туда же, Реджи тряс Перри, будто куклу, осыпая бессвязной бранью. Конечно, мне следовало бы вмешаться, однако я уже испытал на себе реакцию Реджи на такие попытки и, учитывая непосредственную близость канала, посчитал, что мне больше подходит роль труса.

- Отпустите его, вы, громила! - прокричал герцог, запынаясь от недостатка воздуха.

- Отпусти его, отпусти, отпусти, он совсем слабенький! - визжала Марджери, колотя ладонями по широкой бесчувственной спине супруга.

- Дорогой, это все ты виноват, - тигрицей обрушилась на меня Урсула. - Сделай же что-нибудь!

Не успел я, однако, упрекнуть ее в вероломстве, как Реджи подтянул Перри к себе вплотную, сверля его взглядом.

- Меня тошнит от этого твоего паршивого папаши, и меня тошнит от тебя, - заорал он. - Так, значит, по мнению твоего вонючего родителя, моя жена недоштаточно хороша для тебя, а? Ладно, я вам покажу - вот разведушь с ней, и можешь брать ее в жены, будь ты проклят!

Площадь Святого Марка - излюбленный аттракцион туристов, посещающих Венецию, а потому вполне естественно, что за нами с великим интересом следила многотысячная и многонациональная толпа.

- Что ты с-с-с-сказал?... - вымолвил побледневший Перри, по-прежнему сотрясаемый ручищами Реджи.

- Разведусь с женой, и можешь сам жениться на ней, черт бы тебя побрал, - прорычал Реджи.

- Bravo! Вот это ход! - донесся из толпы голос какого-то француза.

- Можете не сомневаться, мой сын поступит как положено, - возвестил герцог, переварив слова Реджи. - Как-никак, он учился в привилегированной школе и знает, как следует вести себя джентльмену.

- Но я не хочу жениться на ней, - выдохнул Перри.

- Как? - сказал Реджи.

- Как? - воскликнул герцог.

- Как? - чуть не хором подхватили Марджери и Урсула.

- Станный народ эти англичане, верно? - обратился француз к окружающим его зевакам.

- Я слишком молод, чтобы жениться, - жалобно произнес Перри. - Мне еще только восемнадцать лет.

- Как, ты отказываешься вернуть моей жене звание достойной женщины? - осведомился Реджи, осмысливая услышанное.

- Я не женюсь на ней, если вы это подразумеваете, - с раздражением ответил Перри.

- И должен добавить, что я согласен с моим сыном. Совершенно неподходящая партия, - опрометчиво заявил герцог.

Смерив взглядом лицо Перри, Реджи повернулся к его отцу.

- Говнюки вы оба, - заключил он и, не давая нам опомниться, поднял Перри, словно младенца, и швырнул его в Большой канал.

После чего схватил герцога и отправил его следом. Должен сознаться, мне доставило искреннее удовольствие созерцать редкостное зрелище, когда герцог и его наследник вынырнули на поверхность, отфыркиваясь.

Два карабинера, которые до той поры спокойно, как и надлежит настоящим итальянцам, наблюдали происходящее, решили - с явной неохотой, - что как представители закона и порядка обязаны что-то предпринять. Элегантно, точно два павлина, они подошли к Реджи.

- Пардон, синьор, - заговорил один из них на безупречном английском языке, - у вас какие-то неприятности?

Для Реджи наступил ответственный момент, и я с восхищением смотрел, как он выходит из трудного положения.

- Вы очень любезны, но я не нуждаюсь в помощи, - отвечал он гордо, хоть и не совсем внятно. - Мою жену соблазнил сын герцога. Я приехал сюда отвезти ее домой, пошкольку мне шдается, что теперь она излечилась от своей безрассудной страсти. Герцог и его сын перед вами - это та странная парочка, что затеяла плескаться в канале. Я не собираюсь подавать на них в суд. Пошли, Марджери, следуй за мной.

С этими словами он взял за руку покорную, растерянную Марджери и проложил себе путь через толпу, оставив меня в обществе мокрого и сердитого герцога с его отпрыском и двух учтивых, но любопытствующих представителей итальянской полиции. Два часа ушло у нас на то, чтобы объяснить, в чем было дело, кто такой герцог, кто такой Перри, кто такой я, кто такая Урсула, кто такие (на случай, если удастся их найти) Реджи и Марджери. Сверх того нам пришлось ответить на всевозможные дополнительные вопросы бюрократической машины, как то - год рождения каждого, не страдали ли наши бабушки куриной слепотой, и так далее. В конце концов, еле держась на ногах от усталости, мы с Урсулой простились с герцогом и его обиженным сыном и наследником, после чего нашли приют в уютном баре на краю площади Святого Марка.

- Милый, ты был просто великолепен, - нежно произнесла Урсула, глядя на меня своими огромными синими глазами. - Отделался от этих ужасных полицейских с таким аплумбом.

- Аплумбом, - машинально поправил я.

- Все равно. Я так гордилась тобой.

- Спасибо. Что будешь пить?

- Граффити, если можно. Со льдом.

- Принесите мадам мартини со льдом, - перевел я официанту, - а мне двойной бренди с содовой.

- Я так рада, - сказала Урсула, - что мне удалось решить проблемы Реджи.

- Мне показалось, что он сам с этим справился.

- Нет-нет, дорогой, - принялась объяснять Урсула. - Если бы не я, и не герцог, и не твоя помощь, конечно, Реджи не знал бы, что делать.

- Почему бы тебе не перестать помогать своим друзьям? - спросил я. - Почему бы не оставить их в покое?

- Их никак нельзя оставлять в покое, - возразила она. - Только оставь их в покое, они такого натворят... Послушай, согласишься - если бы я не вмешалась, Реджи и Марджери ни за что не поладили бы. В этом случае я сыграла роль катапульти.

- Катализатора?

- Милый, когда только ты перестанешь поправлять меня? Ты просто очарователен, но эта твоя привычка без конца поправлять меня действует мне на нервы.

- Ты в самом деле считаешь меня очаровательным? - удивился я.

- Я всегда считала тебя очаровательным, только не понимаю, какое это имеет отношение к Реджи и Марджери, - торопливо произнесла Урсула.

- Честно говоря, в данный момент мне совершенно безразлично, как сложится будущее Реджи и Марджери. По-моему, они достойны друг друга. По-моему, герцогу и его сыну не мешает найти себе жен, и, подводя итоги всей этой дурацкой истории, хочу сказать, что я приехал в Венецию поразвлечься, а ты прелестная женщина. Так почему бы нам не выбросить из головы этих скучнейших английских мелкопоместных дворянчиков и не поговорить о том, чем мы займемся сегодня ночью... причем предупреждаю, без секса не обойдется.

Урсула порозовела - отчасти от смущения, отчасти от удовольствия.

- Ну, я даже не знаю, - начала она, и я с радостью ждал продолжения. - Я собиралась сегодня лечь пораньше.

- Дорогая, ты не могла сделать лучшего предложения! - воскликнул я.

- Ты отлично знаешь, что я подразумевала, - дернула она уздечку.

- Теперь, когда ты решила весь комплекс проблем Реджи, Марджери, Перри и герцога, - возразил я, - почему бы тебе не расслабиться. Приглашаю тебя на безнравственный сексуальный ужин, а потом решишь, где тебе провести оставшиеся два дня в Венеции - то ли в твоём убогом пансионате, то ли в спальне величиной с бальный зал, с видом на Большой канал.

- О-о-о! У тебя спальня с видом на Большой канал... развратник!

- Давай так - ты возвращаешься в свою гостиницу и передеваешься, я отправляюсь в свою, прослежу, чтобы в моем люксе навели надлежащий порядок, и в половине восьмого захожу за тобой. К тому времени, надеюсь, ты успеешь решить, стоит ли поменять твою жалкую обитель на одну из роскошнейших спален Венеции.

Ужин удался на славу, и Урсула была в ударе. Когда дошла очередь до кофе и бренди, я спросил, надумала ли она переменить жилье.

- Милый, ты романтичен, - игриво сказала она. - Совсем как Пасадубль.

- Кто? - удивился я.

- Ну, ты знаешь, тот великий итальянский любовник.

- Ты хочешь сказать - Казанова?

- Милый, ты опять меня поправляешь, - холодно заметила Урсула.

- Извини, - сказал я покаянно, - мне страшно лестно, что ты считаешь меня таким же романтичным, как Пасадубль.

- Ты всегда был по-своему романтичен, - сообщила она. - Скажи, твоя спальня в самом деле такая большая и из окна действительно видно Большой канал?

- Да - на оба вопроса, - горестно произнес я. - Должен, однако, сознаться, мне было бы куда приятнее, если бы

для тебя мое личное обаяние было важнее, чем размеры и расположение моей спальни.

- Я же говорю - ты романтичен, - пробормотала Урсула. - Почему бы нам не отправиться в твою гостиницу, выпить по рюмочке и посмотреть на твой люкс?

- Блестящая идея, - горячо подхватил я. - Пошли?

- Милый, это не романтично. Лучше поплывем.

- Конечно, - сказал я.

Урсула предпочла катеру гондолу.

- Понимаешь, - она вздохнула с наслаждением, - я всего четыре дня как в Венеции, и каждый вечер выбирала гондольера.

- Никому не говори, - ответил я, целуя ее.

В пышном белом платье она была так хороша, что даже гондольер (деловой и циничный представитель млекопитающих) был восхищен.

- Милый, - сказала Урсула, принимая театральную позу в свете фонарей на пристани, - я уже предвкушаю наш роман.

С этими словами она шагнула внутрь гондолы, сломала каблук и плюхнулась в Большой канал. Зная, что она плавает, как выдра, я мог бы ограничиться минимумом джентльменских усилий, чтобы помочь ей выбраться из воды, однако пышное платье, намкнув, обмоталось вокруг ног Урсулы и потянуло ее на дно. Волей-неволей пришлось мне сбросить пиджак и ботинки и нырять следом за ней. В конце концов, не в меру наглотавшись воды, я сумел подтащить ее к берегу, где гондольер помог поднять ее на пристань.

- Милый, ты так храбро меня спас... Надеюсь, ты не очень промок, - выдохнула Урсула.

- Самую малость, - ответил я, подсаживая ее в гондолу.

Когда мы доплыли до гостиницы, ее била дрожь, и я велел ей принять горячую ванну. Когда она вышла из ванной, у нее поднялась температура. Сколько она ни твердила, что все в порядке, я настоял на том, чтобы она легла в постель в моей просторной спальне. К полуночи температура поднялась настолько, что я встревожился и вызвал врача - сердитого сонного итальянца, явно не знакомого с клятвой Гиппократы. Он дал Урсуле какие-то таблетки и заверил, что она поправится. На другой день я отыскал приличного врача и услышал от него, что у Урсулы воспаление легких.

Две недели я преданно ухаживал за ней, пока медики не посчитали, что ей можно ехать домой. Я проводил ее в аэропорт. Когда объявили посадку, Урсула обратила на меня полные слез, огромные синие глаза.

- Милый, это был такой чудесный роман, - сказала она. - Надеюсь, ты со мной согласен.

- Я ни на что не променял бы эти дни, - ответил я, целуя ее теплые губы.

Даже Пасадубль, сказал я себе, не мог бы проявить большего такта.





СМЯТЕНИЕ ОТ ЧТЕНИЯ

Выросший в семье, где книги почитались столь же необходимыми для жизни, как пища, воздух и вода, я всегда поражался, как мало читает средний человек. Недоверие, с каким известные диктаторы относились к книгам, казалось мне странным, ведь книга не только учитель, но и прекрасный друг. Велико влияние книг на людей, достаточно назвать "Происхождение видов", "Капитал", Библию, но какое смятение в умах может произвести книга, я по-настоящему узнал лишь после того, как принес в гостиницу "Ройял Пэлис Хайклифф" труды Хэвлока Элиса.

По прибытии в Борнмут я первым делом помчался в мою любимую книжную лавку на Крайстчерч-роуд. В высоком узком здании здесь помещается огромное увлекательнейшее собрание новых и букинистических книг. На первом этаже и в подвале на вас устремлены несколько ядовитые взоры новых книг в разноцветных су-

перобложках, но поднимитесь наверх по скрипучим неровным ступенькам, и вам откроется диккенсовский ландшафт. В каждой комнате от пола до потолка выстроились на полках плотные ряды старых книг. Полки встречают вас на узких лестничных площадках, и дальше они окружают вас со всех сторон, образуя чудесное, теплое, ароматное чрево.

Возьмите любую книгу - у каждой свой запах. Одна пахнет не только пылью, но и грибами, другая - осенним лесом или цветущим раkitником под ярким солнцем, третья - жареными каштанами. Есть книги, пахнущие едким дымком горящего угля, есть благоухающие медом. Но мало запахов - они дивные на ощупь в своих тяжелых кожаных переплетах, лоснящиеся, точно тюленья кожа, с жилками золотых букв на глянцеvитых корешках.

Книги толщиной с бревно, книги тонкие, как прутик, бумага толстая и мягкая, как листья наперстянки, хрустящая и белая, как лед, легкая и ломкая, как иней на паутине. А цвета переплетов... Цвета восхода и захода, багряной осенней листвы, покрытых вереском зимних холмов; фoрзацы - разноцветные, мраморные, точно некие марсианские облака. И всем этим упиваются и наслаждаются ваши органы чувств еще до того, как вы прочли названия ("Великий Красный остров - Мадагаскар", "От Пекина до Лхасы", "Через бразильские дeбри", "Сьерра-Леоне - люди, продукты и тайные общества") и вот наступила дивная минута, когда вы открываете книгу, словно волшебную дверь.

Тотчас книжная лавка куда-то исчезает, и вы вместе с Уоллесом впитываете густые запахи Амазонии, вместе с Мэри Кингсли торгуетесь с продавцом слоновой кости, вместе с Дю Шаллю оказываетесь лицом к лицу с разъяренной гориллой, в тысячах романах предаетесь любви

с тысячами прекрасных женщин, вместе с Сидни Картоном идете на гильотину, смеетесь вместе с тремя джентльменами в одной лодке, отправляетесь вместе с Марко Поло в Китай. И все это вы делаете, стоя на жестком неровном полу, с магическим паспортом в руках, без малейших затрат. Вернее, мне следовало бы сказать, что вам это может не стоить ни гроша, ибо лично я не способен войти в книжную лавку без денег и выйти из нее с пустыми руками. Всякий раз моя чековая книжка худеет, и чаще всего приходится вызывать такси, чтобы отвезти мою добычу.

В данном случае я уже истратил куда больше, чем предполагал (но какой сколько-нибудь решительный, волевой человек устоит против соблазна купить книгу о слонах или про анатомию гориллы?), когда, мирно сидя на корточках перед очередной полкой, прямо перед собой (так что пропустить было невозможно) увидел тома издания, о котором давно мечтал. В темно-бордовых матерчатых переплетах, они отличались друг от друга только толщиной. Крупные буквы названия почти стерлись, так что этот книжный ящик Пандоры вполне мог бы остаться незамеченным мной, не пробейся в эту самую минуту сквозь пыльное оконное стекло луч зимнего солнца, позволяя прочесть: Хэвлок Эллис, "Психология секса".

Так вот, всякому, кто изучает, содержит, а главное - разводит редких животных, известно, какую огромную роль играет секс и изучение сексуальных импульсов животного, способного рассказать и написать о своих чувствах и переживаниях, то бишь человека, чрезвычайно важно для работы с менее речистыми представителями животного мира. Хотя я располагал достаточно внушительным собранием книг о человеческом сексе, ему недоставало шедевра, за которым я давно охотился, клас-

сического труда Хэвлока Эллиса. Конечно, современная наука продвинулась вперед после его написания, и все-таки он во многом сохранял актуальность, не говоря уже про обилие ценной информации.

Молодая леди, которая помогла мне отнести книги вниз, явно полагала, что мужчине моего возраста не следовало бы покупать девять томов о сексе. Знающий меня не один год владелец лавки Джон Рэстон был настроен более благожелательно.

- Ага, - сказал он, покачиваясь, точно дрессированный медведь, - ага, Эллис. Довольно редкое издание.

- Сто лет за ним охочусь, - отозвался я. - Я просто в восторге.

- Отличный, чистый экземпляр, - не сознавая юмор своих слов, заметил Джон, взяв в руки и рассматривая том, посвященный гомосексуальности.

Итак, моего Хэвлока Эллиса упаковали вместе с еще несколькими, замеченными в последнюю минуту книгами (назовите мне любознательного человека, которого не привлекли бы такие названия, как "Речь обезьян", или "Дневник работоторговца", или "Патагонцы"), и Джон Рэстон позаботился о том, чтобы меня отвезли в гостиницу, где всю последующую неделю я почти не расставался с Хэвлоком, всюду носил с собой какой-нибудь из девяти томов, отмечая карандашом сведения, полезные для работы с разведением животных. Мне было невдомек, что в пустующей среди зимы гостинице ее персонал изучал мои повадки почти так же внимательно, как я изучал своих животных. А видели они, что, перемещаясь из коктейль-бара в ресторан и из ресторана в гостиную, я постоянно читаю одну книгу (все тома выглядели одинаково), делая на ходу какие-то пометки. Когда в половине восьмого утра мне приносили в номер завтрак, я лежал в постели с Хэвлоком, и с ним же в два часа ночи меня ви-

дели ночные швейцары. Несомненно, в этой книге было что-то особенное, если я никак не мог от нее оторваться, подолгу не произнося ни слова.

Я и не подозревал, как всех заинтриговало мое увлечение Хэвлоком, пока итальянский бармен Луиджи однажды не обратился ко мне:

- Должно быть, мистер Даррелл, это очень интересная книга?

- Ага, - промямлил я. - Хэвлок Эллис.

Луиджи довольствовался этим, не желая сознаваться, что имя Хэвлока Эллиса ему ничего не говорит. После него заместитель управляющего гостиницей, австриец Стивен Грамп, тоже спросил меня:

- Должно быть, мистер Даррелл, книга очень интересная?

- Ага, - ответил я. - Хэвлок Эллис.

Он тоже не захотел обнаруживать свое невежество и лишь глубокомысленно кивнул.

Я же был до того пленен не только собственно исследованиями Хэвлока, но и стилем письма, в котором угадывался нрав автора - серьезный, педантичный, лишенный чувства юмора, типичный для американца, когда он основательно берется за дело, этакая смесь дотошности прусского офицера, вдумчивости шведского артиста и осмотрительности швейцарского банкира, - словом, я был до того пленен всем этим, что совершенно не замечал, как страстно окружающим хочется узнать, что же такое я читаю. Тусклый темно-бордовый переплет и выцветшие буквы на корешке ничего не могли им сказать. Но однажды, совершенно случайно, секрет раскрылся, и поднялось смятение, подобного которому мне редко доводилось наблюдать. Произошло это безо всякого моего умысла, когда я в ресторане читал Хэвлока, уписывая великолепно приготовленные макароны и аво-

кадо (поварами в гостинице работали итальянцы, обслуживу составляли англичане). Подцепляя вилкой макароны с пармезаном, я в то же время впитывал сведения о том, что составляет красоту женщины и что ценится или, напротив, отвращает в различных частях света. И остановился на употребляемой на Сицилии фразе, сулившей интересные умозаключения. Если бы только я понимал, что она означает.

Увы, этот Хэвлок явно полагал, что все его читатели безупречно владеют итальянский языком, и не потрудились напечатать в сноске перевод. Поломав голову над загадочной фразой, я вспомнил, что метрдотель Инноченцо родом с острова Сицилия. И подозревал его, не подозревая, что поджигаю бикфордов шнур, соединенный с бочонком пороха.

- Что-нибудь не так? - спросил он, озирая стол большими карими глазами.

- Все чудесно, - ответил я. - И я не поэтому подозревал тебя. Ты ведь говорил, что родился на Сицилии, верно?

- Так точно, - кивнул он, - на Сицилии.

- Так, может быть, ты переведешь для меня вот это? - Я указал на заинтриговавшее меня выражение.

Эффект был странный и совершенно неожиданный. Прочтя фразу необыкновенно расширившимися глазами, он посмотрел на меня, растерянно отступил на несколько шагов, вернулся, прочитал еще раз, снова посмотрел на меня и отпрянул, как если бы у меня вдруг выросла вторая голова.

- Что это за книга? - спросил Инноченцо.

- Хэвлок Эллис. "Психология секса".

- Вы уже целую неделю читаете ее, - укоризненно произнес он, точно поймал меня на чем-то недозволенном.

- Так ведь он написал девять томов, - возразил я.

- Девять?! Девять? И все о сексе?

- Ну да. Это обширный предмет. Но меня сейчас интересует - верно ли, что вы на Сицилии так говорите о женщинах?

- Я? Никогда, никогда! - поспешил заявить Инноченцо. - Я никогда так не говорю.

- Никогда? - разочарованно осведомился я.

- Может быть, мой дед иногда так выражался, - сказал он. - Но теперь так не говорят. О, нет, нет! Только не теперь.

Он не отрывал глаз от моей книги.

- Вы сказали, что этот человек написал девять книг? И все о сексе?

- Ну да. О всех аспектах секса.

- И вы всю неделю читаете про это?

- Ну да.

- Стало быть, вы теперь эксперт. - Он смущенно усмехнулся.

- Нет, это он эксперт. Я только учусь.

- Девять книг, - изумленно протянул он, потом вернулся мыслями к работе. - Вам принести еще сыра, мистер Даррелл?

- Нет, спасибо. Только еще вина.

Инноченцо принес вино, откупорил, налил мне две капли на пробу, пожирая глазами книгу. Я одобрил вино, он наполнил бокал.

- Девять книг, - произнес он, осторожно свинчивая со штопора пробку. - Девять книг о сексе. Мама миа!

- Да-да, - подтвердил я. - Хэвлок поработал добросовестно.

Инноченцо удалился, и я снова обратил взгляд на тексты Хэвлока, основательно и дотошно изучавшего нравы пылких сицилийцев. Откуда мне было знать, что мой пылкий сицилиец рассказывает официантам, что у мис-

тера Даррелла есть девять томов о сексе - рекордная цифра для постояльцев любой гостиницы в мире. Сия новость распространилась со скоростью степного пожара. Когда во второй половине дня я вернулся из очередного похода в магазины, сразу два швейцара поспешно открыли мне двери, а за стойкой, ослепительно улыбаясь, собрался целый цветник из прелестных регистраторш. Столь неожиданный энтузиазм слегка озадачил меня, однако мне не пришло в голову связать его с тем фактом, что в моем владении находились девять томов Хэвлока Эллиса. Поднявшись в свой номер, я заказал по телефону чай и лег на постель с книгой. Вскоре явился с моим заказом дежурный официант Гэвин, высокий, стройный молодой человек с изящным профилем, большими голубыми глазами и шапкой белокурых волос, напоминающих нечесаную гриву арабского скакуна.

- Добрый день, - сказал он, уставясь на мою книгу.

- Добрый день, Гэвин, - отозвался я. - Поставь чай на стол, если не трудно.

Он выполнил мою просьбу и остался стоять, глядя на меня.

- Да? - спросил я. - Тебе что-нибудь нужно?

- Это у вас та грязная книга?

- Грязная! - возмутился я. - Это Хэвлок Эллис, крупнейший специалист по психологии секса. Грязная книга - скажешь тоже!

- Ну да, - настаивал Гэвин. - Я насчет секса.

- Секс, что бы ни думали англичане, отнюдь не грязный предмет, - резковато ответил я.

- Ну, понимаете... я знаю, что это не так, - уступил Гэвин. - Но, понимаете... я хотел сказать... все думают так, разве нет?

- К счастью, существует небольшое меньшинство, придерживающееся других взглядов, - возразил я. - Надеюсь, ты принадлежишь к этому меньшинству.

- О да. Я хотел сказать, что я всецело за секс, да. По моему, так всякий волен делать, что хочет, в каком-то смысле. Конечно, кроме того, что не положено... сами понимаете, например, одурманивать девушек и отправлять их в такие места, как Буэнос-Айрес...

- Верно, - серьезно согласился я. - В сексе тоже все должно быть честно.

Он прерывисто вздохнул, перебирая пальцами салфетку. Его явно мучила какая-то проблема.

- Ну и что там говорится? - спросил наконец Гэвин.

- О чем?

- О сексе, конечно.

- Какой именно аспект тебя интересует?

- Как это понимать - аспект? - озадаченно справился он.

- Ну, ты хочешь что-то узнать про обычный секс или про лесбианство, гомосексуализм, садизм, мазохизм, онанизм?

- Ух ты! - воскликнул Гэвин. - Он про все это пишет? Честно?

- Честно, - ответил я. - Все это разные виды секса.

- Силы небесные! Да-а-а... Что ж, наверно, вы правы. Сам живи и другим не мешай, как говорится.

- Вот именно.

Гэвин завязал узелок на салфетке и похлопал им по ладони. Ему не терпелось о чем-то спросить.

- У тебя есть проблемы? - спросил я.

Он вздрогнул.

- У меня?! - Он попятился к двери. - Ничего подобного! У меня никаких проблем. У меня? Никаких.

- Стало быть, доктор Хэвлок Эллис не может тебе помочь?

- Нет-нет... То есть... У меня нет проблем. Какие бывают у некоторых людей. Я найду за подносом попозже, ладно?

Он поспешно удалился.

И я представил себе, что вести о Хэвлоке Эллисе сейчас взбудоражат всю гостиницу, как будоражат джунгли сигнальные барабаны. Попивая чай, я ждал, что последует дальше. Не прошло и часа, как снова появился Гэвин.

- Как вам чай? - справился он.

Прежде Гэвин никогда не спрашивал меня об этом.

- Спасибо, все в порядке, - ответил я выжидательно.

Гэвин помолчал, ловко вертя поднос на одной ладони.

- Прочитали еще? - спросил он наконец.

- Несколько страниц.

Он надул щеки, вздохнул.

- Должно быть, это подходящая книга для человека, у которого... ну, есть проблемы?

- Очень полезная. Он обо всем судит здраво, так что у человека не возникает комплекса вины.

- Ну да... это хорошо. Комплексы - это плохо, верно?

- Очень плохо. Даже вредно для человека.

Опять наступило молчание. Гэвин перебросил поднос с левой ладони на правую.

- Да-а-а... - протянул он задумчиво. - Есть у меня один друг, страдает от комплекса.

- В самом деле? И что же это за комплекс?

- Ну, я даже затрудняюсь объяснить. Он совсем недурен собой, как говорится... Словом, парень хоть куда. И девушкам нравится, да. По правде говоря, так две даже передрались из-за него, - не без гордости сообщил Гэвин. - Две португальские горничные... Здорово потрепа-

ли друг дружку. Вцепились в волосы, били кулаками. Больно они вспыльчивые, эти иностранки, верно?

- Очень вспыльчивые, - подтвердил я. - Это и есть проблема, которая мучает твоего приятеля? Слишком много пылких португальских девушек просятся к нему в постель?

- Нет-нет! Нет... нет... не в этом дело. Понимаете, они ему не нравятся.

- Ты хочешь сказать, что у него уже есть подружка?

- Нет-нет! Дело в том... ему не нравятся девушки, понимаете? - с отчаянием выпалил Гэвин. - То есть ему не нравится... ну, понимаете... возиться с ними.

- Ты хочешь сказать, что ему нравятся парни?

Он покраснел.

- Ну, как бы это сказать... ну, он говорит... понимаете, что возился с некоторыми парнями... ну, и он говорит...

Гэвин совсем растерялся.

- Говорит, что предпочитает их девушкам? - спросил я.

- Ну... да... что-то в этом роде. Так он говорит.

- Что ж, в этом нет ничего дурного. Его это беспокоит?

- Вы хотите сказать, что можно жить... со странностями, и ничего?

- Если человек таким уродился, это вовсе не грех. С этим ничего не поделаешь, как нельзя изменить цвет глаз.

- О! - произнес Гэвин, пораженный таким суждением.

- Ну да... Пожалуй что и впрямь нельзя.

- Твой приятель хотел бы одолжить Хэвлока Эллиса, посмотреть, что тот говорит о гомосексуальности?

- Думаю, хотел бы, - нерешительно ответил Гэвин. - Скорее всего, да. Я... гм, спрошу его и скажу вам.

- Не хочешь прямо сейчас взять книгу на всякий случай?

- Ну... - он уставился на том, который я ему протянул, - ну, пожалуй, я мог бы ее взять... на случай, если он станет читать... н-да, я мог бы... и сразу верну. Хорошо?

- Хорошо, - ответил я. - Только скажи ему, чтобы не залил книгу пивом.

- Нет-нет, - заверил он, зажав книгу под мышкой и направляясь к двери. - Не залью.

И мой первый пациент удалился.

Утром пятого дня моего пребывания в гостинице Гэвин принес в номер завтрак с беспечным видом.

- Ну? - спросил я. - Моя книга утешила твоего друга?

- Моего друга? - недоуменно воскликнул он.

- Ну да. Твоего друга с комплексом.

- А, его... Ну да... он говорит, книга очень интересная. Я и сам ее полистал. Очень интересно. Дело в том... он пишет об этом очень разумно... не внушает человеку, будто он последняя дрянь, так сказать.

- И правильно делает, - отозвался я, попивая чай.

- Да. Только вот что должен сказать вам - девушки в регистратуре прямо вне себя от того, что у него там говорится о лесбиянках.

- Ты давал книгу им? Ты понимаешь, что управляющий выставит меня из гостиницы, если поймает тебя, а сам ты будешь уволен за распространение порнографии.

- Да не поймает он меня, - возразил Гэвин пренебрежительно.

- Ну, и что говорят девушки из регистратуры? - поинтересовался я, представляя себе, какие опасности могут подстергать меня на первом этаже.

- Вы Сандру знаете? Блондинку? Довольно симпатичную такую? Так вот, она снимает квартиру вместе с Мэ-

ри... С толстушкой, которая носит очки. Так вот, прочитав эту книгу, Сандра заявила, что будет жить отдельно. Дескать, она все время спрашивала себя, с чего это Мэри всегда напрашивается потереть ей спину в ванной, а теперь поняла и больше не желает ничего подобного. Мэри жутко расстроилась... плачет без перерыва и все твердит, что никакая она не лесбиянка. Мол, человеку трудно самому мыть себе спину, и она только хотела помочь Сандре, а та говорит, что ей хватает проблем со своими дружками без того, чтобы Мэри лезла к ней в ванную.

- В этом что-то есть, - рассудил я. - А что говорят остальные две?

- Так вот, мисс Гемпс, что постарше, не возражает против того, чтобы делить квартиру с Мэри, потому что любит, чтобы ей терли спину, и не видит в этом ничего дурного. А Сандра заявила, что мисс Гемпс задумала соблазнить Мэри, тогда мисс Гемпс страшно разозлилась и сказала, что предпочитает, чтобы девушка терла ей спину, чем чтобы перед ней терли мужчины, как это явно по нраву Сандре. Тут Сандра пришла в ярость и крикнула, что она девица, как и мисс Гемпс, только с той разницей, что сама этого желает, тогда как мисс Гемпс девица поневоле. И теперь они вовсе не разговаривают друг с дружкой.

- Неудивительно, - заметил я. - Тебе не кажется, что следует дать им почитать том, который рассказывает о непорочном зачатии?

- Да нет, все будет в порядке, - сказал Гэвин. - Им только полезно поцапаться, разрядить атмосферу.

- Но теперь Мэри лишена единственного своего удовольствия, - возразил я.

- Ничего, - отозвался Гэвин. - Сегодня все они идут на вечеринку и поладят.

- Ты тоже пойдешь на вечеринку? - спросил я, рассчитывая на репортаж с места происшествия.

- Нет, - ответил Гэвин, глядя на меня с вызовом. - У меня встреча с моим другом Рупертом.

- Желаю хорошо провести время.

- Можете не сомневаться, - сказал он, выходя из номера с важным видом.

Позже, в тот же день, когда я спустился в регистратуру обналичить чек, юные леди, с потухшими глазами и поджатыми губами, обслужили меня с холодной учтивостью, от которой стало бы не по себе даже белому медведю. Однако вызванное Хэвлоком смятение на этом не кончилось. Один за другим ко мне потянулись новые пациенты. Начну с молодого швейцара Дэниса, славного, но, к сожалению, далеко не красивого шотландского парня, чья непривлекательность усугублялась двумя физическими изъянами. Он заикался, и лицо его украшала рельефная карта из красных прыщей, отчего круглые карие глаза Дэниса смотрели на вас особенно робко. Он принес мне в номер телеграмму и остановился в дверях, переминаясь с ноги на ногу.

- От-от-ответа не бу-будет, сэр? - спросил он.

- Нет, Дэнис, спасибо.

- Могу я че-чем-нибудь еще бы-быть вам полезен, сэр?

- Пока нет. Разве что у тебя есть на редкость миловидная порочная сестра.

- Н-н-н-нет, сэр. Моя се-сестра за-замужем, сэр.

- И хорошо, - убежденно произнес я. - Приятно знать, что институт брака еще жив. Это так же отраднo, как если бы я встретил живого динозавра.

- Эт-та к-к-книга, ко-которую вы дали Гэвину, сэр... В ней го-го-говорится о же-женитьбе, сэр?

- Хэвлок много пишет о женитьбе. А что именно тебя интересует?

- Он пи-пишет, к-к-как делать п-п-п-предложение, сэр?

- Как предлагать руку и сердце? Не уверен. Вряд ли у него на этот счет есть конкретные указания. Скорее, его книги могут служить руководством, как вести себя после женитьбы.

- Но в-ведь спе-сперва надо сделать п-п-п-предложение, сэр, - заметил Дэнис.

- Разумеется. Но это как раз несложно. Кому ты собираешься сделать предложение?

- С-с-с-сандрэ, - ответил он, и у меня замерло сердце.

Меньше всего на свете мог Дэнис рассчитывать на расположение Сандры, даже будь он первым красавцем, чего никак нельзя было сказать об этом парнишке с его прыщами и желтым пушком, как у только что вылупившегося цыпленка. Добавьте к этому заикание, и шансы Дэниса завоевать сердце Сандры равнялись его шансам стать премьер-министром.

- Ну, это очень просто, - решительно произнес я. - Ты приглашаешь ее куда-нибудь повеселиться и в конце вечера задаешь заветный вопрос. Элементарно. Все трудности начнутся после того, как она скажет "да".

- У меня прыщи, - уныло молвил Дэнис.

- У всех прыщи, - ответил я. - Не стану раздеваться перед тобой, но у меня вся спина в прыщах. Похоже на аэрофотоснимок главных вершин Андских гор.

- Т-так то на с-с-спине, - возразил он. - М-м-мои на ли-лице.

- Их почти не видно, - солгал я. - Не скажи ты об этом, я бы и не заметил.

- Я за-за-заикаюсь, - сказал Дэнис. - К-как можно сделать п-п-п-предложение, ко-когда за-заикаешься?

- Совсем чуть-чуть, - заверил я его. - Когда наступит великая минута, ты от волнения забудешь заикаться.

- Еще я к-к-краснею, - не унимался Дэнис, твердо решив выложить мне все свои изъяны.

- Все краснеют, - ответил я. - Даже я, только под бородой и усами не видно. Способность краснеть - свойство людей положительных, деликатных. Тут вовсе нечего стыдиться. Кстати, у Хэвлока в восьмом томе говорится кое-что на этот счет.

- А п-про п-п-прыщи и за-заикание он пишет? - спросил Дэнис с надеждой в голосе.

- О прыщах ни слова. Это, собственно, не его область. Хочешь почитать, что он пишет в восьмом томе?

- Хо-хо-хочу, - с жаром согласился Дэнис.

И удалился, схватив восьмой том. Это собеседование совершенно измотало меня, я чувствовал себя примерно так, как себя чувствует какой-нибудь психиатр в конце тяжелого трудового дня. Я от души надеялся, что Хэвлок как-то поможет серьезному, славному парню, хотя шансы его явно были близки к нулю.

Следующим за советом к Хэвлоку обратился Джованни, один из официантов, высокий, стройный, красивый брюнет, напоминающий ухоженную антилопу с лучистыми глазами. Глядя на этого самоуверенного малого, трудно было представить себе, что у него вообще могут быть какие-либо проблемы, не говоря уже о сексуальных. Тем не менее однажды, когда я засиделся за ланчем в ресторане и остальные посетители уже ушли, он занял позицию метрах в двух от моего столика и уставился на меня.

- Да? - вздохнул я, отложив карандаш, которым делал пометки. - Какие у тебя проблемы, Джованни?

- Понимаете, - он нетерпеливо подошел вплотную к столику. - Я вот о чем хотел спросить... в этой вашей книге, э... говорится что-нибудь о садизме?

- Говорится, - ответил я. - А что? Тебя одолевает желание поколотить Инноченцо?

- Нет-нет. Речь не обо мне, а о моей подружке.

- Вот как, - осторожно молвил я. - И в чем же дело?

Он осмотрелся украдкой, убеждаясь, что мы одни.

- Она кусается, - прошептал он.

- Кусается?

- Ну да.

- Кого же она кусает? - спросил я в замешательстве, настолько его слова поразили меня.

- Она кусает меня, - объяснил Джованни.

- О! - Я малость опешил, ибо даже Хэвлок не подготовил меня к случаю с девушками, кусающими плечистых итальянских официантов.

- И почему же она кусает тебя?

- Она говорит - ей нравится мой вкус, - важно сообщил он.

- Так это только хорошо, разве нет?

- Нет. Она кусается больно, - возразил Джованни. - Иногда я боюсь, что она перекусит какой-нибудь сосуд и я истеку кровью.

- Не истечешь. Никто еще не умирал от ласковых укусов.

- И вовсе это не ласковые укусы, - возмущенно ответил он. - Она садизм.

- Садистка, - поправил я его.

- И это тоже.

- Но ласковые укусы - обычное дело, - заверил я. - Это признак обожания, любви.

Джованни еще раз оглянулся - никто не видит? - затем расстегнул рубашку.

- Вот это что - любовь или садизм? - спросил он, обнажая грудь, словно покрытую каракулем, сквозь который можно было рассмотреть аккуратные красные метки от укусов.

Кое-где зубы возлюбленной прокусили кожу, а один кусок был даже залеплен пластырем.

- Что ж, - заметил я, - должно быть, это больно. Но я не стал бы называть это садизмом.

- Нет? - гневно осведомился Джованни. - Вы что же хотите - чтобы она сожрала меня?

- А почему тебе в ответ не укусить ее? - предложил я.

- Не могу. Ей это не понравится.

Я убедился, что у Джованни в самом деле есть проблемы и главная проблема заключалась в том, что ему неизвестно, что такое настоящий садист или садистка.

- Хочешь одолжить у меня книгу, где говорится о садизме? - спросил я. - Может, поможет?

- Хочу, сэр. - Он просиял. - Я прочту ей, и она увидит, что она садизм.

- На твоём месте я не стал бы читать ей всю книгу, - предостерег я Джованни. - Ты ведь не хочешь, чтобы она взялась за плетки и прочие предметы.

- Я сперва прочту сам, - ответил он, поразмыслив.

- Правильно, на твоём месте я взял бы на себя роль цензора. Я принесу эту книгу вечером, Джованни.

- Спасибо, мистер Даррелл, - сказал он и проводил меня до двери, кланяясь и застегивая рубашку.

Два дня спустя Джованни вернул мне книгу, но вид у него был слегка озабоченный.

- Все в порядке, - прошептал он.

- Отлично, - отозвался я. - И что же у вас произошло?

- Когда я прочел ей то, о чем он пишет, она подумала, что я задумал проделать с ней это. И сразу стала возра-

жать: "Нет-нет, ни за что". А я ей в ответ: "Откажись от садизма, тогда и я не буду".

- Она согласилась?

- Ага, согласилась.

- Стало быть, подействовало?

- Сегодня ночью, - он прищурил один глаз, - она была нежная, словно птичка, красивая птичка... совсем ласковая.

- Прекрасно, - сказал я.

- Нет. Теперь она сердится на меня.

- Почему? - удивился я.

- Она была такая красивая, такая нежная, такая ласковая, что я укусил ее, - признался Джованни. - И она говорит, что больше не будет спать со мной.

- Она передумает, - утешил я его.

Однако лицо Джованни выражало сомнение, и к тому времени, когда я уезжал из гостиницы, прекрасная кусака еще не поддалась на его уговоры.

Теперь поведаю о случае с кладовщиком и рабочим, когда я невольно (не без помощи Хэвлока) оказался виновником серьезной стычки; впрочем, все кончилось относительно благополучно, пострадало только меню, когда подгорело главное блюдо дня - овощной суп с лапшой.

Началось все с того, что я открыл кратчайший путь, ведущий к приморским скалам - через подвал нашей гостиницы; до того дня мне приходилось топтать не один километр по дорогам. Названный путь пролегал мимо мусорных контейнеров, а потому я нередко встречал кладовщика и кухонного рабочего, славного ирландского парня с ленивой улыбкой, синими глазами, рыжеватой шевелюрой и россыпью веснушек по всему лицу. Прямую противоположность ему являл кладовщик - темноволосый бирюк с угрюмым лицом, которое, впро-

чем, совершенно преобразалось, когда он улыбался. Мне чрезвычайно нравился его голос - низкий, хриплый; в речи кладовщика отчетливо слышался дорсетский акцент. Весть о том, что я представляю собой неисчерпаемый источник познаний о сексе (благодаря Хэвлоку Эллису), просочилась в подвальные помещения, и оба названных симпатичных молодых человека поделились со мной своими затруднениями; первым - кладовщик Дэвид.

- Понимаете, сэр, - начал он, краснея, - она чертовски хороша. И знает, как она мне нравится, знает, что хочу жениться на ней. Однако ничего не позволяет. Ни за что. Но и с другими чтобы я не делал этого, понимаете? Не то чтобы меня так уж сильно тянуло, понимаете? Но я так рассуждаю - либо она станет делать это со мной, либо я найду для этого другую. Все должно быть по справедливости, сэр, вы согласны?

- Она считает, что воздержание усиливает привязанность, - предположил я и тут же пожалел о своих словах, видя, с какой укоризной он смотрит на меня.

- Мне не до шуток, сэр. У меня от этого плохое настроение, честно. Вот я и подумал, может, в вашей книге есть что-нибудь такое, что я мог бы дать ей прочитать? Такое, ну... чтобы настроило ее, что ли.

- Я дам тебе почитать книгу о сексуальном просвещении и воздержании, - пообещал я. - Однако за успех не ручаюсь.

- Конечно, сэр, конечно, я понимаю. Мне бы только сдвинуть ее с точки, так сказать.

И я одолжил ему шестой том.

А затем ко мне обратился рыжий Майкл. У него были точно те же проблемы. Я-то полагал, что мы живем в снисходительном, терпимом обществе, а тут вдруг обнаружил, что персонал гостиницы руководствуется суро-

выми принципами эпохи королевы Виктории. Юные особы женского пола ревностно охраняли свою девственность.

- Боюсь, Майкл, - сказал я, - тебе придется подождать. Я как раз отдал Дэвиду том, который тебе нужен.

- А, ему... этому недотепе! Я даже не знал, что у него есть девушка. Да у него, небось, и помочиться сил не хватит, не то чтобы...

- Во всяком случае, у него есть девушка, и он страдает так же, как и ты. Так что отнесись к нему с сочувствием.

- Сочувствие - то, чего мне не хватает, - ответил Майкл. - Эта девушка сведет меня с ума. Она погубит мое здоровье. Даже вера моя страдает из-за нее, а это ужасно для ирландца.

- Это как же она влияет на твою веру? - поразился я.

- Влияет, и мне не в чем исповедоваться, - возмущенно произнес Майкл. - А патер О'Мэли считает меня лжецом. На днях он спросил, не хочу ли я исповедаться, и, когда я ответил: "Я не согрешил, патер", он сказал, что я лгу, и велел пятьдесят раз прочесть молитву Богородице. Стыд-то какой!

- Я дам тебе ту книгу, как только получу обратно, - пообещал я. - Повезет, так она поможет и тебе, и Дэвиду.

Откуда мне было знать, что оба ухаживают за одной и той же девицей, если они сами об этом не знали?

Возвращаясь после очередной экскурсии на скалы и посещения чудовищного памятника дурного вкуса - Музея Коутс, я избрал, как обычно, кратчайший путь и узрел захватывающую картину. Майкл и Дэвид стояли друг перед другом, багровые от гнева, первый - с разбитым носом, второй - с рассеченным лбом; их крепко держали за руки шеф-повар и его помощник. На земле рядом с ними лицом вниз лежал мой драгоценный Хэвлок,

чуть дальше валялся помятый окровавленный колпак шефа в компании с острейшим ножом мясника. Я поспешил спасти свою книгу, пока драчуны сыпали бранью и рвались снова померяться силами. Ловя обрывки несвязной речи, я понял, что подружка Майкла показала ему Хэвлока, после чего Майкл, зная, что она могла получить книгу только от Дэвида, подстерег кладовщика и набросился на него с ножом. Дэвид ловко увернулся, ударил Майкла по носу и обратился в бегство. Майкл метнул вдогонку бутылку и разбил Дэвиду лоб. Но тут вмешались повара и не дали им продолжить потасовку.

- Вам не кажется, что вы повели себя глупо? - спросил я.

- Глупо? - заорал Майкл. - Эта ползучая протестантская жаба дает моей Анджеле грязные книжки!

- Твоей Анджеле? - прорычал Дэвид. - Она вовсе не твоя Анджела, мы, считай, уже договорились, что она выходит замуж за меня. И эта книга совсем не грязная, она принадлежит мистеру Дарреллу.

- Чтобы она вышла замуж за какую-то протестантскую падаль? И провалиться мне сквозь землю, если это не грязная книга, - не унимался Майкл. - Вы уж извините меня, мистер Даррелл, вам следовало бы стыдиться, право слово, за то, что помогали этому растленному ублюдку в его попытках развратить одну из самых чудесных и восхитительных девушек, каких я не встречал с тех пор, как покинул Ирландию. И пусть поразит меня Бог, если это неправда.

- Но ведь ты сам собирался дать почитать эту книгу Анджеле, - заметил я.

- Верно. Но это совсем другое дело - я ее жених, - ответил Майкл.

Я знал, что ирландская логика не подлежит обсуждению.

- Послушай, - сказал я. - Деритесь, убивайте друг друга на здоровье, это ваше дело. Вы оба одинаково виновны, ведь обоим книга потребовалась для того, чтобы заманить Анджелу в постель. Вам самим должно быть стыдно, как вы обращаетесь с моим имуществом. Если я сообщу директору, вас обоих уволят, и тогда не видать вам Анджелы. Кстати, по-моему, у вас и так нет никаких шансов. Вчера вечером я видел ее в одном заведении, она обедала там с Найджелом Мерриведером.

Найджелом звали молодого пригожего администратора нашей гостиницы.

- Найджел Мерриведер? - воскликнул Майкл. - Эта свинья! Что она нашла в нем?

- Мерриведер? - подхватил Дэвид. - Она говорила, что он ей не нравится.

- Ну да, - согласился Майкл. - Говорила, что ее тошнит от него.

- Вот так, - заключил я. - Похоже, вам обоим не повезло.

- Ну и ладно, - сказал Майкл. - Больше я с женщинами не имею дела. Стану жить, словно какой-нибудь чертов монах.

- И это после всего, что я для нее сделал! - пожаловался Дэвид. - Изменить мне с Мерриведером, про которого говорила, что ее тошнит от него.

В эту минуту с кухни до нас донесся запах горелого.

- Пресвятая Мария, Матерь Божья! - воскликнул Майкл.

- Мой суп! Мой суп! Ты, чертов ирландский драчун! - вскричал шеф-повар и помчался на кухню, увлекая за собой Майкла.

Младший повар Чарли, румяный лондонец, выпустил из своей хватки второго незадачливого влюбленного.

- Честное слово, я теперь даже не знаю, что о ней думать, - сказал Дэвид.

- А ты не думай, - посоветовал я. - Пойди, опрокинь стаканчик и скажи Луиджи, чтобы записал на мой счет.

- Вы очень добры, сэр. - И Дэвид, заметно повеселев, направился вверх по лестнице в бар.

- Вовремя вы появились, - сказал Чарли, когда удалился Дэвид. - Эти болваны готовы были убить друг друга, посмотрите только на этот чертов нож.

- Скажи мне, - спросил я, - кто такая эта Анджела?

Чарли уставился на меня.

- Вы хотите сказать?... - Он вдруг расхохотался.

- Что-то я должен говорить, - объяснил я. - Иначе мы можем весь день простоять здесь молча.

- И вы, очевидно, никогда не встречались с Найджелом Мерриведером? - вымолвил он, продолжая смеяться.

- Нет, не встречался. Но мне говорили, что он весьма пригожий молодой администратор, большой любитель девиц и обладатель тугого кошелька.

- Совершенно верно, - ответил Чарли. - Настоящий охотничий пес.

- Охотничий пес?

- Ну да, всегда гоняется за птичками.

- Понятно. Охотничий пес. Меткое сравнение. Что ж, все хорошо, что хорошо кончается.

- А скажите, - поинтересовался Чарли, - что это за книга, из-за которой они так сцепились?

- Речь идет о великолепном труде, - объяснил я. - Очень полезные книги, если правильно ими пользоваться, однако здесь у вас стоит человеку начать их читать, как на него находит какое-то безумие.

- А там есть какие-нибудь советы... об интимной стороне брака? - задумчиво справился Чарли.

У меня упало сердце.

- Ну... вообще-то да, - ответил я. - Но ты должен помнить, что эти книги, они вроде как бы учебные пособия.

- Ага, - продолжал Чарли. - Похоже, это как раз то, что мне нужно. Учебное пособие - что-то вроде школьных учебников, так?

- Боже мой. Но ты уверен?...

- Понимаете, - доверительно начал Чарли, - у нас со старухой последнее время что-то не очень получается. Она стала какая-то кислая, сварливая, так сказать. Все ей не так. И вот недели две назад она сходила, посмотрела один фонографический фильм и теперь все твердит, что я не так делаю. Дескать, каждый раз все тот же старый способ, который ей уже осточертел. Дескать, я лишен воображения. Я ей сказал, что и она никакая не Кама-чертова-Сутра, но она винит во всем меня.

- Что ж, всякое может быть.

- Так вот, в этой вашей книге... что-нибудь говорится на этот счет? Ну, про разные там способы и так далее?

- Говорится, - осторожно ответил я.

- Так, может, вы могли бы одолжить ее мне на время? - попросил Чарли. - Чтобы я, так сказать, усовершенствовал свою технику?

Разве мог я отказать пожилому толстячку, которому понадобилось учебное пособие, чтобы поладить в постели с супругой? Это было бы просто жестоко с моей стороны.

- Хорошо, - уступил я. - Я одолжу вам том второй.

- Спасибо, сэр. - Он расплылся в улыбке. - Точно! Бьюсь об заклад, старуха сразу оживет. Она будет счастлива, не сойти мне с этого места.

Он ошибался. Через два дня, когда я пришел в ресторан на второй завтрак, Чарли медленно вышел из кухни и направился к моему столику, неся том второй. Правый

глаз его почти не открывался, и вся верхняя скула была расписана разными оттенками красного цвета - от пурпурного до розового.

- Привет, - поздоровался я. - Что это ты сделал с глазом?

Он осторожно опустил на стол Хэвлока.

- Это не я сделал, - ответил Чарли. - Это моя старуха постаралась. Столько ныла, приставала ко мне с этим чертовым сексом, а тут врезала, будто дубиной. И знаете почему, сэр?

- Почему? - заинтересовался я.

Он тяжело вздохнул, как вздыхает мужчина, столкнувшийся с женской логикой.

- Потому, сэр, что я-де принес в дом грязную книгу. Вот почему.

Я решил, что Хэвлок натворил достаточно бед и следует забрать обратно все тома, что я раздал. К тому же через сутки я должен был уезжать, а Хэвлок пользовался таким успехом, что какие-то книги могли и пропасть.

Итак, я прошелся по этажам, оставляя записки Дэнису, Гэвину и Стелле (так звали горничную, которая была озабочена поведением своего дружка: "Он только о сексе и думает. Представляете, даже футболом не интересуется"). В это время мне встретился директор гостиницы, мистер Ведерстоун-Томпсон.

- О, добрый день, мистер Даррелл, - приветствовал он меня. - Я слышал, вы собираетесь покинуть нас послезавтра?

- Увы, - отозвался я, - необходимо возвращаться на Джерси.

- Конечно, конечно, у вас должно быть столько хлопот с вашими гориллами и прочей живностью. - Он подобострастно хихикнул. - Но мы были очень рады вам.

- Мне тоже было здесь приятно, - ответил я, отступая к лифту.

- Нам всем будет вас не хватать. - Мистер Ведерстоун-Томпсон проворно встал между мной и лифтом. - Вас и, не сомневаюсь... вашей - ха-ха! - маленькой библиотеки.

Я мысленно застонал. Мистер Ведерстоун-Томпсон был вечно потный, сопящий, пятидесятилетний тяжело-вес, благоухающий смесью виски, одеколona "Пармские фиалки" и дешевых сигар. Он был женат на ослепительной (химической) блондинке вдвое моложе его, которая не просто заглядывалась на мужчин, а прилежно охотилась за ними. У мистера Ведерстоун-Томпсона, несомненно, были проблемы, однако я не собирался одалживать ему Хэвлока для их разрешения. Ловко обогнув его, я первым оказался у дверей лифта.

- Да-да, конечно, Хэвлок Эллис, - сказал я. - Чрезвычайно интересные тома.

- Не сомневаюсь, не сомневаюсь, - подхватил мистер Ведерстоун-Томпсон. - И я подумал, может быть, когда остальной персонал кончит... э... черпать познания из этого источника, тогда мне...

- О, какая досада! - воскликнул я покаянно. - Что бы вам сказать об этом раньше. Я уже запаковал все тома и отправил на Джерси.

На него жалко было смотреть, так он расстроился, но я оставался тверд.

- О, - сказал директор. - Ну что ж. Ладно. Ничего не поделаешь. Я ведь как считаю - книги такого рода по-своему интересны, но, по правде говоря, когда речь идет об опытных мужчинах, вроде нас с вами... н-да, вряд ли они могут научить нас чему-то новому.

- Совершенно верно, - согласился я. - Уверен, нет той книги, которая могла бы добавить что-либо к вашим познаниям.

Мистер Ведерстоун-Томпсон засмеялся, и по глазам его было видно, что он мысленно обозревает свою (воображаемую) высокую квалификацию.

- Что ж, не стану отрицать, - хихикнул он. - Бывало у меня такое, что грех жаловаться.

- Не сомневаюсь, - отозвался я, заходя в лифт. - По правде говоря, вам самому следовало бы писать книги на эту тему.

Новый взрыв смеха этого Казановы, Марка Антония и Рамона Наварро в одном лице призван был выразить его протест: дескать, я перехватил, изображая его неотразимым соблазнителем.

К утру следующего дня мне уже возвратили тома кроме того, который я одолжил Гэвину. При этом я обнаружил, что чары Хэвлока продолжают действовать. Дэнис сообщил мне, что совершенно сбит с толку. До знакомства с Хэвлоком ему был известен только один, чистый и непорочный вид секса. Стелла рассказала, что ее дружок отнюдь не заинтересовался футболом, напротив - ведет себя хуже прежнего, и накануне вечером она еле-еле смогла отстоять свою девственность.

Итак, оставалось заполнить обратно том, одолженный Гэвину. А именно тот, который был посвящен нормальному сексу, поскольку Гэвин один за другим проштудировал все девять томов. Мне сказали, что он уехал в Шеффилд на уик-энд, но в понедельник утром должен вернуться.

Наступил день моего отъезда, и рано утром меня разбудил скрип двери в передней моего номера и какой-то глухой стук. Тут же дверь закрылась, и я решил, что мне принесли завтрак.

- Входите! - крикнул я сонно, однако ответа не последовало.

Не иначе какая-нибудь не в меру прилежная горничная задумала с утра пораньше проверить, не пора ли приступить к уборке, сказал я себе. Повернулся на другой бок и снова заснул.

И лишь после того, как я встал и принял душ, я увидел на полу в передней восьмой том Хэвлока Эллиса. Стало быть, это Гэвин приходил вернуть прочитанную книгу. Я поднял ее, из книги выпала записка.

"Спасибо за книгу, - сообщал мне Гэвин. - Лучше бы я вовсе не брал в руки этот проклятый том. Дал почитать Руперту, а когда после работы пришел к себе, застал его в моей постели с девушкой. Все, с сексом покончено. Искренне ваш Гэвин".

Хэвлок, стойкий боец, нанес последний удар.





ЧЕЛОВЕК ОТ "МИШЛЕНА"

Много лет назад, когда я только начинал путешествовать по Франции, один добрый приятель вручил мне экземпляр "Путеводителя Мишлена", руководимый, видимо, теми же чувствами, какие побуждают членов религиозных обществ снабжать экземплярами Библии гостиничные номера. Для путешественника и гурмана "Путеводитель Мишлена" (ласково именуемый "Миш") то же, что Библия для христианина, Коран для мусульманина, изречения Будды для немалой части человечества. Во Франции он ваш гид, наставник и друг. Он - маленький, толстый и красный, подобно многим упитанным добродушным французским крестьянам, цветущим от многолетнего потребления хорошей пищи и вина. Под ярким переплетом собраны данные и раскрыты сокровенные секреты примерно двух тысяч гостиниц, пансионатов и ресторанов.

Откройте "Миш", и вы найдете сведения о всех достойных упоминания пристанищах в радиусе до ста кило-

метров от вашего местонахождения. Путеводитель скажет вам, дозволено ли приводить в номер собак, можете ли вы рассчитывать на полный комфорт или всего лишь на сносные условия, есть ли при гостинице гараж, а в номерах - телефон, ванная и прочие современные удобства, обеспечен ли вам полный покой (о чем говорит знак, изображающий красное кресло-качалку), окружена ли гостиница садом.

Однако "Миш" предложит вам не только перечень примет, сравнимых с досье Скотленд-Ярда, он расскажет, как кормят в каждом отдельном заведении. Франция - чрезвычайно здравомыслящая страна, люди ее относятся к пище, как к произведению искусства, и ведь хорошо приготовить и оформить блюдо - в самом деле искусство, которое, увы, почти совершенно забыто в Англии. Во Франции к выбору блюда подходят так же осмотрительно, как вы отнеслись бы к выбору супруги, а то и еще придирчивее. Вот почему в "Мише" вы увидите на полях рядом с названиями ресторанов знаки, помогающие верно сориентироваться человеку, серьезно относящемуся к пище и ее приготовлению.

Первый знак такого рода изображает скрещенные ложку и вилку. Если напечатан один знак, можете рассчитывать на простую и сытную трапезу, два или три знака сулят отличный или превосходный стол, четыре скрещенных ложки и вилки означают нечто особенное. Дальше следует такое, что у вас захватывает дух.

Четыре знака плюс звездочка обещают божественную трапезу в идеальной обстановке; эта комбинация - первая ступенька гастрономической лестницы, ведущей в рай, обозначенный четырьмя скрещенными ложками и вилками и тремя звездочками. Правда, таких заведений во всей Франции только четыре. Получить в "Мише" три звездочки неизмеримо труднее, чем заслужить английс-

кий крест Виктории, французский Военный Крест или американский орден "Пурпурное Сердце"; даже одна звездочка делает на всю жизнь счастливым уважающего себя шеф-повара.

Оценив кулинарный рейтинг заведения по числу скрепленных ложек и вилок, плюс звездочек на полях, вы можете приступить к изучению дальнейших сведений, которыми вас заботливо снабжает "Мишлен". Для каждого ресторана названы фирменные блюда и вина, которыми особенно гордится заведение. Так что, остановив свой выбор на том или ином пристанище, вы можете затем пять или шесть минут дразнить свои вкусовые сосочки, мысленно смакуя запеченных раков, или поджаренного в сметане палтуса, или суп из омаров, или бифштекс "шароле" с маслятами, этими чудесными грибами, черными, как смертный грех, и вызывающими представление о ведьминых зонтах.

Таким образом, "Путеводитель Мишлена" - не просто справочник, это еще и гастрономическая поэма. Лишь однажды подверг я сомнению достоинства сего несравненного издания. Лишь однажды - и то ненадолго - меня посетила мысль, что в своем стремлении не проходить мимо ни одного гастрономического достижения "Миш" нарушил каноны приличия. Случилось это несколько лет назад, когда я совершал ежегодное паломничество в маленький домик, приобретенный мной в Южной Франции, где я пытаюсь делать вид, будто Александр Белл вовсе не изобрел телефон, и кое-что написать.

В том году Европа выбралась из объятий теплой влажной зимы и встретила пышную, благоухающую многоцветную весну. Соответственно Франция, и без того одна из самых красивых стран мира, смотрелась как великолепный узорчатый гобелен, деревенские сады с их ярким многоцветьем напрашивались на сравнение с

пасхальными яйцами Фаберже. Цвела полевая горчица, когда я взял курс на юг, и моя машина катила по меандрам проселочных дорог среди ослепительного, канареечно-желтого ландшафта. Восхищенный картинами усыпанных цветами изгородей и склонов, безбрежных желтых полей горчицы, озаренных весенним солнцем крыш с прясничной черепицей, я ехал, будто в полусне.

В полдень я сделал остановку в селении, где обитало с полсотни душ, купил вина, булку свежего серого хлеба, отличный сыр и фрукты. После чего поехал дальше, пока не очутился среди огромного поля горчицы, покрывающей желтым ковром волнистые холмы. Здесь я остановился в тени под каштанами и, захватив провиант, нырнул в шелковистое желто-зеленое море. Лег на землю среди ломких стеблей и приступил к трапезе, омываемый золотистой рябью. Решил наконец, что пора ехать дальше, и... погрузился в глубокий сон.

Проснулся я, когда солнце уже склонилось к горизонту, и косые лучи его превратили мое светло-желтое ложе в темное золото. Поразмыслив, я понял, что ехал куда глаза глядят, проспал слишком долго и теперь совершенно не представляю себе, где очутился. Близился тот предвечерний час, когда все разумные путешественники по французским дорогам сворачивают на обочину и обращаются за советом к своему "Мишу". Вот только мне он вряд ли мог помочь, поскольку я не знал, куда меня занесло.

А потому я завел машину и медленно поехал по дороге, пока удача не послала мне навстречу телегу с грузом благоухающего навоза. Возница - добродушный коротыш с лицом, напоминающим грецкий орех, придержал своих коней-тяжеловозов и коричневым от земли и загаром мозолистым пальцем показал на карте, где я нахожусь. Я поблагодарил его, и телега, скрипя, покатила

дальше под цоканье копыт; я же достал свой "Миш" и стал искать какой-нибудь подходящий город или селение в радиусе пятидесяти километров. Увы, "Миш" довольно холодно отзывался о заведениях этих мест, не видя в них никаких гастрономических достоинств. Было очевидно, что я очутился в одном из тех редких районов Франции, которые можно назвать "немишленистыми".

Глаза мои остановились на деревне километрах в двадцати от моей позиции. Судя по всему, она была такой крохотной и уединенной, что вряд ли располагала чем-либо примечательным, однако меня привлекло ее название - Буа де Россиньоль (Соловьиная Роща). Я вчитался в текст, и "Миш", к моему удивлению, сообщил мне (чуть ли не дрожа от удовольствия), что эта деревушка гордится кабачком "Ле Пти Шансон"; очень подходящее наименование, сказал я себе, для кабачка в Соловьиной Роще. Чудо из чудес - при этом кабачке было шесть номеров для постояльцев, с ванными, телефонами, гаражом, дом стоял в саду, и значок, изображающий красное кресло-качалку, сулил полный покой. В довершение всего кабачок был удостоен трех скрещенных ложек и вилок и одной звездочки. На зиму он закрывался, но как раз в этот день должно было состояться открытие.

Я перечитал эти сведения, не веря своим глазам. Все так - черным по белому. Дальше следовал перечень фирменных блюд, который просто поразил меня - такое меню сделало бы честь крупной гостинице на Лазурном берегу. Хозяин явно сам давал названия своим творениям, и они обличали натуру тонкую и независимую. Тут были "Раки в яичном облаке", мясо в красном вине "Для утоления голода Теодора Пуллини", "Торт с лесной земляникой для услады Софи Клемансо". Восхищенный таким меню, я решил во что бы то ни стало сделать оста-

новку в "Ле Пти Шансон". Захлопнул "Миш", включил зажигание и развил предельную скорость, спеша прибыть в Соловьиную Рощу до того, как другие странствующие гурманы, глотая слюнки, примчатся туда и займут все шесть номеров на постоялом дворе.

Моим глазам предстала прелестная деревушка. Два-три десятка домов привольно расположились вокруг залитой солнцем маленькой площади, на которой высокие платаны окружили маленький красивый фонтан. У одного конца площади расположилась чудесная церквушка XV века, чей тонкий шпиль наставительно возвышался над пряничными крышами жилых строений. На подоконниках, на тротуарах, на верхних кромках каменных стен каждый свободный клочок занимали ряды цветочных горшков и ящиков, жестяных банок, а кое-где стояли даже тачки и старые ручные тележки с ослепительной россыпью ярких весенних цветов. Я остановил машину перед скамейкой, на которой сидели пять беззубых, морщинистых, как ящерицы, стариков, впитывающих лучи вечернего солнца, и спросил, как проехать в "Ле Пти Шансон". Тотчас хор дрожащих голосов и лес узловатых палок направили меня в дальний конец деревушки. Выехав за ее пределы, я в нескольких сотнях метров увидел поворот и указатель, извещающий, что "Ле Пти Шансон" находится где-то слева. Узкая подъездная дорога вдоль серебристо-зеленого ручейка тянулась между перелеском и виноградниками, где узловатые канделябры черной лозы венчались париками свежих зеленых листьев.

Облик "Ле Пти Шансон" вполне оправдал мои ожидания. Описав дугу между двумя могучими дубами, я узрел окруженный пестрым цветочным ковром постоялый двор, длинное низкое строение с красной черепичной крышей, расписанной изумрудными подушечками мха.

Впрочем, часть крыши, как и все стены, была почти неразличима за ветвями одной из самых великолепных глициний, какие мне когда-либо доводилось видеть. Год за годом она нежно обвивала дом своими плетями, и дошло до того, что его обитатели вынуждены были укрощать ее пыл, чтобы лиана совсем не закрыла окна и двери. Нижняя часть ствола достигла упитанности, которая сделала бы честь уважающему себя удаву, и сложное переплетение ветвей было покрыто синими, как крыло зимородка, цветами. На посыпанной гравием площадке среди клумб перед домом, под сенью полудюжины цветущих крон багрянника были расставлены аккуратные белые столики и стулья. Алые цветки уже начали осыпаться, и землю устилал красный ковер лепестков, а белые столы были словно обрызганы драконовой кровью. За пределами сада зеленели рощи и возвышались одетые желтой горчицей холмы.

Оставив свой автомобиль на стоянке, я захватил сумку с самыми необходимыми вещами и вошел в дом. В маленьком холле пахло вкусными блюдами, вином и полиролем, царила идеальная чистота. Первым меня приветствовал огромный косматый пес; попадись он вам в лесу, вы вполне могли бы принять его за медведя, однако это было добродушнейшее создание. Я скоро обнаружил, что у него за ушами есть весьма чувствительные точки, и принялся почесывать их, чем доставил псу великое удовольствие. Затем появился молодой официант, и я спросил, есть ли в гостинице свободный номер, где я мог бы переночевать.

- Конечно, мсье, - учтиво ответил он, взял мою сумку и проводил меня по коридору в очаровательную спальню, где через окна в рамке из синих цветков глицинии открывался вид на поля горчицы.

Приняв душ и переодевшись, я вышел в сад, озаренный лучами заходящего солнца. Сев за стол, прикинул, что не худо бы выпить рюмочку ароматного ликера, когда вновь показался молодой официант.

- Извините, мсье, - сказал он, - но мсье хозяин просил узнать, не пожелаете ли вы выпить с ним бутылочку вина, поскольку вы наш первый постоялец в этом году и у него заведено отмечать такое событие.

Как было не порадоваться такому просвещенному обычаю!

- Разумеется, я буду счастлив, - ответил я. - Однако, надеюсь, хозяин не откажется выйти сюда?

- Конечно, - отозвался официант. - Я скажу ему.

Мне очень хотелось познакомиться с хозяином, потому что я не сомневался, что затейливые названия фирменных блюд придуманы им, и хотел узнать, что его вдохновляло.

Он не заставил себя ждать, и я убедился, что внешность хозяина "Ле Пти Шансон" хорошо согласуется с окружением. Это был настоящий великан - ростом больше ста восьмидесяти сантиметров, косая сажень в плечах. Мясистое лицо с орлиным носом и ярко-синими глазами под копной седых волос вполне могло принадлежать какому-нибудь библейскому пророку. На нем был чистейший передник, шевелюру венчал сдвинутый на затылок поварской колпак, толстые ручки с артритическими узлами держали поднос, на котором стояли два красивых бокала ручного производства и бутылка вина. Мне показалось, что ему за восемьдесят, однако время явно не было властно над ним. Чувствовалось, что он проживет и сто лет, и больше.

Великан приблизился ко мне, широко улыбаясь, как если бы узрел давнего близкого друга, глаза его искри-

лись юмором, и морщины на его лице несомненно были следами бесчисленных улыбок.

- Мсье, - пробасил он, осторожно ставя на столик поднос, - добро пожаловать в мою гостиницу. Вы первый гость в этом сезоне, а потому особенно желанный.

Пожав мою руку с пылкой учтивостью, он сел напротив. Столько энергии было в нем, что на меня будто дохнуло жаром из топки. Он излучал доброту, приветливость и юмор и был совершенно неотразим.

- От души надеюсь, что вам понравится это вино, - продолжал он, наполняя бокалы. - Это божоле, продукт моего собственного виноградника. Я собираю достаточно винограда, чтобы в год приготовить два десятка бутылок для собственного потребления, так что, сами понимаете, откупориваю только в особых случаях, вроде этого.

- Благодарю за честь, - сказал я, поднимая бокал.

Вино легло на язык, точно бархат, и мои вкусовые сочки взыграли.

Хозяин подержал вино во рту, потом задумчиво проглотил.

- Правильное вино, - произнес он.

- Совершенно верно, - согласился я.

- Вы здесь отдыхаете?

- Да, - ответил я. - У меня есть маленький домик в Провансе, и я стараюсь выбираться туда каждое лето.

- О! Прованс!... Зеленый край. Чудесный уголок Франции!

- Франция вся прекрасна. На мой взгляд, одна из прекраснейших стран во всем мире.

Он улыбнулся мне и кивнул. Некоторое время мы продолжали пить в почтительном молчании, как того заслуживает доброе вино, потом хозяин снова наполнил бокалы.

- И что же вы желаете заказать на обед?

- Если можно... Я прочитал в "Мишлене" кое-что о ваших фирменных блюдах. Вы, должно быть, отменный повар, если заработали звездочку.

Он закрыл глаза, и на мгновение лепное лицо его исказила болезненная гримаса.

- Ах, эта звездочка, эта звездочка, - простонал он. - Вы не представляете себе, мсье, каких мучений мне стоило заполучить ее. Подождите, я принесу меню, вы сделаете заказ, потом я расскажу вам эту историю. Поверьте, это не хуже романов Дюма, а между тем все - чистая правда. Минутку, я схожу за меню.

Он вошел в дом и вскоре вернулся с картой вин и меню.

- Если позволите, - сказал хозяин, вновь наполняя бокалы, - я порекомендовал бы "Голубей для Марии Терезы" - блюдо, которым я по-настоящему горжусь. У меня найдется несколько отличных тушек, и поскольку вы наш первый в сезоне постоялец, я, конечно же, откупорю еще бутылку божоле к голубям.

- Вы чрезвычайно добры, - отозвался я. - Ваше предложение звучит бесподобно. Скажите, я заметил, что вы даете вашим фирменным блюдам любопытные названия. Очевидно, в этом заложен какой-то особый смысл?

- Разумеется, мсье, - серьезно молвил он. - По-моему, когда изобретаешь новое блюдо, просто необходимо, чтобы в названии было отражено какое-то событие. Взять, например, тех же голубей. Это блюдо было придумано мной, когда жена ждала нашего первого ребенка. Вы ведь знаете, что у беременных женщин бывают самые странные причуды, так? Ну вот, моя жена вдруг страстно полюбила эстрагон и голубей. Короче - я был обязан изобрести блюдо, не только питательное для нее и для ребенка, но и удовлетворяющее изысканные зап-

росы беременной женщины редкостной красоты и чувствительности. Так появились "Голуби для Марии Терезы" по имени моей супруги.

- Восхитительная идея, - отозвался я. - Непременно приму ее на вооружение, ведь я сам люблю стряпать, и мне всегда казалось, что у многих чудесных блюд скучнейшие названия.

- Совершенно верно. Не вижу причин, почему наше воображение не должно участвовать не только в придумывании блюд, но и в их поименовании.

Я пробежал глазами меню.

- Пожалуй, - заключил я, - поскольку главным блюдом будут ваши "Голуби для Марии Терезы", мне хотелось бы начать с "Паштета памяти покойного Альбера-Анри Перигора", а завершить трапезу каким-нибудь сыром и "Тортом с лесной земляникой для услады Софи Клемансо".

- Превосходный выбор, мсье, - сказал хозяин, вставая. - Вы пока сами наполняйте свой бокал, я только схожу и сообщу жене, что вы заказали, а затем вернусь и расскажу вам, как мы впервые заслужили звездочку.

Он вошел в дом и вскоре появился снова, неся блюдо с оливками и нежнейшими маленькими слоеными пирожками с сыром.

- Итак, мсье, - начал он задумчиво, садясь и принимая удобную позу профессионального рассказчика, - сам факт, что нас удостоили звездочки, на мой взгляд - маленькое чудо. Не сомневаюсь, что вы согласитесь со мной, услышав ее историю. Разумеется, все это произошло до Первой мировой войны, ведь как вы, наверно, заметили, я еще вполне крепкий мужчина, хоть и далеко уже не юноша. В ту пору я увлекался живописью, правда, без особого успеха. Я до сих пор иногда балуюсь маслом или акварелью, однако подлинным моим призва-

нием стала кулинария. Но тогда я иной раз зарабатывал несколько франков, рисуя портреты или чьи-то дома. Не очень верный хлеб, однако мне нравилось бродить по стране, и, если никто не покупал моих картин, я брался за любую работу, какую мне предлагали. Ремонтировал дороги, убирал виноград и вишни, одно время - совсем недолго - даже выращивал улиток. Так вот, однажды весной, как раз в такую пору, как сегодня, мои странствия привели меня в это селение. Сами понимаете, здешние места очаровали меня своими красками и всей природой. И я решил задержаться здесь в надежде написать несколько действительно хороших картин. Но как это часто бывало со мной, в карманах было пусто, и следовало подыскать какую-то работу. Вам ли объяснять, что в таком маленьком селении свободные места были такой же редкостью, как гусь с пятью печенками.

Хозяин вздохнул, медленно пригубил вино.

- Так вот, - продолжил он после короткой паузы. - Жил в этом селении один человек, который проникся симпатией ко мне, и он поговорил с владельцем этой гостиницы, всячески расхвалил меня и спросил, не возьмет ли тот меня на работу в качестве рабочего на кухне. Владельца звали Жан-Жак Морсо, это был своеобразный, серьезный мужчина, толстый коротыш, способный порой бесноваться из-за пустяков, словно какая-нибудь старая дева. Что не мешало мсье Морсо быть богом в кулинарии. Заверяю вас, некоторые из его блюд были так хороши, точно их доставили прямиком из рая с любезного разрешения Всевышнего. Его кондитерские изделия были легки, как паутина, нежные соусы создавали во рту такое ощущение, будто вы смакуете самые благоухающие цветы во всем мире. Его омлет из раков и мелко нарезанного фенхеля и грецких орехов был таким дивным творением, что я сам видел, как это блюдо вы-

зывало слезы восхищения у посетителей. В соусе из белого вина он кипятил на медленном огне устриц и головки спаржи, получалось такое божественное блюдо, что люди чувствительные, деликатного сложения, отдавая его, способны были лишиться чувств от восторга. Его дикая утка, начиненная рисом, семенами сосны и вымоченными в бренди трюфелями, вызывала такое ощущение, словно во рту играет оркестр, - ваше небо трепетало в такт кулинарной музыке. Короче, мсье, Жан-Жак Морсо был гастрономический гений, Леонардо да Винчи застолья, Рембрандт вкусовых сосочков, настоящий Шекспир кулинарии.

Старик остановился, пригубил вино, бросил в рот маслину и аккуратно выплюнул косточку на ближайшую клумбу.

- Еще у него была дочь, красивейшая женщина, каких я когда-либо видел, мсье, и тут-то все и завязалось, потому что, увидев ее, я уже не мог смотреть на других женщин. Она была бесподобна. Я, легко относившийся к своим связям (не стану скрывать - мне нравился противоположный пол, и я не мог пожаловаться на отсутствие взаимности), я, поклявшийся никогда не жениться, я, веселый любовник "нынче здесь, завтра там", влюбился так, что повел себя будто теленок, отлученный от коровы, метался, точно обезглавленная курица, уподобился кобелю, соблазненному запахом анисовых капель. Я был готов на все, вплоть до убийства, чтобы жениться на этой девушке.

Он глубоко и скорбно вздохнул, воздев глаза к небесам при мысли о былом своем безрассудстве, и глотнул еще вина.

- С того дня, как я поступил здесь на работу, прошел год, и с каждым из трехсот шестидесяти пяти дней я влюблялся все сильнее и сильнее. И что поразительно -

девушка тоже полюбила меня. Но дело в том, что она была единственным ребенком и постоянный двор должен был достаться ей по наследству. Отец с великим подозрением смотрел на всех поклонников дочери, полагая, что, как ни хороша она собой, они, как говорится, замышляют жениться не столько на ней, сколько на гостинице. Надо ли удивляться, что мы оба знали - всякая моя попытка просить ее руки будет неверно истолкована отцом. Мы много говорили с ней об этом, и нам было ясно, что следует действовать предельно осторожно. И тут у меня возникла блестящая идея - во всяком случае, тогда я посчитал ее блестящей, однако осуществить ее оказалось куда труднее, чем я думал.

Он закурил желтую, как цветки горчицы, сигарету и налил еще вина.

- В то время, мсье, компания "Мишлен" как раз начала издавать ставший теперь всемирно известным справочник и отмечать звездочками заведения, отличившиеся на поприще кулинарии. Как вам должно быть известно, представитель "Мишлена" втайне посещает вашу гостиницу или ресторан, чтобы оценить меню. Вы только потом узнаете о проверке, так что, сами понимаете, надо все время обеспечивать высокий уровень, ведь вам неизвестно, когда среди ваших посетителей окажется человек "от "Мишлена". Так вот, Жан-Жак Морсо знал, что он мастер своего дела, однако понимал, что его гостиница расположена слишком далеко от больших дорог, чтобы привлечь внимание представителей фирмы "Мишлен". Сознание того, что он заслуживает быть отмеченным звездочкой, и полная уверенность, что ему не видать ее как своих ушей, доводили беднягу до безумия. Он только об этом и говорил все время. Вся его жизнь была подчинена этой мании. При одном упоминании справочника "Мишлена" он приходил в ярость и прини-

маля швырять все, что попадалось под руку. Клянусь вам, мсье, я самолично видел, как он на кухне метнул в стену "Бомб-Сюрприз" и "индейку в соусе". Он дико страдал от собственной одержимости, меня же она вполне устраивала. Понимаете, я заявил ему, будто услышал от своего дядюшки (разумеется, по секрету), что его как раз назначили агентом "Мишлена".

- Ваш дядюшка в самом деле получил такую должность? - спросил я.

Старик приложил к носу указательный палец и зажмурил один глаз.

- Конечно, нет, - ответил он. - По правде сказать, у меня вообще не было никакого дядюшки.

- В чем же тогда заключалась ваша идея?

- Не торопитесь, мсье, я расскажу, что именно задумал. Естественно, Морсо, услышав такое, страшно возбудился и принялся уговаривать меня зазвать дядюшку в нашу гостиницу. Сперва я ответил, что это будет неэтично и мой дядюшка ни за что не согласится. Так продолжалось с неделю, причем Морсо всячески старался переубедить меня. Наконец, доведя его до полного неистовства, я смягчился. Сказал, дескать, даже если дядюшка надумает приехать, я не могу гарантировать, что он присудит звездочку нашему заведению. Морсо ответил, что все понимает и что ему только нужен случай показать свое искусство. Я изобразил сомнение в успехе этой затеи и предоставил ему еще несколько дней мучиться неизвестностью. После чего объявил, что люблю его дочь, а она любит меня, и если я соглашусь зазвать своего дядюшку, Морсо должен дать согласие на нашу помолвку. Сами понимаете, мои слова привели его в страшную ярость. Свежий "яблочный торт" пролетел на волосок от моего уха, и до конца этого дня я предпочел не появляться на кухне. Однако, как я и рассчитывал, мечта о

звездочке была слишком сильна, и на другой день он с величайшей неохотой разрешил нам объявить о помолвке. Через день после того, как палец невесты был украшен кольцом, я отправился в Париж навестить моего дядюшку.

- Но ведь вы сказали, что у вас не было никакого дядюшки, - возразил я.

- Верно, мсье, настоящего дядюшки не было, но был, так сказать, дублер, один мой старый друг по имени Альбер-Анри Перигор. Он был паршивой овцой в одном состоятельном семействе, обитал в мансарде на левом берегу Сены, немного занимался живописью, немного мошенничеством, всеми правдами и неправдами добывал средства к жизни. Ему были присущи как раз те качества, которые устраивали меня: аристократический, надменный вид, изрядные познания о пище и винах, воспринятые от гурмана-отца, и, наконец, он был толстяк, именно такими представляешь себе агентов "Мишлена", и обладал чудовищным аппетитом. Альбер поглощал пищу, мсье, как киты поглощают маленьких креветок, если верить тому, что говорят про китов. Итак, я отправился в Париж, поднялся в мансарду Альбера-Анри и застал его, как обычно, без гроша в кармане, страшно голодного. Пригласив его отобедать со мной, я изложил мой план. Дескать, пусть приедет сюда, поживет недельку, играя роль моего дядюшки, затем попрощается и едет обратно в Париж. Оттуда придет Морсо учтливое письмо с обещаниями сделать все от него зависящее насчет звездочки, вот только гарантировать успех не может, поскольку окончательное решение принимает не он. Надо ли говорить, что Альбер пришел в восторг от возможности поехать в деревню и целую неделю есть сколько влезет блюда, приготовленные таким кулинарным гением, как Морсо. Соответственно, я известил

Морсо телеграммой, что мы с дядюшкой скоро приедем. После чего пошел с Альбером на блошинный рынок, чтобы одеть его как надлежит быть одетым состоятельному человеку. Поверьте, мсье, задача была нелегкая, если учесть, что Альбер-Анри весил не меньше ста килограммов. В конце концов мы подобрали кое-что из подержанной одежды, и вкупе со своей аристократической внешностью он выглядел в точности, как должны выглядеть агенты "Мишлена". Прибыв сюда, мы застали моего будущего тестя в состоянии дикого восторга. Он принял Альбера-Анри так, словно тот был членом королевской семьи. Разумеется, я предупредил Морсо, чтобы он ни в коем случае не давал понять гостю, что знает о его службе в фирме "Мишлен". Сказал также Альберу, чтобы он ничего такого не говорил Морсо. Видеть их вместе, мсье, было сплошное удовольствие: чем больше Морсо угождал Альберу-Анри, тем надменнее и высокомернее тот держался, и чем высокомернее он вел себя, тем угодливее становился Морсо. Мой будущий тесть шел на все, чтобы добиться успеха. На кухне навели чистоту так, что все медные кастрюли и сковородки светились точно осенняя луна.

Кладовка была битком набита всевозможными фруктами и овощами, всеми видами мяса и птицы. Больше того, на случай, если под рукой не найдется чего-либо необходимого для удовлетворения прихотей человека "от Мишлена", Морсо потратился на машину с шофером, чтобы можно было мгновенно съездить в ближайший крупный город за продуктами для высокого гостя.

Старик помолчал, потягивая вино и посмеиваясь.

- В жизни не видел такого поварского рвения, мсье, - продолжал он, - и в жизни не видел такого едока. Гений Морсо был в расцвете, и приносимые с кухни блюда сложностью, гармонией, благоуханием и нежностью

превосходили все, что он готовил когда-либо прежде. Естественно, в такой же степени расцвел талант Альбера-Анри как обжоры. Казалось, мсье, я наблюдаю битву двух армий. Чем божественнее становились блюда, тем больше порций заказывал Альбер: обед мог состоять из шести и семи блюд, не считая сладостей и сыра, разумеется. Если потребление всей этой пищи и целых рек вина можно назвать геркулесовым трудом, то и приготовление ее требовало огромных усилий. В жизни мне не приходилось так напряженно работать, и это притом что были наняты три подсобника для разделки овощей и прочего. Морсо словно обезумел, метался по кухне будто дервиш, выкрикивая команды, орудуя ножом, размешивая, снимая пробу и поминутно выбегая в столовую, чтобы смотреть, как Альбер-Анри уписывает блюдо за блюдом в таких количествах, что глазам не верилось. Услышав похвалу, Морсо розовел от счастья и мчался обратно на кухню, чтобы с новым жаром браться за приготовление еще более великолепных блюд. Заверяю вас, мсье, когда мы готовили зайца по его рецепту, на что ушло два дня, аромат был такой, что его слышала вся деревня и все жители до единого собрались в нашем саду исключительно ради того, чтобы насладиться запахом редкостного блюда. И вот в разгар лукулловых пиров, когда аппетит Альбера-Анри рос с каждым блюдом, давая повод сравнивать его с Гаргантюа, мой "дядюшка", управившись с невероятно сытным и благоухающим блюдом из гусятины, встал, чтобы провозгласить тост за здоровье розового от счастья Морсо, и... упал замертво.

Хозяин "Ле Пти Шансон" откинулся на стуле, удовлетворенно созерцая выражение моего лица.

- Боже правый! - воскликнул я. - И что же вы стали делать?

Хозяин мрачно потер рукой щеку.

- Не стану скрывать, мсье, положение было серьезное. Представьте себе все последствия. Пригласи я врача, выяснилось бы, что Альбер-Анри никакой не человек "от "Мишлена", а тогда Морсо расторг бы мою помолвку с его дочерью, ибо в те годы дети, особенно девушки, слушались своих родителей. Этого я не мог допустить. К счастью, в ту минуту, когда Альбер грохнулся на пол, в комнате были только мой будущий тесть и я сам. Требовалось быстро соображать. Надо ли говорить, что Морсо совершенно пал духом, видя, что Альбер-Анри скончался и пришел конец надеждам получить звездочку. А я еще не пожалел сил, расписывая весь ужас ситуации, дескать, он своим кулинарным искусством фактически убил человека "от "Мишлена". И если он еще рассчитывает когда-либо быть упомянутым в "Справочнике Мишлена", не говоря уже о том, чтобы быть отмеченным звездочкой, ужасный факт во что бы то ни стало нужно скрыть от фирмы "Мишлен". Истерические рыдания не помешали Морсо осознать мудрость моих слов. Так что нам теперь делать? - спросил он. Видит Бог, не отвечать же, что я пребываю в не меньшей растерянности. Надо было придумать что-то, пока мы окончательно не влипли. Прежде всего, сказал я, ему следует вытереть слезы, взять себя в руки, пойти на кухню и сказать дочери, чтобы шла в свою комнату отдыхать, совсем, дескать, измоталась (и это была чистейшая правда). Затем - отпустить подсобников, объявив, что мсье Альбер-Анри Перигор страдает сильной головной болью и вынужден лечь в постель. Ни в коем случае, продолжал я, не пускать никого в столовую.

Приведя его в надлежащий вид - в припадке горя он бросил на пол свой поварской колпак и топтал его ногами, потом метнул в стену бутылку превосходного вина, так что брызги украсили его облачение, - я отправил

Морсо на кухню. После чего вытащил тело Альбера из столовой и спустил в холодный подвал, где хранились наши вина, мясо и птица. Поднявшись обратно, я убедился, что Морсо выполнил все мои предписания и у нас есть время поразмыслить над тем, как действовать дальше. Морсо был в ужасном состоянии, и я видел, что он совсем сломается, если не занять его чем-нибудь. Откупорив шампанское, я заставил его выпить бокал-другой. Возбужденный до предела, он быстро захмелел и несколько остыл. Мы сидели, мсье, точно два преступника, прикидывая, как лучше избавиться от покойника весом больше ста килограммов. Заверяю вас, дискуссия была жуткая. Морсо настаивал на том, чтобы дожидаться темноты и на двуколке, запряженной пони, отвезти тело в рощу в нескольких километрах от селения. Я возражал, что тело может быть обнаружено, а люди знают, что Альбер-Анри жил в гостинице, и станут задаваться вопросом, как он мог очутиться вдали от нее. Тотчас на Морсо падет подозрение. Неужели, вопрошал я, его устраивает, чтобы по всей стране говорили о нем как о поваре, который своей стряпней убил человека "от "Мишлена"? Морсо опять разрыдался и заявил, что в таком случае он покончит с собой. Я ответил, что нам следует поработать мозгами и придумать способ отделаться от тела так, чтобы не было никаких подозрений. Дескать, мой дядюшка неженат и знакомых его можно сосчитать по пальцам одной руки, так что его исчезновение вряд ли кого встревожит. И это была чистейшая правда, ибо у Альбера-Анри в самом деле было мало знакомых по причине его ненадежности. Я знал, что в Париже отсутствие Альбера вызовет скорее радость, нежели тревогу. Излагать все это Морсо я не мог и, чтобы как-то его успокоить, предложил и впрямь дожидаться темноты, а я за

это время что-нибудь придумаю. Хотя клянусь вам, мсье, я совсем не представлял себе, что делать.

Вошел официант и доложил, что мой заказ готов.

- Отлично, отлично, - сказал хозяин "Ле Пти Шансон", - не будем мешкать. Разрешите, мсье, пригласить вас в столовую.

Он встал, я последовал за ним, и мы вошли в маленькую удобную столовую. Хозяин пододвинул мне стул, официант принес гренки и блюдо с паштетом.

Меня вдруг осенило.

- Скажите, - обратился я к хозяину, - этот паштет "Памяти покойного Альбера-Анри Перигора"... назван так в честь вашего друга?

- Разумеется, мсье. Я просто обязан был сделать хоть это.

Отделив ножом кусок паштета, я намазал им гренки и засунул в рот. Паштет был нежнейший.

- Великолепно, - сказал я. - Чудесный паштет. Ваш друг был бы горд таким тезкой.

- Благодарю, мсье, - поклонился хозяин.

- Однако погодите, вы ведь не досказали мне свою историю. Так нельзя... Что же вы все-таки сделали с телом?

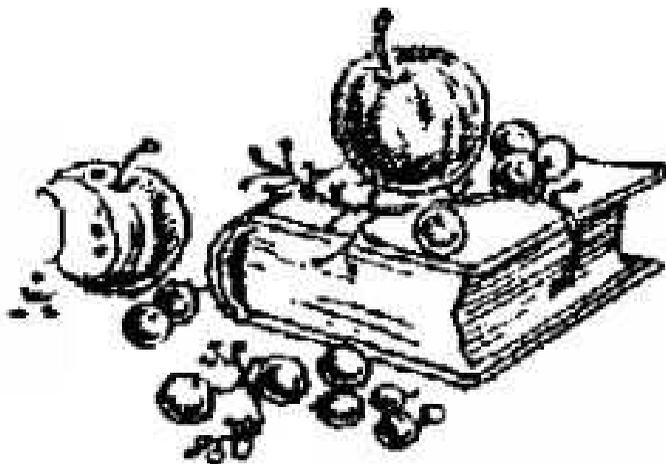
Старик посмотрел на меня, колеблясь, следует ли раскрывать секрет. Наконец ответил со вздохом:

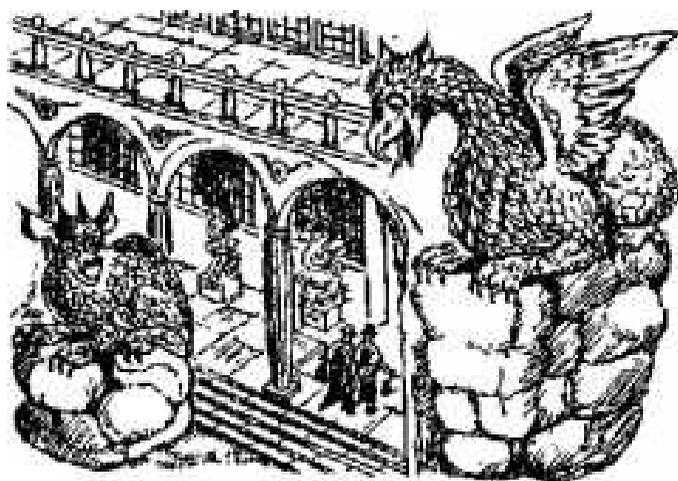
- Мсье, мы сделали единственное, что было в наших возможностях... единственное, что сам Альбер-Анри пожелал бы, если бы это зависело от него.

- Что именно? - не совсем разумно допытывался я.

- Мы приготовили паштет из моего друга, мсье. И по странной случайности именно за этот паштет мы были удостоены звездочки в "Справочнике Мишлена", чему тем не менее, были очень рады. Приятного аппетита, мсье.

Он повернулся, посмеиваясь, и удалился на кухню.





ПЕРЕХОД

Мои друзья Поль и Марджери Гленхэм - неудавшиеся художники, а может быть, во имя милосердия лучше назвать их непреуспевающими. Впрочем, даже неудачи доставляют им больше удовольствия, чем большинству преуспевающих художников успех. А потому с ними приятно общаться, и в этом одна из причин, почему я, приезжая во Францию, охотно останавливаюсь у них. Их обветшалый дом в Провансе - средоточие беспорядка: мешки с картофелем, пучки сушеных трав, плети чеснока и горы сухой кукурузы чередуются с кипами незавершенных акварелей и грудями страховидных полотен Марджери вперемешку со странными неандертальскими скульптурами Поля. Среди этого подобия деревенской ярмарки бродят коты всех пород и мастей и вереницы собак - от ирландского волкодава ростом с теленка до старого английского бульдога с голосом Стефенсоновой "Ракеты". Все стены украшены клетками - обителью ка-

нареек, которые ретиво распевают чуть не круглые сутки, мешая людям разговаривать. Словом, в доме царит теплая, дружеская, какофоническая, чрезвычайно приятная атмосфера.

В тот день я приехал под вечер усталый после долгого путешествия, и Поль тотчас взялся приводить меня в норму при помощи горячего бренди и гигантского лимона. Мне посчастливилось вовремя очутиться под их кровом, ибо последние полчаса летнее небо над Провансом было застлано тяжелой черной пеленой грозовых туч, и гром отдавался среди скал так, будто по деревянной лестнице катились миллионы камней. Только я юркнул в теплую шумную кухню, наполненную соблазнительными запахами стряпни Марджери, как хлынул проливной дождь. Дробь капель о черепичную крышу вместе с ударами грома, от которых содрогалось даже прочное каменное строение, пробудил дух соперничества у канареек, и они принялись петь все разом. В жизни не припомню такой шумной грозы.

- Еще кружечку, дружище? - справился Поль с надеждой в голосе.

- Нет-нет! - перекричала Марджери канареечные трели и гул дождя. - Еда готова, холодная будет уже не такая вкусная. Поль, носи вино. Джерри, дорогой, садись за стол.

- Вино, вино, даешь вино! У меня припасено для тебя нечто особенное, дружище. - С этими словами Поль спустился в погреб, чтобы тут же вернуться с охапкой бутылок, которые он благоговейно поставил на стол предо мной. - Гигонда - мое личное открытие, бронтозаврова кровь, дружище, поверь мне, прямо из вен доисторического чудовища. Очень славно пойдет с трюфелями и индейкой, приготовленными Марджери.

Откупорив одну бутылку, он щедрой рукой налил темно-красного вина в объемистый бокал. Поль был прав. Вино красным бархатом легло на язык, а дойдя до горла, вызвало настоящий фейерверк в мозгу.

- Ну как, здорово? - осведомился Поль, изучая мое лицо. - Я обнаружил его в маленьком погребке в районе Карпентрас. Стояла дьявольская жара, а в погребке было так прохладно, так уютно, что я сам не заметил, как вынул две бутылки. Не вино, а чистый соблазн. Разумеется, стоило мне выйти на солнце опять, как меня будто кувалдой огрели. Пришлось Марджери сесть за руль.

- Мне было так стыдно за него, - сказала Марджери, ставя передо мной тарелку с трюфелем величиной с персик, запеченным в тонкую, хрусткую корочку теста. - Он заплатил за вино хозяину, поклонился и... упал ничком на землю. Пришлось хозяину с сыном вдвоем заталкивать его в машину. Ужасная картина.

- Ерунда, - возразил Поль. - Хозяин был счастлив. Лучшего рейтинга он не мог пожелать.

- Это тебе так кажется, - возразила Марджери. - Ладно, Джерри, ешь, пока не остыло.

Разрезав золотистый шарик, я ощутил запах трюфеля, тонкий аромат сырого леса, соединивший в себе запахи миллионов глеющих листьев. С красным вином в придачу трапеза была просто божественной. Мы молча принялись уписывать трюфели, слушая дробный стук дождя по черепице, раскаты грома и экзотические трели канареек. Бульдог, невесть почему с ходу проникшийся ко мне глубокой симпатией, сидел подле моего стула и не сводил с меня выпуклых коричневых глаз, тихо посапывая.

- Великолепно, Марджери, - произнес я, когда последний кусочек хрустящей корки растаял снежинкой на моем языке. - Право же, при твоём кулинарном искусстве и

чутье Поля на вина, открой вы ресторанчик, в два счета заслужили бы три звездочки у "Мишлена".

- Спасибо, дорогой, - отозвалась Марджери, потягивая вино, - но я предпочитаю готовить для узкого круга гурманов, чем для толпы обжор.

- Она права, тут ничего не возразишь, - подхватил Поль, не уставая наполнять наши бокалы.

Сильнейший раскат грома прямо над крышей прервал нашу беседу, даже канарейки на минуту смолкли, уstraшенные такой мощью. Когда гром стих, Марджери указала вилкой на супруга.

- Не забудь показать Джерри эту штуковину.

- Штуковину? - не понял Поль. - Какую еще штуковину?

- Ты знаешь, - нетерпеливо сказала Марджери, - эту твою штуковину... твою рукопись... самое подходящее чтение для него в такую ночь.

- А, рукопись... конечно! - горячо произнес Поль. - В самом деле, ночь весьма подходящая.

- Отказываюсь, - возразил я. - Хватит с меня вашей живописи и ваших скульптур. Будь я проклят, если еще соглашусь читать ваши литературные потуги.

- Ты темный человек, - добродушно молвила Марджери. - К тому же автор - не Поль, а кто-то другой.

- По-моему, после такого пренебрежительного отзыва о моем искусстве он не заслуживает того, чтобы ему доверили эту рукопись, - сказал Поль. - Она слишком хороша.

- Но что это за рукопись? - спросил я.

- Очень своеобразное произведение, я обнаружил его... - начал Поль, но Марджери перебила его:

- Не вздумай пересказывать, пусть сам прочтет. Лично мне потом долго снились кошмары.

Пока Марджери раздавала порции индейки, окутанные плотным облачком аромата трав и чеснока, Поль прошел в угол кухни, где между двумя мешками с картофелем и бочонком вина громоздилась, будто развалины замка, груда книг. Порывшись в ней, он торжественно выпрямился, держа в руке сильно потрепанную, толстую красную тетрадь, и вернулся к столу со своей добычей.

- Вот! - удовлетворенно выдохнул он. - Когда я прочел это, сразу подумал о тебе. Нашел среди купленных мною книг из личной библиотеки старого доктора Лепитра, бывшего одно время тюремным врачом в Марселе. До сих пор не пойму - мистификация это или правда.

Открыв тетрадь, я увидел на внутренней стороне обложки черный экслибрис - три кипариса и солнечные часы над выведенными готическим шрифтом словами: "Экс Либрас Лепитр". Страницы были исписаны дивным калиграфическим почерком; выцветшие чернила приобрели ржаво-коричневый оттенок.

- Лучше бы я тогда дождалась утра, прежде чем читать, - произнесла с содроганием Марджери.

- Там что-нибудь о привидениях? - спросил я.

- Нет, - неуверенно ответил Поль. - Во всяком случае, не совсем. К сожалению, старик Лепитр умер, так что мне не довелось расспросить его. Очень странная история. Но, зная твой интерес ко всему оккультному, ко всяким ночным стукам, я сразу подумал о тебе. Прочти и скажи, что ты думаешь. Если хочешь, можешь оставить рукопись себе. Во всяком случае, развлечешься.

- Вот уж никак не назвала бы это чтение развлечением, - возразила Марджери. - Жуткая история.

Несколько часов спустя, вдоволь насытившись вкусными блюдами и добрым вином, я вооружился огромной, тщательно заправленной золотистой керосиновой

лампой, излучающей бледно-желтый свет, и поднялся в гостевую комнату, где меня ожидала широченная пери-на. Бульдог последовал за мной и следил, шумно дыша, как я раздеваюсь, укладываюсь спать. Сам он расположился на полу подле кровати, не сводя с меня преданных глаз. Гроза не унималась, раскаты грома следовали один за другим, время от времени комнату озаряли яркие молнии. Я поправил фитиль, пододвинул поближе лампу на тумбочке, взял красную тетрадь и приступил к чтению, удобно сидя с подушками за спиной. Повествование начиналось сразу, без каких-либо предисловий.

"16 марта 1901 года, Марсель.

Впереди целая ночь, и поскольку мне ясно, что при всем желании я все равно не усну, то решил попытаться подробно описать случившееся со мной. Боюсь, от этого моя история не станет выглядеть более правдоподобно, но надо же чем-то себя занять, пока не наступит рассвет, неся мне облегчение.

Для начала должен сообщить кое-что о себе и своих отношениях с Гидеоном де Тейдре Вильрэм, чтобы читателю (буде такой найдется) стало понятно, почему я очутился среди зимы во Франции, притом в самой глуши. Я букинист и позволю назвать себя истинным профессионалом. Хотя теперь вернее сказать, был таковым. Один из моих коллег - надеюсь, скорее по-дружески, чем из ревности - даже назвал меня однажды "литературной ищейкой"; что ж, я готов признать меткость этого забавного сравнения. Через мои руки прошло свыше сотни личных библиотек, и мне довелось сделать немало важных открытий. Так, я обнаружил оригинальную рукопись Готтенштайна, редкое иллюстрированное издание Библии, которое иные сравнивают с "Книгой Келлза"; в невзрачном деревенском доме в Мидленде я откопал пять неизвестных прежде стихотворений Блейка.

Были и не столь значительные, но все равно интересные открытия - такие, как найденный среди игрушек и моющихся книжек в детской комнате в доме одного священника в Шропшире подписной экземпляр первого издания "Алисы в Стране чудес" или дарственный экземпляр "Португальских сонетов", подписанный Робертом и Элизабет Браунинг, с шестистрочным стихотворением на форзаце. Чтобы находить такие книги в самых неожиданных местах, необходимо обладать чем-то вроде дара лозоходца. Приобрести такую способность нельзя, но если вы ею наделены, можно постоянной практикой отточить ее. В свободное время я также каталогизировал небольшие важные книжные фонды, поскольку само общение с книгами доставляло мне великое удовольствие. Библиотечная тишина, осязание и запах книг для меня все равно что для гурмана вкус и состав пищи. Это может показаться фантастикой, но, стоя в библиотеке, я словно слышу тысячи голосов, как если бы меня окружал огромный хор, в чьем пении я черпаю познания и красоту. Естественно, моя профессия свела меня с Гидеоном в залах аукционной фирмы Сотсбис. В одном доме в Сассексе я обнаружил маленькую, но чрезвычайно интересную коллекцию первых изданий, и мне захотелось лично убедиться, сколько можно выручить за такое собрание. Пока шли торги, я поймал себя на не совсем приятном ощущении, что за мной кто-то следит. Я обернулся, но все глаза были как будто направлены только на аукциониста. Тем не менее с каждой минутой мое беспокойство росло. Возможно, это будет слишком сильно сказано, однако я не сомневался, что кто-то внимательно изучает меня. Но вот покупатели и зрители чуть расступились, и я увидел его - мужчину среднего роста с привлекательным, хотя и несколько одутловатым лицом, большими пронизательными черными глазами и шап-

кой кудрявых, довольно длинных волос. На нем было хорошего покроя темное пальто с каракулевым воротником, руки в элегантных перчатках держали каталог предметов, выставленных на аукцион, и черную широкополую велюровую шляпу. Пристальный взгляд блестящих цыганистых глаз был устремлен на меня, но, заметив, что и я смотрю на него, он моргнул, чуть улыбнулся и кивнул головой, как бы извиняясь за то, что так тарасился на меня. После чего повернулся, протиснулся сквозь толпу и пропал из виду.

Не знаю почему, но это пристальное разглядывание незнакомым человеком привело меня в замешательство до такой степени, что я уже не так внимательно следил за торгами, отметил только, что выручил за предметы, выставленные мной на продажу, больше, чем ожидал. Как только кончились торги, я выбрался из зала и вышел на улицу.

Был холодный, сырой февральский день, и от запаха дыма - предвестника смога - у меня першило в горле. Похоже было, что вот-вот начнется дождь, и я остановил кеб. В моем владении был унаследованный от матери высокий узкий дом на Смит-стрит, в непосредственной близости от Кингз-роуд. Меня вполне устраивало это жилище; не самый фешенебельный район, но дом был достаточно вместителен для такого холостяка, как я, со всеми моими книгами. Ибо за многие годы я собрал отличную небольшую коллекцию книг на интересующие меня темы: индейское искусство, особенно миниатюры, некоторые ранние "Естественные Истории", кое-какие редкие издания, посвященные оккультизму, несколько томов о растениях и знаменитых садах, хорошее собрание первых изданий современных романистов. Мой дом был обставлен просто, но удобно; хотя я небогат, но мог позволить себе не слишком скупиться, дер-

жал хороший стол, в погребе было немало марочных вин.

Отпустив кеб и поднимаясь по ступенькам к входной двери моего дома, я обратил внимание, что на город, как и следовало ожидать, спускается едкий туман. Дальний конец улицы уже почти не был виден, и я радовался, что успел добраться до дома. Моя домоправительница, миссис Мэннинг, позаботилась о том, чтобы в маленькой гостиной весело пылал огонь в камине, рядом с моим любимым креслом положила, как обычно, домашние туфли (какой же отдых без домашних туфель?) и расставила на столике все необходимое для приготовления горячего пунша. Я снял пальто и шляпу и переобулся.

В это время из кухни внизу вышла миссис Мэннинг и спросила, нельзя ли ей ввиду сгущающегося тумана сегодня уйти домой пораньше. Сообщила, что приготовила для меня суп, бифштекс, запеканку с почками и яблочный пирог, остается только их подогреть. Я ответил, что ничего не имею против; мне не раз доводилось обходиться без посторонних услуг.

- К вам тут недавно заходил один джентльмен, - сказала миссис Мэннинг.

- Джентльмен? Он назвался? - спросил я, удивленный тем, что кто-то надумал посетить меня в такую погоду.

- Нет, - ответила она, - он не назвался. Сказал только, что еще зайдет.

Как раз тогда я был занят каталогизацией книг в одном доме, а потому решил, что визит неназванного джентльмена был связан с этим делом. И не стал больше размышлять над этой загадкой. Тут снова показалась миссис Мэннинг, одетая для выхода в город, я проводил ее до дверей и тщательно запер их, после чего вернулся к своему пуншу и пылающему камину. Мой кот Нептун спустился из кабинета наверху, где стояла его уютная

корзина, приветственно мяукнул и грациозно прыгнул мне на колени. Потоптавшись передними лапами с выпущенными когтями, он удобно улегся и задремал с громким мурлыканьем, напоминающим жужжание роя пчел в пустом черепашьем панцире. Убаюканный этой музыкой, каминным жаром и пуншем, я тоже погрузился в сон.

Должно быть, я крепко спал, потому что проснулся вдруг, не понимая, что меня разбудило. Нептун на моих коленях встал, потянулся и зевнул, предвидя, что покою его приходит конец. Я прислушался - тишина. Только решил было, что мой сон потревожен движением угля на каминной решетке, как снизу донесся властный стук в дверь. Я спустился по лестнице, приводя себя в порядок после сна, поправляя воротничок и галстук и приглаживая непокорную шевелюру.

Включив свет в прихожей, я отпер дверь и распахнул ее. В дом вторглись пряди густого тумана, а на крыльце перед дверью стоял тот странный цыганистого вида мужчина, что так пристально разглядывал меня в зале Сотсбис. Теперь на нем были хорошо скроенный вечерний костюм и накидка с красной шелковой подкладкой. На голове - цилиндр, покрытый блестящими капельками влаги от тумана, который колыхался за его спиной точно театральный задник тошнотворного желтого цвета. Рука в перчатке покачивала, будто маятник, трость черного дерева с великолепной работы золотым набалдашником. Увидев, что дверь открыл именно я, а не какой-нибудь слуга или дворецкий, он приосанился и снял цилиндр.

- Добрый вечер, - сказал незнакомец, обнажая в очаровательной улыбке чудесные, белые, ровные зубы.

У него был необычно приятный, несмотря на хрипотцу, мелодичный голос, которому небольшой, но доста-

точно заметный французский акцент придавал дополнительную прелесть.

- Добрый вечер, - отозвался я, недоумевая, зачем мог понадобиться этому человеку.

- Я имею честь говорить с мистером Леттингом... мистером Питером Леттингом?

- Да. Я Питер Леттинг.

Он снова улыбнулся и, сняв перчатку, протянул мне холеную руку с огненным опалом в золотой оправе на одном пальце.

- У меня нет слов, чтобы выразить, как я рад возможности познакомиться с вами, сэра, - сказал он, пожимая мою руку. - Позвольте прежде извиниться, что побеспокоил вас в столь поздний час, в такой день...

С этими словами он завернулся плотнее в свою накидку и оглянулся на клубящийся за его спиной сырой желтый туман. Оставляя его стоящим на крыльце в такую отвратительную погоду вряд ли было бы признаком хорошего тона, и я предложил ему войти и изложить свое дело. Он прошел мимо меня в прихожую, и когда я, тщательно заперев дверь, обернулся, гость уже снял накидку и цилиндр, отставил в сторону трость и, растирая руки, выжидательно глядел на меня.

- Пойдемте в гостиную, мистер?... - произнес я с вопросительной интонацией.

На лице его отразилось странное, почти детское чувство вины.

- Дорогой сэра, - молвил он покаянно, - дорогой мистер Леттинг. Какое непростительное упущение с моей стороны. Вы вправе обвинить меня в нарушении светских приличий - вторгаюсь в ваш дом в такой вечер и даже забываю представиться. Ради Бога, извините. Я - Гидеон Тейдре де Вильэрэй.

- Рад познакомиться, - учтиво ответил я, хотя, по правде говоря, чувствовал себя неловко, несмотря на его обаяние; что может быть нужно, спрашивал я себя, французскому аристократу от букиниста вроде меня? - Не хотите ли подкрепиться... скажем, бокалом вина или, учитывая холодную погоду, рюмочкой бренди?

- Вы чрезвычайно добры и снисходительны, - ответил он с легким поклоном, продолжая приязненно улыбаться. - Бокал вина несомненно будет весьма кстати.

Я провел его в гостиную, и он остановился перед камином, грея руки над огнем, сжимая и разжимая пальцы, так что перстень с опалом казался пятном крови на белой коже. Выбрав в погребе бутылку превосходного марго, я бережно доставил ее в гостиную, прихватив по пути хрустальные бокалы. За это время мой гость отошел от камина и теперь стоял возле полка, держа в руках книгу.

- Какое великолепное издание Элифаса Леви, - горячо произнес он, повернувшись ко мне. - И у вас тут чудесное собрание чернокнижия. Не знал, что вы интересуетесь оккультизмом.

- Не так чтобы очень, - ответил я, откупоривая бутылку. - Назовите мне здравомыслящего человека, который всерьез верил бы в колдунов, шабаш ведьм, предсказателей судьбы и прочую дребедень. Я собираю их просто как интересные, ценные издания, к тому же подчас весьма забавные, несмотря на мрачное содержание.

- Забавные? - сказал он, подходя ко мне, чтобы принять бокал с вином. - Забавные? Что вы хотите этим сказать?

- Согласитесь, разве это не забавная картина - взрослые люди бормочут какие-то дурацкие заклинания и часами ждут по ночам, когда им явится сатана? Должен признаться, лично мне это кажется весьма забавным.

- А мне - нет, - отозвался он и, словно опасаясь, что его реплика прозвучала слишком резко, даже грубо, улыбнулся и поднял бокал. - Ваше здоровье, мистер Леттинг.

Мы пригубили, он подержал вино во рту, смакуя, поднял брови.

- Должен сказать, у вас отличный погреб, - сообщил он. - Ваше марго превосходно.

- Благодарю, - ответил я, польщенный тем, что французский аристократ одобрил мой выбор. - Вы не хотите сесть и рассказать мне, чем я могу быть вам полезен?

Он грациозно опустился в кресло у камина, отпил еще вина и остановил на мне задумчивый взгляд. Когда гость замолкал, еще приметнее становился блеск его огромных черных глаз. Они будто прощупывали вас, читая ваши мысли. От этого взгляда мне, мягко выражаясь, стало не по себе. Но стоило ему улыбнуться, и тотчас взор его казался добродушным, чарующим, чуть озорным.

- Боюсь, мое неожиданное появление в столь поздний час... и в такую погоду... способно придать налет таинственности весьма ординарному, сдается мне, делу, с которым я пришел. Короче, я хотел бы, чтобы вы провели каталогизацию одной личной библиотеки, сравнительно небольшого собрания книг, не больше тысячи двухсот экземпляров, оставленных мне моей тетушкой, умершей в прошлом году. Повторяю, собрание небольшое, и я лишь бегло с ним ознакомился. Однако мне кажется, что там есть довольно редкие, ценные издания, и хотелось бы на всякий случай обеспечить тщательную каталогизацию, до чего у моей бедной тетушки руки так и не дошли. Бедняжка была недалекого ума, готов поклясться, что за всю свою жизнь она не заглянула ни в одну книгу. Ее существование не было овеяно даже самым слабым дуновением культуры. Эти книги достались ей

от отца, и, вступив во владение ими, она совсем не уделяла им внимания. Книги стоят вперемешку, и я был бы вам благодарен, если бы вы разобрались в них как эксперт. Мое вторжение вызвано силой обстоятельств, завтра рано утром я выезжаю во Францию, и у меня не было другого случая обратиться к вам. Надеюсь, вы сможете найти время, чтобы выполнить мою просьбу?

- Буду счастлив помочь чем могу, - ответил я; сама мысль о поездке во Францию показалась мне весьма привлекательной. - Однако хотелось бы знать, почему вы остановили свой выбор на мне, ведь в Париже есть немало людей, способных выполнить эту работу не хуже, а то и лучше меня.

- По-моему, вы несправедливы к себе, - возразил мой гость. - Вам должно быть известно, какая у вас высокая репутация. Я ко многим обращался за советом, и все тотчас называли вас. Так я убедился, мой дорогой мистер Леттинг, что лучшего выбора быть не может, если только вы согласитесь.

Признаюсь, я порозовел от удовольствия, поскольку у меня не было никаких причин сомневаться в искренности этого человека. Приятно было услышать, что коллеги столь высокого мнения обо мне.

- И когда вы хотели бы, чтобы я приступил к работе? - спросил я.

Он развел руками, выразительно пожал плечами.

- Это вовсе не срочно. Естественно, хотелось бы, чтобы это не помешало вашим собственным планам. Как насчет того, чтобы вы могли начать, скажем, весной? В это время года долина Луары особенно хороша, и я не вижу причин, почему бы вам не насладиться природой в той же мере, как работой с книгами.

- Весна отлично устраивает меня, - ответил я, наполняя бокалы. - Апрель годится?

- Превосходно, - отозвался он. - Думаю, на каталогизацию у вас уйдет что-нибудь около месяца, но вы можете оставаться там, сколько вам будет угодно. У меня хорошая коллекция вин и хороший повар, так что у вас не будет повода жаловаться на обслуживание.

Я сходил за своей записной книжкой с календарем, и мы сошлись на том, что четырнадцатое апреля устроит нас обоих. Гость поднялся, собираясь уходить.

- Да, еще одна вещь, - сказал он, кутаясь в накидку. - Кому, как не мне, понимать, что мои имя и фамилия затруднительны для запоминания и произношения. А потому, не примите это за бесцеремонность, я предпочел бы, чтобы вы просто называли меня Гидеон, а я вас - Питер, согласны?

- Конечно, - поспешил я ответить не без облегчения, ибо на де Тейдре Вильрзе и впрямь можно было язык сломать.

Он горячо пожал мне руку, еще раз попросил извинить за внезапное вторжение, обещал прислать письмо с подробным описанием - как найти его во Франции, и уверенным шагом скрылся за дверью в густом желтом тумане.

Я же вернулся в свою теплую, уютную гостиную и допил вино, размышляя о странном посетителе. И чем больше я думал о нем, тем удивительнее представлялось мне происшедшее. Почему, например, Гидеон не обратился ко мне сразу, когда увидел меня у Сотсбис? Говорит, что каталогизация тетушкиных книг совсем не к спеху, а сам счел необходимым повидать меня сегодня ночью, словно речь шла о неотложном деле. Он ведь мог просто написать мне? Или он посчитал, что воздействие его личности вернее поможет добиться моего согласия?

Он произвел на меня двойственное впечатление. Как я уже сказал, пока лицо его оставалось бесстрастным, гла-

за смотрели так испытующе и пристально, что мне делалось не по себе и я даже ощущал некоторую антипатию. Но стоило ему улыбнуться, как и глаза его словно смеялись, и я невольно оказывался во власти очарования его низкого мелодичного голоса. Да, необычный человек... И я решил попытаться побольше узнать о нем до того, как поеду во Францию. Решил - и спустился на кухню следом за проголодавшимся Нептуном приготовить поздний ужин.

Несколько дней спустя мне встретился на торгах мой старый друг Эдвард Мэлинджер. Между делом я небрежно осведомился, известно ли ему что-нибудь о Гидеоне. Эдвард внимательно посмотрел на меня поверх очков.

- Гидеон де Тейдре Вильрэй? Ты говоришь о графе... племяннике старика маркиза де Тейдре Вильрэя?

- Он не назвался графом, но полагаю, что это именно он, - ответил я. - Тебе что-нибудь о нем известно?

- Когда закончатся эти торги, пойдем выпьем по стаканчику и я кое-что расскажу тебе, - предложил Эдвард.

- Очень странное семейство... во всяком случае, старик маркиз - человек весьма эксцентричный.

После торгов мы зашли в пивную, и за кружкой пива Эдвард поведал то, что ему было известно о Гидеоне. Оказалось, что много лет назад маркиз де Тейдре Вильрэй пригласил Эдварда приехать во Францию (как теперь пригласил меня Гидеон), чтобы каталогизировать и оценить его обширную библиотеку. Эдвард согласился и отправился в имение маркиза в Горж дю Тарне.

- Тебе знаком этот район Франции? - спросил Эдвард.

- Я вообще никогда не бывал в этой стране, - признался я.

- Так вот, это глухой край. Имение находится в самом Горже, в уединенной, дикой, сильно пересеченной мест-

ности. Высокие скалы, глубокие мрачные ущелья, водопады, бурные потоки - что-то вроде преисподней, какой Доре изобразил ее в своих рисунках к "Божественной комедии" Данте.

Эдвард остановился, глотнул пива, закурил сигару. Завершив эту процедуру, продолжал:

- В имении, кроме прислуги (всего из трех человек - маловато для такого обширного хозяйства), я застал дядюшку и его племянника, того самого, насколько я понимаю, что навестил тебя на днях. Скажу без обиняков - дядюшка произвел на меня весьма неприятное впечатление. У этого восьмидесятипятилетнего старика было злое, хитрое лицо и льстивые манеры, которые сам он явно считал очаровательными. Племяннику было лет четырнадцать; на бледном лице выделялись огромные черные глаза. Он был умен не по возрасту, однако меня обеспокоило то, что, как мне показалось, им владеет тайный страх - страх перед собственным дядюшкой.

В первый день моего пребывания там я, утомленный долгим путешествием, лег спать рано, вскоре после скудного и скверно приготовленного по французским меркам обеда. Старик и мальчик остались в столовой. Так совпало, что она помещалась как раз под моей спальней, и хотя я не различал отдельных слов, было очевидно, что дядюшка настойчиво уговаривает племянника сделать что-то, против чего тот страстно возражает. Спор затянулся, голос дядюшки звучал все громче и сердитее. Внезапно послышался стук отодвигаемого стула, и мальчик крикнул, да-да, крикнул по-французски старику: "О нет, я не желаю жертвовать собой, чтобы ты мог жить... Я ненавижу тебя!" Я хорошо расслышал каждое слово, и меня поразило, что такое мог сказать юный племянник. Потом скрипнула и со стуком захлопнулась дверь столовой, мальчик взбежал вверх по лест-

нице, и хлопнула другая дверь, видимо, в его спальне. Вскоре и дядюшка встал из-за стола и начал подниматься вверх. Ошибиться было невозможно - он сильно приволакивал кривую ногу, и это придавало характерный звук его походке. Старик поднимался не торопясь, и заверяю тебя, дорогой Питер, у меня волосы поднялись дыбом, столько зла было в этом неторопливом шествии вверх по ступенькам. Он проследовал к спальне мальчика, открыл дверь, вошел. Окликнул племянника два-три раза - мягко, вкрадчиво, однако за этой мягкостью угадывалась страшная угроза. Потом старик произнес какую-то фразу, закрыл дверь и захромал дальше по коридору - очевидно, в свою спальню.

Я выглянул в коридор. Из комнаты племянника доносился приглушенный плач, как будто мальчик лежал, укрывшись с головой. Плач продолжался, и я был сильно встревожен. Хотелось пойти к мальчику, успокоить его, но я опасался, что мое вторжение смутит его. Да и не мое это было дело, строго говоря. Все же мне было не по себе. Казалось, Питер, вся атмосфера дома пропитана чем-то ужасным. Ты знаешь, я несуетерен, однако я долго не мог уснуть, все думал, каково-то мне будет выдерживать эту атмосферу две-три недели, пока не будет завершена работа. К счастью, судьба была милостива ко мне: на другой день пришла телеграмма, в которой сообщалось, что моя сестра серьезно заболела, и у меня появился вполне легитимный повод просить маркиза расторгнуть наш контракт. Естественно, ему это не понравилось, но в конце концов он неохотно согласился. В ожидании двуколки, которая должна была отвезти меня на станцию, я бегло осмотрел часть книг. Обширная библиотека занимала не одну комнату, но основное собрание было сосредоточено в так называемой "Длинной галерее", помещении, способном украсить имения на-

ших английских аристократов. Книжные полки чередовались с огромными зеркалами, да и весь дом был полон зеркал, я в жизни не видел их в таком количестве. У маркиза и впрямь была редкая, ценная коллекция книг, в том числе посвященных одному из твоих, Питер, любимых предметов - оккультизму. Я успел приметить интереснейшие древнееврейские рукописи о ведовстве, оригинальное издание "Открытия ведьм" Мэтью Гопкинса, великолепный экземпляр "Чудес природы" Ди. Но тут прибыла двуколка, я простился с хозяином и уехал. Честное слово, дружище, никогда еще отъезд из чьего-то дома не доставлял мне такой радости. Не сомневаюсь, что он занимался черной магией и пытался привлечь к нехорошим делам славного мальчугана. Впрочем, сам понимаешь, у меня нет никаких доказательств, а потому не буду настаивать на своей догадке. Полагаю, старый маркиз уже мертв, если же нет, то ему должно быть за девяносто. Что до мальчика, то от друзей в Париже я слышал впоследствии, что его личная жизнь не сложилась, поговаривали о связях с женщинами определенного сорта, но это все слухи, к тому же тебе известно, дружище, у иностранцев понятия морали иные, чем у англичан. Здесь, как и во многом другом, мы, слава Богу, отличаемся от остального мира.

Я выслушал рассказ Эдварда с величайшим интересом и решил при случае расспросить Гидеона о его дядюшке.

Собираясь в путь, я предвкушал удовольствие от поездки во Францию. Четырнадцатого апреля сел на поезд до Лувра, оттуда безо всяких приключений (даже без морской болезни) доплыл до Кале, провел вечер в Париже, наслаждаясь образцами французской кухни и вин, а утром следующего дня снова сел на поезд и доехал до Тура с его шумным вокзалом, где меня, как и было обе-

щано, встретил Гидеон. Он был в приподнятом настроении и приветствовал меня, словно старого дорогого друга, что, не стану скрывать, было мне очень приятно. Я поблагодарил его за заботу, но он только отмахнулся.

- О чем речь, дорогой Питер! У меня всего-то занятий - есть, пить да толстеть! Принять такого гостя, как ты, истинное удовольствие.

Выйдя из здания вокзала, мы сели в красивую двухконную карету и быстро покатали по чудесной сельской местности, расписанной переливающимися на солнце зелеными и желтыми красками.

Около часа ехали мы по дороге, которая становилась все уже и уже; наконец она оказалась зажатой между усеянными яркими цветами высокими валами, а над головой у нас переплетались покрытые нежной весенней зеленью ветви деревьев. Приметив в просветах между деревьями серебристый блеск водной глади, я понял, что мы едем вдоль Луары. В одном месте мы миновали массивные каменные столбы и кованые железные ворота перед дорожкой, ведущей к сложенному из розовато-желтого камня огромному красивому замку. Гидеон заметил мой удивленный взгляд человека, пораженного сказочным видением.

- Надеюсь, дорогой Питер, - улыбнулся он, - ты не предполагаешь, что я живу в доме, подобном этому чудовищу? В противном случае тебя ждет разочарование. Боюсь, мой замок покажется тебе миниатюрным, однако меня он вполне устраивает.

Я возразил, что пусть его обитель хуже сарая, по мне, достаточно этих чудесных пейзажей и предвкушения увлекательной работы.

Был уже вечер. На зеленые луга легли розовато-лиловые тени деревьев, когда мы подъехали к обители Гидеона, Шато Сен-Клэр. На воротных столбах восседали

вырезанные в камне медового цвета большие совы, и тот же мотив был искусно вплетен в кованые железные ворота.

Прилегающий к замку участок разительно отличался от местности, по которой мы ехали до сих пор. Если там царило буйное, вольное цветение, луга были покрыты густой высокой травой, то здесь подъездную дорожку окаймляли огромные, старые, много метров в обхвате дубы и каштаны с толстой, как слоновья кожа, узловатой корой. Я мог лишь гадать, сколько веков эти деревья охраняли подступы к Шато Сен-Клэр, но многие из них явно достигли уже изрядных размеров, когда Шекспир еще был только юношей. Лужайки под ними были гладкими, как сукно бильярдного стола, о чем заботились мирно пасущиеся в лучах заходящего солнца стада пятнистых ланей. Самцы с изящной короной ветвистых рогов спокойно провожали нас взглядом, нисколько не потревоженные стуком копыт наших лошадей.

Вдали за газонами виднелась череда высоких тополей и поблескивала тихая гладь Луары. Но вот дорожка повернула, и впереди показался замок. Маленькое, как и говорил Гидеон, но совершенное строение, как бывает совершенной миниатюра. Вечернее солнце отражалось от соломенно-желтых стен, и голубоватая кровля главного здания с двумя башенками казалась подернутой нежной патиной.

Широкую веранду, облицованную плитняком, венчала высокая балюстрада, и на ней восседало три десятка павлинов, великолепные хвосты которых спускались на ухоженный газон. Перед балюстрадой размещались аккуратные клумбы с сотнями ярких цветов, будто сливающихся с павлиньими хвостами. Это было восхитительное зрелище! Мы остановились перед широким крыльцом, дворецкий распахнул дверцы кареты, Гидеон спус-

тился на землю, снял шляпу и низко поклонился мне с озорной улыбкой.

- Добро пожаловать в Шато Сен-Клэр.

Так начались для меня совершенно дивные три недели, недели, скорее, отдыха, чем работы. Жизнь в миниатюрном, но великолепно обставленном, поддерживаемом в безупречном состоянии замке была сплошным удовольствием. Маленький парк на берегу излучины Луары содержался в идеальном порядке, каждое дерево казалось аккуратно подстриженным, изумрудные газоны - тщательно причесанными, а расхаживающие среди могучих деревьев павлины словно вышли из рук Фаберже. Добавьте отличный винный погреб и кухню, где заправлял искусный шеф-повар, готовивший вкуснейшие, ароматнейшие блюда, и вы получите довольно верное представление о земном рае.

Утро проходило за разборкой и каталогизацией книг (собрание было чрезвычайно интересным), а во второй половине дня Гидеон приглашал меня искупаться в реке или совершить верховую прогулку в парке; он держал несколько превосходных коней. Вечерами после обеда мы беседовали на прогретой солнцем террасе, причем отличные блюда и вина, поданные к обеду, придавали нашим беседам особую теплоту.

Заботливый хозяин и прекрасный рассказчик был чрезвычайно интересным собеседником. Теперь-то я, естественно, никогда не узнаю, не пускал ли он намеренно в ход все свое очарование, чтобы обольстить меня. Хотелось бы думать, что это не так, что он действительно проникся ко мне симпатией и ему нравилось мое общество. Конечно, теперь это уже не играет никакой роли. Во всяком случае, я с каждым днем все сильнее привязывался к нему.

Я всегда был склонен к уединенному образу жизни, друзей - близких друзей - у меня было мало, и виделся я с ними раз или два в году, не больше. Однако дни, проведенные в замке вместе с Гидеоном, возымели сильное действие на меня. Я стал задумываться, верно ли оставаться таким затворником. Подумал вдруг о том, что все мои друзья принадлежат к другой возрастной группе, намного старше меня. Гидеон, если причислять его к ряду моих друзей (как я это делал тогда), единственный был примерно моего возраста. Под его влиянием я становился более общительным. Помню, однажды вечером, сжимая белыми зубами сигару и щурясь на меня сквозь облачко синего дыма, он сказал: "Беда в том, Питер, что тебе грозит опасность стать молодым рутинером". Тогда я, разумеется, рассмеялся, однако, поразмыслив, понял, что он прав. Понял также, что, когда придет время покинуть замок, мне будет не хватать общения с этим беспечным человеком, возможно, даже больше, чем я был готов в этом признаться самому себе.

О своих многочисленных родичах Гидеон говорил тепло, но с оттенком иронии, рассказывал истории, рисующие их чудачества или глупости, однако ирония его была беззлобной, с преобладанием нелицеприятного юмора. Тем удивительнее казалось мне, что он лишь однажды заговорил о своем дядюшке-маркизе. Мы сидели вечером на террасе, провожая глазами обитающих в дуплах дубов сипух, которые пронеслись в поисках добычи над лужайками перед нами. Я описывал ему одну книгу, полагая, что осенью ее можно будет приобрести на аукционе за две тысячи фунтов. Дескать, это серьезный труд, способный занять достойное место в библиотеке Гидеона среди других трудов на ту же тему. Я мог бы принять участие в торгах... Гидеон щелчком отправил окурочек сигары через балюстраду на клумбу, где тот

остался лежать, будто огромный красный светлячок, и тихо рассмеялся.

- Две тысячи фунтов? Дорогой Питер, к сожалению, я не настолько богат, чтобы позволить себе такое удовольствие. Вот если бы умер мой дядюшка...

- Дядюшка? - осторожно произнес я. - Я не знал, что у тебя есть дядюшки.

- Только один, слава Богу, - сказал Гидеон. - Но, к сожалению, он сидит на сундуке, где хранится состояние нашего семейства, и эту старую свинью ничто не берет. Ему девяносто один год, а когда я видел его года два назад, на вид никто не дал бы ему больше пятидесяти. Тем не менее он не бессмертен и сколько бы ни упирался, рано или поздно дьявол прижмет его к своей груди. В тот счастливый день я унаследую хороший куш и библиотеку, которой даже ты, дорогой Питер, позавидуешь. До тех пор не могу позволить себе тратить по две тысячи на книги. Однако ждать башмаков мертвеца скучнейшее занятие, и мой дядюшка - не самый занимательный предмет для разговора, а потому давай лучше выпьем вина и потолкуем о чем-нибудь приятном.

- Не занимательный, говоришь? Тогда он совершенно не похож на остальных твоих родственников, про которых ты рассказывал, - небрежно заметил я, надеясь в душе, что Гидеон поведаст кое-что еще об этом нехорошем дядюшке.

- Что правда, то правда, - сказал он, помолчав, - совсем не похож. Но как в каждой деревне есть свой дурачок, так и в каждой семье не обходится без паршивой овцы или безумца.

- Ну что ты, Гидеон, - возразил я. - Зачем же так резко?

- Ты так думаешь? - спросил он, и в свете угасающего дня я рассмотрел капли пота на его лице. - Считаешь, я

чересчур жестоко отзываюсь о своем дражайшем родиче? Однако ты не имел удовольствия встречаться с ним, верно?

- Верно, - ответил я.

Обеспокоенный крайней горечью, звучащей в его голосе, я уже готов был оставить эту тему, явно неприятную для моего друга.

- Когда умерла моя матушка, - продолжал он, - мне пришлось не один год прожить в обществе моего дорогого дядюшки, пока я не смог освободиться от него, получив скромную сумму, завещанную мне отцом. Десять лет провел я в чистилище - в обществе этого мерзавца. Десять лет не проходило дня и ночи, чтобы мне не довелось испытать дикий ужас. Его порочность не поддается описанию, и он ни перед чем не останавливается, добиваясь своего. Если дьявол бродит самолично по земле под видом человека, то не сомневаюсь, что он надевает на себя отвратительную шкуру моего дядюшки.

Он резко встал и пошел в дом. Меня озадачила и встревожила горячность, с какой были сказаны эти слова. Я колебался, следует ли пойти за ним или нет, но тут он вернулся, неся графин с бренди и рюмки, сел и налил нам обоим.

- Ты уж извини меня, дорогой Питер, за этот спектакль, за то, что я навязал тебе мелодраму, чье место скорее в парижском театре "Гран Гиньол", чем на этой террасе, - сказал он, протягивая мне рюмку. - Боюсь, мне вредно говорить об этой старой свинье, моем дядюшке. Одно время меня преследовал страх, потому что мне казалось, будто он завладел моей душой... сам знаешь, дети чего только не выдумают. Не один год прошел, прежде чем я избавился от этого наваждения. И все же до сих пор, как видишь, не могу спокойно говорить о нем, так

что давай лучше выпьем и потолкуем о чем-нибудь другом, идет?

Я поспешил согласиться, и мы продолжали беседовать еще час-другой. Но в тот вечер я единственный раз видел Гидеона по-настоящему пьяным. Ложась спать, я винил в этом себя, понимая, что основательно испортил ему настроение, настояв на том, чтобы поговорить о его дядюшке.

В последующие четыре года я все ближе узнавал Гидеона. Приезжая в Англию, он останавливался у меня, а я не раз с великим удовольствием гостил в Шато Сен-Клэр. Потом он куда-то исчез на полгода, оставалось только предположить, что им овладела, выражаясь его словами, "охота к перемене мест", и он решил, как это бывало с ним, съездить в Египет, или на Восток, или в Америку. Как раз в это время я был по горло занят делами, и мне, по правде говоря, было не до того, чтобы размышлять о странствиях Гидеона. Но вот однажды вечером, когда я вернулся на свою Смит-стрит смертельно усталый после долгой поездки в Абердин, дома меня ожидала телеграмма от Гидеона.

"Приеду Лондон понедельник тридцатого можешь ли встретить тчк Дядюшка умерщвлен мне досталась библиотека возьмешься ли каталогизировать оценить тчк объясню все при встрече привет Гидеон".

Меня позабавило, что Гидеон, всегда гордившийся безупречным знанием английского языка, написал не "скончался", а "умерщвлен". Однако, когда он приехал, я узнал, что именно так обстояло дело, во всяком случае, по всем наличным признакам. Гидеон прибыл поздно вечером, и мне с первого же взгляда стало ясно, что он пережил нечто ужасное. Не могла же потеря дядюшки подействовать на него так сильно, сказал я себе. Этот факт, скорее, должен был обрадовать Гидеона. Но мой

друг сильно осунулся, красивое лицо его было бледно, глаза, под которыми обозначились темные круги, утратили былой блеск и живость. Приняв дрожащей рукой бокал с его любимым вином, он опустошил его одним глотком, словно это была вода.

- У тебя усталый вид, Гидеон, - сказал я. - Выпей еще вина, потом пообедай со мной и ложись спать. Отложим все разговоры на завтра.

- Старина Питер, - ответил он, и губы его скривились в жалком подобии обычной искрометной улыбки, - только не изображай английскую нянюшку и не смотри на меня с такой тревогой. Не подумай, что меня одолевает хворь. Просто мне достались довольно тяжело последние две недели, и я еще не пришел в себя. Слава Богу, теперь уже все позади. За обедом все расскажу тебе, но прежде, дружище, если позволишь, я принял бы ванну.

- Конечно, - поспешил я ответить, после чего отыскал миссис Мэннинг и попросил ее приготовить для Гидеона ванну и отнести его вещи в гостевую комнату.

Гидеон поднялся наверх, и вскоре я последовал его примеру. У гостевой комнаты и у моей спальни были раздельные ванны, площадь второго этажа была достаточно большой, чтобы я мог позволить себе эту маленькую роскошь. Только я начал раздеваться, чтобы самому совершить омовение, как меня испугал громкий протяжный вопль, сопровождаемый звоном разбитого стекла. Эти звуки явно исходили из ванной Гидеона. Я бегом пересек узкую лестничную площадку и постучался в дверь моего друга.

- Гидеон? - крикнул я. - Гидеон, что с тобой... могу я войти?

Ответа не было, я ворвался в гостевую, вне себя от тревоги. Гидеон стоял в ванной, наклонясь над раковиной и вцепившись в нее обеими руками; по белому, как

простыня, лицу катились струйки пота. Большое зеркало над раковиной было разбито, всюду рассыпаны осколки вместе с остатками бутылочки из-под шампуня.

- Это он... это он... он... - бормотал Гидеон.

Его качало, и он явно не заметил моего появления. Взяв Гидеона за руку, я вывел его в спальню и уложил на кровать, после чего вышел на лестницу и крикнул вниз миссис Мэннинг, чтобы принесла бренди, да поживее.

Вернувшись в комнату, я увидел, что Гидеон уже выглядит несколько лучше, однако он лежал с закрытыми глазами, прерывисто дыша словно человек, участвовавший в изнурительных гонках. Услышав мои шаги, он открыл глаза и страдальчески улыбнулся.

- Дорогой Питер, - произнес он. - Ради Бога, извини... надо же было мне... у меня вдруг закружилась голова... должно быть, после длинной дороги, когда я почти ничего не ел... а тут еще твое чудесное вино... я упал вперед с шампунем в руке и разбил твое прекрасное зеркало... Виноват... я, конечно, заплачу.

Я велел ему, довольно грубо, не говорить глупостей, и когда миссис Мэннинг, запыхавшись, поднялась по лестнице, заставил его выпить глоток-другой. Тем временем миссис Мэннинг навела порядок в ванной.

- Уф, полегчало, - выдохнул Гидеон. - Совсем другое дело. Осталось только понежиться в ванне, и я буду свеж, как огурчик.

Мне казалось, что ему лучше не вставать, и я сказал, что еду принесут наверх, но он не хотел и слышать об этом. И когда через полчаса Гидеон спустился в столовую, он выглядел уже гораздо лучше, улыбался и шутил, всячески расхваливал кулинарное искусство миссис Мэннинг заверяя, что уволит собственного повара, умыкнет ее и увезет в свой замок во Франции, чтобы она

заведовала его кухней. Миссис Мэннинг была - как всегда - очарована им, однако я видел, что роль веселого, обаятельного человека дается ему с великим трудом. Наконец мы управились с пудингом и сыром, миссис Мэннинг принесла графин портвейна и попрощалась до завтра. Я предложил Гидеону сигару, он закурил, откинулся на спинку стула и улыбнулся мне сквозь дым.

- Теперь, Питер, - начал он, - я могу поведать тебе кое-что о случившемся.

- Мне не терпится услышать, дружище, что тебя довело до такого состояния, - серьезно молвил я.

Гидеон порылся в кармане и вытащил большой железный ключ с широкой бородкой и фигурной головкой. Бросил его на стол, и ключ упал на столешницу с тяжелым стуком.

- Перед тобой одна из причин случившейся беды, - продолжал он, угрюмо глядя на ключ. - Так сказать, ключ от жизни и смерти.

- Не понял, - озадаченно произнес я.

- Из-за этого ключа меня чуть не арестовали по обвинению в убийстве. - Он улыбнулся.

- В убийстве? Тебя? - поразился я. - Непостижимо!

Гидеон глотнул вина и сел поудобнее.

- Месяца два назад я получил от дядюшки письмо с просьбой приехать к нему. Зная, как я к нему относился, ты поймешь, что я выполнил его просьбу с великой неохотой. Короче, он пожелал, чтобы я выполнил кое-какие поручения... гм... по фамильной части... и я отказался. Он пришел в ярость, мы крепко поссорились. Признаюсь, я не поскупился на выражения, и слуги слышали, как мы бранились. Покинув дядюшку, я направился в Марсель, чтобы там сесть на пароход, совершающий круизы в Марокко. Два дня спустя мой дядюшка был убит.

- Вот почему ты написал в телеграмме "дядюшка умерщвлен", а я-то не мог понять, в чем дело.

- Он в самом деле был убит и при самых таинственных обстоятельствах, - сказал Гидеон. - Его нашли в пустой мансарде наверху перед большим разбитым зеркалом. Он выглядел ужасно - одежда сорвана, горло и все тело изгрызено, словно бешеным псом. Кругом все забрызгано кровью... Меня вызвали для опознания. Тяжелая задача - лицо было изуродовано почти до неузнаваемости.

Гидеон остановился, глотнул еще вина, затем продолжил:

- Но самое поразительное - мансарда была заперта, заперта изнутри вот этим ключом.

- Как же так? - опешил я. - Как мог убийца выйти из помещения?

- Именно этим вопросом задавалась полиция, - сухо произнес Гидеон. - Как ты знаешь, французская полиция отличается большой дотошностью, но соображает туговато. Они рассуждали примерно так: от смерти дядюшки выгадываю я, поскольку мне достается кругленькая сумма, плюс его библиотека, плюс разбросанные по всей стране фермы. Вывод: кому выгодно, тот и убийца.

- Но это нелепо, - возмутился я.

- Только не в глазах полиции. Особенно когда они узнали, как бурно прошла моя последняя встреча с дядюшкой, а тут еще слуги слышали, как я пожелал ему поскорее умереть и избавить мир от лишней мерзости.

- Но в горячке чего только не наговоришь, - возразил я. - Это всем известно... А как они объяснили, что, убив дядюшку, ты оставил комнату запертой изнутри?

- Очень просто. Дескать, достаточно было вооружиться очень тонкими длинными плоскогубцами и просунуть их снаружи в замочную скважину. Но ведь плоскогубцы

должны были оставить след на бородке ключа, а она, как ты видишь, совершенно невредима. Главная проблема заключалась в том, что поначалу у меня не было алиби. Из-за той ссоры я раньше времени сорвался с места и приехал в Марсель за несколько дней до отплытия парохода. Я поселился в гостинице и решил посвятить эти дни экскурсиям по городу. Естественно, в Марселе у меня не было знакомых и некому было подтвердить, что я приехал туда тогда-то и тогда-то. Сам понимаешь, каких усилий потребовалось, чтобы обойти всех носильщиков, горничных, метрдотелей, владельцев ресторанов и прочих и добиться от них подтверждения, что в тот день, когда был убит мой дядюшка, я в самом деле находился в Марселе. Последние полтора месяца я только и занимался этим, и далось это мне непросто.

- Почему не телеграфировал мне? - спросил я. - Я мог бы составить тебе компанию, все-таки легче.

- Ты чрезвычайно добр, Питер, но не хватало еще, чтобы я впутывал своих друзей в такие скверные дела. К тому же я знал - если все кончится благополучно и меня отпустят (а полиция долго упиралась), мне понадобится твоя помощь в одном деле, связанном с тем, что произошло.

- Я к твоим услугам, - ответил я. - Только скажи, дружище, чем я могу быть полезен.

- Так вот, я уже говорил тебе, что в юности находился на попечении дядюшки и успел возненавидеть его дом и все, что с ним связано. Теперь, после того что случилось, мне вообще не вмоготу там появляться. Я не преувеличиваю, просто я убежден, что серьезно заболею, если проведу там хотя бы еще один день.

- Согласен, - твердо произнес я. - Это совершенно исключено.

- Что касается дома и обстановки, все можно оценить и продать через какую-нибудь парижскую фирму, это несложно. Но самое ценное в этом доме - библиотека. Вот тут мне нужен ты, Питер. Можешь ты поехать туда, чтобы произвести каталогизацию и оценку? Потом я найду склад, где книги будут храниться, пока я не расширю помещение моей собственной библиотеки.

- Конечно, могу, - ответил я. - С величайшим удовольствием. Скажи только, когда мне следует быть на месте.

- Я не поеду с тобой, - предупредил Гидеон. - Ты будешь там один.

- Ты же знаешь, я люблю уединение, - усмехнулся я. - И куда меня будут окружать интересные книги, я буду чувствовать себя прекрасно, не беспокойся.

- Хотелось бы управиться с этим делом возможно быстрее, - продолжал Гидеон. - Чтобы я мог избавиться от этого дома. Как скоро мог бы ты приступить?

Я сверился со своим календарем и с удовольствием обнаружил, что на ближайшее время никаких важных дел не намечено.

- Как насчет конца следующей недели? - спросил я.

- Так скоро? - обрадовался Гидеон. - Отлично! Я могу встретить тебя на вокзале в Фонтене в следующую пятницу. Годится?

- Вполне, - сказал я. - И я постараюсь быстро разобраться с книгами. А теперь выпьем еще по бокалу портвейна, и ложись-ка ты спать.

- Дорогой Питер, медицинское сословие много потеряло, не заполучив тебя в свои ряды, - пошутил Гидеон, однако послушался моего совета.

В ту ночь я дважды просыпался оттого, что вроде бы слышал его крик, однако в доме было тихо, и я говорил себе, что мне почудилось. На другое утро Гидеон отправился во Францию, и я стал готовиться последовать за

ним, отбирая вещи для продолжительного пребывания в доме его покойного дядюшки.

Во всей Европе царила морозная зима, и погода отнюдь не благоприятствовала дальним странствиям. Если бы не просьба Гидеона, я ни за что не покинул бы свой дом. Плавание через Ла-Манш было сплошным кошмаром, и по прибытии в Париж я чувствовал себя так отвратительно, что смог заставить себя съесть лишь немного жидкого мясного супчика, после чего лег спать. На другой день в городе была жуткая холодина, дул резкий ветер и с серого неба лил колючий дождь. Все же я добрался до вокзала, и началось, по видимости, нескончаемое путешествие с пересадками и ожиданием на все более неудобных станциях. От холода я ооченел до того, что перестал связно мыслить. Берега рек были украшены ледяными кружевами, пруды и озера глядели слепыми замерзшими очами на небеса стального цвета.

Наконец очередной местный поезд, весь в копоти, страдающий одышкой, дополз до станции Фонтен. Выйдя из вагона, я добрался со своим багажом до крохотного зала ожидания, где с облегчением узрел раскаленную чуть ли не докрасна старинную пузатую печку, в которой весело горели каштановые корни. Свалив свои вещи в углу, я некоторое время посидел, отгаивая, перед печкой. Гидеон не показывался. Глоток бренди из походной фляги и жар от печки взбодрили меня. Прошло полчаса, а Гидеона все не было. Я уже начал беспокоиться и вышел на перрон. Серое небо, казалось, опустилось еще ниже, в воздухе кружили огромные, с полкроны, снежинки, предвещая изрядную вьюгу. Я стал подумывать, не пойти ли мне в селение пешком, в это время послышался стук копыт и на дороге показалась двуколка, управляемая Гидеоном, облаченным в поблескивающее меховое пальто и каракулевую шапку.

- Ради Бога, извини, Питер, что заставил тебя долго ждать, - сказал он, пожимая мою руку, - но нас преследуют злключения. Давай я помогу тебе с твоими саквояжами, а по дороге объясню, в чем дело.

Мы погрузили мои вещи в двуколку, затем я сел на козлы рядом с Гидеоном и закутался в предусмотрительно захваченный им толстый плед. Он дернул поводья, щелкнул кнутом, и мы быстро покатали по дороге, обильно осыпаемые хлопьями снега. Порывы ветра хлестали наши лица, выжимая слезы из глаз, однако Гидеон не уставал подгонять лошадь.

- Спешу доехать до места, пока не разыгралась вьюга, - пояснил он, - потому и гоню так. Здесь бывает такая метель, что недолго и застрять в снегу на несколько дней.

- Да, зима в этом году выдалась суровая, - отозвался я.

- Самая суровая за последние пятьдесят лет, - подтвердил Гидеон.

Наконец мы въехали в селение, и Гидеон молча направлял лошадь по уже побелевшим от снега узким пустынным улочкам. Единственным признаком жизни были псы, которые выскакивали из переулков, чтобы облаять нас. Можно было подумать, что люди покинули это селение.

- Боюсь, Питер, - заговорил с улыбкой Гидеон, - я еще раз буду вынужден злоупотребить твоей добротой. - Снег побелил не только его шапку, но и брови. - Того и гляди, придет конец твоему дружескому терпению.

- Ерунда, - ответил я. - Давай, выкладывай, в чем дело.

- А в том, что я намеревался оставить тебя на попечении Франсуа и его жены, они были слугами у дядюшки. Явившись туда сегодня утром, я на беду обнаружил, что жена Франсуа - Мари - поскользнулась на обледеневших ступеньках крыльца, упала с высоты на камни и сломала

ноги. Подозреваю, переломы очень серьезные, как бы она совсем не осталась без ног.

- Бедняжка, какой ужас! - воскликнул я.

- Да уж... Франсуа обезумел от горя, и я вынужден был везти их в больницу в Мийо. На все это ушло больше двух часов, оттого я и встретил тебя с таким опозданием.

- Все в порядке, - заверил я его. - Разумеется, ты обязан был отвезти их в больницу.

- Верно, однако тут возникла еще одна незадача. Понимаешь, жители селения недолюбливали моего дядюшку, одни только Франсуа и Мари согласились служить у него. Теперь оба находятся в Мийо, и некому заботиться о тебе, во всяком случае, первые два-три дня, пока не вернется Франсуа.

- Дружище, о чем речь, - рассмеялся я. - Заверяю тебя, я отлично со всем управлюсь сам. Провизия, вино, дрова - вот и все, что мне нужно, можешь не беспокоиться.

- О, с этим все в порядке, - сказал Гидеон. - Кладовка набита битком, а в подвале ты найдешь лопатку оленя, половину туши кабана, фазанов, куропаток, две-три дикие утки. Вина хватит, дядюшка следил за своим погребом, сосновых поленьев и каштановых корней тоже припасено достаточно, так что мерзнуть не будешь. И тебе составят компанию животные.

- Какие такие животные?

- Маленькая собачонка по имени Агриппа, - смеясь, объяснил Гидеон, - огромный безмозглый кот Клер де Люн, или попросту Клер, клетки с канарейками и разными выюрами и престарелый попугай Октавий.

- Целый зверинец! - воскликнул я. - Хорошо, что я люблю животных.

- Нет, в самом деле, Питер. - Гидеон пристально посмотрел на меня. - Ты уверен, что тебя это устраивает? Не слишком обременительно?

- Чепуха, - горячо возразил я. - Для чего существует дружба?

Снегопад усилился настолько, что из-за вьюги мы с трудом различали голову лошади. Теперь двуколка катила по одному из боковых ущелий, ответвляющихся от собственно Горж дю Тарн. Слева над узкой дорогой нависали буро-черные скалы с белыми пятнами снега в трещинах и на полочках. Справа склон обрывался почти отвесно вниз на полтораста - двести метров, и сквозь влекомую ветром снеговую завесу порой можно было рассмотреть зеленую реку, бурлящую среди камней в белых париках и покрытых корками льда берегов. Дорога была неровная, размытая дождями и тающим снегом; местами лошадь замедляла бег, спотыкаясь на гололедице. Один раз прямо на дорогу перед нами по скалам сверху скатилась, шипя, небольшая лавинка, и Гидеон с трудом укротил поводьями испугавшуюся лошадь. Несколько жутких секунд мне казалось, что наша двуколка сорвется с края обрыва и рухнет в реку. Однако Гидеон не растерялся, и мы продолжили путь.

Наконец ущелье слегка расширилось, и за очередным поворотом открылся вид на диковинную громадину дома Гидеонова дядюшки. Необычайное это было здание, заслуживающее того, чтобы я описал его поподробнее.

Начать с того, что здание венчало могучий утес, который возвышался над рекой, точно остров, похожий на равнобедренный треугольник. С дорогой утес соединялся массивным старым каменным мостом. Высокие стены замка начинались прямо от верхней кромки утеса, но, въехав через мост и широкую арку с толстыми дубовыми створами, вы обнаруживали просторный внутренний

двор с прудом и фонтаном посередине. Скульптурная группа фонтана изображала поддерживаемого херувимами дельфина и вся блестела от корки льда и многочисленных сосулек.

С подоконников множества обращенных внутрь двора окон тоже свисали огромные сосульки. Пространство между окнами занимали фантастические фигуры, изображающие разных известных и неизвестных науке представителей животного мира, одна другой страшнее; облепивший их снег со льдом придавал этим чудовищам еще более жуткий вид, так и казалось, что они злобно тарашатся на вас из-под белого покрова. Когда Гидеон остановил двуколку перед ступенями главного крыльца, из дома донесся громкий лай. Гидеон отпер дверь огромным ржавым ключом, тотчас пес вырвался наружу, продолжая лаять и радостно виляя хвостом. Большой черно-белый кот вел себя более осмотрительно, он не снизошел до того, чтобы броситься к нам навстречу, а только громко мяукал сразу за дверью.

Гидеон помог внести мои саквояжи в просторный мраморный холл, откуда наверх вела роскошная лестница. Вся мебель, картины и зеркала были накрыты чехлами от пыли.

- Ты уж извини меня, - сказал Гидеон; мне показалось, что ему стало не по себе, едва он переступил порог дома. - Я собирался снять чехлы, придать помещениям более уютный вид, но за всеми хлопотами просто не успел.

- Ничего, - отозвался я, глядя льнувших ко мне собаку и кота. - Все помещения мне и не нужны, сам уберу чехлы в тех комнатах, которыми буду пользоваться.

- Конечно, конечно. - Гидеон нервно пригладил волосы. - Постель для тебя готова... дверь спальни вторая налево, как поднимешься по лестнице. А теперь пошли, я покажу тебе кухню и подвал.

Он провел меня через холл к двери под лестницей, и я рассмотрел уходящие вниз по спирали широкие каменные ступени. Они привели нас к коридору, по которому мы вышли в вымощенную плитняком огромную кухню с прилегающими к ней подвалу, размером с пещеру, и вместительной холодной кладовке, где висели на крючьях или лежали на мраморных полках вдоль стен туши крупной дичи, куры, утки, телячьи окорока и говяжьи седла. На кухне выстроились в ряд тщательно выложенные плиты; на громадном столе в центре расположились заготовленные для меня продукты - рис, черная, как сажа, чечевица, картофель, морковь и другие овощи в корзинах, глиняные горшки с маслом и консервами, целая горка батонов свежей выпечки. За тяжелой дверью с засовом и висячим замком помещался винный погреб. Дядюшка Гидеона явно не доверял слугам попечение об алкогольных напитках. Погреб был довольно маленький, но я сразу увидел, что тут есть вина высшего качества.

- Не отказывай себе ни в чем, Питер, - сказал Гидеон.
- Здесь найдутся совсем неплохие марки, они в какой-то мере скрасят тебе одинокое пребывание в этом мрачном замке.

- Ты хочешь, чтобы я все время был под хмелем? - рассмеялся я. - Кто же тогда оценит твои книги. Но ты не беспокойся, Гидеон, все будет в порядке. Тут еды и вина на целую армию, дров тоже хватает, мне составят компанию пес, кот и птички, а главное - меня ждет большая интересная библиотека. Чего еще может пожелать себе человек.

- Кстати, основная часть книг сосредоточена в Длинной Галерее в южном крыле здания. Я не стану тебя провожать туда... сам найдешь, а мне уже пора уезжать, - сказал Гидеон, направляясь к лестнице, ведущей в холл.

По пути вверх он извлек из кармана огромную связку старинных ключей.

- Ключи от королевства, - произнес он с тусклой улыбкой. - Не думаю, что какие-то помещения заперты, но если найдутся такие, отпирай. Я скажу Франсуа, чтобы он вернулся заботиться о тебе, как только жизнь его жены окажется вне опасности, и сам постараюсь приехать через месяц. К тому времени, надеюсь, ты управишься.

- Запросто, - ответил я. - Больше того, если управлюсь раньше, извещу тебя телеграммой.

- Право, Питер, - он крепко пожал мне руку, - я чрезвычайно обязан тебе. Никогда не забуду твою отзывчивость.

- Ерунда, дружище, - ответил я. - Мне приятно как-то помочь тебе.

Стоя в дверях вместе с шумно дышащим псом и котом, который, громко мурлыкая, терся о мои ноги, я смотрел, как Гидеон забирается на козлы двуколки, кутается в плед и дергает поводья. Лошадь затрусилась к выходу, Гидеон приветственно помахал мне кнутом и скрылся за воротами. Приглушенный снегом стук копыт звучал все слабее и вскоре вовсе стих. Я поднял на руки шелковистого теплого кота, свистнул пса, с громким лаем провожавшего двуколку до ворот, вошел в дом и запер дверь на засов.

Первым делом надлежало осмотреть дом, чтобы знать, где помешаются книги, с которыми мне предстояло работать, и соответственно решить, какие комнаты следует отпереть. На столике в холле стоял шестисвечный серебряный канделябр, рядом лежал коробок свечек. Как раз то, что мне было нужно: свечи избавляли меня от необходимости отворять и затворять несметное множество ставен. Итак, я вооружился канделябром и,

сопровожаемый суматошным псом, чьи когти стучали, будто кастаньеты, по голым полам, приступил к осмотру.

Весь первый этаж занимали три очень большие комнаты и одна поменьше, а именно: гостиная, столовая, рабочий кабинет и салон. Почему-то лишь последний (я буду называть его голубым салоном, поскольку он был расписан различными оттенками синего цвета и золотом) был заперт, и я не сразу подобрал нужный ключ. Салон примыкал к одному из торцов здания и представлял собой этакую длинную узкую коробку с большими окнами в противоположных концах.

Вход в салон помещался посередине одной из длинных стен, и прямо напротив двери висело одно из самых больших зеркал, какие мне когда-либо приходилось видеть. Высотой около трех метров, считая почти от пола до потолка, в длину оно достигало десяти метров с лишним. Стекло чуть потускнело, отчего приобрело голубоватый оттенок, напоминая поверхность тихого озера, однако это никак не сказывалось на четкости отражения. Резьба на широкой золоченой раме изображала нимф и сатиров, единорогов, грифонов и прочих мифических тварей. Эта рама сама по себе была произведением искусства. Сидя можно было видеть в этом замечательном зеркале отражение всего салона, так что узкая комната казалась весьма просторной.

Учитывая небольшие размеры, удобства и - не стану скрывать - необычный вид салона, я решил сделать его своей гостиной. И вот уже сняты с мебели все чехлы, а в камине пылает жаркий огонь. Затем я перенес сюда клетку с канарейками и вьюрками, поместив ее в одном конце комнаты вместе с попугаем Октавием, коему переселение явно пришлось по душе, потому что он взъерошил перья и насвистел несколько строк "Мар-

сельезы". Собака и кот немедленно простерлись на полу перед камином и погрузились в блаженный сон. Покинутый своими спутниками, я взял канделябр и в одиночку продолжил разведку.

Второй этаж был почти целиком занят спальнями и ванными комнатами, однако в том крыле, которое замыкало квадрат вокруг двора, я увидел огромное помещение - то самое, что Гидеон называл Длинной Галереей. По одну сторону Галереи располагались высокие окна, и напротив каждого из них висело по зеркалу; они были похожи на зеркало в салоне, но намного уже. Между зеркалами стояли книжные шкафы из полированного дуба, и на полках внутри были кое-как, вперемешку свалены книги. Мне с первого взгляда стало понятно, что немало времени уйдет на то, чтобы расставить их по темам, прежде чем я смогу заняться каталогизацией и оценкой.

Я не стал пока открывать ставни и снимать чехлы в Длинной Галерее, а продолжил восхождение по лестнице и очутился на чердаке. В одной из мансард я увидел позолоченную раму от зеркала, и меня пробрала дрожь при мысли о том, что, вероятно, здесь-то и был найден мертвым дядюшка Гидеона. Рама была намного меньше той, что поразила меня в салоне, но оформлена в том же стиле. Те же сатиры, единороги, грифоны и гиппогрифы, но, кроме того, наверху поместился медальон с надписью: "Я твой слуга. Корми и вызволяй меня. Я есть ты". Бессмыслица какая-то... Я закрыл дверь мансарды и, обзвав себя трусом, тщательно запер ее, после чего у меня отлегло от души.

В голубом салоне собака и кот кинулись ко мне с таким восторгом, точно я отсутствовал несколько дней. Я сообразил, что они голодны, и сам почувствовал, что основательно проголодался. Увлеченный исследованием

замка, я даже не перекусил в положенное время, а теперь шел уже седьмой час вечера. Сопровождаемый нетерпеливыми спутниками, я спустился на кухню, чтобы состряпать нам что-нибудь. Для пса потушил несколько кусочков баранины, для кота - цыпленка, добавил вареный рис и картофель, и оба моих подопечных остались довольны таким меню. Себе поджарил хороший бифштекс с овощным гарниром и добыл в погребе бутылку отменного красного вина.

Приготовив свою трапезу, я отнес ее наверх в голубой салон, пододвинул кресло поближе к камину и, удобно устроившись, набросился на еду. Вскоре, сытые и довольные, ко мне присоединились кот и собака. Они улеглись на пол перед камином, а я встал и плотно закрыл дверь, поскольку из холла с его мраморным полом тянуло холодом, как из морозильника. Завершив трапезу, я принял в кресле полулежачее положение, потягивая вино и созерцая пляшущие над каштановыми корнями языки голубого пламени. На душе было покойно, и под действием изысканного крепкого вина я задремал. Проспал я около часа, когда вдруг проснулся, чувствуя, как каждый нерв напрягся, словно меня кто-то окликнул. Я прислушался. Ничего, только тихое посапывание спящего пса да довольное мурлыканье кота, свернувшегося калачиком на соседнем кресле. В полной тишине чуть слышно потрескивали в камине догорающие дрова. Решив, что мне почудилось, я подбросил в камин новое полено и приготовился еще подремать, хотя меня не покидала непонятная тревога.

И тут, посмотрев в зеркало передо мной, я увидел, что дверь за моей спиной, которую я так тщательно закрыл, приоткрыта. Странно... Я повернулся - ничего подобного, закрыта, ни малейшей щелочки. Снова поглядел в зеркало - может быть, глаза под действием вина сыграли

со мной шутку? Но нет, дверь, отраженная зеркалом, была чуть приоткрыта.

Я продолжал смотреть, пытаюсь понять, каким образом преломление лучей света в стекле может создать иллюзию открытой двери, хотя та на самом деле плотно закрыта, когда увидел нечто такое, отчего меня пробрала дрожь и я резко выпрямился. Дверь в зеркале продолжала открываться. Снова гляжу на реальную дверь - закрыта, тогда как ее отражение в зеркале открывалось все шире, миллиметр за миллиметром. У меня волосы поднялись дыбом, но я не мог оторвать глаз от этой картины. Вдруг из-за двери на ковер салона выползло нечто, что я в первую секунду принял за диковинную гусеницу - длинную, сморщенную, желтоватую, с неким подобием черного рога на переднем конце. Вот оно выгнулось горбом и принялось скрести поверхность ковра своим рогом. Обычные гусеницы так себя не ведут... Тут странное творение поползло обратно и скрылось.

Я сидел весь в поту. Снова поглядел на реальную дверь, проверяя ее положение; не дай Бог, чтобы эта тварь ползала по ковру где-то возле меня. Закрыта... Глотнул вина для успокоения нервов и с недовольством обнаружил, что у меня дрожат руки. Я, который в жизни никогда не верил в призраки и привидения, в колдовство и прочую дребедень, вообразил невесть что, глядя в зеркало, и до такой степени убедил себя в реальности виденного, что поддался страху.

Смешно, сказал я себе, продолжая потягивать вино. Должно быть какое-то абсолютно рациональное объяснение. Продолжая сидеть в кресле, я наклонился вперед, внимательно созерцая отражение в зеркале. Долго ничего не происходило, но вот дверь опять приоткрылась и вновь появилась гусеница. На этот раз за ней последовала вторая, а немного погодя и третья.

Внезапно я весь похолодел, потому что понял, что именно вижу. Это были не гусеницы, а тонкие желтые пальцы с длинными изогнутыми черными ногтями, похожие на огромные кривые шипы дикой розы. Тем временем на ковер выползла уже вся кисть, худая кисть, обтянутая сухой, точно пергамент, желтоватой кожей, сквозь которую проступали, напоминая грецкие орехи, бугорки суставов. Кисть с костлявым запястьем двигалась вслепую по ковру, словно откуда-то из вечного мрака морской пучины выползла бледная актиния. Так же медленно эта рука отползла обратно за дверь, и я содрогнулся, представив себе, какому жуткому созданию может она принадлежать. Примерно четверть часа продолжал я сидеть перед зеркалом, с ужасом ожидая, что может вдруг явиться из-за этой двери, но ничего не происходило.

Однако тревога не покидала меня. Я все еще силился убедить себя, что речь идет о галлюцинации под влиянием вина и тепла от камина. Силился безуспешно. Ведь вот же дверь голубого салона надежно закрыта от сквозняка, а дверь в зеркале все еще приоткрыта, и за ней что-то таится. Хотелось подойти вплотную к зеркалу, проверить его устройство, но не хватало духа. Вместо этого я придумал план, призванный показать - виновато ли во всем мое воображение. Разбудив пса Агриппу, я скомкал лист газеты, которую читал, и бросил комок к самой двери. Посмотрел в зеркало - точно, лежит перед приоткрытой дверью.

Сонный Агриппа, не столько из желания играть, сколько, чтобы доставить мне удовольствие, побежал за комком. Сжимая пальцами ручки кресла, я смотрел, как его отражение в зеркале приближается к двери. Вот остановился перед комком, вот берет его в зубы... И тут произошло нечто настолько ужасное, что я не мог пове-

речь своим глазам. Дверь в зеркале открылась еще шире, и вперед из-за нее метнулась длинная, белая, костлявая рука. Схватила загривок собаки и утащила ее, отчаянно отбивающуюся всеми четырьмя лапами, за дверь.

Тем временем Агриппа вернулся ко мне с добычей, но я не смотрел на него, мои глаза были прикованы к отражению в зеркале. Через несколько минут рука вдруг опять появилась. Мне показалось или она и впрямь выглядела окрепшей? Как бы то ни было, пальцы ее обхватили край двери и закрыли ее, оставив на белой краске кровавые отпечатки, при виде которых меня едва не стошнило. Настоящий Агриппа тыкался мне в ноги носом, ожидая похвалы, меж тем как за дверью в зеркале его отражение постигла, Бог знает, какая судьба.

Нет тех слов, чтобы выразить, как я был потрясен. Невозможно было поверить в увиденное. Долго еще я сидел, таращась на зеркало, однако больше ничего не происходило. В конце концов, ощущая нервный озноб, я поднялся с кресла и осмотрел сперва зеркало, потом дверь салона. Зеркало как зеркало, дверь как дверь... Мне так и хотелось открыть дверь и проверить, что при этом покажет зеркало, но честно говоря, я слишком боялся потревожить то, что таилось в Зазеркалье.

Подняв глаза на верхний край зеркала, я только тут обнаружил, что на раме есть медальон с той же надписью, какую я читал в мансарде: "Я твой слуга. Корми и вызволяй меня. Я есть ты". Кто этот "я" - эта тварь там за дверью?... Корми и вызволяй меня - уж не это ли я проделал, заставив пса подбежать к двери? Меня бросило в дрожь. И я сказал себе, что мне необходимо пойти и выспаться после такого утомительного дня и всех переживаний. Отдохну как следует и утром запросто разберусь с этими дивами.

Забрав кота и кликнув пса (с ними мне все-таки было как-то спокойнее), я вышел из голубого салона. Закрывая за собой дверь, на миг остолбенел, услышав, как чей-то хриплый голос пожелал мне спокойной ночи. И только сообразив, что голос принадлежал попугаю Октавию, я смог расслабиться.

Кот Клер мирно дремал у меня на руках, но Агриппа не сразу подчинился моему зову; прежде ему явно не дозволялось выходить за пределы первого этажа. В конце концов нерешительность уступила любопытству, и он затрусил вверх по ступеням, предвкушая новые открытия. В спальне, хотя дрова в камине прогорели, еще было тепло. Я быстро приготовился ко сну и не мешкая лег, поместив Агриппу на постели с одной стороны и Клера с другой. Ощущение их тепла действовало на меня успокоительно; сверх того, признаюсь, я надежно запер дверь и не стал тушить свечи.

Первое, на что я обратил внимание, проснувшись утром, - полная тишина. Я распахнул ставни и увидел мир, укутанный снегом. Должно быть, всю ночь не прекращался снегопад, и белые подушки облепили скалы, голые деревья и оба берега реки, а на мосту, соединяющем замок с окрестным миром, выросли сугробы двухметровой высоты. Подоконники покрывал тонкий слой льда, и с них, а также с крыши, свисал грозный арсенал сосулек. Судя по низкой пелене темных туч, следовало ждать нового снегопада.

Даже пожелай я теперь покинуть замок, все дороги были заметены, и продлись такая погода, я оказался бы совершенно отрезанным от внешнего мира. Честно скажу - после того, что случилось накануне, мысль об этом расстроила меня. Однако я приказал себе не дурить и оделся, твердя про себя, что вчерашние видения - плод

разыгравшегося воображения и неумеренного потребления доброго вина.

Взяв на руки Клера и велев Агриппе идти рядом, я спустился вниз и, собравшись с духом, отворил дверь голубого салона. Все оставалось, как было накануне вечером. Грязные тарелки и бутылка из-под вина на столике возле кресла, где я сидел, серый летучий пепел на каминной решетке, который чуть шелохнулся от легкого сквозняка. И больше никакого шевеления. Все стояло на своих местах. Все было в норме. Я облегченно вздохнул, вошел и вдруг остановился, как если бы уперся в каменную стену, похолодев от страха. Я смотрел на зеркало и не верил своим глазам.

Вот стою я с котом на руках, но в зеркале я не видел Агриппы, хотя он был тут, обнюхивал мои лодыжки.

Несколько секунд стоял я, словно пораженный громом, переводя взгляд то на пса у моих ног, то на зеркало, где отсутствовало его отражение. Невероятно. Сам я, кот, вся комната - все четко отражалось в зеркале. Все, кроме Агриппы. Я опустил на пол кота (и в зеркале он никуда не исчез), нагнулся и взял на руки собаку. Мое отражение держало на руках нечто воображаемое. Живо схватив Клера, я бросился к двери, держа одной рукой кота, другой невидимую собаку, и вышел из голубого салона, запер его.

Спустившись на кухню, я обнаружил, к своему стыду, что у меня дрожат руки. Кое-как налил молока моим подопечным (жадность, с какой Агриппа принялся лакать, не оставляла никакого сомнения в его телесности), потом приготовил себе завтрак. Поджаривая яичницу с копченой ветчиной, я продолжал размышлять над тем, что увидел в голубом салоне. Если я не лишился рассудка (а я в жизни не чувствовал себя здоровее), оставалось признать, что мои глаза не обманули меня, как ни неве-

роятно это казалось мне тогда и кажется теперь. Но хотя мне становилось страшно при мысли о том, что же такое прячется за зазеркальной дверью, меня одолевало любопытство, хотелось непременно увидеть странную тварь, которой принадлежала исхудалая желтая рука с костлявой кистью.

И я решил, не откладывая в долгий ящик, вечером выманить ее из-за двери, чтобы как следует рассмотреть. Сама мысль о такой затее наполняла меня ужасом, но любопытство было сильнее страха. Весь день я в рабочей комнате занимался каталогизацией, когда же начало смеркаться, снова затопил камин в салоне, приготовил на кухне ужин, поднялся наверх с тарелкой и бутылкой вина и занял место у очага. Однако на этот раз я предусмотрительно вооружился крепкой тростью из черного дерева. С ней я чувствовал себя увереннее, хотя одному Богу известно, какой мог быть прок от трости для защиты от зазеркального противника. На самом деле, ничего хуже я не мог придумать и едва не поплатился жизнью за свою, как оказалось, бредовую идею.

Ужиная, я не отрывал глаз от зеркала; собака и кот спали на полу у моих ног, как накануне вечером. Пока я ел, в Зазеркалье ничто не изменилось. Потягивая вино, я продолжал свои наблюдения. Прошел час, дрова прогорели, я поднялся с кресла, чтобы подбросить полено-другое, а когда снова сел, увидел, как ручка зазеркальной двери медленно повернулась. Затем дверь стала открываться миллиметр за миллиметром, пока не образовался просвет шириной около тридцати сантиметров. Казалось бы, что угрожающего в том, что открывается какая-то дверь, и все же было что-то неопишимо зловещее в том, как створ скользит по ковру.

И вот опять появилась кисть, поползла, горбатясь вперед, следом показалось запястье, за ним и часть желто-

ватого предплечья. На мгновение рука остановилась, простершись на ковре, потом - отвратительное зрелище - принялась искать что-то ощупью, словно принадлежала слепцу.

Самое время, сказал я себе, осуществить мой тщательно продуманный план. Я нарочно не кормил кота на кухне досыта; теперь разбудил его и поднес к самому носу заранее припасенный кусок мяса. Зрачки кота расширились, и он громко мяукнул от возбуждения. Как следует подразнив его, я бросил мясо к самой двери. В зеркале было видно, что оно приземлилось чуть поодаль от ищущей зазеркальной руки.

Клер с воем бросился за добычей. Я-то надеялся, что кот окажется достаточно далеко от двери, чтобы выманить из-за нее таинственную тварь, однако мой расчет не оправдался. В ту секунду, когда в зеркале кот нагнулся за мясом, рука перестала искать вслепую, с невероятной скоростью метнулась вперед, схватила его за хвост, и отчаянно вырывающийся Клер исчез за дверью. Как и в прошлый раз, рука почти сразу вернулась и медленно затворила дверь, оставив на дереве кровавые отпечатки пальцев.

Это была страшная картина, вдвойне ужасная из-за контраста между тем, с какой быстротой и свирепостью рука схватила жертву, и тем, как медленно, осторожно открывала и закрывала дверь. Клер вернулся с мясом к камину, чтобы спокойно перекусить, несколько не страдая, как и Агриппа, оттого что перестал отражаться в зеркале. Я просидел перед зеркалом до полуночи, но рука больше не показывалась. Забрав своих подопечных, в первом часу отправился спать, твердо намеренный утром все-таки придумать способ заставить таинственную тварь выйти из-за двери.

Под вечер следующего дня я закончил предварительную переписку книг на первом этаже. На очереди была Длинная Галерея на втором этаже, где хранилась основная часть библиотеки. Работа утомила меня, в пять часов я решил прогуляться, подышать свежим воздухом. Какое там гуляние! Снегопад почти не прерывался, и высокие сугробы ограничивали мое продвижение. Чтобы выйти со двора и пересечь мост, пришлось бы рыть траншею в покрытом коркой слое снега толщиной около двух метров. Иные сосульки, свисающие с подоконников, желобов и лепнины, достигали полутора метров в длину.

Мои звери не пожелали меня сопровождать, и я один попытался выйти на белый холодный простор двора, где стояла глухая, как на дне колодца, тишина. Снег издавал протестующий писк под моими ногами, словно я наступал на мышей, я проваливался по колено и очень скоро вынужден был пробираться обратно к дому. С неба продолжали падать белые хлопья величиной с цветок одуванчика, наращивая корку на карнизах и двускатной крыше. Царило сопутствующее такому снегопаду полное безмолвие - ни птичьих голосов, ни воя ветра, немая тишина, как будто все живое было удушено белым шарфом.

Растирая замерзшие руки, я поспешил войти в дом, запер входную дверь и чуть не бегом спустился на кухню готовить себе ужин. Пока закипала вода, я успел затопить камин в голубом салоне, потом уже по привычке отнес туда приготовленные блюда, сопровождаемый собакой и котом. Я вновь вооружился крепкой тростью, это помогало мне чувствовать себя несколько увереннее.

Приступив к еде, я все время поглядывал в зеркало, однако рука не показывалась. Странно, куда она подевалась? Рыскает по комнатам в Зазеркалье за дверью? Или

она вообще существует только тогда, когда я вижу ее отражение? Я размышлял дремотно перед теплым камином, а там и вовсе заснул, что отнюдь не входило в мои намерения. Должно быть, я проспал около часа, когда меня вдруг исторг из объятий сна тонкий хриплый голос, который напевал по-французски:

Под боком у милашки,

Под боком у милашки

Так спится хорошо... -

после чего прозвучал истерический гортанный смех.

Со сна я не сразу сообразил, что это Октавий пел и смеялся, и от испуга у меня бешено заколотилось сердце. Повернув голову, я убедился, что клетки с птичками и Октавием на своих местах. Затем я перевел взгляд на зеркало и окаменел. Мое желание исполнилось, таинственная тварь вышла из-за двери. И глядя на нее, я клял себя за то, что затеял этот эксперимент, что не запер голубой салон после первого же вечера, чтобы больше не входить в него.

Зазеркальная тварь - не могу же я употреблять тут слово "человек" - была маленькая, горбатая, закутанная в нечто вроде савана, желтоватую льняную ткань с пятнами грязи и плесени и с дырками в наиболее изношенных местах. Верхний конец савана был накинута на голову и обмотан вокруг шеи наподобие шарфа, так что я видел только кончики выцветших оранжевых волос над морщинистым лбом и два огромных, бесстрастных, светло-желтых глаза, которые почему-то напомнили мне надменный взгляд козы. Нижняя часть лица была закрыта тканью, придерживаемой бледной рукой с черными ногтями.

Тварь стояла сразу за большой клеткой с канарейками и вьюрками. Сама клетка была раздавлена и выпотрошена, будто лошадь на арене для боя быков. Изогнутые

прутья были облеплены приставшими к свежей крови желтыми перышками. Несколько перьев торчали между пальцами хищной твари. На глазах у меня она медленно двинулась к соседнему столу, где стояла клетка с попугаем. Походка ее была какая-то скованная, словно тварь не столько шагала, сколько волочила ноги по полу. В зеркале я видел, как она подошла вплотную к клетке, где отражение Октавия покачивалось на жердочке.

Реальный попугай по-прежнему распевал, чередуя пение с кудахтающим смехом. В зеркале тварь уставилась на него свирепыми желтыми глазами. Внезапно рука метнулась вперед, и пальцы вцепились в прутья клетки, разламывая ее.

К первой руке присоединилась вторая, края ткани, закрывавшие лицо, раздвинулись, и моему взору предстало лицо, отвратительнее которого мне в жизни не доводилось видеть. Казалось, большая часть его ниже глаз поражена то ли гниением, то ли чем-то вроде проказы. На месте носа - только две черные дыры в обрамлении кожных лохмотьев. Одна щека совершенно отсутствовала, и было видно обе челюсти с плесенью на деснах и гнилыми зубами. Из рта на саваи стекали струйки слюны. Остатки губ были сморщены так, словно их зашивали тонкими нитками.

Вся эта жуткая картина усугублялась тем, что один из безобразных пальцев твари украшал золотой перстень с опалом, который словно вспыхивал ярким пламенем среди ломаемых прутьев. Изящное изделие только подчеркивало всю мерзость облика этого ожившего трупа.

Тем временем тварь уже просунула руки внутрь клетки. Попугай в зеркале продолжал качаться на жердочке, реальный же Октавий пел и смеялся. Тварь схватила за зеркального попугая, и тот принялся отчаянно хлопать крыльями, а Октавий по-прежнему пел. Тварь вытащила

птицу из клетки, поднесла к своему мерзкому рту и разгрызла череп попугая, словно орех. После чего принялась жадно высасывать мозг, выплевывая осколки черепа, так что они вместе с перьями и слюной ложились на саван.

От этого зрелища я ощутил такое отвращение и такое бешенство, что схватил трость, вскочил на ноги и, дрожа от ярости, шагнул к зеркалу. При этом я увидел в зеркале, что мое отражение приближается к твари со спины. И когда осталось сделать последний шаг, я поднял трость для удара.

Внезапно глаза на гниющем лице сверкнули, тварь прервала свою отвратительную трапезу, бросила птичий трупик на пол и повернулась к моему отражению так стремительно, что я замер на месте, застигнутый врасплох. А тварь, не мешкая ни секунды, метнулась вперед и своими тощими сильными руками стиснула шею мне в зеркале.

Неожиданный наскок заставил мое отражение попятиться и выронить трость. Вместе с тварью оно упало на пол за столом, и я видел, как они борются друг с другом.

В испуге я выпустил трость, бросился к зеркалу и принялся бить по стеклу кулаками. Тем временем потасовка на полу прекратилась, а я продолжал колотить зеркало, не сомневаясь, что тварь справляется с моим отражением так же, как справилась с собакой и котом. Наконец тварь поднялась на ноги, пошатываясь и тяжело дыша. Постояв секунду-другую спиной ко мне, нагнулась, схватила мое зазеркальное тело и потащило к двери; при этом я увидел, что у моего отражения разорвано горло.

Вскоре тварь появилась снова из-за двери, облизываясь, словно предвкушая трапезу. Подняла с пола тяжелую трость и опять скрылась. Она отсутствовала минут десять, когда же возникла вновь, я с ужасом и яростью увидел, что она с наслаждением гложет отделенную от

добычи руку, как человек ест крылышко курицы. Забыв про свои страхи, я еще раз принялся колотить зеркало. Медленно, как бы соображая, откуда исходит звук, тварь повернулась, сверкая глазами, и лицо ее было вымазано кровью - моей кровью!

Вот она увидела меня, и я похолодел, увидев ее свирепый цепкий взгляд. Тварь медленно двинулась к зеркалу, я перестал впустую колотить стекло и попятился, утраченный угрозой, которую излучали эти козьи глаза. Тварь продолжала приближаться, словно подкрадываясь ко мне. Подойдя вплотную к зеркалу, вытянула руки, коснулась его пальцами, и на стекле появились кровавые отпечатки с прилипшими к ним желтыми и серыми перышками. Осторожно пощупав стекло, как человек щупает тонкую корку льда на пруду, проверяя его прочность, потом вдруг сжала в кулак свои отвратительные руки и выбила яростную дробь, которая гулко отдалась в тишине салона. Затем разжала кулаки и вновь пощупала стекло.

Постояла, глядя на меня, как бы размышляя. Было ясно, что она видит меня, из чего следовало, что, хотя для меня мое отражение пропало, тварь видит его в зеркале, принадлежащем ее зазеркальному миру. Внезапно, как будто приняв какое-то решение, она повернулась, заковыляла через комнату к двери и скрылась, чтобы - о, ужас! - тут же вернуться, держа в руках трость из черного дерева - мою трость. Но ведь если я слышал, как тварь била по стеклу кулаками, значит, она не бесплотная. И если она ударит зеркало тростью, стекло может разбиться, и тварь каким-то образом сумеет из Зазеркалья войти ко мне.

Я не стал ждать, когда тварь подойдет к зеркалу. Решив, что ни я, ни мои подопечные больше не будут оставаться в голубом салоне, поднял дремлющих перед ка-

мином собаку и кота, метнулся к двери и вышвырнул их в коридор. Подбегая затем к клеткам с пернатой компанией, я увидел, как тварь замахивается, изо всех сил бьет тростью по стеклу, и по поверхности зеркала разбегаются трещины, как трескается лед на пруду, если бросить в него камень.

Не задерживаясь, я схватил обе клетки, выбросил их тоже в коридор и выбежал сам. Закрывая дверь, услышал звук нового удара и увидел, как часть зеркала распадается на осколки и через дыру в салон просовывается костлявая рука, сжимающая трость. Я поспешил захлопнуть дверь, повернул ключ в замке и весь в поту, с колотящимся сердцем прислонился к прочному деревянному створу.

С минуту я постоял так, собираясь с мыслями, потом спустился на кухню и налил себе добрую порцию бренди. Мои руки дрожали, так что я едва не выронил стакан. Выпив бренди, принялся лихорадочно соображать, как быть дальше. Похоже было, что разбитое зеркало открывало этой мерзкой твари вход в мой мир. Я не знал, распространяется ли это правило на все зеркала в доме, не знал также, помешаю ли замыслам твари или, напротив, буду способствовать им, если разобью каждое зеркало, которое может стать таким входом.

Меня трясло от страха, но я чувствовал, что должен что-то предпринять, поскольку стало очевидно, что тварь будет охотиться за мной по всему дому. А потому я спустился в подвал, вооружился крепким топором, потом отыскал канделябр и поднялся на второй этаж. Дверь голубого салона оставалась надежно запертой. Собравшись с духом, я вошел в соседний кабинет, где на стене висело зеркало средних размеров. Светя канделябром и держа наготове топор, я приблизился к зеркалу.

Странно было стоять перед ним и не видеть своего отражения. Внезапно я вздрогнул от ужаса: в зеркале вместо меня возникло мертвенное лицо с исполненными вожделения безумными глазами. Настал момент проверить мое предположение, и все-таки я помедлил секунду, прежде чем ударить обухом топора по стеклу так, что осколки со звоном посыпались на пол.

Нанеся удар, я отступил на шаг, по-прежнему держа наготове топор на случай, если тварь попытается напасть на меня и надо будет отбиваться. Однако вместе с зеркалом исчез и мой враг. Стало быть, я верно рассуждал: если разбить зеркало с моей стороны, переход не откроется. Из чего следовало, что для спасения собственной жизни я должен разбить все зеркала в доме, притом возможно быстрее, пока тварь не проделала то же со своей стороны. Захватив канделябр, я направился в столовую и успел подойти к висевшему там большому зеркалу одновременно с тварью. К счастью, мне удалось разбить зеркало вдребезги раньше, чем она смогла пустить в ход свое оружие - оброненную моим отражением трость.

Бегом, насколько это было возможно без риска, что погаснут свечи, я поднялся на второй этаж и принялся крушить зеркала, переходя из спальни в спальню, из ванной в ванную. Должно быть, от страха у меня на ногах выросли крылья, потому что я везде опережал своего врага. Оставалась Длинная Галерея с дюжиной огромных зеркал между высокими книжными полками. И я ринулся туда, причем, сам не зная почему, бежал на цыпочках. Перед дверью на миг остановился, с ужасом думая о том, что тварь могла опередить меня и теперь притаилась там в темноте. Я приложил ухо к двери - тихо. Сделал глубокий вдох и распахнул дверь, подняв в руке канделябр.

Длинная Галерея простиралась передо мной в мягкой бархатной темноте, немая, словно кротовья нора. Я вошел внутрь, и пламя свечей заметалось, расписывая стены и потолок тенями, похожими на траурные вымпелы. Сделав несколько шагов, я остановился, силясь рассмотреть дальний конец помещения, куда не достигал свет моего канделябра. Кажется, все зеркала целы... Я живо поставил канделябр на ближайший столик и повернулся лицом к череде зеркал. В ту же секунду раздался грохот, сопровождаемый звоном. У меня сердце оборвалось, и прошло несколько секунд, прежде чем я с облегчением сообразил, что причиной грохота и звона была огромная сосулька, которая сорвалась с одного из подоконников и разбилась о камни внизу на дворе.

Понимая, что следует действовать быстро, пока ковыляющее чудовище не добралось до Длинной Галереи, я стиснул в руке топориче и побежал от зеркала к зеркалу, круша их одно за другим; то-то повеселилась бы ватага мальчишек, будь они на моем месте... Снова и снова обух моего топора ударял по стеклу, разбивая его, как разбивает лед любитель рыбной ловли зимой, и по ослепшему зеркалу разбегались трещины, осколки с музыкальным звоном сыпались на пол. В глухой тишине галереи этот звук казался особенно громким.

Только топор сокрушил предпоследнее зеркало, как сквозь соседнее с грохотом пробилась трость, которую сжимала омерзительная рука. Выронив топор от страха, я обратился в бегство. Схватив у двери канделябр, на миг обернулся и увидел, как что-то вылезает из Зазеркалья в дальнем конце галереи.

Захлопнув и заперев дверь, я прислонился к ней, переводя дыхание. Сердце отчаянно колотилось, а из-за двери до моего слуха донесся слабый звон стекла, потом все стихло. Вдруг я ощутил, как ручка двери за моей

спиной медленно поворачивается. Похолодев от ужаса, я отскочил и уставился на нее. Остановилась... Тварь поняла, что дверь заперта, и издала пронзительный крик, в котором было столько ярости и звериной злобы, что я чуть не выронил канделябр от испуга.

Дрожа, я прижался к стене и с облегчением вытер вспотевший лоб. Все зеркала в доме были разбиты, и единственные два помещения, куда могла проникнуть тварь, надежно заперты. Впервые за последние двадцать четыре часа я чувствовал себя в безопасности. В Длинной Галерее зазеркальная тварь сопела, обнюхивая дверь, точно свинья над кормушкой. Потом снова дала выход своей бессильной ярости в жутком крике и замолкла. Я постоял две-три минуты, напрягая слух. Тишина... И начал спускаться по лестнице, держа в руке канделябр.

То и дело я останавливался, прислушиваясь. Шел очень медленно, чтобы даже шорох моей одежды не мешал слышать. Затаивал дыхание, но единственным звуком был бешеный стук моего сердца да слабое потрескивание горящих фитилей. Шаг за шагом, весь - внимание, я продолжал спускаться на первый этаж холодного, мрачного, пустынного дома.

Над последним пролетом, ведущим в холл, я остановился и замер; даже пламя свечей перестало колыхаться, напоминая рощицу желтых кипарисов. По-прежнему ничего не было слышно. Осторожно выдохнув, я повернулся лицом к следующим ступенькам - и увидел то единственное, о чем совершенно забыл: высокое трюмо у подножия лестницы.

От ужаса я едва не выронил канделябр. Крепко сжимая его вспотевшей рукой, смотрел я на зеркало у стены. И видел лишь ступеньки, по которым мне предстояло спуститься, больше ничего. Царила тишина, и я молил

Бога, чтобы тварь все еще рыскала наверху среди дюжины разбитых зеркал. Наконец я возобновил спуск - и на полпути вниз окаменел от ужаса, потому что в верхней части зеркала возникло отражение идущих за мной уродливых ног зазеркальной твари.

Охваченный паникой, я стоял, не зная, что предпринять. Необходимо разбить зеркало, пока тварь не настигла меня, но для этого нужно метнуть в трюмо канделябр, а тогда я останусь в полной темноте. Вдруг я промахнусь? И окажусь один на один с этим чудовищем, даже не видя его? Пораженный этой мыслью, я замешкался, а между тем чудовище с поразительной скоростью ковыляло по ступенькам, опираясь на трость и держась за перила свободной рукой, на тощем пальце которой поблескивал перстень с опалом. Вот в зеркале показалось обезображенное гниением лицо с оскаленными зубами, а я все еще мешкал, стоял с канделябром в руке, не в силах тронуться с места.

Почему-то мне казалось, что важнее видеть при свете, что затевает мой враг, чем разбить зеркало канделябром. Вот зазеркальная тварь вскинула тощую руку, замахиваясь тростью, и нанесла удар. Раздался звон разбитого стекла, осколки по краям трещин помутнели, и в промежутке между ними показалась рука. Один за другим осколки сыпались на пол, пока не осталась лишь пустая рама. Вслед за чем тварь, нетерпеливо повизгивая, точно пес при виде миски с едой, шагнула и пошла вперед, давя ногами скрипучее стекло и не сводя с меня сверкающих глаз. Открыв рот, она издала торжествующий булькающий клич, отчего из-под скул во все стороны полетели брызги слюны. Затем громко скрипнули зубы, предвкушающие трапезу. Теряя голову от страха, я сделал единственное, что мне оставалось, - моля Бога, чтобы не дал мне промахнуться, - поднял вверх тяжелый

канделябр и с силой метнул его в чудовище. На какое-то мгновение канделябр словно завис в воздухе, и в свете его зазеркальная тварь тарасилась на меня, стоя на осколках зеркала, затем мое оружие поразило ее. Свечи потухли, я услышал глухой стук и сдавленный крик, канделябр с грохотом ударился о мрамор, и следом на пол шлепнулось тело поверженного мной врага. И все - кромешный мрак, полная тишина...

Я замер на месте, трясаясь от страха, ожидая, что вот-вот, сейчас эти жуткие бледные руки схватят меня за горло или за щиколотки. Однако ничего подобного не случилось. Не знаю, сколько минут я простоял так. Наконец до моего слуха донесся тихий булькающий вздох - и снова воцарилась тишина. Я продолжал ждать, наконец собрался с духом и нащупал в кармане коробок спичек. Руки дрожали так, что я долго возился, прежде чем смог зажечь спичку. В слабом, неверном свете ее я рассмотрел на полу у разбитого зеркала какой-то съежившийся темный комок. Что там с этим чудовищем - убито, лишилось сознания? Пламя спички обожгло пальцы, я выругался и отбросил ее. Зажег другую и начал осторожно спускаться по ступенькам. Вот и эта спичка потухла, я остановился, зажег третью, ступил наконец на пол холла, осторожно наклонился над съежившимся телом... и в ужасе отпрянул назад.

В луже крови передо мной лежал с разбитой головой Гидеон.

В слабом свете от спички я в полном смятении глядел на его лицо. Он был одет так же, как в день отъезда. Каракулевая шапка упала с головы, и из разбитого виска еще сочилась кровь. Я потрогал его грудь, поискал пульс, но Гидеон был мертв. Глаза утратили присущий им особый блеск и слепо смотрели на меня. Я зажег све-

чи и сел на ступени, пытаюсь осмыслить произошедшее. И я по сей день не могу ничего понять.

Не стану утруждать читателя, описывая подробности моего ареста и последующего суда. Всякому, кто читал газеты, должно быть памятно, в каком тяжелом положении я оказался, как никто не хотел поверить (особенно после того, как были обнаружены истерзанные трупы животных), что, когда появилась страшная тварь, для нее мы были всего лишь отражениями в ее зеркалах. Если я сам тщетно доискивался объяснения, то можете представить себе, что обо всем этом думала полиция. Газеты называли меня "чудовищем из Горжа" и жаждали моей крови. Полиция, отвергнув мои попытки объясниться, посчитала веской уликой против меня тот факт, что Гидеон завещал мне крупную сумму денег.

Напрасно я твердил, что не кто-нибудь, а я сам, с величайшим трудом пробившись сквозь снежные заносы, сообщил о несчастье. Для судей, не верящих - как и я до той поры - в колдовство, все представлялось предельно простым: я убил своего друга из-за денег, а затем сочинил весь этот бред о зазеркальной твари.

Все говорило против меня, и пресса усердно раздувала пламя общественного возмущения, так что моя судьба была решена. Я - чудовище и должен быть наказан. Суд вынес смертный приговор, и теперь меня ждет гильотина. Близится рассвет и с ним час моей смерти. В ожидании этого часа я пишу эти строки, надеясь, что кто-нибудь, читая, поверит мне. Никогда не представлял себе, что могу окончить жизнь на гильотине; вообще, этот вид казни всегда казался мне варварским. Естественно, надзиратели не сводят с меня глаз, чтобы я не обманул "вдовушку", как французы с черным юмором окрестили гильотину. Но я спросил, есть ли у меня право на последнее желание, и они разрешили поставить в моей ка-

мере высокое зеркало, дабы я мог привести себя в пристойный вид перед казнью. Интересно, что из этого выйдет".

На этом рукопись кончалась. Внизу страницы другой рукой было добавлено: "Узник найден лежащим мертвым перед зеркалом. Причина смерти - остановка сердца. Доктор Лепитр".

Гроза бушевала с прежней силой, то и дело комнату озаряли яркие молнии. Не стыдясь, честно скажу, что я подошел к зеркалу над туалетным столиком и завесил его полотенцем. После чего взял в охапку бульдога и забрался вместе с ним под одеяло.



ПТИЦА-ПЕРЕСМЕШНИК

Глава первая ОТКРЫТИЕ ЗЕНКАЛИ

В стороне от морских путей, на той воображаемой линии, где сливаются волны Индийского и Тихого океанов, лежит утопающий в зелени остров Зенкали - милейшее, забытое Богом местечко. Кажется, сюда никогда не долетят отголоски бурь, бушующих в нашем огромном мире, здесь так и хочется искать пристанища от вселенских катаклизмов. Но тот, кто наивно полагал, что от этого острова ничего на свете не зависит и что здесь никогда не произойдет ничего волнующего, жестоко ошибался. События, внезапно всколыхнувшие Зенкали, в течение двух месяцев держали в напряжении весь цивилизованный и большую часть нецивилизованного мира (а к таковому следует отнести везде сующих свой нос тележурналистов, всеведущую газетную братию и подобных им нахалов, без которых жизнь была бы куда спокойнее). Забегая вперед, скажем, что события, благодаря которым Зенкали оказался в центре внимания мировой общественности, стоили иным коренным его обитателям шишек и выбитых зубов. Теперь, конечно, все раны давно уже зажили, а шрамы не столь заметны, как прежде.

Тем не менее, если ненароком вспомнишь о делах минувших дней, скажем, в заведении «Мамаша Кэри и ее курочки», рискуешь схлопотать синяк под глазом, и то считай, что дешево отделался. Даже если заговоришь о птице-пересмешнике в заново отстроенном Английском клубе, и то от тебя шарахнутся. Во всяком случае, дадут понять, что вспоминать об этом считается дурным тоном.

Все началось в блаженные январские денечки, когда после Рождества все обитатели острова лежат с коликами в печени, а самые рьяные приверженцы английской короны - также и с режью в желудке. Не поглотившему на празднестве доброй порции рождественской индейки и плам-пудинга исполнение патриотического долга не засчитывается, и никакие ссылки на то, что в тени - 90 градусов по Фаренгейту, не принимаются во внимание. Остров погрузился в дрему, убаюкиваемый белым солнечным светом, а два вулкана - Тимбалу и Матакама, два огромных конуса - стерегли его покой. Никто из островитян (лечившихся теперь сельтерской и содовой водой) и помыслить не мог, что грозная судьба готовит им нечто более страшное, чем ураган, цунами и землетрясение, вместе взятые. Представьте себе щенка болонки, подхватившего вирус бешенства: с виду такой тихоня, мухи не обидит, а покусает - так потом хлопот не оберешься. Так и здесь: кто мог предположить, что возмутителем спокойствия станет новый помощник политического советника Ее Величества, высокий очаровательный блондин по имени Питер Флокс.

Прибыв в Джакарту, Питер не на шутку встревожился, когда узнал, что плыть на Зенкали ему предстоит в драной французской калоше, некогда ходившей за сардинами и готовой перевернуться в самую тихую погоду. Хозяином «Андромеды-3», как называлась эта посудина, был коренастый небритый грек по имени Аристотель Папайятокопу-лос, набравший команду из веселых, жизнерадостных, но ни черта не смысливших в мореходном деле и компрометировавших саму идею мореплавания зенкалийцев. Эта беззаботная орава была похожа на ватагу юнцов-бойскаутов, готовую с бухты-барахты, не имея ничего, кроме энтузиазма, отправиться вокруг света на утлом каноэ. Каждый выкрикивал приказания, ник-

то никого не слушал, а более всего настораживал тот факт, что у судна был страшно перегружен правый борт: казалось, добавь горошину - и лежащая на палубе массивная мраморная колонна или, хуже того, масса приютившихся тут же бочек покатаются, проломают перила и шлепнутся в грязные воды гавани. Коллекция шикарных кремовых чемоданов из телячьей кожи, которые Питер тщательно выбирал для своего путешествия у лондонских торговцев Ассиндерса и Гроупа, предлагавших все для тропиков, явно не вызвала почтения у матросов-аборигенов: они подхватывали их своими смуглыми руками, швыряли, словно дохлых котят, затем несли, цепляясь за перила и за все, за что только можно было зацепиться, и небрежно сваливали на верхней палубе прямо на кучу неубранного птичьего помета, от которой струился ароматный пар. Тогда-то Питер впервые понял, что, как ни кичись своей блестящей английской речью, а без знания пиджин-инглиш¹, который был в ходу и на Зенкали, в тропических странах никуда.

- Простите, - обратился он к зенкалийцу, который показался ему смышленнее других, - вы есть помощник капитана? - При этом Питер старался говорить самым твердым тоном, на какой только был способен.

Зенкалиец был парнем в самом соку. На нем были жеванные-пережеванные брюки и истрепанная соломенная шляпа; на шее - ожерелье из металлических пробок от кока-колы. Изысканно-вежливым жестом абориген снял шляпу и прижал ее к груди, обнажив при этом в ослепительной искренней улыбке сияющую белизну зубов.

- Вы есть помощник капитана? - снова спросил Питер.

- Да, сэ'? - в свою очередь спросил юноша, по-прежнему улыбаясь и в то же время озабоченно хмуры лоб.

¹ Пиджин-инглиш - гибридный язык на основе английской лексики с элементами китайской грамматики. (Здесь и далее примеч. пер.)

- Вы есть помощник капитана этого судна? - спросил Питер в третий раз, стараясь четко и ясно выговаривать каждое слово.

- Судна! - сказал юноша, расплываясь в улыбке. -

Да, сэ'.

- Так вы есть помощник капитана?

- Да, сэ... Эта судна! - сказал юноша, теребя свою шляпу.

По лицу и спине Питера градом катился пот. Его изящные белые парусиновые брюки приобрели грязный серый цвет, а складки, которые были на них еще два часа назад, исчезли бесследно. Ткань прилипла к ногам, и столь радовавшая его обновка теперь выглядела так, будто на ней ночевал динозавр, мучимый бессонницей. Больше всего на свете Питеру хотелось укрыться в тени, переодеться в сухое и выпить прохладного лимонада.

- Как вас зовут? - спросил он, решив подойти с другого конца.

- Андромеда-три, - без колебаний ответил юноша.

- Андромеда? Но ведь это женское имя... А, вы имеете в виду, что судно называется «Андромеда»... А почему три? «Сколько ни три, чище все равно не станет», - подумал он про себя.

- Да, сэ', судна, - сказал юноша, счастливый, что круг диалога замкнулся.

Питер вытер лицо и шею и без того уже мокрым платком и попробовал начать разговор по новой.

- Моя пассажир, - сказал он, тыкая в себя пальцем и стараясь выглядеть как можно глупее, - моя хочет в каюту... Моя хочет, чтобы моя багаж отнесли в каюту... Моя хочет холодного лимонада... Моя пассажир, понимаете, нет?

- Моя Андромеда-три, - повторил юноша, очевидно изумившись, как это белый господин не понимает самой

элементарной вещи.

К счастью, прежде чем Питер успел призвать Всевышнего, чтобы тот поразил оболтуса на месте ударом молнии, на палубе неожиданно возник сам капитан. Исходивший от него аромат чеснока сразу заглушил отнюдь не слабые запахи копры, птичьего помета и шести коров, которых зенкалийцы дружными усилиями пытались водворить на палубу, подгоняя громкими мелодичными криками. Но коровы упрямылись так, что дали бы сто очков вперед любым ослам.

- Сэр, - сказал капитан столь глубоким и густым голосом, что казалось, он доносился из машинного отделения, - я капитан, Аристотель Папайятокопулос. Моя... то есть я - к вашим услугам. Зовите меня просто - капитан Паппас. Здесь все меня так зовут, а то боятся ошибиться, выговаривая мое имя полностью.

- Ошибиться? - переспросил Питер.

- Точно так, сэр, - сказал капитан, - ни один еще не выговорил правильно. Кто говорит «Мангопулос», кто - «Бананопулос»...

Питер начинал чувствовать, что разговор с капитаном Паппасом вознаградит его за все издержки беседы с юношей, которого он принял за помощника капитана.

- Очень рад вас видеть, капитан, - начал он. - Меня зовут...

- Румба, танго, вальс, - перебил капитан и слегка наморщил лоб в раздумье, - полька, степ... Нет, нет... Квик степ! Рок-н-ролл, менуэт... Ага! Фокстрот!

- Извините, господин капитан... - изумился Питер.

- Ничего страшного, мистер Фокстрот, - успокоил собеседника капитан. - Я пытаюсь запомнить ваше имя ассоциативным методом. У нас, греков, знаете, он нередко практикуется.

- Но меня зовут не Фокстрот, - пробормотал пораженный Питер.

- Правда? - сказал капитан, подняв брови от удивления. - Так как же? Слоуфокс Пасодобль?

- Да нет же, никакой не пасодобль и уж тем более не слоуфокс! - твердо сказал Питер. - Меня зовут Питер Флокс.

- Флокс... флокс...- Капитан устремил на собеседника взор, не веря услышанному. - Так где же его танцуют, этот самый флокс?

- Да это вовсе не танец... это... как бы вам объяснить... Ну, понимаете, цветок такой, - сказал Питер, в первый раз в жизни столкнувшись с неадекватной интерпретацией своего имени.

- Цветок... Это который растет в саду? - спросил капитан.

- Ну да, - ответил Питер.

Капитан навалился всем своим могучим телом на перила и закрыл глаза.

- Флокс...- произнес он глубоким начальственным тоном. - Так... Флокс, маргаритка, ромашка, роза, георгин, флокс...

- А разве...- начал было Питер.

- Анютины глазки, тюльпан, подсолнух, колокольчик, - не дал возразить капитан, очевидно решив блеснуть своими познаниями в ботанике, - бегония, кувшинка, анемон, ф л о к с...

Он открыл свои крохотные черные глазки и посмотрел на Питера.

- Ну, теперь я навсегда затвердил ваше имя, навсегда! - сказал он тоном победителя. - Оно навек останется в моей памяти! А что, неплохой способ запоминать! Наш брат грек никогда не ошибется в выборе метода! Ведь верно?

- Верно, - пробурчал Питер, - а теперь не откажите в любезности проводить меня в каюту, отнести туда мой багаж и подать мне холодного лимонада. Пить очень хочется.

- Конечно, конечно, - сказал капитан. - Калаки проводит вас в каюту. Я все помню, можете на меня положиться!

Он скороговоркой отдал распоряжения на пиджин-инглише тому самому юноше, которого Питер принял за помощника капитана. Тут же появились два его приятеля, и все трое, подхватив багаж Питера, исчезли с ним в глубинах внутренних помещений корабля.

- Следуйте за ними, милый гость, - сказал капитан, сопровождая свою речь красноречивым жестом, - они отведут вас в каюту... Лучшую на всем корабле! Лучшую каюту для помощника политического советника Ее Величества!

- Откуда вы... знаете? - произнес Питер, как громом пораженный.

Капитан громко захохотал, откинув голову и обнажив во всем блеске два ряда зубов, глядевших, словно зубцы крепостной стены, из-под полных губ. Он возложил на свой изрытый оспинами нос пухлый палец, направив его на маленький блестящий глаз:

- О, я знать все, что происходит на Зенкали. Я знать все про всех! Мои глаза проникать всюду, как у доброго Бога! Ни один верблюд на Зенкали не окочурится без того, чтобы кто-нибудь тотчас же не доложил мне об этом. На Зенкали у тебя будет все, что хочешь, только дай мне знать!

- Спасибо, - ответил Питер и, нежно подталкиваемый пухлой рукой капитана, побрел, спотыкаясь, по замызганному коридору в темные гулкие глубины суденышка,

пропахшие затхлой водой, краской и - по каким-то непонятным причинам - духами «Фиалки Пармы».

За трое суток путешествия на «Андромеде-3» Питер вволю нагоревался, что поспешил и не дождался отхода «Императрицы Азии» - крупного и надежного пассажирского судна, совершавшего на Зенкали один рейс в месяц. Когда «Андромеда-3» отошла от причала и вступила в неравную борьбу с океанскими волнами, он стал кусать себе локти, что так необдуманно согласился занять предложенную ему должность. Лежа на койке, похожей на гроб, он вспоминал, какие радужные перспективы рисовались ему, когда дядюшка сообщил эту важную новость.

- Посылаем тебя на Зенкали! - говорил сэр Осберт, разглядывая своего единственного здравствующего родича холодным синим оком сквозь монокль. - Смотри, не влипни там в историю.

- Да что вы, дядюшка! Это же прекрасно! - воскликнул Питер. Его друг Гюго Шартри прожил на Зенкали месяц, а когда вернулся, то расписал ему все прелести тамошней жизни не хуже заправского агента бюро путешествий.

- Помни, мы посылаем тебя не для приятного времяпрепровождения, - строго и наставительно сказал сэр Осберт, - а на помощь этому ополумевшему Олифанту.

Произнеся эти слова, сэр Осберт принялся расхаживать взад-вперед по конторе. За окнами хлопьями валил снег, и за белой пеленой, похожей на кружевную сетку, кипела и бурлила жизнь лондонских улиц.

- Не скрою, ситуация на Зенкали... хм... мягко говоря, оставляет желать лучшего, - признался сэр Осберт. - Как тебе известно, мы пообещали им самоуправление. Точнее, дело идет к тому, что вся власть перейдет к их су-

масброд ному правителю - королю Тамалавале Третьему. Вот умора!

- Но я не слышал о нем ничего дурного, - попытался было возражать Питер. - Бытует мнение, будто он прогрессивный владыка, а подданные без ума от него.

- Он просто клоун, - перебил сэра Осберта. - А можно ли чего другого ожидать от каннибала, даже закончившего Итон? Он, как бы тебе это сказать поделикатнее, - себе на уме. Пока Зенкали находился под нашим владычеством, мы еще как-то могли держать его в узде, но теперь...

Он схватил с письменного стола линейку из черного дерева и принялся отчаянно шлепать ею по ладони.

- Мой эскулап не велит мне волноваться, - продолжал он. - Мол, у меня изношенное сердце. Ну как, как я могу не волноваться, когда такой лакомый кусок уходит из-под носа правителей Империи!

Сэр Осберт на минуту смолк, чтобы перевести дыхание. Питер хранил молчание: у него были диаметрально противоположные взгляды на эти проблемы. В прошлом они с дядюшкой отчаянно спорили, но сейчас Питеру не хотелось упускать шанс отправиться на Зенкали.

- Хочу напомнить: Империя - это то, во имя чего мы, представители славного рода Флоксов, сражались и умирали. Возможно, вы, молодые, привержены новым идеям и для вас все это - звук пустой. Жаль, очень жаль! Помни, что ни одно важное событие в истории Англии и становлении Империи не обходилось без нас - отпрысков древнего рода Флоксов!

- Помню, дядюшка, - сказал Питер. - Вам не о чем волноваться.

- И в Трафальгарской битве участвовали Флоксы, - продолжал сэра Осберта, - и в битве при Ватерлоо, и в управлении Австралией и Новой Зеландией... И в Индии

их было немало... И северо-западная граница практически только на них и держалась... А сколько их было в наших африканских владениях! Теперь, когда к власти пришли эти чертовы лейбористы, Империя стала расплзаться, словно ветхое одеяло... Ей-богу, может хватить удар, когда видишь, как эти сыновья лавочников, эти паршивые тред-юнионисты и разные прочие мужлань, одевшись в шикарные костюмы, бродят по Уайтхоллу - весь пол в плевках, как в снежных хлопьях! - и раздают Империю по кускам всяким проходимцам, которые еще не отучились варить на обед своих дедушек и бабушек!

Он снова сел за письменный стол и вытер лицо платком.

- Теперь слушай, - успокоившись, продолжил он. - Самое щекотливое во всей этой истории вот что. Как раз тогда, когда мы уже было собрались предоставить этому народу самоуправление, в Генштабе решили, что Зенкали имеет важное стратегическое значение. То ли хотят выгнать русских из Индийского океана, то ли еще что-то в этом духе. Смешно, ей-богу: остров-то на карте похож на точку, оставленную мухой, а вот поди ж ты! Они хотят построить там аэродром и взорвать риф, преграждающий вход в бухту, чтобы туда мог войти эсминец. Но для этого придется затопить несколько долин и соорудить каскад гидроэлектростанций. Они попытались проделать то же самое в Альдабаре, но наткнулись на яростное сопротивление любителей животных... Есть же такие чудаки! Тебе не кажется, что мир сошел с ума? Представь: Британскому флоту прегражден путь в бухту из-за того, что там обитают гигантские черепахи! Чушь какая-то! Можно подумать, черепахи помогли нам выиграть Трафальгарское сражение! Или битву! Или сраже-

ние при Ютландии! Похоже, люди утратили представление об истинном положении вещей.

- Так в чем же суть проблемы? - спросил Питер.

- Ну, вообще-то переговоры продолжаются, но этот король хоть и черномазый, а не промах. Учеба в Итоне для него даром не прошла, - сказал сэр Осберт, явив весь свой характер истинного регбиста. - Он еще хорошо поторгуется, помяни мое слово! Он знает историю с черепаками и поймет, что второй раз мы не отступим. Слыханное ли дело, чтобы черепахи так оконфузили британское правительство!

- А принесет ли этот аэродром пользу зенкалийцам? - поинтересовался Питер.

- Еще спрашиваешь! Туда со всех концов света будут стекаться brave летчики и моряки! Тратить там деньги на сувениры и... - Тут дядюшка осекся. - В общем, понимаешь, на что тратят деньги brave летчики и моряки. Каскад гидроэлектростанций создаст массу рабочих мест... Что бы там ни говорил этот тупица Олифант, для островитян это будет настоящий рай! А какие знатные люди участвуют в этом деле! Лорд Хаммер! Хаммерс-тайн и Хэллоп! Они и собираются строить плотину - во всяком случае, подадут заявку, но, право же, это чистая формальность. Но вот беда: король еще не дал своего окончательного согласия. В общем, ситуация в высшей степени деликатная, так что уж постарайся не подкачать, ладно?

- Да, сэр, - сказал Питер, преисполненный чувства долга.

- И еще. Имеющий глаза да видит, имеющий уши да слышит. Чуть что не так, сразу же докладывай нам. Среди этой толпы дикарей нужно держать ухо востро, понял?

...Теперь, когда калоша капитана Паппаса, борясь с бурными волнами, направлялась к Зенкали, Питер терялся в догадках, скоро ли эта несчастная посуда попадет к рыбам на дно, заодно унеся с собой своего сумрачного хозяина. Но поскольку в желудке Питера давно не осталось ничего, что нуждалось бы в переваривании, наш путник не заметил, как уснул.

Проснувшись поутру, Питер увидел, что ветер давно угнал вдаль штормовые облака и посуда мирно скользит по гладкой как зеркало морской лазури. Небо голубело, словно цветы дельфиниума. Маленькие стайки летучих рыбок выскакивали над сверкающей поверхностью моря и пролетали перед самым носом у суденышка, а в небе недвижно парили два альбатроса, без всяких усилий поспевая за судном, будто привязанные к корме невидимыми нитями. Чувствуя себя куда бодрее, вдохновленный хорошей погодой, Питер направился в крохотную кают-компанию разузнать насчет завтрака и увидел уютно устроившегося там капитана Паппаса, который с аппетитом поглощал поданные ему на невообразимо засаленном блюде яичницу с беконом, колбасу, бобы и поджаренный хлеб.

- С добрым утром, с добрым утром! - обрадованно крикнул капитан с набитым ртом. - Как спалось?

- Спасибо, ничего, - покривил душой Питер, с содроганием отводя глаза от капитанской трапезы.

- Прекрасно, прекрасно, - сказал капитан. - Отлично выпались, теперь полагается плотный завтрак, а? Как насчет доброй яичницы с беконом? У меня на судне заправский кок, он самого черта приготовит!

- Спасибо, я не имею привычки завтракать, - перебил капитана Питер. - Мне бы только чашечку кофе да ломтик поджаренного хлеба.

Капитан рывкнул, и в мгновение ока появились и кофе и хлеб. С энтузиазмом ковыряя спичкой в золоте своих зубов, хозяин суденышка по-отечески взирал на гостя.

- Стало быть, - промолвил он, - вы никогда прежде не бывали на Зенкали?

- Нет. Но слышал, что это премилый островок.

- Премилый. Почти как любой из греческих островов. Но все-таки это вам не Греция. Здесь одни негритосы, вот в чем беда! Ничего страшного, нормальные люди, только дикие - не такие цивилизованные, как греки. Понятно?

- Понятно, - сказал Питер, гадая, как отреагировали бы на слова капитана аборигены, готовые вот-вот взять власть в свои руки. - Насколько я знаю, они скоро получают самоуправление?

- Самоуправление? Хо-хо! - прорычал капитан Паппас. - Это не будет самоуправление для зенкалийцев. Это будет самоуправление для Кинги.

- Кинги? Какого Кинги? - спросил Питер, заранее отказываясь от мысли попросить капитана вспомнить полное имя этого загадочного Кинги.

- Кинги - это тамошний король, - сказал капитан, удивленный, что Питеру неизвестны такие простые вещи.

- А... почему вы его так называете? Это у вас не считается... хм... оскорблением Его Величества?

- Что-что? - спросил капитан, никогда прежде подобных фраз не слышавший.

- Я имею в виду... не слишком ли фамильярно его так называть?

- Да нет, нисколько. Он сам себя так называет. Это его... так сказать... прозвища.

- Прозвище?

- Ну, пусть бы и так, - недоверчиво сказал капитан. - Каждый и она сам зовет его Кинги... Видите ли, мистер Фокстрот, - продолжал капитан, - на острове Зенкали обитают два племени, фангуасы и гинка, понятно? Самое большое племя - фангуасы, возможно до полусотни тысяч человек. Кинги - король фангуасов, понятно? А гинка - очень малый племя, тысяч пять-шесть человек. У них вождь - Гоуса Маналовоба. Фангуасы как большой племя властвуют на Зенкали. Фангуасы не любить гинка, а гинка не любить фангуасы. Когда Зенкали получить самоуправление, править будет Кинги, понятно? Кинги очень, очень умная человек! Он хочет править всем народом на все время, как Авраам Линкольн, понятно?

- А разве у них нет парламента? Законодательной ассамблеи, где были бы представлены они все? - спросил Питер.

- Да, да, там есть парламента, но она делает все так, как скажет Кинги.

- По-моему, это очень недемократично.

Капитан, словно прожектором, осветил Питера золотом своей улыбки.

- Да, на Зенкали существуют демократия для одного. Для Кинги.

- Вам известно что-нибудь об аэродроме? - осторожно спросил Питер.

- А то как же... Это дело пахнет большим надувательством, - сказал капитан Паппас, и в голосе его прозвучала свойственная грекам зависть, которую ему не удалось скрыть. - А самый главный мошенник - черномазый недоносок Лужа. Он - министр развития. Самый большой плут на всем Зенкали. Никто не любить Лужа. Всем он противен от пяток до макушки, вот так! Даже у

родной матери вызывает отвращение, потому что он и ее облапошил.

- Так как же он стал министром развития, раз он такой плут?

- Не знаю. Кинги сделал его министром.

- А в чем заключается надувательство?

- Для постройки аэродрома требуется много электричества. Сейчас на Зенкали есть лишь один небольшой движок, которого кое-как хватает на весь город. Но она постоянно ломается, понятно? Ну и вот, чтобы сделать больше электричества, они собираются построить плотину возле Матакамы... Так называется вулкана, понятно? Они хотят построить плотину и затопить долину. А этот недоносок Лужа считает, что это его долина, понятно?

- Но если он владеет этой долиной и позволяет построить там плотину, в чем же тут надувательство? - спросил изумленный Питер.

- Лужа не всегда владеть этой долиной, - разъяснил капитан, - но как только зашла речь о строительстве аэродрома, он тут же купил ее, понятно? И купил за не большие деньги, потому что никто другой не желала ее купить. Теперь, когда долина понадобится правительству, Лужа запросит за нее огромные деньги. Такой уж плут этот министр развития.

- Все понятно, - задумчиво сказал Питер.

- А теперь, - сказал капитан, прищурив один глаз и одняв свой пухлый палец, - надувательство номер два. Если они решили строить плотину, они будут привлекать различные фирмы, кто какую цену назначит, понятно?

- То есть должно быть нечто вроде аукциона?

- Вроде этого. В таком случае правительство сделает заказ тому, кто предложит наименьшую сумму, верно? Но Лужа уже пообещал заказ одной фирма. Он уверяет,

что спросил все фирма и что эта назначать наименьшую сумму, понятно? А она назначила немаленькую сумму. Я это знаю. Мои друзья в Джакарта рассказал мне об этом. Эта фирма дала Лужа огромный-преогромный взятка в Англии. То есть он получил деньга за плотину и получит деньга за долину. Ну, не подлый ли мошенник?

Капитан сел и скорбно посмотрел на Питера, стараясь - хоть и без особого успеха - выдать себя за человека, которому и в голову не придет совершить подобное надувательство.

- Но если у вас есть доказательства, почему же никто не сообщит королю? - спросил Питер. - В конце концов, не дело же, когда министр развития занимается развитием исключительно собственной кубышки!

- Ха-ха! - осклабился капитан. - Скажешь тоже - сообщи королю! Небось король сам получает деньги от Лужи.

- А пойдет ли аэродром на пользу Зенкали? - поинтересовался Питер.

- О! Аэродрома пойдет на пользу мне! - сказал капитан. - Я буду возить цемент, кирпич, всякую всячину для строительства. Буду привозить консервы для строителей. Да что там! Буду привозить игральные автоматы для развлечений матросов! Закуплю по дешевке в Джакарте штук пятьдесят и с барышом продам Мамаше Кэри и ее курочкам!

- А это еще кто такие? - изумился Питер.

- Это такая бар... Как вы такой называть в Англии? Пуб... Ах да, паб, паб. Она в порту Зенкали. Все матросы ходят туда выпить и поиметь прекрасные девушки, понятно?

Питер ответил утвердительно.

- Так вот, когда на Зенкали будет построен аэродром, сюда будут прилетать самолеты и приплывать корабли

Британского флота. Множество бравых летчиков и моряков будут приходить к курочкам Мамаши Кэри, играть в мои игральные автоматы, слушать музыкальный машины, пить пиво, которое я буду привозить из Джакарты, а коль скоро гостям потребуется все больше девочек, меня же будут гонять в Джакарту за пенициллином для доктора! Аэропорт будет очень полезен для моего бизнеса, понятно?

Питер признался, что и не представлял, сколь разнообразны будут последствия строительства аэродрома.

- Ну, - сказал капитан, потягиваясь и позевывая, - я теперь пойду на мостик. А потом, перед обедом, мы еще выпьем вместе, ладно?

- Спасибо, мне будет очень приятно, - сказал Питер.

Когда капитан ушел, Питер отправился на палубу, нашел там выдавший виды шезлонг и, блаженно растянувшись на солнце, принялся читать книгу, которую приобрел перед самым отъездом из Англии. Она была отпечатана в какой-то частной типографии в Сингапуре на тонкой рисовой бумаге и называлась: «Зенкали. Фрагментарный путеводитель для случайного приезжего». Автор скрыл свое имя под псевдонимом «Козерог». Приобретая путеводитель, Питер опасался, что книжица ничем не отличается от сотен ей подобных, но с первой же страницы «Введения» ему стало ясно, почему автор пошел на такую конспирацию.

«Зенкали, - вещал Козерог, - одно из самых очаровательных, интригующих, изысканных и идиотских мест, которые я когда-либо имел удовольствие посетить. Всю свою жизнь я посвятил коллекционированию тех уголков Земли, где забыт здравый смысл и властвует умопомешательство, и готов держать пари, что другого такого места, где поголовно все сошли с ума, больше нет. Достаточно сказать, что, едва ступив на землю Зенкали, я

был вознагражден впечатлением, которого хватит на всю мою оставшуюся жизнь. Я увидел, как почти все население столицы собралось на главной площади, но не по религиозным или политическим причинам, а лишь затем, чтобы позвать на пожарную команду в роскошной униформе и касках, тщетно пытавшуюся завести пожарную машину, которая по непонятным причинам сама вспыхнула и взорвалась. С тех пор я прожил на Зенкали более двадцати лет, и хотя за это время там не случилось ни одного происшествия, равного взрыву пожарной машины, в жизни моей было немало ситуаций, наводивших на размышления и позволивших глубже взглянуть на человеческую природу».

«Вот это путеводитель! Он наверняка предложит нечто новое и оригинальное», - подумал Питер. «Остров Зенкали, - продолжал автор, - лежит на Тропике Козерога перпендикулярно воображаемой границе между Индийским и Тихим океанами, на 77-й долготе и 20-й широте. По счастью, он находится вне зоны циклонов и ураганов, что обеспечивает ему спокойное по сравнению с другими расположенными в тех же водах островами существование. Год можно условно разделить на два сезона: «жаркий» и «очень жаркий». Точной временной границы между ними нет - она зависит от силы пассатов; но, как правило, с января по июнь - «жарко», а с июля по декабрь - «очень жарко». В длину остров имеет сто миль, в ширину (в самом широком месте) - двадцать пять. В плане он похож на убывающую луну, лежащую рогами вниз; две высочайшие вершины - потухшие вулканы Тимбалу и Матакама. Последний чуть выше и имеет в кратере большое озеро. Остров был открыт в 1224 году арабами, а так как мореплавателям всех времен и народов во время дальних странствий свойственно тосковать по женским прелестям, то, исходя из формы вул-

канов, они назвали его «Остров женских грудей». Португальцы, приплывшие сюда вслед за арабами в 1464 году, оказались не столь поэтичны и нарекли его просто «Остров двух грудей». У голландцев, высадившихся в этих местах в 1670 году, воображение вообще отсутствовало, и при их владычестве остров именовался «Островом домохозяйки», хотя ассоциация с женским началом присутствует и здесь. Когда в 1700 году голландцы покинули остров и он перешел к французам, те не придумали ничего нового и нарекли его просто «Иль де пуатрин» - «Остров грудей». Наконец, когда в 1818 году французов сменили англичане, он стал называться «Уэлком-Айленд», что значит «Гостеприимный остров». В настоящее время острову возвращено его исконное имя, данное аборигенами. «Зенкали» на местном наречии означает «Милый остров». Приезжие непременно убедятся, что так оно и есть».

Далее автор с присущей ему краткостью и язвительностью прошелся по всем, кто в разные периоды правил островом.

«Чужеземцы накатывались на остров волна за волною, не оставляя после себя практически ничего, что могло бы принести хоть какую-то пользу аборигенам. Арабы ввели в употребление счеты, что для коренных жителей, не умевших ни писать, ни читать, ни считать далее пяти, явилось подарком сомнительной ценности. Португальцы построили два прибрежных форта, которые вскоре рассыпались в прах; зато остался рецепт приготовления вина (именуемого ныне «Нектаром Зенкали») из местной сливы. Этот напиток практически не переносим на вкус, а кто поглощает его в больших количествах, рискует стать слепым и в придачу импотентом. Французы соорудили порт, который и поныне надежно и верно служит, и изобрели бесчисленные рецепты куша-

ний из представителей местной фауны, какую они почти полностью успели истребить в угоду своим кулинарным прихотям. Голландцы оставили после себя несколько капитальных зданий. Теперь это - Дом правительства, Королевский дворец, Административный штаб и Парламент. Кроме того, на острове сохранились паратройка весьма изящных домов голландских плантаторов. Там и поныне обитают только выходцы из Европы, так как островитяне испокон веков привыкли жить в превосходных хижинах, крытых пальмовыми листьями (напоминающих «долгие» дома на острове Борнео), или же в довольно привлекательных жилищах из досок, тщательно выделываемых из дерева амела. Страшно подумать, что, когда англичане окончательно покинут остров, они оставят после себя, как и всегда, фанатичную страсть к игре в крикет и стремление части зенкалийцев непременно праздновать именины королевы и Бернсовы ночи², поскольку у них самих подобных национальных празднеств нет, а в прошлом они с интересом наблюдали, как их правители из кожи вон лезли, желая покрасоваться в этих столь любопытных действиях».

Питер уже не первый раз за время своей карьеры изумлялся: почему европейцы не могут оставить другие народы в покое? Почему, где бы они ни появились, они непременно стремятся навязать местным жителям свой образ жизни? Зачем заставлять этих несчастных зенка-

² Бернсовы ночи - празднества в честь великого национального поэта Шотландии Р. Бернса (1759-1796). Обычно приурочиваются ко дню его рождения, 25 января. Иногда в таких празднествах обыгрывается фамилия «Burns» и глазам публики предстает объятый пламенем портрет поэта. В свое время британцы испытали большой конфуз из-за того, что первые почтовые марки в честь великого поэта вышли не у них, а в России.

лицев праздновать непонятные им Бернсовы ночи? Он предположил, что все национальные формы самовыражения, в которых содержался хоть малейший элемент распушенности, были выкорчеваны миссионерами; слишком наивно было бы думать, что эти блюстители нравственности обошли остров стороной. Питер открыл раздел «Религия» - как в воду глядел: нет такого местечка на белом свете, куда миссионеры не сунулись бы со своим уставом и не принялись рьяно отпускать грехи туземцам.

«Всех так называемых язычников ждала жестокая судьба - быть одураченными и очарованными религиозными представлениями своих завоевателей. К счастью для зенкалийцев, те, кто в разные эпохи занимал этот остров, были куда более озабочены его исследованием или ратными делами, нежели чрезмерным попечительством о бессмертии души туземцев. Арабы, по всей видимости, предпринимали попытки насадить на острове учение Магомета, но, очевидно, махнули рукой, заметив склонность островитян к пороку. Правда, покидая остров, они вывезли с собой самых привлекательных юношей и девушек. Пару храмов построили на острове португальцы; голландцы построили больше, но не пускали в них зенкалийцев (впрочем, те особенно и не стремились туда). В этот период меньшее племя - гинка - поклонялось богу-рыбе Тамбака, воплощенному в дельфине. То обстоятельство, что дельфин - не рыба, а млекопитающее, как-то не учитывалось ими, и самое печальное, что эта ошибка характерна и для других религий, почитающих бога-рыбу в виде дельфина. Племя же фангуасов перед приходом французов поклонялось любопытной местной птице, которую они называли Тио-Намала, а французы окрестили птицей-пересмешником. Впрочем, французы, приверженные католической религии и в си-

лу этого нетерпимые к верованиям других народов, очень скоро обнаружили, что эта птица обладает необыкновенно вкусным мясом, и к тому времени, когда англичане победили их и изгнали с острова, успели скушать всю популяцию пересмешников, невзирая на протесты фангуасов. Таким образом, это племя вынуждено было свернуть на время всякую религиозную жизнь. С нашествием британцев наступила эпоха перемен. Европейцы, поселяясь на небольших островах, имеют обыкновение привозить с собою вредоносных тварей, как-то: собак, кошек, крыс, свиней, которые истребляют местную фауну, пока миссионеры оболванивают аборигенов. Однако в данном случае миссионеры были посланы фангуасам самим Господом, если можно так выразиться. С тех пор как у фангуасов отняли Тио-Намала, гинка стали особенно докучать им, хвастаясь, что теперь они - единственное на острове племя, имеющее истинного бога. Нечего и говорить, что столь наглое бахвальство не могло не привести к известным нежелательным последствиям, и многие представители гинка и фангуасов окончили свой славный земной путь на обеденном столе противников под ароматным соусом. Что и говорить, на обед попасть не худо, но отнюдь не в виде блюда! Появление миссионеров дало фангуасам шанс приобщиться к христианству и тем самым доказать свое превосходство над гинка. Сейчас, когда пишутся эти строки, племя фангуасов условно поделено между Католической и Англиканской церковью, но горстка самых отважных душ отвержена любопытной американской религиозной секте, называемой «Церковь Второго пришествия»!

В этот момент на палубе появился капитан Паппас в сопровождении двух зенкалийцев из своей команды. Один нес шезлонг, другой - портативный бар с богатейшим ассортиментом напитков.

- А, мистер Фокстрот! Привет! - воскликнул капитан, бережно опуская свои телеса в шезлонг. - Ну что, пропустим по маленькой перед обедом, а? Во-во, совсем как на «Куин Элизабет»! Что изволите предпочесть? У меня тут все что хочешь есть, так что не стесняйся!

- Хм... Большое спасибо... Только на пустой желудок нехорошо... Ну, может, чуточку бренди с содовой... Нет, нет! Капитан, что вы! Я сказал - чуточку...

- Бренди хорошо для желудка, - заверил капитан, протягивая Питеру стакан, в котором было налито на пять пальцев этой лучезарной жидкости, и всыпал туда чайную ложку соды. - Бренди хорош для желудка, виски - для легких, узо - для мозгов, а вот шампанское - для соблазнения!

- Для... чего?! - переспросил потрясенный Питер.

- Для со-блаз-не-ни-я! - ответил капитан, нахмутив брови. - А конкретно - для того, чем соблазнять юных девушек, понятно? Ты когда-нибудь пил шампанское из женских панталон, как про то в книгах пишут?

- Вы имеете в виду - из женских туфель?

- Ну, и из туфель тоже, - согласился капитан, наливая себе такую порцию узо, от которой любые мозги свихнутся набекрень, и добавляя в него воды ровно столько, чтобы оно приобрело молочный оттенок. - А это тебе. Ну, брат, за дело!

Оба выпили молча, и Питер подумал, что если так будет продолжаться, то за сорок восемь часов он точно получит цирроз печени.

- Думаю, тебе полюбится Зенкали, - продолжил капитан, вытянувшись в своем страшно скрипучем шезлонге.

- Славное место! Славный климат! Славные люди! Любишь рыбалку, а? Там, на Зенкали, какая хочешь рыбалка... Акулы, барракуды, даже рыба-меч! А на охоту ходить любишь? Там столько диких оленей, диких коз-

лов, даже диких кабанов! В общем, ходи на охоту, лови рыбу - наслаждайся жизнью!

- А как насчет вулканов? - спросил Питер. - По ним интересно полазить?

- Полазить? - Капитан остолбенел от удивления. - А это еще зачем?

- Видите ли... лазание по горам - одно из моих хобби. На родине я все каникулы проводил, лазая по горам Уэльса и Шотландии. Вот я и спрашиваю, интересно полазить по вулканам или нет.

- Здесь никто не лазит по вулканам. Очень тяжелый труд! - сказал капитан, которого явно шокировала сама идея. - Какой дурак полезет, да еще под палящим солнцем! И тебе не надо - ходи на рыбалку, ходи на охоту, как я говорю! Заведешь себе прекрасную зенкалийскую девушку, и она будет жарить пойманную тобой рыбу и подстреленную тобой дичь, а?

- Не думаю, что мне потребуется прекрасная зенкалийка.

- А чего ж? Она будет готовить тебе обед, убирать твой дом, а? А потом... Раз, два, три, четыре, пять - десять маленьких негритят! - торжествуя сказал капитан, по-отечески глядя на Питера, очевидно представляя его среди многочисленного голосистого чернокожего потомства. - Я знаю массу хороших зенкалийских девушек... Некоторые оч-чень смазливенькие! А есть и такие, что еще девственницы! Хочешь, познакомлю с хорошей зенкалийкой из хорошей семьи? Хорошей, не шлюхой, а? Выберу тебе самую сисястую, чтобы могла выкормить целую кучу детишек, а?

- Спасибо, - сказал Питер, слегка обалдевший от столь сердечного предложения. - Поживем - увидим. Но ведь до цели еще надо доплыть! Так что не будем опережать события.

- Не беспокойся, я тебе там все устрою, - доверительно сказал капитан. - Я тебе все что хочешь могу устроить на Зенкали. Там все меня знают, и я всех знаю. Сделаю для тебя все, что пожелаешь!

...Нежное солнце и теплый ветер действовали усыпляюще, блеск волн слепил нашему путешественнику глаза.

Питер растянулся в шезлонге, расслабился и смежил веки; сквозь полудрему до него долетал голос его нового друга. Он действовал успокаивающе, словно томные звуки виолончели. Умиротворяющие лучи солнца и выпитое бренди вскоре сделали свое дело, и Питер уснул. Проснувшись минут через двадцать, он, к своему изумлению, обнаружил, что капитан по-прежнему вещает:

- Так я говорить ему: «Ах ты, недоносок, ты еще обзываешь меня жуликом! От таковского слышу!» Я хватаю его за ворот и швыряю в море! Ему требовалось проплыть полмили до берега, - с удовлетворением сказал капитан, - да, как на грех, в тот день в море не было акул, так что ему это удалось.

- Очень жаль, - сказал Питер, чтобы как-то поддержать разговор.

- Вот я и говорю ему: «От жулика слышу». Ну, пошли. Пора обедать.

...После обильного обеда, во время которого капитан изощрялся, расписывая добродетели зенкалийских девушек, и рассказывал сногшибательные истории о том, сколько добра он сделал разным людям на Зенкали, а те готовы были вить из него веревки, Питер, едва волоча ноги, уполз к себе в каюту. Правда, она была раскалена, как духовка, но зато это было единственное место, где можно было отдохнуть от капитана. Питер (как, следует думать, и множество людей до него) понял, что от дружеского расположения и гостеприимства этого славного

грека можно слегка обалдеть. Превозмогая духоту, Питер бросился на узкую койку и попытался уснуть, иначе вторую половину дня ему опять пришлось бы провести в обществе капитана, попивая винцо и посасывая джин с ромом.

Через несколько часов Питер пробудился от тяжелого сна, так и не принеся ему облегчения. Бедолага оделся, пошатываясь, вышел на палубу, растянулся в шезлонге и, бросив недолгий взгляд на закат солнца, погрузился в раздумья.

Западный край неба был залит оранжевым светом и испещрен красными прожилками, а ласковый бриз гонял по индигового цвета морю желтые, зеленые и алые пятна. Солнце, похожее на спелый абрикос, едва коснулось горизонта. Там же играла стайка дельфинов, похожих на табунок черных коней-качалок с гладко отполированными спинами: выпрыгивая над безмятежной водой и бултыхаясь в нее снова, они поднимали небольшие столбики пены. Два альбатроса по-прежнему следовали за кормой, перемещаясь в воздухе без единого взмаха крыльями. Тут же появились матросы-зенкалийцы (Питер мигом вспомнил: «Почему Андромеда-три? Сколько ни три, чище не станет») с широкими, добродушными улыбками на лицах и поставили на палубу портативный бар. Очевидно, тот юноша-зенкалиец, с которым Питер разговаривал перед посадкой на посудину капитана Паппаса, совмещал обязанности боцмана, рулевого и бармена. Питер налил себе бренди, в которое добавил соды и льду, и снова растянулся в шезлонге, медленно потягивая напиток и любуясь меняющимися красками неба. Теперь оно было как масляное пятно, растекшееся по поверхности залитой солнцем лужи, а шаловливые дельфины, играя мускулами, настолько приблизились к судну, что Питер слышал их фырканье, когда они выскаки-

вали из воды. Он тут же полез в свой заветный путеводитель в надежде найти там что-нибудь новенькое об этих изящных и умных животных и открыл раздел, повествующий о естественной истории.

«До появления арабов, - констатировал путеводитель, - оба племени зенкалийцев худо-бедно, но жили в мире. Главной причиной этого являлось то обстоятельство, что фауна острова была необыкновенно богата, и проблема, что бы раздобыть на обед, здесь не стояла. Численность населения в то время была не сравнима с теперешней, так что представители двух племен практически не контактировали друг с другом. Одно племя занимало восточную оконечность острова, другое блаженствовало на западной, а между ними лежала «ничья» земля, до того изобиловавшая зверями и птицами, что спорить представителям двух племен было, прямо скажем, не о чем. Так, на острове в огромном количестве водились гигантские черепахи, популяция которых исчислялась десятками тысяч, - превосходный и очень наблюдательный французский натуралист, граф д'Армадо, подчеркивал, что «в иных местах можно было пройти целую милю по панцирям этих черепах, ни разу не ступив ногой на землю». Это отнюдь не преувеличение - данный факт занесен в вахтенные журналы многих кораблей, заходивших на Зенкали с целью пополнения запасов воды, а заодно увозивших гигантских черепах в качестве провианта. (В те далекие века живые черепахи заменяли консервы.) Так, только с декабря 1759 года по декабрь 1761 года с острова было увезено не менее 21 600 черепах. При таком немислимом хищничестве не следует удивляться, что эта интереснейшая рептилия исчезла с Зенкали уже к середине периода французской оккупации.

Хозяйничанье на острове арабов, а затем европейцев неизбежно вело к тому, что и многие другие местные ви-

ды (по большей части сухопутные, безобидные и беззащитные) исчезли, убиваемые пришельцами ради пищи и из спортивного интереса, истребляемые привезенными на остров хищниками вроде собак и свиней, а также в результате изменения среды обитания, вызванного сведением лесов под плантации сахарного тростника, который, к счастью, здесь не прижился. В настоящее время на Зенкали высаживается дерево амела (см. раздел «Экономика»), являющееся биологической основой острова. Это единственное дерево, которое выдержало нашествие завезенных европейцами новых деревьев и растений, оказавшихся губительными для местной флоры.

Вслед за гигантскими черепахами в небытие ушли импозантные попугаи, более крупные, чем самый большой из известных нам попугаев ара, которые жили не на деревьях, а на земле и спали не ночью, а днем; пять видов птицы - водяного пастушка; большой нелетающий баклан (разновидность, родственная галапагосским), а также ярко раскрашенные и очень интересно добывающие нектар птицы-медоеды, напоминающие «гуиас» в Новой Зеландии. Но все-таки для аборигенов самой тяжелой была потеря птицы-пересмешника, которая, как указывалось ранее, составляла основу религии фангуасов. Они верили, что в ней воплотился их бог Тио-Намала, и, следовательно, как сама эта птица, так и ее гнезда и яйца являлись табуированными. Но французы конечно же не признавали их таковыми, и вполне естественно, что у большинства фангуасов, видевших, как господа охотятся на пересмешников и подают их на стол в виде самых изысканных кушаний, была поколеблена вера в Тио-Намала, коль скоро он не может обрушить свой гнев на французов, как полагалось бы поступить истинному богу. Тем не менее фангуасы предприняли ряд попыток урезонить французов, закончившихся лишь тем, что нес-

колько вождей туземцев были повешены за дерзость. Тогда аборигены прекратили всякое сопротивление, и в скором времени пересмешники канули в Лету вслед за гигантскими черепахами, оставив фангуасов безутешными.

С виду пересмешники, пожалуй, - самое любопытное пернатое из всех обитавших на Зенкали. Эта птица (бытует мнение, что она родственна птице-отшельнику с острова Родригес Маскаренского архипелага) была размером примерно с гуся и имела длинные сильные ноги. У нее был удлинённый, слегка изогнутый клюв (сходный с тем, что у птицы-носорога) и своеобразный большой шлем на голове; у самок он имел скорее вид блюда, размещенного на лбу. Крылья у этой птицы были миниатюрны и не приспособлены для летания, так что она явилась идеальной добычей для французов, поскольку не могла летать и не имела привычки убегать. В эпоху процветания пересмешники могли поспорить по численности с гигантскими черепахами, но это, к сожалению, не спасло вид от истребления. Фангуасы называли птицу Тио-Намала, что означает «Птица бога Тиомала», а французы - пересмешником³, так как ее крик весьма напоминает дикий, издевательский смех. Все, что осталось от этой удивительной птицы, - пара чучел в Париже, еще одна пара в Антверпене, пять-шесть чучел самцов в разных музеях мира да с полдюжины скелетов и горстка костей. Одно изящно сделанное чучело самца имеется в музее в Дзамандзаре.

³ Искушенный в орнитологии читатель конечно же обратит внимание на то, что созданный Дарреллом словесный портрет пересмешника не имеет ничего общего с видами пересмешников, существующими в действительности (см., напр.: Жизнь животных. Т. 5. Птицы. М.: Просвещение, 1970, с. 499). Птица-пересмешник для него - символ, о значении которого автор расскажет в послесловии к своей книге.

Любопытно, что с исчезновением пересмешников исчезло также дерево омбу. Это странное дерево через определенные интервалы времени приносило плоды, которые составляли важную часть рациона пересмешников. В настоящий момент, когда пишутся эти строки, сохранился лишь один экземпляр дерева омбу. Возраст его - не менее трех столетий, находится оно в Ботаническом саду в окрестностях Дзамандзара. Хотя дерево регулярно плодоносит, ни одно из семян не проросло. Похоже, что это дерево - безусловно редчайшее на планете - умрет, не оставив потомства».

Между тем небо стало зеленым и пурпурным, а вода приобрела почти черный оттенок. Питер отложил книгу, выпил еще глоток и залюбовался закатом, но мысль о дереве омбу не давала ему покоя. Он знал, что иные виды животных безвозвратно исчезли с лица земли, но полагал этот процесс естественным - ведь исчезли же, скажем, динозавры, при чем тут человек? Теперь он понял, как был не прав. Странно, но он никогда прежде не думал, что растения и деревья тоже может постичь печальная участь исчезающих видов. В первый раз подобная картина предстала его глазам. Если ты губишь лес, ты губишь и живые создания, обитающие в нем. Но возможен и обратный вариант: если ты истребишь эти существа - ты погубишь и сам лес, который во многих отношениях от них зависит. Он налил себе очередной стакан и продолжил чтение.

«С узкопрактической точки зрения, самым важным из обитающих на Зенкали видов живых существ единодушно признается бабочка амела. Этот своеобразный представитель семейства ястребиных бабочек во многом напоминает европейскую бабочку-колибри. Амела - крупное насекомое с размахом крыльев в четыре дюйма и тяжелым телом. Подобно своей европейской родственни-

це, она летает с невероятной быстротой. В движении ее крылья сливаются в сплошную массу, что в сочетании с похожими на оперение чешуйками, покрывающими тело, делает ее в полете куда более похожей на птицу, нежели на бабочку. Сходной по внешнему виду с колибри ее делает также необыкновенно длинный хоботок, достигающий четырех дюймов в длину, когда вытянут полностью, и похожий на кривой птичий клюв. Верхняя половина крыла - серая, густо покрытая черными и золотыми пятнами. Нижняя половина - ярко-красная, словно окрашенная анилиновой краской, с широкой черной каймой. Эта бабочка - единственное на Зенкали насекомое, способное проникать своим хоботком в цветки дерева амела, имеющие форму трубы, и опылять их. Когда стала ясна роль бабочки в благополучии дерева амела, без которого совершенно немыслима экономика острова (см. раздел «Экономика»), использование инсектицидов было запрещено. От этого выиграли и другие виды насекомых, в том числе и вредоносных, но островитянам пришлось с этим смириться».

Следуя совету, Питер открыл раздел экономики - не потому, что испытывал особое пристрастие к этому предмету, а потому, что хотел как можно больше узнать об острове Зенкали. Проникать в тайны зенкалийской экономики ему не пришлось. Тут все было настолько просто, что самый мудрый экономист сломал бы голову, попытавшись внести путаницу. Фактически экономика Зенкали базировалась на единственной культуре - дереве амела.

«Глядя на процессы, протекающие в цивилизованном мире, можно только радоваться, что на Зенкали нет сколько-нибудь ценных минералов и уж тем более нефти. Как следствие, здесь нет и промышленности, если не брать в расчет мелкие предприятия легкой индустрии.

Зенкали живет монокультурой. В прошлом неоднократно имели место попытки выращивать на острове сахарный тростник, бананы, ананасы и т. п., но все они провалились. Затем были выявлены необыкновенные достоинства дерева амела, и очень быстро оно стало (и поныне является) единственной культурой, на которой держится экономика острова.

Зенкали имеет счастье располагаться за пределами зоны циклонов и ураганов, и потому здесь очень стабильный климат. В этих условиях амела может прекрасно произрастать и цвести. Как уже сообщалось, это единственное дерево, выдержавшее губительное нашествие европейцев. Нигде в мире оно больше не встречается. Амела самым упорным образом отказывается произрастать в любой другой части света ввиду отсутствия там опыляющих его одноименных бабочек. Таким образом, зенкалийцы обладают монополией на это уникальное дерево, превосходящее по своим достоинствам пальму. Оно достигает 20 - 25 футов в высоту, диаметр ствола составляет около 20 дюймов. Ствол отличается стройностью и ровностью, а древесина - красотой и прочностью; имеет приятную для глаз медово-желтую окраску. Подобно красному кедру, она устойчива к атакам любых насекомых, даже всеядных термитов. Таким образом, древесина эта очень ценится и как строевая, и для изготовления мебели. Вдобавок дерево отличается необыкновенно быстрым для столь плотной древесины ростом и достигает максимальной высоты в пять лет, хотя древесина семилетних деревьев считается более качественной. Но и этим достоинства амелы не исчерпываются. Ее цветы - длинные, алые, имеющие форму трубы и цветущие гроздьями, - обладают густым, приятным и уникальным ароматом (нечто среднее между розой и гвоздикой), благодаря чему пользуются большим спросом в

парфюмерной промышленности как компонент для изготовления духов. Темно-пурпурные плоды, с виду напоминающие землянику, растут тоже гроздьями; из их сока после очистки получается великолепное масло, которое находит применение в самых разнообразных производствах - от точных приборов до косметики. Но и это еще не все: недавно было сделано открытие, что сердцевидный мясистый лист дерева амела, подвергнутый сушке и химической обработке, дает чудодейственный препарат аминаэфрон, используемый для приготовления многих лекарственных средств. Таким образом, четыре компонента этого необыкновенного дерева являются для зенкалийцев практически единственным источником дохода, обеспечивающего им надежное с финансовой точки зрения будущее, чем никак не могут похвастаться жители других небольших тропических островов». Внезапно на палубе, облитой лучами скудеющего света, послышалось чье-то громкое дыхание, и в ноздри Питеру ударил резкий запах чеснока, возвестивший о появлении капитана, который тут же плюхнулся в шезлонг и угостил себя порядочным стаканом виски.

- Сегодня нас ожидает торжественный ужин, мистер Фокстрот, - объявил капитан с чувством глубокого удовлетворения. - Празднество в честь последней ночи пути перед прибытием на Зенкали! Специально по такому случаю - ужин по-гречески! Эх, будем пить и танцевать, а?

- Как танцевать? - с легкой тревогой в голосе спросил Питер, и воображение тут же нарисовало ему мрачную картину: капитан, заключив его в свои медвежьи объятия, вальсирует с ним на шаткой палубе.

- Именно так, танцевать! - твердо сказал капитан Паппас. - Будем танцевать греческие танцы! Я научу тебя

танцевать греческие танцы, понятно? Это самые лучшие танцы на свете!

- Спасибо! - сказал Питер, готовый ко всему, в том числе и к предстоящему алкогольно-хореографическому мероприятию.

Впрочем, поводов для разочарования у него не было. Ужин, как и было объявлено, оказался отменным, пришлось это признать. Правда, порции были рассчитаны на крупного мамонта, да к тому же сопровождалась немислимым количеством вина - белого или красного, в зависимости от того, какой деликатес подавался на стол. По завершении пиршества вышли трое матросов-зенкалийцев и под аккомпанемент бузуки - на ней с необыкновенным чувством и рвением играл сам капитан - начали танец, который в глазах неискушенного мог сойти за греческий. Удивительно, как это жирные, словно сосиски, пальцы капитана ухитрились извлекать из инструмента столь сладостные мелодии. И вот уже руки Питера, слегка обалдевшего от вина и дружеского расположения, обвиваются вокруг бронзовой потной шеи улыбающегося зенкалийца, безуспешно пытающегося кружить его по палубе. Звуки бузуки дрожали и стонали, глубокий капитанский бас растекался над залитым лунным светом морем. Наконец, давши клятву вечной дружбы всем зенкалийцам и капитану, Питер поплелся в каюту, что-то напевая себе под нос. Но раздевшись и растянувшись на койке, он неожиданно подумал о дереве омбу и его охватило чувство жалости: вот он наслаждается жизнью и общением, а бедному дереву, единственному уцелевшему представителю своего рода, не с кем даже поболтать.

«И не с кем спеть, - с горечью подумал Питер. - И не с кем станцевать. Какая жестокость!»

С досады он швырнул одежду на пол и снова улегся.

- Держись, омбу, держись старина! - пробормотал он, засыпая. - Питер Флокс, эсквайр, идет тебе на выручку.

В тот момент он и представить себе не мог, насколько был прав.

Глава вторая

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЗЕНКАЛИ

К своему удивлению, Питер проснулся в пять утра и не ощущал особого похмелья. Поскольку он был уверен, что Зенкали вот-вот покажется на горизонте, он быстро оделся, умылся и поспешил на нос корабля, дабы не пропустить волнующее мгновение. Воздух был неподвижен и прохладен. На темно-синей и гладкой, словно опал, поверхности моря восседали небольшими стайками морские птицы. Небо было словно присыпано бледно-голубой пудрой и отливало оранжевым с того края, где восходило солнце. По правому борту в нескольких милях от корабля лежал остров Зенкали. В его силуэте четко вырисовывались два близнеца-вулкана, по одному с каждого конца. В утреннем свете весь остров выглядел темно-зеленым; горы и вулканы отбрасывали густо-пурпурные, почти черные тени. Остров был окаймлен белой кромкой прибоя - волны разбивались о коралловый риф, погруженный по пояс в воду, а каждый вулкан красовался в щегольском головном уборе из легких облаков. Словно зачарованный, следил Питер за восходом солнца, под лучами которого краски острова делались все более четкими и блестящими, а поверхность моря рассыпалась миллионами серебристых, как у рыбы, чешуек.

Капитан Паппас появился на мостике, глубоко зевая и почесывая пузо под расстегнутой рубахой. Его грудь и брюхо были покрыты, словно у косолапого, густой черной шерстью; волосы на голове растрепались и стояли дыбом.

- С добрым утром! - прорычал он Питеру. - Ну, как самочувствие?

- Превосходное, - сказал Питер. - Лучше не бывает.

- А все греческий танец! - заявил капитан, будто рекламировал патентованное лекарство. - Он очень полезен для организма! Ну что, видишь Зенкали, а? Премилый остров, не правда ли? Через два-три часа будем в порту!

- Через два-три часа? - изумился Питер. - А кажется, он так близко!

- Нет, он не так близко, как кажется. Она будет гораздо больше, когда подойдем поближе, - сказал капитан. - Хотите завтракать, мистер Фокстрот? Проголодались, а?

Питер неожиданно почувствовал зверский голод.

- Да, неплохо бы позавтракать, - Признался он капитану. - Так есть хочу, что хоть корову проглочу, с рогами, копытами и хвостом!

- Прекрасно, - сказал капитан, в душе содрогаясь от мысли, что на его корабле гость мог почувствовать себя в чем-то ущемленным. - Попроси кока приготовить завтрак, а?

...Через час Питер уже упаковал вещи и снова вышел на нос, чтобы понаблюдать, как суденышко пойдет через риф: для всякого, кто не искушен в мореходном деле, проход через риф кажется одновременно волнующим, пугающим и увеселительным мероприятием. Остров, действительно ставший гораздо больше, утопал в лучах мерцающего света и в густой зелени, которая покрывала сушу от кромки моря до горных вершин. Казалось, вся земля устлана редкостным ковром, где на зеленом фоне мерцают золотые, рубиновые, розовые, голубые, желтые цветы и узоры, - только тропики могут порадовать взор таким многоцветьем.

Приближающиеся и все увеличивающиеся пляжи блестели, словно слоновые бивни, а вода, огражденная рифом, была бледно-голубой и настолько прозрачной, что ясно видно было коралловое дно. Сам риф был от двадцати до пятидесяти футов шириною и таился на глу-

бине примерно двух футов под поверхностью моря. Напарываясь на острые, словно бритвы, кораллы, огромные буруны сначала вздымались, а затем рассыпались шипящей, брызжащей пеной. Качаясь, словно на гигантских качелях, «Андромеда-3» бодро неслась вперед параллельно кипящему рифу, держась в то же время на почтительном расстоянии от чего-то подозрительного, напоминающего останки погибшего корабля. Да, нужно отдать должное капитану Паппасу: при всех его недостатках проход в зенкалийском рифе он знал как свои пять пальцев. Он гнал суденышко вдоль самого края, пока они не достигли просвета в длинном волнующемся ковре из пены. Разрыв был не более сотни футов шириной; высокие волны вкатывались в него с пугающим ревом, а затем, уже в черте рифа, рассыпались пеной и сверкающими брызгами. Капитан резко развернул «Андромеду» и на всем ходу вошел в проем. Там они еще немного покачались на голубых мускулах волн и выскользнули на гладкую, сияющую, как алмаз, поверхность лагуны.

- Ну что, понял, какой я классный мореход? - прокричал капитан Паппас с мостика, и лицо его озарила широкая улыбка победителя.

- Еще бы! - крикнул в ответ Питер.

- Все греки - классные мореходы... Самые лучшие мореходы в мире! Ну, еще пять минут - и становимся на якорь, а? - Он помахал Питеру рукой, похожей на окорок, и исчез в крохотной рулевой рубке на палубе.

«Андромеда-3» пересекла чистые воды лагуны и вскоре вошла в Залив пересмешников, на берегу которого раскинулись порт и столица Зенкали - Дзамандзар. Судно обогнуло мыс с импозантным зданием из розового камня на вершине (наверное, это и есть дворец, подумал Питер), и взору путешественника открылись залив и ка-

менные бастионы, охраняющие вход в гавань; позади них по плавно изгибающимся холмам рассыпались пестрые домики города. Домики были из досок, с крышами из пальмовых листьев, но тут и там виднелись более прочные сооружения из коралловых блоков. Каждый дом был выкрашен в свой цвет, так что издали казалось, будто между анилиново-красными бугенвиллеями, голубоватыми деревьями жакаранды и кровавыми «огненными» деревьями в цвету кто-то разбросал детские кубики.

Питер был очарован. Увиденное превзошло все его самые смелые мечты. Да, этот город не просто можно называть городом - им вполне можно гордиться, он не похож ни на один другой в мире! Еще не сойдя на берег, Питер уже почувствовал сердечную привязанность к столице Зенкали, хотя не вдохнул еще его запахи, а ведь он по собственному опыту знал, сколь важен запах для восприятия любого города, маленького или большого. Впрочем, зрительное впечатление было столь сильно, что никакой запах не мог бы разочаровать его. Между тем «Андромеда-3», со скрежетом и плеском бросив якорь, развернулась и спокойно встала у причала. Теплый ветер донес до Питера запах Зенкали. Это была дурманящая смесь: подобно тому как хитроумный узор персидского ковра соткан из нитей самых восхитительных оттенков, так и аромат Зенкали был соткан из самых замысловатых запахов. Пахло пальмовым и кокосовым маслом, какими-то диковинными цветами, солнечными лучами, высыхающими табачными листьями, древесным углем, ананасами, папайей, манго, лимонами, морской солью, евежевыловленной рыбой, печеным хлебом, сточными канавами, ослиным пометом, голубым небом, утренней зарей и многим другим, чего он не успел определить, потому что перед ним на палубе возник рослый лоснящийся зенкалиец. Очевидно, это был кто-то из

здешних чиновников, ибо он был облачен в темно-синюю форменную куртку, украшенную белыми аксельбантами, белые шорты, голубые чулки до колен и коричневые башмаки, отполированные до блеска, как и его лицо, а на голове у него красовалась алая феска. В руке он довольно неуклюже держал длинную полую трость, из которой торчал сложенный лист бумаги.

- Приветствую вас, мистер Флокс, приветствую, сэ', - сказал посланник, изящно отдавая честь.

- Спасибо, - сказал очарованный Питер, подняв в ответ руку в знак приветствия. Посланник протянул ему тот конец трости, из которой торчало письмо.

- Здесь для вас грамота, сэ', от масса Ганнибала, сэ', - объяснил посланник.

(А надо сказать, что на языке зенкалийцев «грамотой» называется всякое письменное сообщение или текст, будь то письмо или книга, и письмоношцев там называют «грамотеями».)

Питер осторожно извлек послание из трости и развернул его. Это был листок плотной бумаги цвета слоновой кости с текстом, написанным необыкновенно изящным почерком, похожим на тот, каким обыкновенно делают надписи на медных дверных табличках.

- «Дорогой Флокс, - прочел он. - Добро пожаловать! Ни о чем не беспокойтесь. Делайте то, что скажет человек с тростью. Г.».

Посланник взглянул на Питера с широкой улыбкой.

- Масса, пожалуйста, идти за мной, - сказал он. - Мы идти домой к масса Ганнибал, мы ехать в королевской карете. Следом за нами доставить багаж масса.

Удивленный до предела, Питер последовал за человеком с тростью. Сойдя на причал, он увидел, что их ожидают двое рикш - два дюжих зенкалийца, готовых впрячься в оглобли. Питер сел в одну коляску, похожую

на бамбуковое кресло на колесах, посланник - в другую, и вот они уже катят с ветерком по улицам города. Достигнув окраины, рикши свернули на широкую, мощенную щебнем дорогу и остановились у длинного низенького дома, приютившегося в роще гигантских баньяновых деревьев, стволы которых напоминали массивные черные свечи, расплавившиеся и слившиеся вместе. Посланник повел Питера по парадной лестнице, затем по широкой веранде, где воздух был напоен ароматами всевозможных цветов, растущих в глиняных горшках каждый размером с ванну, в корзинах, развешанных по всей веранде. У дверного проема, загороженного двумя массивными японскими ширмами с вырезанными на них затейливыми сценами, посланник остановился и, вынув из кармана серебряный свисток, сыграл на нем короткий, но сложный сигнал приветствия. Пока они ожидали, Питер залюбовался крупными голубыми бабочками, похожими на лоскутки неба, - они то взмывали вверх, то устремлялись вниз, облетая цветы и изредка садясь на них отдохнуть и напиться нектара.

Наконец дверь открылась, и в проеме показался слуга-зенкалиец, одетый в чересчур накрахмаленную белую униформу и подпоясанный алым поясом. Взглянув на Питера, он слегка поклонился.

- С добрым утром, сэ', мистер Флокс, - сказал он. - Проходите, пожалуйста. Масса вас ожидает.

Он повернулся и повел Питера по длинному коридору, стены которого были увешаны китайскими картинами на шелке, нежно трепетавшими на ветру. Под картинами стояли огромные китайские вазы с величественными орхидеями, чьи тонкие линии и краски по изяществу соперничали с живописью. Слуга остановился у двери, почтительно постучал и склонил голову, прислушиваясь.

- Ступай прочь, - прорычал изнутри страшный голос. - Ступай прочь, безграмотная бестия... Убери свою поганую тушу подальше от сего обиталища скорби и печали и не являй больше перед моими очами своей жалкой черномазой троглодитской рожи!..

- Это масса Ганнибал, - сказал слуга с видимой гордостью. Очевидно, его не пугали ни грозный голос, ни дикие распоряжения. Приоткрыв чуть скрипнувшую дверь, он просунул туда голову.

- Ступай прочь... СТУПАЙ ПРОЧЬ!!! - прорычал все тот же голос. - Ступай прочь, сопливый недоносок! Не смей вилять хвостом передо мною, твоя вина неизгладима! Твое счастье, что я добр и благороден, иначе я давно бы упек тебя на двадцать лет на каторгу за покушение на убийство! И сам ты ублюдок, и все вы ублюдки!

- Неужели это Ганнибал Олифант так изощряется? - изумился Питер.

Слуга терпеливо дождался, пока голос хоть ненадолго смолкнет, и произнес:

- Простите, сэ', к вам пожаловал мистер Флокс.

Последовала краткая пауза, после чего голос снова заревел:

- Все равно ступай прочь, черномазый неуч! Я сам позову господина гостя, слышишь?

Слуга толчком отворил дверь и впустил Питера в просторную, футов шестьдесят на тридцать, роскошную комнату с невиданно высокими потолками, под которыми лениво гоняли воздух вентиляторы с лопастями, похожими на мельничные крылья. Полированный паркет был устлан множеством пестрых персидских ковров, очевидно достойных того, чтобы выкупать ими королей из плена. Мебель была по преимуществу кашмирская, из темных пород дерева, покрытая затейливой резьбой; на всех диванах и стульях горами лежали подушки, обитые

пестрыми тайландскими шелками. Стены были увешаны диковинными масками, великолепными картинами импрессионистов, китайскими шелковыми свитками, тибетскими колесами для молитвы, старинными болванчиками, копьями и щитами, а вдоль них стояли застекленные шкафы с резными фигурками из слоновой кости, изящной посудой и книгами в разноцветных переплетах; книги также стопками громоздились на полу. В одном конце комнаты стоял большой письменный стол, заваленный кипами бумаг, журналов и оттисков научных изданий, готовыми вот-вот рухнуть на пол. В одной из стен было пять французских окон, выходивших на веранду, за которой раскинулись зеленые ковры лужаек и красочные гобелены цветущих кустарников, спускавшиеся к овальному, выложенному терракотовыми плитками бассейну. В центре бассейна красовался, отливая на солнце серебром, восемнадцатифутовый фонтан, по форме напоминавший королевскую лилию.

У одного из отворенных окон стояло резное кресло-качалка из бледно-янтарного дерева, с ручками в виде павлинов, распутившиеся хвосты которых образовывали большую веерообразную спинку. В этом умопомрачительном кресле, утопая в груде пестрых шелковых подушек, возлежал сам Ганнибал Губерт Гильдебрандт Олифант⁴, занимавший высокий пост политического советника короля и правительства Зенкали. Одет он был в белую хлопчатобумажную рубашку с широкими рукавами, подпоясанную блестящей батиковой тканью, на ногах - расшитые красным и золотым яванские туфли с загнутыми вверх носами. Это был коротышка с широ-

⁴ Даррелл иронизирует, раздавая персонажам звучные исторические и мифологические имена. Гильдебрандт (иначе Хильдебрандт) - герой немецкого народного эпоса; Олифант - сигнальный рог Роланда, героя французского героического эпоса.

ким торсом, чью массивную голову венчала грива серебристо-серых волос. Под орлиным носом располагался большой подвижный, чувственный рот с презрительно опущенными уголками, а из-под пушистых бровей выглядывали блестящие, черные, как у цыгана, глазки, полные такой самонадеянности, что трудно было сдержать смех. При встрече с ним вам начинало казаться, будто посреди холодной ночи вас обдало жарким пламенем костра. Рядом с человечком стоял стол, на котором вышались бутылки и серебряное ведерко со льдом, а вокруг кресла расположились любимцы хозяина - бульдог, далматинский дог, ирландская овчарка, два пекинеса, четыре королевских спаниеля и гигантский тибетский мастифф⁵ - столь колоссальный, что Питеру сначала показалось, будто это ручной медведь.

Среди собак на большой подушке абрикосового цвета сидела, поджав колени, одна из прекраснейших девушек, каких когда-либо видел Питер. Обладая приятной наружностью и не будучи обделен природным обаянием, Питер в свои двадцать восемь лет не испытывал недостатка в женском внимании, но от взгляда на эту милую стройную красавицу у него перехватило дыхание. Ее нежная, как у персика, кожа была обожжена солнцем до цвета полированной бронзы; темные волосы, заколотые золотой булавкой, ниспадали до пояса, слегка волнуясь, словно воды реки, залитой лунным светом. У нее был маленький, слегка курносый носик с мелкими крапинками веснушек, а ротик как бы создан самой природой для доброго смеха. Но больше всего запоминались ее большие миндалевидные глаза: подчеркнутые снизу высокими скулами и окаймленные сверху темными, будто выписанными бровями, они были густого дымчато-голубого, почти фиолетового цвета, а крохотные черные

⁵ Мастифф - английский дог.

пятнышки, казалось, еще увеличивали их в размере. «Теперь самое важное, - подумал Питер, - это выяснить, не замужем ли она за каким-нибудь потным мужичком-дебиллом, который не стоит ее левого мизинца, и не скрывается ли за ее неземной красотой голос базарной торговки или, не ровен час, дурной запах изо рта». Внезапно насмешливый голос Ганнибала Олифанта вывел его из состояния транса.

- Ну что, так и будешь стоять как полоумный идиот? Да, мисс Дэмиэн неотразима, я с тобой согласен. Но может, ты и мне соизволишь уделить хоть толику внимания, а? Чего застыл как вкопанный? Подойди сюда, не стесняйся! Что я, должен рвать себе голосовые связки, чтобы докричаться до тебя?

Собрав в кулак всю силу воли, Питер сдвинулся с места и поплелся через комнату туда, где медленно покачивалось кресло-качалка.

- Итак, - сказал Ганнибал Олифант, выбросив вперед левую руку, чтобы раскачаться (правая у него покоилась на батике, обертывавшем талию), - вы есть Флокс, так надо понимать? Племянник сэра Ос-бер-та?

То, как Ганнибал враспяжку произнес имя его дядюшки, несколько насторожило Питера. Он вспомнил убийственное определение, данное Ганнибалу сэром Осбертом, - «этот ополоумевший Олифант», и решил держать ухо востро.

- Да, сэр, - сказал он. - Думаю, в этом нет ничего для вас неприятного.

Ганнибал бросил на гостя острый взгляд, а затем заморгал глазами.

- Зови меня просто - Ганнибал, - приказал он. - Здесь меня все так зовут.

- Да, сэр, - сказал Питер.

- Сядь, сядь. Одри, подай гостю выпить, - сказал Ганнибал, устраиваясь поудобнее на своих подушках.

Девушка встала и намешала Питеру рома с кока-колой. Она протянула ему напиток с такой восхитительной улыбкой, что бедняга чуть не выронил стакан. Ганнибал, плавно покачиваясь в кресле, смотрел на эту сцену с язвительной улыбкой.

- Ну, - сказал он, потягивая свой напиток, - так за каким же чертом сэра Осберта, прах его побери, прислал тебя сюда?

Питер был не на шутку удивлен.

- Как «зачем»? На помощь вам, - сказал он. - Я так понял, что вы просили прислать вам помощника.

Ганнибал поднял брови, похожие на растрепанные белые флаги.

- Вот как? - возмутился он. - Как вы считаете, Одри, разве я похож на человека, которому нужна помощь?

- А вы что, уже забыли? - уколола его Одри, и Питер с радостью отметил ее легкий ирландский акцент.

- Ах да! - сказал Ганнибал и помахал Питеру своей забинтованной рукой. - Видишь ли, у нас тут действует идиотский указ, запрещающий применять любые инсектициды. Вот и ринулись на наш остров тучи вредоносных тварей - чувствуют, что здесь они в безопасности, и не жалеют сил, чтобы завоевать нас. Ей-богу, такому сюжету обрадовался бы сам Герберт Уэллс! Вот только нынче утром сюда ворвался огромный-преогромный шершень - полосатый, точно беглый каторжник в арестантской робе, - и собирался меня убить. Я мигом кликнул слугу, чтобы тот защитил своего господина, а он возьми теннисную ракетку да и пошли эту тварь метким ударом прямо мне в грудь! Ну, не пещерный житель, а? Опасаясь, что он прокусит меня до самого сердца, я стал отрывать его от себя, и в результате он всадил мне в ру-

ку жало размером с гарпун! Хорошо, Одри была тут - она немножко умеет оказывать первую помощь. Не будь ее - пришлось бы оттяпать руку по самый локоть!

- Да не обращайтесь вы внимания на этого Ганнибала, - сказала девушка, взяв на руки одного из пекинесов и так ласково прижав его к груди, что он заурчал от удовольствия. - Он принадлежит к числу самых несносных людей на всем острове и виртуозно владеет искусством делать из мухи слона.

- Да, этим ирландским мужланкам не откажешь в умении язвить, - произнес Ганнибал и скорбно посмотрел на девушку. Затем его взгляд переместился на Питера.

- Ну, рассказывай все без утайки, - начал он. - Твой надоедливый дядюшка послал тебя шпионить за нами?

- Да что вы, - перебил Питер, - разве я похож на шпиона? Если бы мой дядюшка попросил меня об этом, я наотрез отказался бы ехать.

- Ну ладно, ладно, не обижайся, - примирительно сказал Ганнибал, - просто твой дядюшка посылал мне «в помощники» уже троих. Как только я узнавал, чем они тут занимаются, я тут же приказывал им складывать манатки и убираться с острова!

За этой репликой последовала пауза.

- Он прав, - мягко сказала Одри.

Питер взглянул на нее и вздохнул.

- Да я и сам знаю, - попробовал возразить он, - что мой дядюшка старый, законченный ублюдок, но, уверяю вас, я не являюсь его человеком и даже не разделяю его взгляды.

Ганнибал ухмыльнулся в ответ:

- Пойми меня правильно, мальчик. Твой дядюшка ненавидит черномазых. А я обожаю черномазых.

Питер живо вспомнил, какой поток красноречия Ганнибал обрушил на голову слуги-зенкалийца и с какой

невозмутимостью тот все это проглотил. Очевидно, у Ганнибала действительно была какая-то особая любовь к черномазым.

- Ну, - умиротворенно сказал Ганнибал, - считай, что разговора об этом между нами не было. Теперь можем поговорить спокойно. Скажи: ты хоть раз серьезно задумывался, почему тебя так тянет сюда, в эту Богом забытую, дурно управляемую, кишашую черномазыми дыру?

- Да, - сказал Питер. - У меня есть друг Гюго Шартри. Он провел здесь месяц и, приехав обратно, расписал мне это место как уголок тропического рая. Да я и сам убедился в этом! Если бы я не знал, что все это - правда, я бы думал, что это сон.

- Милый ты мой, - скорбно сказал Ганнибал. - Я тебя понимаю! Я, как и ты, мечтал о райском уголке, всю жизнь провел в поисках земного эдема, а что в итоге? А в итоге кончаю в этой Богом забытой яме, замурованный, как бабочка в куске янтаря; сколько лет я тут, я уж и не припомню.

- Все это фигня, и ты прекрасно знаешь, что все это фигня, - с улыбкой сказала Одри.

- Фигня?! - переспросил Ганнибал. - Да кто тебя... Да где ты научилась всем этим выражениям?! И что это такое - фигня?!

- У вас же и научилась, - посмеиваясь, парировала Одри. - А значит это только то, что вы обожаете это место и всех, кто тут живет, и ни за какие деньги отсюда не уедете.

- Вот именно - ни за какие деньги... Сиди, прозябай тут, бейся как рыба об лед, и все равно не свести концы с концами! - сказал Ганнибал, окинув взглядом необъятную комнату.

- Так что же здесь вызывает ваше недовольство? -

поинтересовался Питер, готовый принять слова Ганнибала за чистую монету.

- Все, - вростяжку произнес Ганнибал.

- Что за чушь! Да не слушайте вы его, - сказала Одри. - Богат, как Крез, да к тому же имеет возможность бить баклуши, вот и сует свой нос во все интриги и козни, что здесь плетутся и затеваются! Да еще жалуется на все на свете! Вот когда перестает жаловаться на все на свете - тут уж пора бить тревогу...

- Ах, эти неблагодарные!.. У тебя волосы дыбом встанут, когда поймешь, с чем я здесь сталкиваюсь, - сердито сказал Ганнибал. - Уверяю, милый мой юноша, если есть где-то девятый круг Дантова ада - да что там круг ада, истинный конец света! - так это Зенкали. Туземцы все, как один, по-прежнему живут в пещерном веке, а самые умные из обитающих здесь европейцев лишь на ступеньку выше форменных кретинов. Умоляю, не пытайся искать здесь каких-либо признаков культуры! Это место стимулирует разум не лучше, чем Хайгейтское кладбище⁶, разве что населения тут раза в два побольше!

- Что ж, - сказал Питер. - Если мне тут работать, нужно быть готовым к самому худшему. Прежде всего - что бы вы пожелали, чтобы я здесь делал?

- Да ничего особенного, - уныло сказал Ганнибал. Он встал, наполнил стакан и стал расхаживать по комнате, временами останавливаясь, чтобы почесать носком туфли ту или иную дремлющую собаку. - Прежде всего я представлю тебя Кинги, а затем повезу в Дом правительства на свидание с Его Превосходительством. Все, что от тебя требуется, - быть с ними повежливей. Может, кто из них сначала и посмотрит на тебя косо, но как только убедятся, что ты не о четырех глазах и не собираешься следить за ними, - по гроб жизни станешь им мил.

⁶ Находится в северной части Лондона.

Не бойся: они и мухи обидеть не способны. А вот ситуация на острове вовсе не такая безобидная...

Он снова сел в качалку и, нахмурившись, принялся раскачиваться. Потом возобновил свой монолог:

- Зенкали собирается получить самоуправление. Другого пути нет - этой идеей загорелось слишком много людей, ничто не остановит их, да это и не нужно. Впрочем, до недавнего времени у них и было самоуправление, каждый делал что ему нравится: кто хочет - на улице кувыркается, кто хочет - на голове ходит, а я сижу себе в кресле, ноги на стол, изредка даю советы, если кто спрашивает, да жду скончанья века... И вдруг несколько месяцев назад все кончилось: какой-то идиот пробрался в Уайтхолл и выдвинул идею строительства аэродрома. Ты что-нибудь слышал об этом?

- Только от капитана Паппаса, - сказал Питер. - Рассказывал, что вся эта затея замешана на мошенничестве.

- Похоже на то, - фыркнул Ганнибал. - Подумать только, столько лет они считали Зенкали абсолютно бесполезным, и вдруг на тебе: оказывается, это стратегически важная точка! Они хотят соорудить этот чертов аэродром, отчаянно пытаюсь вытурить русских из Индийского океана. Ха-ха-ха, ну не смешно ли?! Милые вы мои мальчики в военной форме, где вы раньше были, поезд-то уже ушел! Ну какой олух запирает конюшню, когда кобыла уже... тю-тю, поминай как звали! Да и я лично не склонен считать, что аэродром и все с ним связанное пойдут, во благо острову.

- Вы без конца талдычите одно и то же, но ни разу не объяснили почему, - вмешалась Одри.

- Да кому тут объяснишь... Только пикни - сразу причислят к брюзжащим мракобесам, враждебным переменам и прогрессу! Ну не такой я, не такой, понимаете! По-моему, во всем мире слишком много лицемерят, го-

ворот о «прогессе», а надо бы, чтобы побольше людей посидело и подумало, не является ли в большинстве случаев «прогесс» самым банальным отступлением. Взять хотя бы наш случай! Пусть весь остальной мир ненадолго отложит свои дела и задумается над уникальным положением Зенкали. Я не ошибся! Зенкали - действительно уникальное место! Скажите мне по совести, где вы еще найдете страну с такими преимуществами? Во-первых, место настолько удаленное от путей-дорог, что до недавнего времени никому до него не было дела. Во-вторых, никаких достойных внимания расовых проблем! А если фангуасы и гинка иной раз и возьмутся за копья, так это не всерьез, а понарошку, чтобы потешить мужскую гордость! В-третьих, у нас, к счастью, нет ни минералов, ни нефти, а значит, мы не представляем интереса ни для одной крупной державы, которая в противном случае прибрала бы нас к рукам. В-четвертых, у нас полная занятость, не считая, конечно, хронических алкоголиков да старых маразматиков, не способных к труду. В-пятых, у нас нет тяжелой промышленности и почти нет легкой, а потому ничто не отвлекает людей от матушки-земли. В основе нашего общества по-прежнему лежит сельскохозяйственное производство, которое не только полностью обеспечивает нас продуктами (за одним-двумя незначительными исключениями), но и позволяет продавать кое-что на экспорт. В-шестых, и это самое главное, Бог послал нам - нам одним! - дерево амела, из которого проистекает все благополучие острова.

Ганнибал снова встал с кресла-качалки и принялся беспокойно ходить взад-вперед по комнате. Наконец он остановился и залпом выпил стакан, поставив одну ногу на могучую спину тибетского мастиффа.

- Так что заруби себе на носу, юноша! Единственная по-настоящему ценная вещь на этом острове - дерево

амела! От его экспорта мы получаем большие прибыли, позволяющие Зенкали поддерживать положительное торговое сальдо и обеспечивающие каждому зенкалийцу курицу в супе, как говаривал Людовик XIV. Благодаря этому замечательному дереву мы почти не знаем, что такое подоходный налог, да и пошлины на импорт являются чисто символическими. Из года в год экспорт дерева позволяет поддерживать наш бюджет на чрезвычайно выгодном для островитян уровне.

- Все это правильно, - сказал Питер, осмелевший после второго стакана. - Но так ли уж мудро, чтобы будущее острова зависело от одной-единственной культуры?

- А почему бы и нет? - в свою очередь спросил Ганнибал. - Возьми Маврикий. Он почти полностью зависит от сахарного тростника. Один циклон - и вся экономика острова псу под хвост. А здесь не бывает циклонов, и даже если Земля начнет вращаться в другую сторону, у нас их все равно не будет. Вот почему я считаю этот остров уникальным. Не лезьте в его дела, и он будет жить припеваючи! Но если мы допустим, что этот идиотский аэродром будет построен, то ничего, кроме всеобщего несчастья, нас не ждет.

- Ну так объясните почему! - настаивала Одри. - Вы что-то все увливаете от объяснений.

- Так вот слушай, деточка, - сказал Ганнибал. - Если ты думаешь, что это будет тихий, мирный аэродром, с которого будет очень удобно гонять по выходным за покупками, в Джакарту, то ты ошибаешься. Это будет крупное военное сооружение. Чтобы построить этот чертов аэропорт, для начала потребуется соорудить каскад мощных электростанций. Как только у нас появится мощный источник электроэнергии, сюда тут же потянется промышленность. А куда хищный промышленник запустит свою лапу, там разорение и нужда, ясно тебе?

Далее. Работников комплекса нужно снабжать. Как же они собираются это делать? Взорвать риф, чтобы в образовавшуюся дыру могли проходить крупные суда и становиться здесь на якорь. Так в одну ночь мы становимся укрепрай-оном вроде Плимута, с крупным аэродромом, полным истребителей, а значит, случись какой конфликт - и мы немедленно становимся мишенью для врага. Кроме того, представь себе пять-шесть тысяч изнывающих от скуки храбрых летчиков и моряков: ты понимаешь, что это значит? Нет, я решительно против этой затеи! Всеми печенками, всеми фибрами души! Но боюсь, меня никто не слушает! А уж теперь, когда этот проходимец Лужа протянул к пирогу свои жирные пальчики, я опасуюсь и думать о последствиях.

- Правда ли, что он прибрал к рукам единственную долину, где можно построить электростанции? - спросил Питер.

- Боюсь, что так, - угрюмо сказал Ганнибал. - Чего теперь говорить, я сам во всем виноват! Я так увлекся, объясняя Кинги, насколько опасна затея со строительством аэропорта, что не позаботился о многих других важных вещах. Я должен был бы убедить Кинги ввести эмбарго на продажу земель, по крайней мере пока мы не придем к определенному решению, но только я собирался это сделать, как появился этот отъявленный мошенник Лужа со своими спекулятивными доводами. Ну и, конечно, скупил долину за понюшку табаку. А что поде лаешь? Никто другой не хотел покупать ее. Эти чертовы долины никак нельзя использовать - хотя бы потому, что до них очень трудно добраться. Так Лужа и скупил эти земли за бесценок. Вот увидишь, это еще приведет к большой склоке!

- Почему? - спросил Питер. - Я имею в виду, что, кроме очевидных причин, есть еще какие-то?

- Видишь ли, Флокс, в чем дело... Как тебе, должно быть, известно, между племенами гинка и фангуасов есть некоторые трения. Наш дорогой Лужа из фангуасов, а земли он купил у вождя гинка Гоусы Маналовоба. Вполне естественно, когда старина Гоуса - сам порядочный плут, надо отдать ему должное! - обнаружит, что Лужа надул его на несколько сот тысяч фунтов, он с этим не смирится. Конечно, сделай это кто-то другой, он тоже был бы не в восторге, но Лужа - особая статья. Если бы мы провели опрос общественного мнения, кто самая непопулярная фигура на Зенкали, то и фангуасы, и гинка единодушно назвали бы имя Лужи. Он всем настолько омерзителен, что от него шарахаются, как от целой колонии прокаженных. Большинство зенкалийцев - а то и все - согласится со мной, что его надо было задушить подушкой в колыбели.

- Капитан Паппас рассказывал, что он получил огромную взятку от строительной фирмы, чтобы строительство поручили именно ей, - сказал Питер. - Это действительно так?

- Очень на него похоже, - сказал Ганнибал. - Правда, это самые последние слухи, так что никто еще ничего не проверял. А если и проверят - не исключено, что он выкрутится! Этот Иудушка Искарриот сумеет представить себя святым Франциском Ассизским.

- Так почему же он министр развития, раз он такой плут? - спросил Питер.

- С легкой руки Кинги, - хмуро сказал Ганнибал. - Он как монарх имеет огромное влияние в сфере политических манипуляций и иногда позволяет себе такие вещи, что у меня волосы дыбом становятся. Когда он, надо сказать ко всеобщему ужасу, назначил Лужу министром, я спросил его, почему он так поступил; он ответил, что самых отвязанных жуликов лучше держать в поле зре

ния и давать им достаточно хлебные должности - пусть не слишком сокрушаются, что им пришлось немного поступиться своей нелегальной деятельностью. Надо отдать должное Луже: до последнего времени он не слишком вылезал за рамки приличия, но боюсь, шанс сделаться миллионером стал для него слишком большим искушением. Предвидя бурные денечки, я предупредил об этом Кинги, но он и слушать не захотел. Похоже, он почемуто считает, что аэропорт и все с ним связанное пойдут на благо Зенкали и что его долг - осчастливить родной народ. Знаешь, порой он слишком серьезно воспринимает свою роль и, как следствие, делает ошибку за ошибкой.

- Но еще хуже, когда он стремится продемонстрировать всем свое чувство юмора, - сказала Одри. - Помнишь, сколько шуму он наделал, введя институт мальчиков-грамотеев?

- Мальчиков-грамотеев... Это еще кто такие? - спросил заинтригованный Питер.

- Один грамотей привез тебя сюда, - сказал Ганнибал.
- Мальчики-грамотеи - это своего рода королевские курьеры. Все началось с того, что Кинги начитался книг о первопроходцах Африки - Стэнли, Ливингстоне и им подобных. Он узнал, что эти люди переняли у африканцев обычай посылать друг другу вести, пряча их в специальных полых тростях, загорелся этой идеей и ввел институт курьеров с тростями для переноски сообщений и сопровождения гостей. А так как на здешнем жаргоне любой текст - будь то письмо или книга - называется грамотой, их и назвали «мальчики-грамотеи Кинги». Более образованные зенкалийцы в лежку лежали от смеха: они сказали, что это возвращение в каменный век и что в глазах других народов зенкалийцы станут посмешищем. На это Кинги тут же дал ответ, по-моему не ли-

шенный остроумия. Он сказал, что европейцы всегда свысока поглядывали на «цветных»: мол, те даже порох не смогли выдумать; ну и что, что мы порох не выдумали, зато мы выдумали полую трость для переноски сообщений! Надо гордиться нашим наследием, а не стыдиться его!

- Может, вам, со стороны, Кинги и покажется остроумным, - вставила Одри, - только для кого как. Вот, например, позавчера племя гинка высказало недовольство по поводу налога на землю, так Кинги предложил возродить каннибализм и съедать тех, кто уклоняется от уплаты. У меня прямо кровь закипела, когда я это услышала.

Одри запрокинула головку и залилась звонким смехом.

- Так как же вы на это отреагировали? - заинтересовался Питер.

- О, это непростая история! - ответил Ганнибал, взяв на руки одного из спаниелей и поцеловав его в нос. - Надо знать, как подойти к Кинги... Он любит бахвалиться своей прогрессивностью, вот и нужно было этим воспользоваться. Я, конечно, отлично понимал, что это шутка, но остальные-то приняли все за чистую монету! Видели бы вы, что творилось в Доме правительства! Кавардак - слишком мягко сказано... Его Превосходительство чуть не окотился, словно кошка... Ну что ж, я отправился во дворец, облачившись в одежду чиновника из управления колониями...

Он сунул большой палец под воображаемый жилет, нацепил на нос воображаемое пенсне, перешел на высокий раздраженный тон, каким мог говорить только уроженец окрестных с Лондоном графств, к тому же получивший образование в самых лучших колледжах и университетах.

- Дела, - пропищал он, - совершенно вышли из-под контроля, дикари совсем отбились от рук. Представляешь, как это происходит в забытых Богом уголках, подобных нашему? Вот-вот, бульжник - оружие негритоса... Один черномазый преклонных лет и тот вошел во вкус и так размахался серпом, что чуть было не отхватил себе руку и кое-что еще! В общем, почти как восстание сипаев в Индии, только масштаб не тот... Короче, Кинги принялся метать громы и молнии - конечно, в той мере, в какой это может позволить себе гигант его масштаба - и угрожал возродить каннибализм. Что ж, я решил преподать заигравшемуся владыке урок этики. Ну хорошо, можешь застрелить своего противника в честном поединке. Можешь даже подсыпать ему в кружку с пивом хорошую порцию слабительного, если представится такая возможность. Но кушать противника в саду под бананом?! Как неэтично! Как не по-английски!

Ганнибал откинул голову и от души посмеялся над своим богатым воображением. Он гордился как ребенок столь замечательно сыгранным представлением, а смех его был настолько заразителен, что Питер почувствовал, что тоже смеется - над Ганнибалом и вместе с ним. Впрочем, ситуация еще раз напомнила Питеру о необходимости быть бдительным. Личность Ганнибала была неуловимой, как ртуть, и часто трудно было понять, говорит ли он всерьез или исторгает очередной поток риторики, что, следовало думать, доставляло ему огромное наслаждение.

- Ну и как Кинги воспринял это? - усмехнулась Одри.

- Ему понравилось, - ответил довольный Ганнибал. - Сказал, что с тех пор как он закончил Итон, никто не рисовал ему лучшего образа создателя Империи.

- А от идеи каннибализма он все-таки отказался? - спросил Питер.

- Да... С неохотой, но согласился со мною. По-моему, единственное, почему он об этом вспомнил, так это потому, что нашел рецепт, доставшийся ему от прапрабабушки, которая, судя по всему, была Джеком Потрошителем в юбке... Если, конечно, она носила юбку... Начинается как-то так: «Возьмите пять штук поверженных вами противников, желательнее еще тепленьких, на десять пенсов перцу, десять гроздей бананов для соуса... Доведите до кипения при непрерывном помешивании, после чего дайте соусу отстояться и подавайте на стол». Когда я объяснил ему, что это будет самое настоящее человекоубийство, он возразил: мол, трупов как вещественных доказательств не останется, следовательно, нет и состава преступления! Да, иногда он бывает просто невыносим!

- Так что ж, все закончилось благополучно? - спросила Одри.

- Вроде да, - сказал Ганнибал. - Старый плут посмеялся от души. Но как бы эта блажь снова не взбрела ему в голову: по-моему, она превратилась у него в навязчивую идею. Боюсь, когда он получит самоуправление, первое, что он сделает, - Декретом № 1 введет каннибализм, хотя бы с целью держать Дом правительства в вечном трепете. Кинги любит губернатора, но еще больше любит, когда тот дрожит от страха. Главное - бедняга здорово обижается на шутки, но как только ты с ним познакомишься, тебе самому захочется его поддеть. Так что, по моему мнению, не стоит слишком винить короля.

- Ну так отправляйтесь же во дворец, коли намереваетесь, - сказала Одри.

- Тсс! Не сбивай меня, женщина! - вспыхнул Ганнибал. - Где же этот негодник людоед?.. Могила!.. Могила!.. МОГИЛА!!! Ах, вот ты где!

Могила, услышав свое имя, появился среди предметов мебели столь же внезапно, как джинн из бутылки.

- Масса звать меня?

- Да, да, - сказал Ганнибал. - Я и масса Флокс сейчас поедем в Королевский дворец, понял? Приготовь королевские кареты, да поживей!

- Слушаюсь, сэ', - сказал Могила и исчез.

- Ну что ж, милый юноша, - сказал Ганнибал, зажигая длинную тонкую сигару. - В путь! Так, а где моя шляпа? Эти олухи вечно прячут мои вещи... Ах, вот она!

Он извлек из-под кресла большой потрепанный викторианский тропический шлем и увенчал им свою седую гриву.

- Ко мне, мои милые собачки! - внезапно проревел он.

- Добрый дядюшка Ганнибал берет вас на легкую прогулочку!

Вся собачья свора мигом вскочила и со звонким лаем окружила хозяина - добрый дядюшка Ганнибал казался островом в море виляющих хвостов.

- Какие у тебя планы на завтра, Одри? - спросил Ганнибал, силясь перекричать собачий лай.

- Да вроде никаких, - с удивлением ответила та. - А что?

- Сделай одолжение, - серьезным тоном сказал Ганнибал. - У меня работы выше головы. Поручаю тебе на завтра мистера Флокса... Покажи ему интересные места на острове... Новичку все будет любопытно... Ну, в общем, не мне тебе объяснять... К тому же юноше будет приятно, что ему уделяет внимание такая девушка.

- Но... - с сомнением начала она, - я не знаю, хочет ли этого Питер.

- Еще бы, еще бы! Спасибо! - выпалил Питер, пока кто-нибудь из двоих не передумал. - Я не смел и мечтать

об этом! И обещаю не задавать слишком много дурацких вопросов!

- Могу я быть уверена, что вы не позволите себе лишнего? - спросила Одри.

- Конечно, не сомневайтесь! Я рад возможности побывать на экскурсии в новом для меня месте, - с улыбкой сказал Питер, - и уверен, что никто другой не покажет мне остров и не введет меня в курс дела лучше, чем вы.

- Не знаю, оправдаю ли я ваши надежды, - сказала Одри. - Итак, завтра в восемь утра, подойдет?

- Превосходно! - сказал Питер.

Сопровождаемый собачьей сворой, Ганнибал двинулся по залу и спустился по ступенькам, ведущим на веранду. Внизу уже ждали рикши - два мускулистых зенкалийца.

- Едем в Королевский дворец, - распорядился Ганнибал и сел в одну из тележек. - Быстро-быстро, а то масса убьет вас.

- Поняли, поняли, - с улыбкой ответили юноши.

Питер тоже сел в тележку, и оба экипажа тронулись в путь. У колес, с пыхтением и твяканьем, бежали собаки, за исключением далматинского дога, который ехал вместе с Ганнибалом. Оба зенкалийца так сработались, что тележки плавно бежали корпус в корпус, словно были соединены вместе.

- А почему их называют «королевские кареты»? - спросил Питер.

- Видишь ли, это единственный вид транспорта, разрешенный в черте города, - объяснил Ганнибал. - Правда, неплохо? Обеспечивает занятость, дешев в эксплуатации, более или менее бесшумный и никаких тебе выхлопных газов.

- А что ж, прекрасная идея! - одобрил Питер. - Куда лучше, чем все эти пыхтелки-тарихтелки.

- Именно так, - сказал Ганнибал, - только тут вот еще какая штука: они все принадлежат королю. Он ввел здесь этот вид транспорта и обладает монополией на производство тележек, а его дядюшка управляет фабрикой, где их делают. Всем этим юношам приходится платить королю аренду - прости за такое выражение. Их называют королевскими перевозчиками, и это занятие, как и занятие грамотеев, считается почетным, поскольку ему покровительствует сам король. Этим молодым людям, прежде чем получить королевскую карету, нужно выдержать строжайший экзамен - за рекордное время отвезти под палящими лучами солнца на расстояние в три мили пятидесятикилограммовый мешок картошки или другого овоща, а после этого взять быка за рога и побороть. Право, по сравнению с этим экзамен на получение водительских прав в Англии кажется невинной шалостью.

Королевские перевозчики пустились во весь опор, и тележки, шурша колесами по красной дорожной пыли, легко бежали по окрестностям столицы. С левой стороны, сквозь рожицы «огненных» деревьев, корни которых утопали в алых лужицах из лепестков, Питеру открылись голубые недвижные воды лагуны, а вдали, словно развевающаяся на ветру гирлянда белых цветов, кипела морская пена, обозначая, где проходит риф. Справа тянулась цепь плавно переходивших один в другой холмов, усеянных, словно веснушками, пестрыми домишками; каждый домик был окружен садиком с аккуратной оградой из бамбука. В этих крохотных садиках росли кокосовые пальмы, сахарный тростник, распушившиеся, словно птичьи хвосты, кусты маниоки, огромные блестящие листья сладкого картофеля, и повсюду - огромные хлебные деревья, готовые щедро одарить путника своей тенью. Козы, привязанные к деревьям, недобро

глядели на проезжавших и раздраженно бляели, а целые орды цыплят, гусят и индюшат, прервав свое безмятежное купание в дорожной пыли, с писком вырывались из-под колес, хлопая крыльями, и скрывались под защитой кустов.

- А славная девушка эта Одри! - задумчиво сказал Ганнибал.

- Восхитительная! - поддержал Питер. - Удивляюсь, что она до сих пор не замужем.

- Чересчур много трезвого расчета и ирландского упрямства, - заметил Ганнибал. - И то сказать: здесь не найдется никого, достойного ее руки. Кроме меня, конечно, но она слишком благоразумна и меня избегает... - Тут Ганнибал захихикал.

- Ее отец - самый настоящий сумасшедший ирландец. Он заведует редакцией местной газеты «Голос Зенкали», прославившейся своими скандальными передовицами и таким количеством ошибок и опечаток на каждой странице, каким не грешило ни одно издание со времен первого выхода в свет «Кентерберийских рассказов»⁷. Вот только позавчера во всю первую полосу был напечатан портрет нашего доблестного короля, подстрелившего на охоте огромную-преогромную дикую свинью, со следующей подписью: «Миссис Амазуга, которой сегодня исполняется сто пять лет, с сыном». А на второй полосе - фотография этой несчастной леди (на которую очень кокетливо поглядывает стоящий рядом с ней мужчина) и подпись: «Бесстрашный охотник и на сей раз не остался без добычи». Ну, каково? Вполне достаточно, чтобы бедняжку хватило два инфаркта подряд и она уж точно не дотянула бы до сто шестой годовщины! Чего греха таить - этот полоумный старина Дэмизн постоянно шо-

⁷ «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера (1340(?)-1400) - один из первых памятников на общеанглийском литературном языке.

кирует нас подобными ляпами... Недавно он печатал рекламу заведению «Мамаша Кэри и ее курочки». Должно было быть: «Льготная продажа всевозможных напитков. Фирма истинных женщин «Мамаша Кэри и ее курочки». При верстке из набора почему-то выпало «Всевозможных напитков. Фирма»... Впрочем, это и без рекламы ясно.

Питер чуть не до слез смеялся, когда слушал это.

- А что же, Одри помогает ему? - спросил он.

- И да, и нет. Пытается отучить его пить - пусть лучше кушает побольше да просматривает корректуру, чтобы ошибок было поменьше. Но в условиях, когда редактор - ирландец, а метранпаж и все сотрудники - зенкалийцы, этот труд требует такой самоотдачи, какая под силу разве что святому. - Тут Ганнибал, заметив движущуюся им навстречу тележку, крикнул своему вознице: - Гляди в оба! Видишь эту черную тучу на нашем зенкалийском горизонте? Это наш общий друг Лужа!

Поравнявшись, рикши остановились, и Питер принялся с любопытством рассматривать человека, которого все считали исчадием ада. Он был низкорослый (всего каких-нибудь пять футов) и очень стройный, будто обглоданный скелет цыпленка обернули в изящный коричневый пергамент. Белые как снег, тщательно причесанные волосы, огромный нос крючком и большие, совершенно лишенные выражения черные глаза делали его внешность весьма запоминающейся. Он был одет в изысканный бледно-серый костюм и белую шелковую рубашку с манжетами, напоминающими по форме зубчатые стены и плотно облегающими тонкие запястья, на одном из которых красовались блестявшие на солнце золотые часы. Его ботинки, блестявшие словно отполированные морскими волнами раковины, видимо, были изготовлены с той же любовью, что и костюм. Заверша-

ющим штрихом являлся старый галстук, какой обыкновенно носят игроки в регби. Он наклонился вперед в своей повозке, причем взгляд его оставался таким же плоским и лишенным выражения, как у кобры, а губы приоткрылись на один-два миллиметра, обнажив белые маленькие, как у щенка, зубки.

- А, Ганнибал, дружище, - сказал он с неожиданной теплотой, но глаза были по-прежнему холодны. - Куда путь держишь?

- С добрым утром, Лужа, - сказал Ганнибал с язвительной улыбкой. - Мы в гости к Кинги. А ты обратно? Там же должна быть важная встреча в полдень. Как же они без тебя?

- Знаешь, дорогой Ганнибал, без любого из нас можно обойтись. Но я там появлюсь. Такая досада, забыл кое-какие бумаги, вот и возвращаюсь за ними, - сказал Лужа и перевел взгляд на Питера. - А вы, надо полагать, мистер Флокс, новый помощник Ганнибала? Очень приятно, меня зовут Мурамана Лужа. О, я хорошо знаю вашего дорогого дядюшку! Как я рад вас видеть! Простите, но из-за этих огромных колес - тоже выдумка нашего обожаемого монарха, которому не откажешь в чувстве юмора! - я не могу пожать вам руку и поприветствовать вас как следует. Ну ничего, в следующий раз обязательно!

Он помахал тонкой ручонкой, и его тележка умчалась вдаль.

- Черт возьми, - сказал Питер, - какое отвратное создание! Даже если бы я ничего не знал о нем, все равно сказал бы, что он омерзителен! Один его вид отравляет все вокруг. А с виду такой смиренный: представьте себе, что вы перевернули большой камень и обнаружили затаившегося под ним якобы безобидного, а на деле ядовитейшего скорпиона!

- Совершенно верно, - согласился Ганнибал. - Ну, теперь убедился, каков он? Лисица в курятнике, кошка в голубятне и жук-древоточец в деревянной стене - все в одном лице. А что, он и вправду знаком с твоим дядюшкой?

- Дядюшка ничего не рассказывал мне о нем, - ответил Питер.

- Хм... Это любопытно. Оч-чень любопытно, - сказал Ганнибал и, развалившись, надвинул на глаза свой фантастический шлем и уснул.

Дорога все петляла и петляла вокруг Дзамандзара и наконец устремилась на мыс, возвышавшийся над Заливом пересмешников. Рикши подкатили к воротам из кованого железа с гербом Зенкали - дельфин и птица-пересмешник по обе стороны дерева амела. Две кордегардии охраняли въезд в королевскую резиденцию; при них неотлучно находились два высоченных солдата-зенкалийца, одетых в желтые, расшитые золотом куртки и черные брюки; на головах у них красовались большие белые тропические шлемы, из которых торчали, грациозно изгибаясь, страусовые перья. Правда, они не производили того величественного впечатления, какое должны были бы производить защитники отечества, поскольку один сидел на корточках и метал кости, а другой задумчиво ждал результата. Ружья, давно бывшие без дела, мирно покоились в стенах кордегардий. Но как только рикши завернули за угол, часовые тут же бросились за ними, и когда повозки подкатили к воротам, оба уже, как положено, с ружьями на плече старательно маршировали на месте.

- Мы приехали к Его Величеству королю, - объяснил Ганнибал. - Открывайте ворота, парни!

Часовые отворили ворота, и рикши понеслись по петляющей дорожке, обсаженной огромными манговыми и

баньяновыми деревьями. А вот и дворец: большое невысокое здание, сооруженное из массивных коралловых блоков и раскрашенное бледно-розовой краской, было похоже на замечательный, хотя и несколько странный торт, выпеченный лучшим кондитером. Наконец возницы остановились, тяжело дыша и лоснясь от пота. Открылись парадные двери, и показался мажордом, одетый в алую униформу и с феской на голове. За ним следовали трое слуг рангом пониже, одетых в белую униформу.

- С добрым утром, сэ', мистер Ганнибал, - сказал мажордом, улыбаясь от уха до уха. - Как вы себя чувствуете?

- Прекрасно, Малапи, - ответил Ганнибал, вылезая из повозки. - Будь умницей, отведи этих чертовых собак на кухню, ладно? Да смотри, не давай им слишком много есть, а то еще, чего доброго, изгадят мне все ковры! А где Кинги? Я привез представить ему нового масса - мистера Флокса.

- Проходите, масса, проходите, - сказал Малапи, кланяясь Питеру. - Кинги в саду, сэ', мистер Ганнибал. Сюда, пожалуйста.

Он повел их быстрым шагом в большой сумрачный зал, полный странных запыленных портретов, а оттуда - в залитый солнцем сад, расположившийся в квадратном внутреннем дворике, образованном стенами здания. Лужайки здесь были точно бархат, а два-три десятка крохотных фонтанчиков плели туманные кружева из капель в недвижимом воздухе, напоенном ароматом сотен различных цветов, населявших многочисленные клумбы.

На траве кормилась целая стая голубей - они были похожи на белое конфетти, рассыпанное по зеленому бархату. В углу распустили хвосты два павлина, в восторге любующься собою. В центре сада высилась небольшая беседка в виде пагоды: на колоннах, сложенных из корал-

ловых блоков, покоились массивные поперечные деревянные балки. На верхушке разрослась красная бугенвиллея, дрожавшая и искрившаяся от мириад бабочек, мотыльков, жуков, пчел и прочих насекомых. В тени, которую давало это ползучее растение, был подвешен гамак, способный с комфортом приютить четырех человек среднего роста и нормальной комплекции. Но предназначен он был для единственной персоны - короля Тамалавалы Третьего.

Ростом монарх был шесть футов четыре дюйма, вес его превышал двести пятьдесят фунтов. Комплекцией он походил на хорошую гнедую ширскую лошадь. Его большое мягкое лицо с широкими, но не мясистыми губами и прямым носом было ближе к полинезийскому, нежели к африканскому типу. Зрачки были размером с грецкий орех, а благодаря ярким белкам казались еще огромнее. На нем был длинный струящийся белый халат с кружевными оборками вокруг шеи и запястий, украшенный вставкой английской вышивки, как у ночного халата викторианской эпохи. На голове - алая тюрбетейка, расшитая золотыми цветами, на ногах - простые красные кожаные сандалии. Золотой браслет на запястье и золотой перстень с сапфиром величиной с порядочный кусок колотого сахара - вот все, что он носил из украшений. Владыка возлежал на спине, свесив ногу из гамака, и, нацепив на кончик носа очки в роговой оправе, читал «Тайме». Все вокруг было завалено газетами на разных языках. На журнальном столике, стоявшем подле гамака, покоились атлас, пять словарей, ножницы, ручки и большой альбом для вырезок.

- Привет, Кинги! - бесцеремонно крикнул Ганнибал, когда он и Питер добрались по мягким бархатным лужайкам до беседки, увенчанной бугенвиллеей. - Привет! Ну как вы?

Кинги отложил газету и сдвинул роговые очки на лоб. Его лицо озарилось искрометной приветственной улыбкой, и владыка спрыгнул с гамака прямо на груды газет.

- Ганнибал, ах ты проказник, почему опоздал? Я думал, ты совсем не приедешь, - сказал он глубоким насыщенным голосом. Он нежно взял руку Ганнибала своими могучими ручищами и мягко пожал ее.

Простите, но мы задержались в пути, - извинился Ганнибал. - Это все господин Флокс виноват... Он всю дорогу забавлял меня рассказами о своих донжуанских похождениях.

Кинги обратил свою ослепительную улыбку к ошарашенному Питеру.

- Мистер Флокс! - прожужжал он. - Рад приветствовать вас на Зенкали!

- А я очень рад, что приехал сюда, ваше величество, - сказал Питер. - Я уверен, что ваше королевство подарит мне немало наслаждений.

- Ну, если вы имеете в виду донжуанские похождения, - продолжил король, - то боюсь, с этим у нас будет скучновато. Правда, Ганнибал?

- Да нет, - попытался возразить Питер, - я вовсе не гоняюсь целыми днями за женщинами, как вы могли заключить из слов Ганнибала.

- И очень жаль, - серьезным тоном сказал Кинги, лукаво подмигивая при этом своими карими глазами. - А то внес бы хоть какое-то разнообразие в здешнюю безмятежную жизнь. Чего стесняешься, подойди ближе! Отведай моего излюбленного напитка!

Кинги подал Питеру и Ганнибалу стаканы и наполнил их из термоса белой тягучей жидкостью.

- Ну, что скажешь? - с волнением спросил он, когда Питер отхлебнул глоток и судорожно сделал глубокий вдох.

- П-превосх-ходно, - прохрипел Питер.

- Так, пустячок. Сочинил от скуки в часы досуга, - гордо изрек монарх. - Значит, так: берешь белый ром, корицу, добавляешь в равных дозах кокосовое и обычное молоко - и готово. Меня с одного глотка так пробирает, что пришлось окрестить свое изобретение «Оскорбление величества».

Он сел назад в гамак, надвинул очки на нос, отхлебнул из стакана и прополоскал жидкостью рот.

- Ну, мистер Флокс, - сказал он, - надеюсь, вы привезли нам массу новостей из внешнего мира?

- Боюсь, что нет, сэр, - ответил Питер. - Видите ли, перед отъездом сюда я был на Барбадосе, а это отнюдь не центр цивилизованного мира.

- Очень жаль, - вздохнул король. - Как видите, я пытаюсь узнать из газет обо всем, что творится на свете, но поскольку они приходят с опозданием на месяц, я всегда чуть не последний узнаю о нашумевшем скандальном убийстве или о том, кто кому наставил рога. Если бы вы знали, как это тягостно! Направишь ноту соборезнования какому-нибудь главе государства, а тебе ее возвращают с пометкой: «По данному адресу не проживает». Вот у всех и создается впечатление, будто меня не интересуется, что делается в мире.

Ганнибал чуть было не рассмеялся, но сумел себя сдержать.

- Мистер Флокс, - продолжил владыка, - не удивляет ли вас порой мировая пресса? Когда читаешь все эти документы, начинаешь думать, что они сочинены слабыми людьми, про слабых людей и для слабых людей. Так, кажется, говаривал Авраам Линкольн, я не ошибся? Но все те редкие случаи, когда я получал удовлетворение от прессы, - все они здесь, в альбоме! Месяц назад я прочитал о случае в Сербитоне, где я проходил практику в

бытность студентом Лондонской школы экономики. Что бы вы думали?! Идет себе человек смиреннько, никого не трогает, и вдруг ему на голову - бац! - огромная сосулька, которая мгновенно лишает его сознания. Прибывшие вскоре полицейские провели следственный эксперимент и пришли к выводу, что это... замерзшая моча из туалета пролетавшего мимо реактивного самолета. Какой-то сознательный спустил воду в унитазе после того, как туда помочились все пассажиры. Пока содержимое летело вниз, оно успело замерзнуть. Кто бы мог подумать, что в милом Сербитоне можно погибнуть ни за что ни про что во цвете лет только потому, что грозная, жестокая судьба пошлет на твою голову аэроплан с уборной? Или вот еще: читаю в «Сингапур тайме», что принц Снельский, по неподтвержденным данным, скоро женится. Не стыдно ли предавать молве все, что связано с королевским саном! Да за это надо бы съе... Я хотел сказать, сажать в тюрьму на длительные сроки! Верно я говорю?

- Раз так, то бедняга Симон Дэмиэн заслуживает пожизненного заключения, - сказал Ганнибал. - Как вам понравился ваш портрет со свиньей на первой полосе?

- Неплохо, - сияя от удовольствия, сказал король. - Я бы даже сказал, изысканно! Я послал бедной миссис Амазуге большую корзину фруктов в качестве компенсации за нанесенный газетой моральный ущерб, а потом целый вечер сочинял господину Симону Дэмиэну одно из самых страшных писем, какие когда-либо выходили из-под моего пера! Для пущей важности я наложил на него столько печатей, что содержание ему вряд ли удастся разобрать. Как я старался! Я даже пригрозил ему высылкой с острова! Удивительно только, почему ему начхать на мои послания? Он ни разу не придал им значения.

- Скажите спасибо, что он не печатает их, - заметил Ганнибал.

- А что? Это идея, - задумчиво сказал монарх. - Я так мечтал когда-нибудь напечататься!

- Я только одного боюсь, - хмуро сказал Ганнибал. - Вы дадите Симону материал для публикации, а он насаждает туда столько ляпов, что не обрадуетесь.

- Вот то-то и оно-то! - воскликнул король. - Если бы не юмор, который так и брызжет со страниц «Голоса Зенкали», я бы давно уже отрекся от престола! Несколько недель назад я прочел там буквально следующее: «Король обходит строй почетного караула. На нем - сатиновое свадебное платье цвета персика, украшенное брюссельским кружевом, в руках - букет белых лилий. Подруги невесты - капрал Аммибо Аллим и сержант Гула Масуфа - получили строгий выговор за личное мужество».

Король загоготал, откинув назад голову. Его громадное тело так и тряслось.

- Уверяю вас, мистер Флокс, - сказал он, вытерев глаза, - если когда-нибудь станете у кормила власти, возьмите редактором вашей газеты ирландца, а метранпажем - зенкалийца. С ними не соскучишься.

- Когда у вас заседание совета? - спросил Ганнибал, поглядев на часы.

- Ах, Ганнибал, Ганнибал, - раздраженно сказал Кинги. - Как вы смеете напоминать мне о делах, когда я наслаждаюсь жизнью?!

- Вы будете ставить на голосование вопрос об аэродроме?

- Да, разумеется, - сказал Кинги и поглядел на Ганнибала взглядом человека, испытывающего неловкость. - Понимаю, Ганнибал, что вы не в восторге от этой идеи, но что я могу сделать, если все вокруг - двумя руками

«за»?! Когда идея воплотится в жизнь, я смогу быть спокойным за будущее Зенкали. Да что там я - все держатся мнения, что это пойдет на благо острову! Право же, милый мой друг, признай, что у этой идеи немало плюсов. Не следует думать, что все так уж плохо.

По-моему, хуже некуда, - изрек упрямый Ганнибал. - Тысячи изнывающих от безделья дуболомов на улицах столицы, не знающих куда себя деть, - это вам что, игрушки? Бухта, полная военных судов, - вы этого хотите? А главное, жил себе остров спокойной, безмятежной жизнью, и вдруг как гром среди ясного неба - его превращают в стратегически важный военный объект!

- С некоторыми из ваших доводов нельзя не согласиться, - сказал король. - Но каково бы ни было мое личное мнение, имеется мощное лобби в пользу этого проекта, и я просто не могу пойти ему наперекор.

- Да, есть такое лобби, а верховодит там этот недоносек Лужа, - сердито сказал Ганнибал. - Уже одного этого факта достаточно, чтобы сказать решительное «нет» проекту!

- Мистер Флокс, а вы не встречались с Лужей, моим министром развития? - спросил король.

- Как будто нет, - сказал Питер.

- Стало быть, это удовольствие у вас еще впереди. Только вынужден вас предупредить, что никто его не любит. И то сказать, он начисто лишен очарования и вообще не заслуживает доверия. Мое мнение: уж если держишь около себя мошенника, так пусть он хоть обладает шармом. Нет, наверное, он и вам не понравится. Больше того, скажу откровенно, что из-за таких, как он, недолюбливают все наше цветное племя...

- А что, он и вправду прибрал к рукам эту самую долину? - спросил Ганнибал.

- Похоже, что так, - печально сказал Кинги. - Увел у нас из-под самого носа! Боюсь, Ганнибал, он уведет у нас из-под носа и саму власть. Знаете, что сказал этот маленький плутишка, когда я попытался припереть его к стенке? Что он знать не знает об этой сделке и что она была совершена у него за спиной его милой супругой. По-моему, ему надо поставить высший балл за нахальство, если не сказать больше.

- Да, все это более чем прискорбно, - заметил Ганнибал.

- Так-то так, - сказал король, вставая со своего гамака, - но что я могу с этим поделаться? В конце концов, мы можем взять развитие событий под свой контроль. Если проявим осторожность, то уж как-нибудь не допустим, чтобы остров погиб. Вы же прекрасно знаете, я не меньше вас озабочен благополучием Зенкали.

- Конечно, знаю, - сказал Ганнибал. - Это единственное, что вселяет в меня надежду.

- Теперь вы поняли, что и при нашей скучной монаршей доле выпадают веселые минутки, а? - с улыбкой сказал Кинги. - Ну, всего вам доброго, мистер Флокс. Надеюсь, вам у нас понравится, а мистер Ганнибал не станет вас обижать. Правда, должен вас предупредить, что его последний помощник уехал отсюда с тяжелым нервным потрясением. Буду рад увидеть вас снова!

- Я глубоко польщен, - сказал Питер.

Кинги улыбнулся и помахал на прощанье своей могучей ручищей.

- Теперь заскочим ненадолго в Дом правительства, - сказал Ганнибал, - и на сегодня твои обязанности закончены, можешь отдыхать. Надеюсь, господин губернатор и его супруга покажутся тебе очаровательными, правда, может быть, немного не от мира сего.

Его превосходительство, сэр Адриан Блайт-Уорик, оказался приземистым, коренастым человечком и выглядел так, будто его в детстве уронили с кровати да так и не вылечили. На лице его застыла широкая холодная улыбка.

- Мистер Флокс... Мистер Флокс... Да, да, - сказал он, пожав Питеру руку. У него был тонкий шипящий голосок, похожий на голос крота, подзывающего подругу. По ходу монолога он несколько раз прокашливался. - Рад видеть вас вдали от родного дома! Ей-богу, очень рад... Да, да, тут у нас, это самое, щекотливые проблемы... Знаете, нам нужно, понимаете ли, каждое плечо... Так сказать, дипломатия, такт, как ее... осторожность... Но, думаю, вы обладаете достаточным тактом, как его... С виду вы милый, импозантный юноша... так сказать... Ну, словом, я рад, понимаете ли, видеть вас у нас!

- Спасибо, сэр, - сказал Питер.

- И тебе привет, Ганнибал, мой милый друг... Ну что ж, пойдем, что ли, пропустим по маленькой... хм... Вы играете в бридж, мистер Флокс?

- Нет, сэр, боюсь, что нет, - сказал Питер.

- Как... в общем... так сказать... жаль, - огорчился Адриан. - Но, как бы там ни было, приходите к обеду.

- Спасибо, сэр, - сказал Питер и почувствовал, что страшно хочет пить. Ганнибал словно угадал его мысли и налил ему.

- Надеюс-сь, ш-што вам полюбится Зенкали, - прошипел губернатор. - Тропический рай... Скоро получим, в общем, так сказать, самоуправление... Старый порядок, понимаете, нуждается в переменах... Король у нас очаровательный... ну, словом, соль земли... Короче говоря, кончил Итон... Но королеву... это самое, будем чтить по-прежнему... будем, в общем, так сказать, страной - членом Содружества... Понимаете? Нет?

- Спасибо, ваше превосходительство, - мягко сказал Ганнибал. - Я уже все растолковал Флоксу.

- Здорово... здорово...- обрадовался сэр Адриан. - Заходите, пообедаем.

В этот момент дверь отворилась и из нее выступила, словно заводная кукла, леди Блайт-Уорик. Сначала Питер подумал, что она нарядилась на маскарад, ибо она с головы до ног была одета во все зеленое. Но оказалось, она всегда так одевается, и потому все называли ее Изумрудная леди. Не только платье, туфли и чулки у нее были зеленого цвета, но даже волосы отливали зеленым, даже в цвете ее кожи присутствовал зеленоватый оттенок, будто она выкупалась в цветущей воде и поленилась смыть с себя ряску. Леди была вся увешана изумрудами - браслеты, ожерелья, броши, медальоны. Стоило ей сделать шаг, как все это звякало, брякало, стучало. Осматриваясь, она делала быстрые движения головой, словно птица, а в руке у нее был изящной работы черепаховый слуховой рожок.

- Ах, Эмми... Да-да, это Флокс-младший... какой красавец... А это... в общем, так сказать... понимаете ли... ну, словом, моя супруга...- сказал сэр Адриан, делая при этом какие-то странные жесты, будто хотел освободиться от смиренной рубашки.

- Кто это, любезный мой? - спросила Изумрудная леди, взглянув на Питера и неуклюже присев в знак приветствия. Затем она не без труда вставила в ухо слуховой рожок, зацепив им за украшенную изумрудом сережку.

- Это мистер Флокс, моя дорогая, - сказал сэр Адриан, напрягая голосовые связки, так что голос его стал похож на глухой писк. - Очаровательный... статный... не правда ли?

- Как ты сказал, дорогой мой? Мистер... Флюс? - обрадованно произнесла Изумрудная леди. - Любопытно! Наверняка из старинного английского рода. Кстати, тебе не кажется странным, что в наше время многие страдают зубами? Стала челюсть как арбуз, как арбуз, как арбуз, у меня огромный флюс, грозный флюс, страшный флюс! И главное, вне зависимости от религии, класса и цвета кожи. Вот эскимосы, говорят, так маются зубами, что чуть не мрут от боли. А у южноамериканских индейцев - вовсе даже наоборот, там есть такое дерево, положишь капельку сока в дупло - и как рукой сняло. Но, как бы там ни было, мои цесарки вообще не страдают зубами! Вы любите цесарок?

- Обожаю, ваша милость, - сказал Питер.

- Ее милость разводит цесарок, - страдальческим голосом пояснил Ганнибал.

- О да, у меня много цесарок, - продолжала леди Блайт-Уорик. - Я обожаю их выращивать - такие умные птицы, ну просто как собаки, только с перьями. Приходите ко мне время от времени, будем вместе кормить их - это совсем нехитрое дело, они к вам быстро привыкнут... Ну, Адриан, пригласи теперь молодого человека на обед, - заявила Изумрудная леди. - Хочу познакомиться с ним поближе.

- Я уже пригласил его, любезная моя, - сказал Адриан. - Но он, в общем, так сказать... не играет в бридж. Ничего страшного, он все равно желанный гость... самый желанный.

Теперь, когда в разговоре участвовали оба супруга Блайт-Уорик, было ясно, что он затянется надолго, но так ни к чему и не приведет. Питер вздохнул с облегчением, увидев, что Ганнибал допил наконец последний стакан.

- Ну, я постараюсь, чтобы мистер Флокс чувствовал себя здесь как дома, - сказал он губернатору, - чтобы все у него было хорошо.

- Да вы... не волнуйтесь, мистер Флокс, все будет...

это... как его... в полном ажуре... в общем, так сказать, здорово, - изрек губернатор. - Был рад... с вами... Ганнибал знает здесь все... эти... как их... ходы и выходы... Приходите обедать, когда устроитесь... Да.

- Приходите обедать к нам, мистер Флокс, - сказала леди Блайт-Уорик, которая хоть и слышала, что ее благодетель уже пригласил гостя, тут же забыла об этом. - Я буду настаивать, чтобы и мой супруг пригласил вас особо. А после обеда поможете мне покормить цесарок. Да не забудьте взять с собой вашу очаровательную крошку жену - нам так хотелось бы познакомиться с ней поближе.

Питер и Ганнибал снова сели в повозки и, сопровождаемые эскортом собак, тронулись в путь. Ганнибал зажег длинную сигару и больше не проронил ни слова. Питер откинулся назад и задремал. Вскоре рикши выкатили на дорогу, бегущую вдоль Залива пересмешников. По пути попадались рощицы похожих на ели деревьев казуарин, отбрасывавших ажурные, словно выпиленные лобзиком, тени. У корней деревьев стлался широкий белый пляж, а за ним простирались чистые воды лагуны, так и манящие уставшего от жары путника. Время от времени рикши переезжали по мостикам через неглубокие ручейки, бежавшие меж черных как смола камней и блестящих на солнце. То тут, то там попадались группы женщин, расстилавших свежестиранные белье на изумрудной траве - буйством красок они напоминали огромные цветочные клумбы. Когда повозки приближались, зенкайки разгибали спины и махали путникам длинными смуглыми руками. Их лица озарялись белозу-

быми улыбками, а воздух оглашался приветственными возгласами, похожими на щебет птиц. У пляжа рядками стояли черные, словно морские свинки, каноэ, а возле них на искрящемся песке сидели на корточках рыбаки и чинили сети. Зеленые ящерики с оранжевыми головками, быстрые словно молнии, сновали перед повозками, а дарящие прохладу казуариновые рощи были полны птичьего гомона. Питер, который давно уже проснулся, жадно впитывал в себя дивные звуки и краски и думал, что никогда прежде не доводилось ему бывать в таком уголке земли, где сердце в одно мгновение наполняется ощущением счастья. И звуки, и краски, и воздух, и люди - все было таким, каким представлялось в самых дивных мечтах.

- А вот и твой дом, - неожиданно сказал Ганнибал, показывая сигарой в сторону от дороги. - Маленький, но зато прямо на пляже. Думаю, это лучше, чем жить в суматохе города.

Сквозь стволы казуарин Питер увидел лишь одну стену низенького белого бунгало, стоявшего почти у самой воды.

- Вот это да! - сказал он. - Не ожидал! Совсем как в Голливуде! А я-то думал, что меня поселят в деревянной, провонявшей ослиами хибаре без водопровода.

- Все там есть. И водопровод, и электричество - конечно, если движок работает, - и телефон, который действует всегда, когда не сломан. В помощь тебе даю штат из трех человек. Думаю, ты будешь чувствовать себя комфортно, - сказал Ганнибал, и рикши остановились подле бунгало.

Тут из тенистой глубины веранды показались трое слуг. Главным был, очевидно, пухлый коротышка с толстой круглой физиономией, веселыми глазами и широ-

ченной улыбкой, в белой униформе, подпоясанной красным поясом.

- Добро пожаловать, сэ', добро пожаловать, - сказал он, балансируя на цыпочках, словно игрок в теннис. - Моя имя Эймос, сэ', моя слуга.

Он почтительно склонился над протянутой рукой Питера.

- А этого маленького мальчика, сэ', зовут Тюльпан, - сказал он, указывая на четырнадцатилетнего подростка с выступающими вперед зубами и слегка косящего на один глаз. Подросток стоял босиком в дорожной пыли и в ответ на приветствие Питера потупил взгляд.

- А вот, сэ', повар, - продолжил Эймос. - Его превосходный повар! Его имя Самсон. Его отличный повар, сэ'!

При взгляде на поджарого, словно борзой пес, длиннющего, как жердь, и хмурого, как туча, Самсона никто бы ни за что не догадался, что это повар. Самсон уставился на Питера без всякого выражения на лице.

- Привет, Самсон! - сказал Питер, желая подбодрить повара: ему показалось, будто Самсон в обиде за то, что его кулинарное искусство так плохо разрекламировано.

- Добро пожаловать, мистер Флокс, - проревел Самсон голосом вояки-капрала, страдающего ларингитом. - Моя Самсон, моя повар.

- Хм... Рад видеть вас всех! - сказал Питер. - Ну что, Эймос, пройдемте в дом, выпьем!

- Да, сэ', - с улыбкой сказал тот. - Мисси Одли сейчас все приготовит.

- Мисси Одли... Он хотел сказать - мисс Дэмиэн? - спросил Питер у Ганнибала.

- Да, да, - ответил Ганнибал. - Одри заботится о всех холостяцких жилищах. Вы ведь знаете, как там нужна женская рука.

- Ну, заходите, выпьем по маленькой! - пригласил Питер. - Рад приветствовать вас как своего первого гостя!

- Думаю, кружечка пива нам не помешает, - сказал Ганнибал и вылез из повозки. - Так сказать, по случаю новоселья. Право, это мой долг.

Эймос провел всех по широкой тенистой веранде в длинную прохладную комнату. Высокие французские окна в одном из концов ее выходили на заднюю веранду; в саду шептались казуарины, а лилии канна стояли алыми рядами, словно часовые. За окном простирались ослепительный пляж и бледно-голубые воды лагуны. Эймос вышел и вскоре вернулся с двумя пенящимися кружками пива.

- Ну, за новоселье! - сказал Ганнибал.

- На счастье! - сказал Питер.

- Да будет так! - сказал Ганнибал, подошел к окну и выглянул наружу. - Неплохая хижинка, а? Думаю, вскоре ты почувствуешь себя как дома.

Еще бы! Питер уже чувствовал себя так, будто провел в этом уютном домике целую жизнь!

Глава третья ЗЕНКАЛИ - ЭТО КЛАСС!

...На заре Питера разбудил Тюльпан, зубы которого при ближайшем рассмотрении оказались еще сильнее выпяченными вперед. В руках он держал поднос с чаем и плодами манго. Позади подростка стоял Эймос, надзирающий своим ястребиным взором за каждым его движением. Их тихое пожелание доброго утра и шорох босых ног по плиткам пола, когда они открывали жалюзи и доставали Питеру одежду, звучали умиротворяюще. Небо за окном было ярко-зеленым, словно листва, и каждая птаха на Зенкали славилась зарю. Питер спокойно поел, попил чаю и через полчаса уже плескался в благодатном море, рассматривая сквозь стекло маски чарующее подводное царство - стайки рыб, резвящихся в прозрачной, словно джин, воде. Он так залюбовался красками и формами этой таинственной жизни, что, как всякий счастливчик, совершенно позабыл о времени. Вдруг он услышал, что кто-то зовет его по имени. Подняв голову, Питер увидел стоящую у кромки моря Одри. Он тут же резво поплыл назад и выскочил на берег.

- Прости, - сказал он, спешно растираясь полотенцем.
- Я совсем потерял счет времени... Никогда не видел ничего более сказочного, чем этот кусок рифа.

- Ив самом деле прелесть, - согласилась Одри, усевшись рядом на песке. - До того удивительно, что никак к этому не привыкнешь. Каждый раз подплываешь туда и открываешь нечто новое. Боюсь, это для меня как наркотик. Мне частенько случалось опаздывать к обеду в Доме правительства: я так долго плавала и ныряла, что совершенно забывала о времени.

- По-моему, вполне уважительная причина, - сказал Питер. - А что, они на тебя обижаются за это?

- Да я вовсе не о том, - ответила Одри. - Просто мне так нравится обедать у губернатора! И его превосходительство, и его супруга - само очарование! Правда, у них немножечко не все дома, но в этом-то и вся прелесть! А какие истерики они закатывают во время обеда! Я столько теряю, когда пропускаю! Надеюсь, Ганнибал уже позناкомил тебя с его превосходительством?

- Да, еще вчера пополудни. Это было нечто! Сколько я перевидал чопорных Домов правительства и губернаторов! А эти... Будто приходишь в гости к двум морским свинкам, живущим в кукольном домике.

- Ну, расскажи, расскажи, - с ехидцей попросила Одри.

Питер поведал о своих впечатлениях от обитателей Дома правительства, и его финальный штрих к портрету Изумрудной леди утонул в веселом смехе девушки.

- Да, премилая Изумрудная леди, - сказала Одри. - По моему, она и впрямь с луны свалилась.

- Ну да, - сказал Питер. - Только я собрался объяснить, что я холостяк, как Ганнибал пронзил меня таким взглядом и так неодобрительно покачал головой, что я осекся.

- Да, она такая лапочка, такая симпатяга, хоть и блаженная, - сказала Одри. - Ее невозможно не полюбить! Кстати, ты встречался с адъютантом Диггори? Ганнибал называет его «австралийским бумерангом». Он примерно так же не в себе, как и его превосходительство, и ее милость. Вместе они составляют хорошенькое трио.

- Да нет, Бог миловал, - сказал Питер, - но боюсь, мне придется работать с ним при исполнении служебных обязанностей. А что, у вас тут, на Зенкали, все такие... с приветом?

- Ты имеешь в виду людей? - спросила Одри.

- Ну, естественно, - сказал Питер. - В конце концов, ни про Ганнибала, ни про Кинги, ни уж тем более про обитателей Дома правительства не скажешь, что у них все дома. Каждый по-своему с ума сходит.

- Да, конечно, они с приветом, - признала она, - но по здешним меркам это вполне приемлемо. По-моему, это такая болезнь, свойственная обитателям островов вообще и Зенкали в частности. Этакая «островная болезнь», когда любые выверты, причуды, заскоки и блажь раздуваются до небывалых размеров. Похоже, такие люди специально едут сюда, на Зенкали, - в здешнем климате все их странности расцветают пышным цветом, как в теплице. Поистине, чудаку и блаженному здесь полное раздолье!

Одри встала и отряхнула с ладоней крупичицы песка.

- Сегодня я покажу тебе еще кое-кого из наших блаженных, - сказала она. - Впрочем, такими, как они, и живет наш остров.

- Так покажи скорее! - сказал Питер. - Ты еще обеща-ла показать мне дерево омбу, я сгораю от нетерпения!

- Обязательно покажу, - сказала Одри.

Она приехала на выдавшем виды, но еще вполне надежном «мини-моуке»; Питер увидел на заднем сиденье корзину с едой и портативный холодильник с напитками.

- Мы устроим неплохой пикник, - сказала Одри, показывая взятые в дорогу припасы. - Знаю одно чудесное местечко на Матакаме.

- Это что, возле той самой долины, которую прибрал к рукам Лужа?

- Именно так. Приятное местечко, возможно, одно из самых милых на всем Зенкали. Да вот беда: долину грозятся затопить, чтобы строить эту идиотскую электростанцию и аэропорт, - сердито добавила Одри.

- Так ты тоже против этой затеи?

- Еще бы! Жили себе простые, добрые, счастливые и в целом очень милые люди - и вдруг такое несчастье!

- Очень милые? И даже Лужа?

- В каждом эдеме найдется свой змей. Я не скажу, что на этом острове все святые, но все милые, все немножко не от мира сего - словом, все как дети. Затеять здесь строительство аэродрома - все равно что положить в ухоженной и благопристойной детской ящик с петардами и фейерверками, и коробок спичек в придачу. По-моему, Ганнибал прав. Понимает, старый дьявол, что к чему.

Впрочем, давай позабудем на время об этом дурацком аэродроме. Поехали кататься!

Они ехали по радующей глаз местности, а поскольку в Дзамандзаре в этот день была большая ярмарка, дорога была запружена местными жителями, везшими на продажу всякую всячину и гнавшими скот. Тут были почтенного возраста толстушки, завернутые в блестящий батик, с огромными корзинами манго, кокосовых орехов, ямса, ананасов и папайи, так ровно стоявшими у них на головах, будто они были приварены намертво; молодые люди, несшие длинные кипы золотого сахарного тростника или жерди с привязанными к ним рядком за ноги цыплятами, похожими на некие странные плоды с перьями. Деревянные повозки, запряженные горбатыми длиннорогими зебу, тащились с невообразимым грохотом и скрипом, поднимая облака розовой пыли. Еще бы им не греметь и не скрипеть, ведь их так тяжело нагрузили! Тут и корзины с фруктами, и сладкий картофель, и связки сахарного тростника, и мешки сахару и рису, и глиняные горшки. Седовласые старцы-пастухи, завернутые в алые одеяла, подгоняли палками стада коров и коз, а быстроногие мальцы, вооруженные палками,

и стайки резвых голосистых палевых псов не давали животным свернуть с дороги и дерануть в кусты. Все вокруг кричали, рассказывали какие-то байки, смеялись и шутили. Многие пели веселые песни, а если руки у них не были заняты, играли на тонких дудочках из бамбука, бренчали на двенадцатиструнных валиа или били в небольшие пузатые барабанчики. Толстушки обменивались пошлыми остротами и хохотали так, что все жировые складки у них ходили ходуном. Стройные девушки ступали грациозно, словно газели, будто не замечая тяжелой поклажи у себя на голове; щебеча, словно попугайчики, они делились со своими спутниками свежими новостями и переглядывались между собою, блестя черными, похожими на тутовые ягоды глазами. Вереница красок, мелодичная музыка голосов и нехитрых инструментов плыли по красной дороге в облаке розовой пыли по направлению к Дзамандзару.

- В столице - большая ежемесячная ярмарка, - объяснила Одри, мастерски руля одной рукой и махая другой, отвечая на приветствия. Каждый махал, каждый улыбался, каждый кричал: «Доброе утро, мисси Одли! Доброго пути, мисси Одли! Вы будете сегодня на ярмарке, мисси Одли? Счастливого пути!»

- Это единственное на острове место, где торгуют? - спросил Питер, зачарованный людским потоком, текущим мимо машины.

- Нет, конечно. В каждой деревне есть рынки, открытые ежедневно, есть рынки в Дзамандзаре, - ответила девушка, - но только на такой вот ярмарке, которая бывает раз в месяц, можно купить все, что душе угодно - от коровы до мешка арахиса и от медной кровати до приворотного зелья.

- Я обратил внимание, какие они все чистые, опрятные, сытые и вообще довольные жизнью! Я бы даже

сказал, они лоснятся, как конские каштаны, - заметил Питер.

Одри засмеялась и что есть мочи затрубила в клаксон - ей преградило путь стадо коров и коз.

- Да, они в большинстве своем не жалуются, - сказала она. - Почти у каждого есть небольшая ферма или какой-нибудь бизнес. Конечно, они не богачи, но и не бедствуют, особенно если сравнить с другими подобными островами. Но все держится на дереве амела, благодаря которому и не знает горестей наша экономика. А вдруг его не станет - что тогда? Мы слишком далеки от остального мира, чтобы к нам проявили хоть какой-нибудь интерес. Хорошо, когда ни от кого не зависишь, а если вдруг потребуется, чтобы протянули руку помощи, а в мире тебя не знают и знать не хотят?

Тут в буром потоке коров и коз неожиданно образовался разрыв, и Одри мигом направила туда машину. Вскоре стадо осталось позади. У путников в горле першило от пыли, в носу стоял резкий запах козлов и сладковатый - коровьего помета. Одри свернула с главной дороги на проселок; по нему тоже брели на рынок люди, но их было куда меньше и появилась возможность прибавить газу. Руки Одри небрежно лежали на рулевом колесе; она быстро вела машину, но рулем владела ловко. На ней была голубая клетчатая рубашка, джинсы и сандалии, а волосы вольно развевались по ветру. Околдованный, Питер не мог налюбоваться ее профилем.

- Когда мне было девятнадцать лет, - сказала Одри небрежно, давая понять, что эта душевная рана у нее уже отболела, - я получила диплом художника в Дублинском университете. Ну, думаю, теперь прямая дорога - в храм славы! Пусть не такой громкой, как у Леонардо, но уж как минимум такой, как у Пикассо. Что поделаешь, в реальной жизни все оказалось куда прозаичнее!

Да, мне приходилось слышать, что у меня премилые работы; но как быть, если вокруг каждый третий - художник, и каждый метит в гении! Так что начиная с нежного двадцатилетнего возраста и по сию пору я живу на бабушкино наследство - не Бог весть какое, но все же достаточное, чтобы прожить. Шаталась по Европе, побывала в Африке, изъездила большую часть Азии - все это было прекрасно, но чем больше мне удавалось повидать на этом свете, тем яснее я понимала, что на Пикассо не потяну. Ну и ладно! Талантом меня Бог не обделил, и то хорошо! Учусь довольствоваться тем, что имею.

- А почему ты все же вернулась сюда? - спросил Питер.

- Так здесь же мой дом родной! А главное, когда ушла из жизни мама, я вернулась, чтобы не дать папочке допиться до могилы или сдохнуть с голодухи, потому что он частенько забывает о еде, вкладывая всю душу в эту чертову газету.

- И не жалеешь, что вернулась?

- Глупый вопрос! Я же люблю Зенкали! Я полюбила его еще с колыбели, но тогда воспринимала здешнюю жизнь как нечто само собой разумеющееся. Только постранистествовав по свету, начинаешь понимать: такой возможности быть свободной и, главное, быть немножечко не от мира сего нет больше нигде. Так что теперь меня отсюда никакими посулами не выманишь.

- А ты помогаешь отцу в работе с газетой?

- Да так, от случая к случаю, - ответила девушка. - Но я еще преподаю живопись в местной школе, собираю здешнюю музыку, даю уроки игры на фортепьяно и гитаре, а с помощью Ганнибала получила еще одну - нерегулярную, но неплохо оплачиваемую - работу: перевожу мудреные ученые бумаги. Я свободно говорю на шести языках, так что с этим проблем нет.

- Как хорошо, что ты используешь свои таланты, - восхитился Питер.

- А все мой папочка, он меня здорово подгонял! Он говорит: на свете столько бездарей, что, если Бог даровал тебе хоть малую толику таланта - исключая, конечно, криминальный, - ты обязана его использовать. А если Бог наделил тебя множеством, используй все! Ведь одаренный человек, зарывающий талант в землю, подобен зрячему, который живет в стране слепых и ходит с закрытыми глазами. Я тебя познакомлю с одной леди, которая не только блестяще использует все дарованные ей Богом таланты, но и открывает в себе все новые и новые.

- Кто такая?

- Ее преподобие Джудит Длиннаяшаль, глава здешней Церкви Второго пришествия. Совет этой Церкви размещается в Плаукипси, штат Вирджиния. Как только не обзывает ее этот безбожник Ганнибал! И Длинныйчулок, и Длинныйбюстгальтер!.. А однажды знаешь как он выразил ся? Вместо «ваше преподобие Длиннаяшаль» сказал «Ваше Неправдоподобие Длиннаяштанина!» Но ей хоть бы хны! Она обожает его словесные выкрутасы! А мы все зовем ее просто - Джу.

Они свернули с дороги к аккуратненькому садику, скрывавшему небольшое бунгало. Рядом с домом стояла крохотная церковка, стены которой были доведены только до половины, так что паства, усевшись для молитвы, могла видеть, что происходит снаружи. Садик находился на краю крутой насыпи, с которой открывался восхитительный вид на зеленые поля и плантации дерева амела, тянувшиеся до самого моря - гладкого, будто облитого эмалью. Вдали виднелась огромная, белая, неустанно колышущаяся полоса пены - там, где волны разбивались о риф; за этой живой полосой лежали уже

глубокие воды - их синева доходила почти до черноты. Садик украшали цветочные клумбы и роскошные ползучие растения - иные из них осмелели настолько, что забрались на крышу дома, не говоря уже о стенах церкви. Над одной из клумб склонилась, словно колодезный журавль, длиннющая будто оглобля женщина в бесформенном платье из пурпурного сатина. Она была так увлечена цветами, что забыла обо всем на свете.

- С добрым утром, Джу, - окликнула Одри, нажав на тормоз.

Высокая угловатая фигура обернулась. На ней красовалась гигантская соломенная шляпа, удерживаемая на голове с помощью длинных завязок и огромного количества старомодных булавок, так что казалось, будто они прищиплены непосредственно к черепу ее преподобия Джудит Длиннаяшаль, чтобы шляпа не сваливалась. За ленту этой громадной шляпы было заткнуто неимоверное количество сложенных листков бумаги, также прищипленных булавками. Сей причудливый головной убор скрывал вытянутое, как у жирафы, но серьезное и задумчивое лицо. Солнце испекло его, как бисквитное печенье, а кожу покрывала такая изящная и частая сетка морщин, будто женщина, пробираясь сквозь чащу леса, не заметила паутины некоего экзотического паука и попала в нее лицом. Это диковинное кружево обрамляло большие, умные, искрометные глаза, могучий орлиный нос и широкий подвижный рот.

- Привет! - крикнула Джу. - Черт возьми, я как раз думала о тебе, а ты и легка на помине. А это что за красавчик с тобой рядом? Не стесняйся, расскажи Джу все без утайки. Ты же знаешь, я не терплю, когда от меня что-то скрывают, равно как не обучена искусству хранить тайны. Именно поэтому я не могу быть католичкой, хотя на то есть и другие причины. Не то чтобы я имела зуб на

этих бедных католиков, - вовсе нет! Их вера вполне достойна уважения, и все-таки кое-что в ней мне не по сердцу. По-моему, нельзя обременять священника множеством чужих тайн, как это у них принято. Я имею в виду - очень тягостно быть в курсе всех чужих сплетен, знать все про чужое грязное белье и не иметь возможности ни с кем поделиться! Ей-богу, это бесчеловечно и к тому же вредит пищеварению. Как вы относитесь к религии, которая вредит пищеварению? То-то же! Вот я и выбрала хоть и не вселенскую, но своеобразную конфессию и несу свою веру другим.

С этими словами она кинулась вперед, обняла Одри и заключила руку Питера в свои смуглые мозолистые ладони, а затем, не дав гостям сказать ни слова, повела к бунгалу. Питера разобрало любопытство: ему очень хотелось послушать, что же она вещает на своих проповедях.

- Леона-ардо-да-винчи! - крикнула она садовнику-зенкалийцу, подстригавшему лужайку, - подрежь-ка лучше этот куст, у меня сегодня хороший гость и все должно быть в ажуре!

Она шагнула на веранду, обернулась и приветственно раскинула длиннющие руки.

- Заходите, заходите! - сказала она. - Передохните с дороги! Сейчас вам подадут напитки. Бет-хо-вен! А, Бетховен! Где тебя черти носят? Ау-у, Бетхо-о-о-вен!

Она бросилась на кухню и через несколько минут вернулась с торжествующим видом в сопровождении низенького и необыкновенно толстого зенкалийца, почти не видимого за огромным подносом, уставленным напитками.

- Попробуйте пунш с ромом, - сказала Джу, взяв поднос из рук толстячка Бетховена. - Лучше пунша с ромом ничего на свете нет.

Она налила всем по стакану, уселась и наклонилась к Питеру.

- Ну, представьтесь, - начала она. - Вы здесь, как видно, новичок?

- Его зовут Питер Флокс, - сказала Одри. - Я повезла его на экскурсию по острову, и здесь наша первая остановка.

- Хотите ли вы сказать, - спросила Джу, - что поторопились привезти его ко мне, пока его не успели испортить Англиканская церковь и католицизм? Знаю, Одри, это твоя привычка! А что, ко мне часто заходят желающие прямо с улицы, по дороге домой, и я обращаю их в свою веру прямо за стаканчиком пунша!

- Ну, обращайтесь! Я готов на все! - с улыбкой сказал Питер.

- Что ж, попробуем, - сказала Джу, хлопнув очередной стакан. - Сын мой, я готова осушить ваши слезы, но для начала осушим еще по стакану. Кстати, как тебе нравятся зенкалийцы? Ты приехал как раз вовремя, увидишь последних.

- Последних из зенкалийцев? - изумился Питер. - Что вы имеете в виду?

Джу подняла длинный костистый средний палец.

- Остров обречен, - сказала она загробным голосом, - и я не вижу путей его спасения.

- Вы имеете в виду постройку аэродрома? - спросил Питер, который уже успел привыкнуть к тому, что это чуть ли не единственная тема разговора на Зенкали.

- Именно так, - сказала Джу, утвердительно кивая головой. - Если эта идея пройдет, мы погибли.

- Ну, ну, Джу. Вы хуже всякого Ганнибала, - сказала Одри.

- Это одна из тех вещей, которую мы с Ганнибалом рассмотрели во всех подробностях, - сказала она. - Ну,

ничего! Если нас поставят перед свершившимся фактом, будем держаться до конца! Знаешь, Одри, я убеждена, что и всемогущий Бог настроен против этой затеи, ибо он наполняет мой рассудок самыми дерзновенными идеями! Как тебе известно, у меня хоть и небольшая, но очень преданная паства, и я думаю, мне удастся превратить ее в боеспособный партизанский отряд для проведения диверсионных операций при строительстве аэродрома и плотины. С этой целью я выписала несколько книг и нашла там превосходнейшие мысли.

Длиннющая и тощая, словно огромная стрекоза с оторванными крыльями, Джу метнулась в один из углов комнаты и возвратилась оттуда с кипой книг в руках.

- Вот, смотрите, здесь столько полезной информации на этот счет! Например, «Тайный агент гитлеровской Германии» - эта книга прекрасно учит, как взрывать мосты. Или вот «Соловей французского Сопротивления» - знаете ли вы, что ложка сахара, подброшенная в бак с горючим, искалечит машину куда быстрее, чем (тут она многозначительно посмотрела на Одри) женщина, которая, по несчастью, оказалась за рулем? А вот еще «Пятьдесят лет шпионажа и диверсий» графа Маврофалкона. Правда, тут много всякой бесполезной для нас чуши, но это - дело десятое. Зато есть первоклассный рецепт «коктейля Молотова» и замечательные чертежи магнитной мины. Капитан Паппас пообещал мне привезти все необходимое для приготовления превосходного пороха, и я надеюсь, с Божьей помощью мы устроим этим идиотам хороший спектакль! Естественно, с декорациями, построенными за их же деньги.

Питер не спускал с нее глаз. Было ясно, что Джу все это задумала всерьез.

- А вы... Вы обсудили все это с Ганнибалом?

- Пока нет. Но у меня и для него кое-что найдется, - сказала Джу и с волнением огляделась по сторонам. - Куда же, черт возьми, я задевала свой архив?! Куда же он запропастился, черт его дери...

- Да вот же, на стуле, - сказала Одри. Питера удивило, что она относится к разговору на удивление спокойно.

- Ах да, - сказала Джу, взяв свою неотразимую шляпу (оказывается, она и служила ей архивом) и повертев в руке, словно карусель. - Ну что ж, посмотрим... Так! Вот рецепт варенья, который просила у меня Изумрудная леди... Вот счета из лавок... А это что? А, моя завтрашняя проповедь! Так, а вот это? Ага, точно: «Краткий план восстания на Зенкали». - Она вытащила из-за ленты сложенный лист бумаги и подала Питеру. - Передайте это Ганнибалу, - сказала она, - и сообщите, что для обучения партизанского отряда мне не потребуется и месяца. А если бы он еще разузнал, где можно по дешевке купить партию хороших ручных гранат, было бы совсем прекрасно.

- Можете на меня положиться, я все передам, - серьезно сказал Питер и аккуратно уложил послание в карман.

Когда Питер и Одри наконец отъехали, а Джу на прощанье помахала им рукой, Питер повернулся к своей спутнице, которая стонала от смеха.

- Ну, вы доиграетесь, мисс Дэмизн, - сурово сказал он.

- А... собственно, чего ты так испугался? Посмотрел бы на свою рожу в зеркало.

- Еще бы не испугаться! - оправдываясь, сказал Питер. - Ты когда-нибудь видела, чтобы служители церкви организовывали партизанские отряды для решения своих проблем? Не могу поверить, что она это всерьез!

- Вот именно всерьез. Джу никогда не болтает понапрасну. Это не значит, конечно, что до этого дойдет, но факт тот, что она это задумала и готова употребить на

это все свои знания. Если на Зенкали дойдет до диверсионных актов, Джу будет на передних рубежах. Никто не будет знать так точно, как она, сколько потребуется динамита на взрыв Дома правительства или, например, заведения «Мамаша Кэри и ее курочки». Нет, Джу слов на ветер не росает. Ей каждые два года положен отпуск, так она не домой едет, как другие миссионеры, а туда, где можно на учиться чему-то полезному, и, вернувшись, обучает этому зенкалийцев.

- Ну и чему, например? - спросил Питер, ожидая чего угодно.

- Да ты не думай. Исключительно тому, что приносит пользу. Она открыла, например, что из здешнего песка можно варить прекрасное зеленоватое стекло; так она обегала все мастерские, узнала, как его варить и как выдувать. И что бы ты думал? Один из ее прихожан увлекся этой идеей и завел стеклодувную мастерскую. Или вот еще: она была крайне огорчена, когда узнала, что зенкалийцы строят себе жилища из чего попало и как Бог на душу положит, и изучила современные способы обработки древесины и изготовления из нее строительных материалов. Теперь у ее прихожан - самые лучшие на Зенкали жилища и мебель. Она что хочешь может! Может грузовик разобрать и опять по винтикам собрать. Целый год осваивала новые методы ведения сельского хозяйства. Научилась плести из тростника корзины и стулья - и пожалуйста, новый промысел на острове! Прихожане без ума от нее, и я никак не возьму в толк, почему их у нее так мало. Самую большую группу на острове составляют католики, вторую по численности - последователи Англиканской церкви, а у бедняжки Джу - те немногие, что остались.

- А что представляют собой другие служители церкви?

- Глаза бы мои на них не глядели. Отец О'Мэлли пугает своих прихожан-католиков, что добрый Боженька пошлет их в геенну огненную, где их будут на вертелах вертеть и на сковородках поджаривать, если ослушаются отца духовного. Англиканская церковь представлена четой Брэдстич. Какой же сноб этот мистер Брэдстич! Строит из себя чуть ли не папу римского! Нет, не любит он зенкалийцев. Только и делает, что нюхает анисовые семена и бьет жену. А она, бедненькая, целый день сидит со своим вязаньем и думает, кому бы еще сделать добро: вот открыла, например, воскресные курсы вязания салфеточек... Ну, что мы все о миссионерах да о миссионерах! Лучше посмотри, какой здесь прекрасный вид! Вот поднимемся на высоту трех тысяч футов - и устроим пикник, насладимся жизнью в долине Матакама, пока ее не поглотили воды!

Сначала, когда Одри и Питер покинули дом Джу, дорога вела через плантации дерева амела и разбросанные повсюду фермы. Теперь, чем выше забиралась машина, тем больше петляла дорога и тем глуше становился лес; впрочем, и здесь время от времени попадались искусно сбитые из клинообразных досок домики, окруженные садами, полными овощей и фруктов. Но вскоре и эти домики перестали попадаться - машина шла сквозь густую чащу.

- Как я прочел в путеводителе, от исконных лесов не осталось ничего? - спросил Питер.

- Ничего. Только несколько видов кустарников и дерево амела, - сказала Одри. - Все остальное привозное: баньян, манго, пальма путника и, не добром будь помянута, китайская гуава, которая глушит все на свете. Плоды, конечно, божественны, но сам кустарник просто порождение дьявола.

Дорога сделала поворот, и перед глазами путников возник широкий мост. Слева возвышалась красно-желтая скала, с вершины которой падала пенящаяся белая струя. Там, где у отвесной скалы имелся выступ, блестящая струя рассекалась на две. Внизу лежало множество камней, отполированных водой и заросших пышной растительностью, словно они надели на себя зеленые парики. Между камней шумела и пенилась вода, а в воздухе висела тонкая дымка, сотканная из десятков маленьких изящных радуг. Далее вода протекала под мостом и падала со следующей отвесной скалы уже одним мощным потоком, который устремился вниз - в долину.

- Это река Матакама, - сказала Одри, стараясь перекрыть шум падающей воды. - Как раз у верхнего водопада они и собираются строить эту идиотскую плотину.

Путники покатали дальше. Вскоре дорога выпрямилась и побежала вдоль берега реки. Наконец Одри остановила машину и припарковала ее на берегу под деревьями. Выгрузив еду и питье, Питер и Одри уселись у самой воды. Здесь река была широка и глубока, по берегам ее лежали гладкие, точно могильные плиты, камни, украшенные мхом и дикими желтыми бегониями. Во мраке нависавших над потоком ветвей вспыхивали, точно красные и голубые огоньки, блестящие зимородки, и весь воздух был наполнен пением птиц, жужжанием и стрекотанием насекомых, жалобным писком и скрипучими трелями лягушек. В траве, где сидели наши путешественники, алыми звездами горели небольшие диковинные цветы с четырьмя лепестками, как у полевой гвоздики.

- Что за прелестное место! - сказал Питер, сгоняя со своего сэндвича зеленую стрекозу. - В голове не укладывается, что кто-то грозитя посягнуть на него.

- Все во имя прогресса, - отрубил Одри, разрывая тушку жареного цыпленка. - Подумаешь, будет загублен райский уголок, ну и что! Зато будем с электричеством! Будем смотреть по цветному телевизору, как выглядит остальной мир!

- Прости, я еще не освоил здешнюю географию, - сказал Питер. - Как пролегает эта долина?

Одри зачерпнула горсть земли и рассыпала ее на плоском камне.

- Вот, смотри, - сказала она и, взяв прутик, прочертила кривую на рассыпанной по камню земле. - Это река Матакама. Вот долина, в которой мы находимся. А вот это - множество ответвляющихся от нее, словно ребра от позвоночника, меньших долин. В целом похоже на слегка искривленный рыбий скелет. Когда они возведут здесь плоти ну, не только большая, но и меньшие долины будут затоплены. Таким образом, здесь, в этой горной стране, исчезнет поистине волшебный уголок.

- А что находится в меньших, ответвляющихся долинах?

- Ничего. Я имею в виду, никакого человеческого жилья. До многих из них можно добраться только на вертолете, а если пешком, то, думаю, семь потов сойдет, пока доползешь. Кроме того, эта земля непригодна для сельского хозяйства - стоит срубить лес, как слой почвы тут же исчезнет и обнажатся голые скалы. Это, конечно, весомый аргумент в глазах сторонников проекта. Они ведь затопят только «неудобья», то есть неудобные для сельского хозяйства земли. Дикая природа и эстетическое начало для них ничего не значат.

Покончив с едой, Питер и Одри блаженно растянулись на траве, всматриваясь в небесную голубизну, проглядывавшую сквозь кружево листьев. Время от времени налетал теплый ветерок, и хрупкие лепестки спря-

тавшихся где-то в верхних ветвях цветов, плавно кружа, опускались на землю.

...Полчаса спустя они припарковали машину на окраине Дзамандзара и пересели в королевскую карету, которая домчала их по запруженным толпою улицам до небольшого здания, стоявшего на главной площади. На нем была укреплена массивная вывеска: «Голос Зенкали». Единственная правдивая газета на всем острове». «По крайней мере, наполовину это заявление соответствует истине, - подумал Питер, - это и в самом деле ЕДИНСТВЕННАЯ газета на всем острове». Внутри, в небольшой конторе, посреди хаоса и беспорядка отыскался Симон Дэмиэн - высокий, плотно сбитый мужчина с такими же неотрязимыми, как у дочери, глазами и спутанной копной рыжих, словно лисица на снегу, волос. С первого же взгляда было ясно, что он издавна водит дружбу с зеленым змием и, мягко говоря, далеко не всегда знает меру.

- Весьма польщен, что вижу вас, - сказал он на своем ирландском диалекте и сжал руку Питера так, будто хотел выжать из нее сок. - Боже, как я рад всякому, кто хоть на день может развязать мне руки, забрав от меня это исчадие - мою дочь, мое дьявольское потомство! Я тогда испытываю райское блаженство! Никто не критикует, не орет над ухом! Молодой человек, я пред вами в неоплатном долгу!

- О, как я желал бы оказывать вам эту услугу каждый день, каждый час, - сказал Питер.

Папаша Дэмиэн улыбнулся в ответ, при этом его бульдожий нос забавно сморщился.

- Давайте выпьем, - сказал он, запустив пальцы в волосы и спутав их еще больше. - Вы когда-нибудь пробовали аппендектомию? Что это такое? Значит, так: берете три части «Нектара Зенкали», одну часть кюрасо, одну

часть белого рома, одну часть водки и добавляете ложку соды для крепости. Ну сядь, сядь - одна секунда, и я вам сварганю.

- Извини, нет, - твердо сказала Одри. - У нас масса дел. Мы заскочили только поздороваться.

- Да неужели? - папаша был явно разочарован. - Ну ради Бога, одну рюмашечку, с яйцо колибри! Ну, сделайте одолжение!

- Нет! - отрезала Одри. - Знаем мы, какие у тебя рюмашечки с яйцо колибри!

- Ну что вы скажете! - сокрушенно вздохнул папаша, обращаясь к Питеру. - Дочь, а смеет так со мной разговаривать! Да простит мне Бог эти слова, но не дурно ли устроен мир, если родная дочь не дает кровному отцу пропустить рюмашечку? Бедный я, бедный, стою с почерневшим от жажды языком, с растрескавшимися губами, а мне не дают клюкнуть! Как же все-таки жестоко устроен мир!

- А ты не вали с больной головы на здоровую, - огрызнулась Одри. - Знаю я твои рюмашечки! Со страусиное яйцо.

- Клянусь большим пальцем апостола Павла, - язык у папаша Дэмиэна стал слегка заплетаться, - все, что я выпил сегодня, - гномику только губы помазать...

- Каков нахал! - с улыбкой сказала Одри.

- Нахал? Это я-то нахал? - переспросил папаша, словно не веря своим ушам. - Ну а вы-то как можете такое слушать? - прошипел он, обращаясь к Питеру. - О Святая Мария, Матерь Божия, родная дочь называет отца нахалом! Меня, самого честного и правдивого из ирландцев, когда-либо покинувших родной Изумрудный остров, чтобы нести правду и культуру во все части света!

- Ты уже подписал номер в печать? - спросила Одри.

- Не задавай глупых вопросов. А то как же, - сказал Дэмиэн. Он рад был расстаться с ролью отца, которого не понимает родная дочь.

- Тогда тебе лучше всего поехать домой и немедленно лечь в постель, - заявила Одри.

- Да, дочка, тебе часто приходят в голову замечательные мысли, - улыбаясь, сказал папаша. - Я как раз собирался домой, когда ты явилась. Из-за тебя я и задержался.

Девушка подошла к отцу, поцеловала его и потрепала по щеке.

- Ну, ступай домой, старый беспутник, - сказала она. - А мы с Питером сейчас поедem к Кармен, а потом я покажу ему дерево омбу. Думаю, к восьми буду дома. И смотри, не смей брать в рот больше одной рюмашечки! Иначе своими руками голову тебе оторву!

- Да ты все обещаешь, все обещаешь, - сказал папаша Дэмиэн и нахмурился. - Да, чуть не забыл. Тут тебя Друм искал.

- Что ему надо?

- А черт его знает! Носится как курица с яйцом со всем, что ни взбредет ему в голову. Говорит, что сделал важное открытие и желает встретиться с Ганнибалом или с Кинги.

- Бедняжка, как же он всем осточертел. Все ведь за милую обходят его стороной. От него шарахаются!

- Он хочет, чтобы ты повлияла на Ганнибала и тот принял его. Говорит, это очень важно, но сказать он может только Ганнибалу или Кинги.

- Ладно, посмотрим, может, что и получится. До свидания, досточтимый предок.

- Да хранит тебя борода нашего доброго короля Венцеслава, дочь моя, - медленно проговорил Дэмиэн. - Тебя и всех, кто с тобой в одной лодке.

Питер и Одри уселись в королевскую карету. Девушка сначала вздохнула, а затем звонко рассмеялась.

- Бедный папочка! - сказала она. - С тех пор как не стало мамы, он и пристрастился к бутылке. Я, конечно, пытаюсь держать его под контролем, но, ясное дело, он безнадежен.

- Но он такой очаровашка, когда под мухой, - возразил Питер.

- Вот то-то и оно-то, - печально сказала Одри. - Он такой очаровашка, только когда под мухой. Ну, поедем, я познакомлю тебя с Кармен, а затем - на свидание к дереву омбу. Можешь пощупать, поласкать его. Не устал?

- Да как я могу устать в компании с тобой! - ответил Питер. - К тому же, когда знакомишься с целой толпой чудаков, при всем желании не соскучишься.

- Ну, если устанешь, скажи, а если нет, то после всего этого повезу тебя в Английский клуб, - пообещала Одри.

Королевская карета мчалась по узким улочкам сквозь яркую, словно оперение попугаев, толпу. Навстречу Питеру неслись миллионы самых разнообразных запахов, сопровождающих жизнь человеческих существ: запахи базара, свежестыранного белья, медовых леденцов, вонь козлов, сладковатый запах коров, насыщенный, перебивающий все на свете запах свиней, сухой, затхлый запах куриных перьев и отдающий водой и тиной запах уток. А вот целое море овощей и фруктов, воздействующих на наше обоняние не хуже, чем симфонический оркестр - на слух. Нежной скрипке плодов личи вторила виолончель плодов манго; ягоды винограда звучали, словно клавиши рояля; мощная чарующая мелодия органа досталась ананасу, а кокосовые орехи стучали, словно выбивая барабанную дробь. Питер подумал, что нет лучшей возможности познать мир, чем поездка по людным улицам в этом дурацком экипаже (перед которым

люди расступаются, как в иных местах расступаются перед каретой «скорой помощи») в компании такой очаровательной девушки.

Наконец они доехали до берега моря и подкатили к приземистому трехэтажному зданию, притулившемуся у самого края гавани. Здание было сработано по большей части из не поддающихся разрушению бревен амелы. Но в том-то и дело, что остальные материалы, пошедшие на постройку, не отличались столь завидной прочностью, отчего здание скукожилось, словно хрупкая престарелая аристократка, которой стали слишком широки корсеты ее молодости. Складывалось впечатление, будто на рубеже XVIII и XIX веков, вскоре после завершения строительства, кто-то шутя дал зданию хороший толчок и с той поры оно, навсегда выйдя из равновесия, подобно Пизанской башне, склонилось над морской водой, блестящей на солнце, словно рыбы чешуйки, и такой прозрачной, что сквозь ее толщу видны были водоросли. К фасаду, словно рыба-прилипала к телу морского зверя, неуклюже прилепилась расцвеченная огнями вывеска: «Мамаша Кэри и ее курочки. Существоем с 1925 года». Очевидно, заведение иного профиля было бы радо похвастаться, что в нем и старые, закаленные кадры существуют с момента основания, но здесь был, прямо скажем, не тот случай. Питер и Одри подошли к большой черной перекошенной двери, напоминавшей вход в какой-нибудь донжон мрачного средневекового рыцарского замка. На двери красовалась вывеска меньшего размера, написанная алыми буквами: «Будьте как дома. Жентельменский налево, мадамский направо. Плеваться строго воспрещается».

- Интересно, на месте ли сегодня Кармен, - сказала Одри, толкая незапертую дверь.

За дверью находилась большая зала. Это был, по всей видимости, бар, но с такой причудливой обстановкой, какую увидишь разве что в павильоне для киносъемок. Посетитель, казалось, попадал в атмосферу ночного клуба двадцатых годов девятнадцатого столетия. Тут были и старинные зеркала в золоченых рамах, и антикварные вазы, в которых вместе с цветами стояли страусовые перья, и выгоревшие, засиженные мухами раскрашенные гравюры, изображавшие томных леди в кринолинах. Меж столов шныряли с десятков неуловимых, как струйки дыма, разномастных котов; с места на место перебежали пяток кроликов с глазами пьяниц и множество морских свинок; на полу сидели, высунув языки и прерывисто дыша, четыре пестрых пса. Кроме того, в зале имелось с полдюжины жердей, на которых разместились шумные попугайчики, какаду и роскошный королевский ара - весь голубой, только глаза окаймлены желтым. В одном из углов стояла поместительная клетка с двумя зеленовато-серыми обезьянками-верветками, невесть из-за чего затеявшими потасовку.

За одним из накрытых клеенкой столов сидел капитан Паппас, мрачнее тучи; перед ним стояла массивная кружка с пивом. Напротив сидела Кармен Кэри - невысокая, толстая, с блестящими черными курчавыми волосами, голубыми, вылезаящими из орбит глазками и крохотным ротиком, столь изящно изогнутым в виде купидонова лука, что казалось, он выписан кистью искусного художника; на кончике носа у нее было нацеплено пенсне, от которого к пышному бюсту тянулась массивная цепь. На шее красовалось ожерелье из жемчужин - столь крупных, что ни один из известных современной науке моллюсков не мог бы произвести их на свет без риска для жизни. Пальчики ее пухленьких ручек едва не ломались под тяжестью полудюжины перстней. У нее была

безупречно гладкая кожа, и оставалось только гадать, какой она была очаровашкой, пока не заплыла жиром; теперь же приходилось удивляться, как это она помещается в своем шелковом платье перламутрового цвета. Несмотря на это, она излучала нежность и доброту, благодаря чему оставалась по-прежнему женственной и привлекательной. Но почему-то взгляд капитана Паппаса становился все мрачнее, а в голубых глазках его собеседницы начинал сверкать гнев. Стоявший перед ней стакан рома со сливками так и остался нетронутым. Ее розовые, словно фламинго, ногти принялись выбивать нервную дробь, но затем смолкли. Со стороны казалось, будто она и капитан Паппас играли в шахматы и застыли над трудным ходом. Наконец она сделала глубокий вдох и заговорила.

- Капитан Паппас, - медовым аристократическим голосом начала она, - ну вы же г'ек, истинный г'ек!

Капитан Паппас закатил свои крохотные черные глазки.

- Вы правы, - изрек он в ответ. - Да, я грека, истинный грека!

- Так не стыдно ли вам, как истинному г'еку, д'ать с меня г'и шку'ы за пе'евозку моих хо'ошеньких леди! Ну, как это, по-вашему, называется? азбой с большой до'оги!

- Вы требуете, чтобы я доставил вам партию проституток, - оскорбленным тоном сказал истинный грек. - Я требую надбавки!

Кармен вспыхнула. Ее щечки залились краской, но явно от гнева, а не от стыда.

- Да какие это п'оститутки, капитан Паппас, - возразила она, сохраняя в голосе аристократическую холодность, которая должна была добить капитана Паппаса. - П'аво же, они вовсе не п'оститутки!

- Ну, - невозмутимо сказал капитан Паппас, - если они не проститутки, то кто же тогда?

- Так, эско'т - девочки для п'елестных джентльменов, - сказала Кармен.

- А по-моему, как ни назови, проститутка - она и есть проститутка. Точнее говоря, проститутка - это профессия, шлюха - это характер, ну а стерва - это та, которую выгнали из веселого дома за стервозность, - завершил свои семантические изыскания капитан Паппас; очевидно, щадя женские уши, он не стал приводить более крепкий синоним. - Дело не в названии. Так что я настаиваю на прибавке за вредность!

- Не падайте так в моих глазах, капитан Паппас. Ведь п'о вас никто никогда не гово'ил, что вы мошенник. Вы хо'оший, доб'ый г'ек и должны же понимать, что бесчестье еще никого не ук'ашало. Вы вообще когда-нибудь слышали слово «скидка»?

- А то как же, - сказал капитан Паппас, - но за перевозку проституток, независимо от численности партии, таковая не предусматривается.

В зале снова воцарилась тишина. Капитан и Кармен глядели друг на друга, словно два борца, выжидающих удобного момента, чтобы свернуть противнику запястье и бросить его на ковер. Вдруг Кармен увидела краешком глаза вошедших Питера и Одри и завизжала от радости.

- Мисс Од'и! - воскликнула она. - Мисс Од'и! Какая п'елесть! Ну, доб'о пожаловать!

Она встала и выступила навстречу гостям, кланяясь и воркуя, словно голубы. На лице ее одна за другой расцветали улыбки.

- Как я ада видеть вас здесь! - сказала она. - Сколько лет, сколько зим!

- Надеюсь, я вам не помешала, Кармен? - спросила

Одри. - Я только хотела представить вам мистера Флокса.

- О, как я оча'ована, ей-богу, оча'ована, - сказала Кармен, протягивая пухлую ручку с поднятым вверх мизинцем. - Да нет, уве'яю вас, вы мне нисколько не мешаете! У нас тут деловой 'азгов' с капитаном Паппасом. Он г'озится заломить небывалый та'иф за пе'евозку новеньких хо'ошеньких девушек из Джака'ты.

- Как новеньких? - спросила Одри. - А куда же денутся старые?

- Они по-п'ежнему останутся п'и мне, но когда начнется ст'оительство аз'одрома, мне пот'ебуются новые кад'ы. Сама понимаешь, будет столько офице'ов, б'авых мат'осов, отважных пилотов! А что нужно б'авым пилотам? Пе'вым делом конечно же хо'ошенькие девушки! Мои тепе'ешние кад'ы заняты по го'ло, у них сложилась постоянная клиенту'а. Так что с'очно нужно пополнение, а то скажут еще, что заведение «Мамаша Кэ'и и ее ку'очки» не сп'авляется с наг'узкой! Я в пе'вую голову блюду 'епутацию фи'мы! - сказала она и направилась к бару. Ее крохотные ступни так быстро семенили под покровом длинного платья, что казалось, она не шагала, а скользила. - Пожалуйста, напитки на т'оих, милый, - заказала она. - 'ому со сливками для меня, а чего желает джентльмен? Чего-нибудь пок'епче?

- Да нет, нам с Питером два бокала пива, - сказала Одри. - Ей-богу, мы заскочили на минутку. И то только потому, что я показываю Питеру остров и хочу познакомиться его с самыми уважаемыми здесь людьми.

- Ты п'ава, милая! - воскликнула Кармен, задирая нос и покрываясь румянцем от гордости. - Ни одна культу'ная п'ог'амма, ни одна экску'сия по ост'ову не будет полной без визита к нам. Ну что ж, мисте' Флокс, если вд'уг будет на се'дце тяжесть и холодно в г'уди, захажи-

вайте к нам, мои оча'овашки 'азвеют вашу г'усть и печаль!

- Спасибо, - сказал Питер. - Буду иметь в виду.

Кармен осушила свой бокал.

- Ну, мне пора, - сказал капитан Паппас, допив свою кружку и вытерев пену с губ.

Кармен, не спуская с него глаз, что-то считала в уме.

- Куда же вы так ско'о, капитан? Выпейте еще к'ужечку пе'ед уходом. В конце концов, мы с вами ни до чего не догово'ились.

- Значит, так: тридцать фунтов с головы, и ни пенсом меньше, - отрубил капитан, шлепнув ладонью по столу.

- Десять, и ни пенсом больше, - возразила Кармен, также шлепая ладонью по столу.

- Двадцать восемь, - пошел на уступки капитан, - если гарантируете как минимум десять.

«О чем это они? - изумился про себя Питер. - Совсем как работорговцы в былое время!»

- Га'анти'ую десять. Но - двенадцать фунтов, и ни г'оша больше, - сказала Кармен. - Вам ведь не п'идется ко'мить их в до'оге. Каждая возьмет с собой еду на все в'емя пути.

- Кармен, последняя цена - двадцать пять, - твердо сказал Паппас.

- А почему вы не берете девушек зенкалиек? - поинтересовалась Одри.

- Да нет, конечно же, они оча'овашки, - сказала Кармен, - здо'овые, нежные, в самом соку, но вот с личной гигиеной - п'ямо беда! Потные подмышки, и все такое. П'аво, это только отпугивает клиенту'у. Они т'удолобивы и п'илежны, этого у них нельзя отнять, но надо же иметь хоть какое-то понятие о чистоте. Вот только недавно мне п'ишлось 'ассчитать одну. П'иходит ко мне клиент и гово'ит: «Она такая лапочка, такая п'елесть,

только зачем она мне всю подушку засмо'кала?» Жаль, конечно: такая п'елесть, такие к'асивые ог'омные глаза, но п'ишлось 'ассчитать, никуда не денешься. Что я, виновата, что у моих клиентов столь чувствительная нату'а? П'иходится с этим считаться п'и 'аз'аботке планов на будущее.

Между тем капитан Паппас допивал очередную кружку. Вид у него был торжествующий.

- Ну ладно! Ни твое, ни мое. Пусть будет двадцать фунтов, но ни пенсом меньше, - сказал капитан и хватил ладонью по столу.

- Идет, - сказала Кармен и в свою очередь шлепнула ладонью. Налив крохотную медную рюмку рома, она вылила его в пустую кружку капитана. - Сделка состоялась, - изрекла она.

- Состоялась, - ответил капитан и рыгнул мягким, исполненным самоудовлетворения звуком, каким может рыгать только грек, сознающий свою победу.

- Что ж, - сказала Одри, допивая свою кружку. - Теперь, когда мы в полной уверенности, что доблестные бойцы охвачены всесторонней заботой, можем ехать.

- Ну что ты, милая? Но 'аз надо, значит, надо, я не гово'ю ни слова. Как вы смот'ите на то, чтобы в ближайшую пятницу пожаловать с вашим оча'овательным джентльменом ко мне на обед? У меня будет день 'ожде-ния, и я уст'аиваю небольшую вече'инку. Ничего особенного - будет го'стка гостей, будем пить и есть. Капитан, вы п'инесете свой инст'умент, а, капитан?

- Конечно! Какой же вечер без хорошей греческой музыки! - сказал капитан.

- Охотно будем! - сказала Одри.

Юноша и девушка начали протискиваться к выходу сквозь пеструю толпу котов, собак, кроликов и морских

свинок. Попугаи вразной пожелали им счастливого пути, и королевская карета тронулась в путь.

- Я в смятении, - сказал Питер. - Я думал, мое сердце навеки отдано Джу, а теперь, когда ты познакомила меня с Кармен, я понял, что девушка моей мечты - это именно она.

- Кармен вне конкуренции, - согласилась Одри. - И еще она - одна из самых добрых на острове. Если кому нужна помощь, она тут как тут. Несколько лет назад у нас была эпидемия ветряной оспы, так она и ее девушки сутками не отходили от больных, самоотверженно выхаживая их.

- Я бы сказал, что она упрямца, но в лучшем смысле слова... А теперь куда? - спросил Питер.

- Как куда? К дереву омбу. А потом отвезу тебя домой.

- Знаешь, мне очень хочется вернуться туда, наверх, и тщательно обследовать долины, прежде чем они уйдут под воду, - сказал Питер. - Как ты думаешь, их успели изучить?

- Сомневаюсь, - сказала Одри. - Единственный, кто туда добирается, это Друм.

- Это еще кто?

- Профессор, специально присланный из Англии министерством сельского хозяйства для комплексного изучения биологии Зенкали. Он-то и открыл важность бабочки амела. Теперь он пытается выяснить, где же размножается это таинственное насекомое, вот и шатается по всему острову из конца в конец. Шалый он, но молодчина.

- А если я приведу в порядок все свое туристическое снаряжение, поедешь со мной туда на уик-энд?

- Да, - сказала девушка после короткой паузы. - Весьма охотно.

- Ну, тогда я займусь подготовкой, и когда все будет в порядке, сообщу тебе, - сказал Питер. Затем он откинулся назад и неожиданно почувствовал себя наверху блаженства.

Полчаса спустя они катили по дороге, ведущей из долины реки Матакамы, и вскоре достигли окраины Дзаман-дзара, где находился Ботанический сад. Сад этот, заложенный еще голландцами, был не очень обширный, но содержался аккуратно и насчитывал множество растений из Азии и Африки. Деревья и кустарники были высажены рядами или группами и окружены водоемами с разноцветными водяными лилиями и папирусом. Посреди этой пышной экзотической растительности уютилась низенькая облупившаяся постройка, являвшаяся, как свидетельствовала табличка на входе, административным зданием Ботанического сада.

Одри постучала в дверь.

- Войдите! - пропищал голосок изнутри.

В комнате за письменным столом, заваленным папками с гербариями и грозящими обрушиться пирамидами статей, сидел толстенький человечек с лысой блестящей головой. Он носил самые большие очки, которые когда-либо видел Питер, а толщина стекол свидетельствовала о том, что степень остроты его зрения лишь немногим отличается от слепоты.

- А! Одри! Одри! Как я рад, что вы пришли! - пропищал человечек, выкатился из-за письменного стола и пожал ей руки. - Как приятно видеть вас. Чем могу служить?

Чтобы лучше видеть свою гостью, он приподнялся на цыпочки, при этом все его жирное тельце дрожало, а хитроумные очки блестели.

- Я не одна, доктор Мали Феллугона, - сказала Одри. - Со мной гость, его зовут Питер Флокс. Если можно, покажите ему дерево омбу.

- Рад, очень рад вас видеть, - пропищал человек, пожимая руку Питеру. - Весьма польщен, весьма растроган! Конечно, конечно! Пойдемте скорее к омбу. Бедное дерево! Одно на всем белом свете! Оно так любит посетителей!

Услышав это, Питер загорелся. Человек вооружился преогромным ключом, и, выйдя из конторы, вся троица отправилась по широкой, обсаженной королевскими пальмами дорожке.

- Вы не представляете, как это дерево ценит любой пустяк, который для него делаешь, - продолжал человек. - Конечно, заботу и ласку любят все деревья, но это - особенно. Представляете, оно обожает музыку: как хорошо, что я умею играть на флейте. Первое, с чего я начинаю каждое утро, - играю одну-две мелодии, которые любит бедняжка омбу. Похоже, оно предпочитает Моцарта и особенно Вивальди, а Баха находит слишком сложным.

Доктор Феллугона повел гостей в тот угол сада, где было воздвигнуто сооружение, напоминающее гигантский вольер. Поверх мощного стального каркаса была натянута тонкая сетка, какую натягивают обыкновенно от комаров. Феллугона отпер дверь, и все трое ступили внутрь.

- Вот, мистер Флокс, - сказал Феллугона, словно стараясь сдерживать рыдания. - Самое одинокое дерево на всем белом свете!

Дерево омбу выглядело весьма необычно. У него был могучий ствол футов десяти в вышину и около восьми в обхвате. От ствола отходили массивные разветвленные корни, похожие на когти какого-нибудь мифологическо-

го животного. Кора состояла из зеленых и серебряных слоев и была усеяна дырами и трещинами, словно гигантский кусок пемзы. С толстых переплетающихся коротких ветвей, на удивление одинаковой длины, как будто их кто-то нарочно подстриг, свисали небольшие лоснящиеся зеленые листья, по форме напоминающие накопечники стрел. Питер решил, что это дерево сходно с огромным зеленым пляжным зонтиком на толстенной ножке.

- Красота, не правда ли? - почтительным шепотом спросил Феллугона.

- Согласен, - сказал Питер, хотя в душе сознавал, что при взгляде на это дерево слово «красота» едва ли приходит в голову первым. Да, его нельзя было назвать «красивым» в общепринятом смысле. Зато под его шершавую кору почти физически ощущалось биение живого сердца, как у зверя или птицы. Юноша шагнул вперед и ласково провел ладонями по растрескавшейся и изрытой оспинами коре, теплой и грубоватой, будто шкура слона.

- Оно обожает, когда его гладят, чешут и делают ему массаж, - сказал Феллугона. - Клянусь, что не имею возможности уделять ему столько времени, сколько оно заслуживает. Столько других забот по саду! Вот и приходится мне ограничиваться тремя-четырьмя визитами в день. Сознаю, что оно недополучает от меня интеллектуального стимула: эх, если б я мог приходить к нему чаще и обмениваться с ним мыслями!

- А почему вы держите его в этой клетке? - спросил Питер.

- От насекомых. - Эту фразу Феллугона произнес таким тоном, будто исторг проклятие, отчего его очки заблестели еще сильнее. - А то от них житья нет, - сказал он и поднял пухлый указательный палец. - Да, житья от них

нет, дорогой мистер Флокс. Стоит только чуточку приоткрыть дверь, хоть на дюйм, хоть вот на такуюсьенькую щелочку, как они тут же норовят ворваться внутрь и сожрать все на свете! Хуже Чингисхана, хуже гуннов, хуже варваров! А что поделаешь? Как только была открыта польза бабочки амела для экономики, сразу последовал запрет на применение любых инсектицидов и руки у нас оказались связанными. Приходится щадить любую букашку-таракашку, любую козявку, ползает она или летает.

Он сделал паузу, снял свои фантастические очки и тщательно протер их. Оставшись без линз, его глаза уменьшились до размера кротовых, но как только очки заняли свое место, глаза восстановили свой прежний размер.

- Так вот почему, мистер Флокс, мы вынуждены были построить это жилище для нашей Стеллы, - сказал он, помахав своей пухлой рукой. - Давайте не будем называть это клеткой - ведь клетка непременно ассоциируется с неволей. Стелла предпочитает, чтобы мы называли ее жилище будуаром.

- Понятно, - тяжело выговорил Питер, стараясь не смотреть в глаза Одри.

- Последняя из своего рода, - сказал Феллугона, - последняя из своего рода... Когда она уйдет, - Феллугоне не хотелось говорить «умрет», - весь ботанический мир станет беднее... Потеря будет неизмерима...

- Да, да, - сказал Питер. - Почитаю - за большую честь, доктор Феллугона, что мне разрешили повидать Стеллу. Это для меня действительно огромная честь.

- Как мило с вашей стороны, как мило, - сияя, сказал Феллугона. - Я уверен, что вы своим приходом доставили массу радости Стелле. Понимаете ли вы, дорогой мистер Флокс, как важны для нашей Стеллы встречи с

новыми людьми? Боюсь, ей уже порядком поднадоели постоянные посетители, одни и те же лица. Приходите снова! Это ваш долг, ей-богу!

Не переставая рассказывать, сколь важное терапевтическое значение для здоровья и благополучия Стеллы имеют встречи с новыми людьми, доктор Феллугона проводил Питера и Одри до машины. Встав на цыпочки, он помахал им рукой, а его фантастические очки еще ярче заблестели на солнце. Как только машина отъехала, Питер развалился в кресле и закрыл глаза.

- Я сдаюсь, - проговорил он. - После того как я побывал у Стеллы в будуаре, меня уже ничем не удивить.

Одри захихикала.

- Я так и думала, что тебе понравится. Но, помимо интереса, который вызывает Стелла, сам по себе Феллугона - один из самых симпатичных здешних обитателей.

- Теряюсь в догадках: как же тебе удалось собрать коллекцию столь милых чудаков? - спросил Питер.

- Это не я. Это Зенкали притягивает к себе таких. Должно быть, всем, кто не от мира сего, не сидится на месте, вот они и шатаются по свету, ища, кому они нужны такими, как есть, и собираются здесь, на Зенкали, где каждый сходит с ума по-своему. Возьмем хоть губернатора - бедняга столько скитался, ища уютного уголка, пока кому-то не пришла в голову счастливая мысль направить его сюда.

- О таком губернаторе зенкалийцы могут только мечтать.

- И я про то же. Зенкалийцы без ума от него, вот он и носится по всему острову, словно ополоумевший мотылек: там выставку овощей откроет, там ребенка по головке погладит... Это только для нас с тобой он - тихий помешанный, а в глазах зенкалийцев-то он - великий человек! Они все слушают его речи с почтением.

- Как, он еще и речи произносит?!

- Да, и не по одному десятку в год. Сами зенкалийцы вдохновляют его на это. Ганнибал называет его словоизлияния «вербальными айсбергами», потому что лишь десятая часть того, что исторгается из его уст, имеет хоть какой-то смысл. Но зенкалийцы мнят своего губернатора лучшим после Шекспира мастером слова.

Машина катила к жилищу Питера по дороге, бежавшей вдоль побережья. Солнце уже зашло за горизонт, окрасив небо в зеленые, алые и желтые, словно абрикос, тона; ветер дарил столь приятную после дневной жары прохладу. Навстречу то и дело попадались женщины: одни шли с корзинами свежевывстиранного белья на голове, другие возвращались с полей, неся под мышкой мотыги, а на голове - корзины с овощами и фруктами.

- Заскочишь ко мне с дороги? Выпьем немножко, - пригласил Питер, когда машина остановилась возле бунгало.

- Только очень ненадолго, - сказала Одри. - Я просто обязана поскорей вернуться домой и проследить, чтобы папочка плотно поужинал.

Усталые путники вошли в залитую светом гостиную, и тут же им навстречу вышел одетый в белое и с широкой белозубой улыбкой Эймос. В руке у него была трость, используемая на Зенкали в качестве сумки письменосца.

- Добрый вечер, сэ', добрый вечер, мисс Одли, - сказал он. - На имя масса поступила грамота от масса Ганнибал, сэ'.

- Спасибо, - сказал Питер, принимая послание из рук Эймоса. - Пожалуйста, Эймос, подай нам напитки.

- Да, сэ', - сказал Эймос и исчез.

Питер развернул письмо и прочитал:

«Питер, я должен сообщить Вам пренеприятную новость. Идея строительства аэродрома прошла на голосовании, но, по-моему, точку ставить рано. Просьба прибыть ко мне завтра в восемь на военный совет. Дел много. Т.».

- Сволочи! - завопила Одри, и из глаз ее хлынули слезы. - Ну просто сволочи! Все как один!

- Да погоди ты! Может, все еще не так страшно, как вы с Ганнибалом думаете, - сказал Питер, безуспешно пытаясь сдержать эмоции.

Одри залпом осушила стакан и поставила его на стол.

- Будет еще хуже, чем мы думаем, - сказала она. - Ну, мне пора. Пока. - Одри выпорхнула из бунгало, и прежде чем Питер выскочил, чтобы проводить ее, прыгнула в машину и была такова.

Глава четвертая ЗЕНКАЛИ УДИВЛЕН

Весь следующий день, как и последующие две недели, Питер провел в неустанных трудах и заботах: он носился между Королевским дворцом, домом Ганнибала и Домом правительства, наблюдая за подготовкой церемонии подписания договора между правительством Зенкали и правительством Великобритании.

Да, да, того самого договора, который грозил превращением забытого Богом и цивилизацией острова в стратегически важный военный объект. Дело существенно усложнялось тем, что Кинги настаивал на максимально возможной помпе и пышности церемонии. Еще бы: ему так редко приходилось надевать свою ладно скроенную униформу, зачем же упускать такой шанс?! Правительство Великобритании присылало по такому случаю из Сингапура батальон пехоты, флотский оркестр и трех весьма странных военачальников - представителей всех видов вооруженных сил: бригадира как представителя сухопутных войск, престарелого адмирала и совершенно погрязшего в старческом маразме командующего военно-воздушными силами. К изумлению Питера, представителем королевы Англии был выбран не кто иной, как его родной дядюшка сэр Осберт. С ним должен был приехать лорд Хаммер - представитель всемирно известной строительной фирмы «Хаммерстайн-энд-Гэллоп», которой и было вверено строительство плотины, аэродрома и военного порта, казавшееся теперь почти свершившимся фактом. В итоге в общем-то рядовая церемония обрастала таким количеством протокольных деталей, что разработка ее отнимала массу времени к сил. Был еще один человек, формально отвечавший за подготовку, - адъютант губернатора Дигтри Финн, стройный молодой че-

ловек с песчаного цвета волосами и вечно красными глазами, жутким заиканием и абсолютно дырявой головой. К тому же он имел склонность впадать в истерику при первых же признаках каких-либо осложнений, и было ясно, что толку от такого помощника ни на грош. Все перекладывалось на крепкие плечи Питера.

В общем, две недели Питер работал как вол, но, слава Богу, в конце этого срока все было в ажуре. Были подготовлены спальни для размещения гостей; приведены в порядок дорожки для церемониальных маршей; губернатор написал великое множество речей и усердно тренировался перед зеркалом; знамена и флажки выстирали, а флагштоки отчистили от ржавчины; зенкалийский оркестр репетировал так, что вокруг дохли мухи, а у прохожих начинали болеть здоровые зубы. Правда, не обошлось без происшествий. Проверая пушки, из которых предполагалось дать салют в честь высоких гостей, королевские гвардейцы по ошибке зарядили их боевыми снарядами и, к величайшему неудовольствию его величества, пробили в стене дворца огромную брешь. Весь Зенкали был на грани истерии; даже такая тварь, как кобра, и та не вынесла всеобщей суматохи. Решив покончить с собой, она заползла в единственный в городе генератор и замкнула его. В результате весь остров мгновенно погрузился во тьму. Свет, конечно, дали, но до этого целые сутки искали механика, который осмелился бы извлечь из генератора мертвую диверсантку. Хуже всего было то, что из-за отсутствия электричества потекли холодильники: растаяли все запасы мороженого, протухли все приготовленные для торжественных обедов скоропортящиеся продукты. Радовался этому один капитан Паппас - ему предоставилась возможность лишний раз сгонять в Джакарту за новыми припасами. Был и такой случай: пастух затемно гнал стадо коров,

стремясь к рассвету поспеть с ними на базар в Дзамандзар, когда город внезапно погрузился во мрак. Обезумевшие от страха животные, обратившись в бегство, снесли и втоптали в грязь один из великолепных шатров, сооруженных для приема высоких гостей, к тому же - вследствие нервного потрясения - изрядно удобнив его своими лепешками. Понадобился напряженный пятидневный труд двадцати пяти дюжих прачек-мужчин, чтобы шатер снова стал соответствовать всем требованиям гигиены и засверкал, как прежде. Когда же наконец за заботами забрезжил отдых, Питер почувствовал острую необходимость отвлечься и позвонил Одри.

- Ну так как, - спросил он, - ты еще не отказалась от мысли съездить в горы и полазить по долинам? Я чувствую, что, если не вырвусь и не спрячусь подальше от этой суматохи, меня можно будет смело запирать в сумасшедший дом.

- Поедем! - сказала Одри. - А когда ты хочешь?

- Я заскочу за тобой завтра утром. Часиков в восемь, о'кей? Возьмем консервов на сутки и кучу всяких фруктов.

- Я испеку в дорогу роскошный пирог, - сказала Одри.

- Можешь поверить на слово, у меня пироги всегда отменные.

Он уже собирался положить трубку и выпить прохладного пива, когда появился Эймс.

- Пожалуйста, сэ', - сказал он. - Масса Друм ждет вас.

Питер недовольно заворчал. Похоже, что Друм, так и не добившийся аудиенции ни у Кинги, ни у Ганнибала из-за чрезмерной занятости последних предпраздничными хлопотами, видел в Питере свою последнюю надежду. Он и раньше не оставлял Питера в покое: то позвонит, то пришлет трость, содержащую просьбу об аудиенции, а теперь вот явился собственной персоной.

- Чер... - начал было Питер и осекся. - Я хотел сказать, замечательно! Эймос! Пригласи посетителя войти.

Друм робко вошел в комнату, и Питер с любопытством взглянул на него. У посетителя, ростом не выше первоклассника, была голубиная грудь, костистые ноги и небольшое искривление позвоночника, в результате чего голова выдавалась вперед, как у грифа. Его гладкие жирные волосы были полны перхоти. Бледно-голубые, словно вешняя вода, глаза вылезали из орбит; к тому же он постоянно чихал, причем с регулярными интервалами, хоть секундомер проверяй. Покачиваясь и раболепно кланяясь, он крался по комнате походкой краба, обнажая жалкие остатки желтых зубов меж бескровных губ в попытке изобразить некое подобие улыбки. На нем были длиннющие шорты-бермуды, закрывавшие его уродливые ноги ниже колен и потому походившие скорее на высоко подшитые брюки; его серая тропическая куртка, надетая поверх давно не стиранной рубашки, когда-то, должно быть, сияла белизной, а оттопыренные карманы, похожие на ласточкины гнезда, были набиты несметным количеством вещей: тут были и жестянки, и коробочки, и увеличительные стекла, а также сачок и моток тонкой проволоки. «Как это в одном человеческом существе могло соединиться столько непривлекательных черт?» - подумал Питер. Ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы пожать большую, влажную, с длинными грязными ногтями руку, протянутую гостем.

- Я очарован, мистер Флокс, - сказал гость. - Вы так добры, что уделяете мне внимание.

Он чихнул и вытер нос тыльной стороной ладони. Звуки его голоса были носовыми и писклявыми, а говорил он снисходительным тоном лектора-академика.

- Рад вас видеть, - сказал Питер, слегка ошалевший от жутковатого, но все-таки обаяния. Он-то думал, что

гость, судя по внешности, будет вовсе несносен. - Не желаете ли пропустить по маленькой? - спросил он. - Садитесь.

- Благодарю за вашу доброту, - сказал гость, забившись в кресло и переплетя ноги, словно ивовые прутья. - Я не считаю, что истина в вине. Но вы только не подумайте, что я и вас отговариваю, мистер Флокс! Пьянствуйте себе на здоровье, а мне достаточно стаканчика соку.

Следуя пожеланиям гостя, Питер налил себе большущий стакан виски с содовой, а ему - стакан лимонного сока.

- Извините, что вам так долго не удавалось никого из нас застать. Завал работы, все сбились с ног, - сказал Питер, покривив душой.

- Никаких извинений, мистер Флокс, - сказал Друм и поднял длинный заскорузлый палец, словно призывая Питера замолчать. - Я понимаю: на плечи правительства свалилось столько дел, что даже самых закаленных в боях пошатывает.

- Ну, так к делу. С чем пожаловали? - оборвал гостя Питер, усмотрев в его словах неприятный намек, что он еще юн и необстрелян.

Смачно высосав полстакана и вытерев рот тыльной стороной ладони, Друм одарил Питера своей замогильной улыбкой.

- Моя просьба, милый Флокс, проста. Да. Единственное, о чем я вас попрошу - знаю, вы человек влиятельный, само правительство к вам прислушивается, - это убедить его величество или Олифанта Ганнибала дать мне короткую аудиенцию. Да. Я считаю, что им крайне важно встретиться со мной. Да. Вы и представить себе не можете всю важность того, что я хочу им сообщить, мистер Флокс. Да.

- Осмелюсь сказать, что его величество и Олифант Ганнибал чрезвычайно загружены, - ответил Питер, проявляя терпение. - Может быть, вы прежде изложите суть вашей проблемы мне? Тогда при случае я переговорю с кем-нибудь из них, ведь я вижу их обоих каждый день.

Профессор Друм устремил на Питера непонятный, но впечатляющий взгляд. Он снова поднял свой заскорузлый палец.

- Мистер Флокс! Вы и представить себе не можете важность того, что я собираюсь сообщить. Я не имею права - мое ученое звание не дает мне права - поведать это кому бы то ни было рангом ниже. Нет! Это можно довести до сведения только короля или Олифанта! Я не могу допустить - моя ученая степень не дает мне права! - чтобы эта информация оказалась в руках непосвященных!

Питер от природы обладал ангельским терпением, но сейчас, после напряженного трудового дня, он чувствовал, что гость выводит его из себя. Ему стало совершенно ясно, почему все шарахаются от него за километр.

- Я вижу, профессор Друм, вы отказываете мне в доверии, - спокойно сказал он, - поэтому могу предложить вам только одно: изложите суть вашей проблемы в письменном виде, а я передам ваше сообщение непосредственно королю или Ганнибалу. А сейчас простите. У меня был очень напряженный день. Мне бы поужинать да завалиться спать.

Он демонстративно встал и направился к выходу, но Друм, поставив на стол недопитый стакан, потащил его за рукав.

- Мистер Флокс, мистер Флокс, - простонал он. - Ну, выслушайте же меня! Я могу только в устной форме! Я не могу, мое ученое звание не позволяет мне довериться

бумаге, пока я не закончу эксперимент и не удостоверюсь в непоколебимости своей гипотезы.

- Так подождите, пока закончите эксперимент, - отрезал Питер, - а затем изложите ваши выводы на бумаге и передайте тому, кого считаете достойным и посвященным.

- Я вижу, вы наукам не обучены, - сказал Друм.

- Зато я обучен хорошим манерам, - сказал Питер. - Доброй ночи, профессор.

Друм расплел свои волосатые ноги, подобрал выпавшие у него из карманов коробочки и колбы и встал.

- Вы еще пожалеете об этом, мистер Флокс, помяните мое слово! - сказал он.

- Я вам еще раз повторяю: изложите мне суть вашей проблемы или доверьте ее бумаге, а я передам в вышестоящие инстанции. Больше ничего сделать не могу.

- Хорошо, а если в ближайшие дни откроется что-нибудь новое и мой эксперимент можно будет считать законченным, - могу ли я снова нанести вам визит? - спросил Друм.

- Безусловно, - неохотно ответил Питер.

- Надеюсь, все быстро выяснится, - сказал Друм, вытер нос тыльной стороной ладони и сунул ее Питеру. - Спасибо вам за доброту. Извините, что отнял время, - пропищал он и пугливо выскользнул из комнаты.

Питер тут же бросился мыть руки, а затем налил себе стакан виски куда больше предыдущего. Он решил сразу доложить о госте Ганнибалу и впервые испытал на себе капризы загородной телефонной сети Зенкали. Подняв трубку, он услышал странный щелчок, похожий на пистолетный выстрел, а затем жуткий гул, вроде концерта для водопроводных труб в сопровождении роя пчел. Он набрал номер Ганнибала и услышал в трубке голос, доносившийся будто с того света:

- Да, сэ', мистер Флокс. Кого позвать?
- Кто говорит?
- Наполеон.
- Ганнибала можно?

Последовала длительная пауза, но было слышно, как Наполеон Ватерлоо с кем-то переговаривается,

- Иисус говорит, что мистера Ганнибала нет дома, - неожиданно ответил Наполеон.
- Иисус?! - удивился Питер, так до конца и не успевший привыкнуть к зенкалийским именам.
- Да, Иисус говорит, что Ганнибал поехал в Дом правительства. Соединить вас с Домом правительства? - спросил Наполеон.

- Валяй, - ответил Питер и вдруг понял, что диск на его аппарате совершенно бесполезен и служит разве что украшением столь хитроумного устройства. Соединение происходило хоть и с шумом, но быстро - сначала с центральным полицейским участком, потом с рыбным рынком и, наконец, к радости Питера, с Домом правительства. Трубку взял сам Ганнибал. Питер все рассказал ему о госте.

- Как он всем надоел! - сказал Ганнибал. - Не будь он столь омерзителен, было бы еще ничего: с ним так интересно, когда он говорит на свои любимые темы! Но ты сам видел, как он любит играть в тайны! Вот только недавно прожужжал все уши и мне, и королю, что сделал важное открытие, а это оказалась всего-навсего неизвестная науке разновидность медузы, и он хотел назвать ее именем Кинги. Да не принимай ты его всерьез! Понимаю, тебе обидно, что он держал себя с тобой так грубо; но он со всеми так, и непонятно, почему бы он стал делать для тебя исключение.

- Да я просто хотел сообщить, - сказал Питер.

- Прекрасно. Но в самый разгар внутреннего кризиса мне положительно не до Друма.

- А что стряслось? Могу ли я чем-нибудь помочь?

- К сожалению, нет. Случилось то, что Изумрудная леди обнаружила нехватку простыней для Очень Важных Персон. Что же мне, жертвовать свои на общее дело, а самому париться под одеялом? - раздраженно вскричал Ганнибал. - Эх, намылил бы я шею британскому правительству за такую скарედность!

- Я тут отлучусь на пару дней. Хочется побродить по долинам реки Матакамы вместе с Одри.

- Прекрасно. А может, мне с тобой поехать? А то подозреваю, что вам вдвоем будет скучно.

Питер захихикал в ответ.

- Да смотри не заблудись в этих долинах! Они даже как следует не нанесены на карту. Смотри, я тебя потом искать не буду!

- Что вы, я буду осторожен, - сказал Питер.

На следующее утро Питер и Одри выехали в горы. Погода оказалась столь благосклонна к путникам, что они даже решили не брать с собой палатку. Но два теплых спальных мешка захватить пришлось, ибо, как ни жарко на Зенкали днем, ночью там довольно прохладно, тем более в горах. Одри испекла по два небольших пирога на каждого - один большой просто не поместился бы в машине. Не отставал и Питер, напихавший в рюкзак столько всякой всячины, что в течение двух дней можно было вести не то что сносную, а вполне роскошную жизнь. Чего тут только не было: и консервы, и чай, и спички, и даже нейлоновые веревки и фотоаппарат. Небо сияло голубизной, и радость жизни переполняла душу Одри, как никогда прежде. Они катили по красной дороге вдоль высокого берега Матакамы. С обочины за машиной с интересом наблюдали мангусты, а затем

шмыгнули в кусты. Раз дорогу перебежало стадо диких свиней - маленьких, округлых, черных, с пухлыми брюшками и отвислыми ушами. Когда машина оказалась в опасной близости, свинки в испуге принялись визжать, фыркать и пихать друг друга пяточками.

А вот и дикий край, где пролегает долина Матакамы, от которой отходят дочерние долины. Справившись по карте, предусмотрительно захваченной Питером, путники решили пересечь основную долину и исследовать три меньшие. Прыгая со скалы на скалу, они перебрались на другую сторону реки, при этом изрядно рискуя сломать себе шею, так как скалы были очень скользкими и покрыты густой мягкой растительностью, цеплявшейся за гладкую поверхность хрупкими корешками.

Пугаясь непрошенных гостей, тревожно кричали зимородки, перепархивая с ветки на ветку во мраке леса. Когда переправа, точнее, «перепрыжка» на тот берег была закончена, шагать стало легче, хотя то там, то здесь путь преграждали густые и прямые, словно трости в витрине шляпного магазина викторианской эпохи, побеги китайской гуавы. В таких случаях приходилось орудовать топором. Питер тщательно отмечал путь по карте, а также оставлял метки, чтобы потом легко было найти дорогу назад. Там, где лес был не столь густым, земля была усеяна бледно-красными цветами, и, словно гигантские остовы для корзин, повсюду росли кусты дикой малины; их красные, как рубин, плоды размером с мелкую сливу были очень сочными, но почти безвкусными. Среди листьев кормились влюбленные пары скромных маленьких голубей - серых с бронзовыми пятнами на крыльях. Они казались настолько ручными, что продолжали свою трапезу даже тогда, когда Питер и Одри приближались к ним на несколько футов. Повсеместно росли пальмы путников с ядовито-зеленым асимметричным оперени-

ем, словно полуоткрытые дамские веера, неизвестно зачем оказавшиеся посреди леса. Их длинные потрепанные листья служили приютом ящерицам фелсума, которые грелись на солнце. Глаз не оторвешь, любуясь, как элегантно возлежат на листьях эти зеленые, с алыми и голубыми пятнышками по бокам созданыя. Но наивно полагать, будто похожие на сказочных дракончиков твари забыли обо всем на свете - они бдительно следят за окружающей жизнью крохотными золотыми глазками, слегка наклонив головки. Пробираясь сквозь чащобу, Питер и Одри шли под дождем из скорлупы лесных плодов, которую сбрасывали на них изумрудные попугайчики, кормившиеся на верхних ветвях. Радуюсь жизни, эти милые птицы весело пищали, переключаясь друг с другом.

К вечеру Питер и Одри успели облазить первую долину и были на полпути ко второй. На ночлег решили устроиться под небольшим скальным выступом. Отсюда, с крохотной лужайки, окруженной с трех сторон «огненными» деревьями в цвету (отчего они и кажутся объатыми пламенем), сквозь верхушки деревьев, растущих понизу, открывался прекрасный вид на голубеющее вдали море.

Питер и Одри развели костер и поужинали. Между тем зашло солнце, в воздухе послышался шорох кожистых крыльев летучих мышей: они летели стаями в расположенный внизу лес. Раздавшиеся оттуда вскоре шум и писк свидетельствовали о том, что ночным крылатым созданыям пришлось по вкусу дикие плоды манго. И наконец, венцом торжества ночи стало царственное восхождение луны. Сначала она была бронзовой, затем приобрела бледно-желтый цвет примулы, а воцарившись на черном бархатном небе, стала белой, словно лед.

Сладкий сон путешественников был грубо прерван поутру хриплыми криками и перебранками макак с хитрыми глазками и розовыми седалищами. Позевывая и потягиваясь, Питер выполз из спального мешка.

- С добрым утром, - сказала Одри. - Может, поставишь чайку?

- Охотно, - сказал Питер, склонившись над угольками и бросая горсть за горстью сухие веточки, чтобы пламя разгорелось. - И даже поставлю вариться сосиски, которые, к счастью, догадался захватить.

- Ты просто золото! - восхищенно сказала Одри. - И вдобавок ко всему прочему, еще и не храпишь.

- То-то! - сказал Питер. - Перед тобой - образец добродетели! Ты что, поняла это только сейчас?

- Вот посмотрю, как ты сваришь сосиски, - тогда повею! - заявила она, вылезая из мешка.

- А что ты думаешь? Я удивлял весь белый свет, от Стамбула до Бангкока и от Перу до Катманду, своим искусством варить сосиски. Если не похвалишь моего коронного блюда - смотри, не сносить тебе головы!

...Путники неохотно покинули столь ласково уютившую их лужайку и отправились к следующей долине. Время близилось к полудню, а они все еще искали ее и уже решили, что либо она нанесена на карту ошибочно, либо они каким-то образом обошли ее стороной. Прорубив себе путь сквозь чашу китайской гуавы, они неожиданно оказались на краю пятидесятифутового обрыва. Он шел почти перпендикулярно и простирался в обе стороны, насколько хватало глаз.

- Слава Богу, что я захватил веревки, - сказал Питер. - Спуститься будет не проблема: я посмотрел, там есть где ставить ноги.

- Прежде чем спускаться, подумай, как вернешься назад, - с сомнением сказала Одри.

- Ничего. Особых трудностей не будет, это я тебе обещаю, - доверительно сказал Питер.

Он привязал один конец веревки к прочно укоренившемуся деревцу, а другой сбросил вниз. Конец веревки упал в нескольких футах от поверхности земли, затерявшись среди кустов.

- Я пойду первым, - сказал он. - Потом спустишь наши вещи и слезешь сама. Ничего не бойся, только поаккуратнее ставь ногу. О'кей?

- О'кей, - сказала Одри как можно убедительнее, чтобы собеседник поверил ей. Втайне она была польщена: значит, Питер верит, что она сможет обойтись без женской истерики.

Питер схватился за веревку и начал быстро спускаться. Ноги-то поставить было где, но поверхность скалы, как оказалось, готова была искрошиться в прах, и ему пришлось призвать на помощь осторожность. Когда до земли оставалось всего двадцать футов, крупный кусок скалы, на который он уже собирался перенести свою тяжесть, рухнул со страшным шумом. Это было так неожиданно, что бедолага выпустил из рук веревку. Одри с ужасом наблюдала, как он катился, словно куль, по поверхности скалы, а затем нырнул головой в кусты и исчез из виду.

- Питер! - крикнула она. - Как ты там?

Ответа не последовало.

К счастью, кусты китайской гуавы - той самой проклятой гуавы, которая глушит все на свете, - амортизировали падение незадачливого скалолаза. Наш герой отделался царапиной на лбу, подвернутой лодыжкой да несколькими синяками на боках. Он лежал в кустах без движения и, хоть и слышал, как Одри зовет его с вершины скалы, не в силах был даже набрать воздуха в легкие, чтобы ответить. Когда же наконец дыхание у него вос-

становилось, он перешел в сидячее положение и уже готов был крикнуть, что все в порядке, как вдруг услышал в ближайшем кустарнике шорох и увидел сквозь листву неведомую крупную птицу.

Питер не мог поверить своим глазам. Он ожидал чего угодно, но только не этого. Пред ним во всей своей красе стоял живой пересмешник.

Наш герой сидел, словно громом пораженный. Птица шаловливо разглядывала его, затем медленным шагом направилась в сторону лужайки. Питер любовался, как грациозно она поднимает ноги и поворачивает голову - словно искусный учитель танцев в изысканном маскарадном костюме птицы. Прошествовав изящным семенистым шагом сквозь побеги гуавы, она хлопала крыльями. Раздался звук, будто кто-то тасовал колоду карт. Питер обратил внимание на длинные ресницы птицы. Когда она поднимала их, в больших искрящихся глазах вспыхивал добрый свет. Судя по всему, любопытство, которое выказала птица при виде Питера, было куда меньше, чем потрясение, испытанное Питером при взгляде на нее. Внезапно в кустах снова раздался шорох и хлопанье крыльев - это на лужайку выступила самка. При виде кавалера издаваемые ею высокие писклявые звуки сменились ласковым, утешающим бормотанием. Она подошла к самцу и слегка причесала перышки у него на грудке - так иная не в меру ревностная супруга поправляет галстук у своего благоверного. Сидя и наблюдая за происходящим, Питер чувствовал, как все его существо переполняется неизъяснимым волнением. Перед ним ласково кокетничала пара птиц, почитавшихся давным-давно исчезнувшими.

У самца был глубокий вибрирующий голос. Представьте себе, что кто-то поставил в подпол виолончель и развлекается тем, что швыряет в нее картофелину за кар-

тофелиной, - такими звуками он призывал свою возлюбленную. Подруге же в тот момент было явно не до него: она приводила в порядок свой наряд примерно с таким же тщанием и раздражением, как пожилая леди, зашемившая платье дверью лифта в универмаге «Херродс». Окончив туалет, она ответила несколькими неясными звуками, похожими на мурлыканье, и обе птицы ласково поглядели друг на друга и на Питера. Сойдясь, они скрестили клювы, словно заправские дуэлянты - стальные клинки, и принялись целоваться, издавая при этом такой звук, будто кто-то проводил палкой по деревянному штакетнику. Обменявшись приветствиями, они воздели клювы к небу, закрыли глаза и затянули свою насмешливую песню.

«Ха! Ха! Ха! - выпевали они, да так, что горлышки дрожали. - Ха! Ха! Ха!»

На какое-то мгновение птицы замолкли, уставившись в землю, а затем самка исполнила короткий, но интригующий менуэт, в результате чего едва не упала клювом вниз. Закончив этот ритуал, птицы взглянули друг на друга с видимым выражением привязанности, коротенько поцеловались и принялись бродить по лужайке, обмениваясь любезностями и вороша листья в поисках насекомых.

Питер отряхнул с себя мох и землю. Птицы шаловливо поглядели на него и двинулись вперед. Они стояли всего в каком-нибудь футе и смотрели на Питера с нескрываемым интересом. Наконец кавалер с видом гурмана, пробуящего новый деликатес, клюнул Питера за брюки. В ответ Питер протянул руку, и птицы стали нежно хватать его клювами за пальцы, потом переглянулись и затянули свое мягкое и мелодичное «Ха! Ха!.. Ха! Ха!», должно быть выражая таким образом впечатление от встречи. Они снова подергали клювами его брюки, затем

рубашку и, подняв длинные ресницы, застилавшие темные глаза, пристально посмотрели ему в лицо. Наконец, продемонстрировав свое миролюбие и доброжелательство по отношению к пришельцу, они направились в кустарник, переговариваясь между собой глубокими вибрирующими звуками.

Питер лег на спину, пытаясь переварить произошедшее с ним невероятное событие. Он снова услышал, как Одри зовет его с края обрыва, но ответить по-прежнему не мог. Он лежал неподвижно, устремив взгляд к небу. Его переживания были сродни чувствам человека, который зашел в знакомую писчебумажную лавку купить поздравительную открытку, а там ему ни с того ни с сего предлагают чудом сохранившуюся Библию Иоганна Гутенберга. Или счастливец, который неожиданно обнаружил среди чердачного хлама считавшуюся утерянной скрипку Страдивари. Нет, случившееся с ним куда значительнее! Ведь если Гутенбергову Библию, в конце концов, можно переиздать факсимиле, если сохраняется надежда когда-нибудь с помощью науки докопаться до секретов скрипок Страдивари, то птицы, которых он только что видел, - уникальны. Исчезнут они - и ничто их не вернет.

- Питер, Питер! С тобой все в порядке? - В голосе Одри начинало звучать отчаяние.

У Питера по-прежнему кружилась голова от неожиданной встречи, но все же он собрался с силами и ответил:

- Одри... Ты слышишь меня?

- Да... С тобой все в порядке?

- Да, да, не волнуйся! Достань еще одну веревку, привяжи покрепче к дереву и скорей сюда. Я нашел кое-что невероятное.

- Да ты что?! Ты... уверен, что с тобой все в порядке?!

- Ну да же, да, - ответил он нетерпеливо. - Скорее сюда!

Несколько минут спустя она прыгнула, словно богиня с неба, и мягко спружинила подле него.

- Ой, как ты меня напугал! - напустилась она на своего друга. - Что ж ты не отвечал, я так звала! Я уже думала, что ты сломал себе шею.

- Я вел беседу с парой птиц, - ответил он.

У Одри глаза на лоб полезли от удивления.

- Как это... с парой птиц? - спросила она.

- С парой птиц-пересмешников.

- Как пересмешников?!

- Именно так. Настоящих, живых пересмешников в самом соку. Они даже клевали мне брюки.

Девушка обеспокоенно посмотрела на него.

- А ты случайно... не расшиб себе голову? - взволнованно спросила она.

- Вовсе нет, - сказал Питер. - Пойдем, я тебе покажу.

Он схватил ее за руку и потащил через кустарник туда, где скрылись птицы. А вот и они: гуляют себе по лужайке, ищут насекомых, весело кокетничают друг с другом - и всего в каких-нибудь пятидесяти футах! Одри смотрела, не веря глазам своим.

- Вот это да!.. Клянусь Святым Петром и остальными апостолами, это не сон!

- Вот именно. Пара настоящих птиц-пересмешников в самом расцвете сил, - гордо сказал Питер.

- Питер... Это же невероятно! - воскликнула девушка.

Между тем пересмешники проявили к Одри особый интерес. Питера-то они уже успели обследовать с ног до головы, теперь настал черед его спутницы. Птицы нежно пощупали клювами джинсы и пальцы рук девушки, чтобы выяснить, являются ли они съедобными. Очевидно, сочтя, что полученной таким путем информации

вполне достаточно, они снова поцеловались клювами, подняли глаза к небу и хором затянули свое «Ха! Ха!.. Ха! Ха!».

Одри села на корточки и стала подзывать птиц, щелкая костяшками пальцев. Когда птицы подошли к ней вплотную, она ласково погладила им головы. От наслаждения пернатые закрыли глаза и заворковали.

- Ну, не очаровашки? - спросила она с восхищением, улыбаясь Питеру. - Они такие ручные... Прямо как домашние хохлатки.

- Вот потому-то их и перебили в первую очередь, - сказал Питер. - Интересно, сколько их тут может быть?

- Это совсем крохотная долина. Не думаю, чтобы их здесь было много, - сказала Одри. - Может, только эта пара.

- А может быть, и нет, - ответил Питер, оглядевшись вокруг.

- Ну, так облазим все вокруг и выясним, - предложила девушка.

- Боже мой... Вот это да! - неожиданно выпалил Питер.

- Что случилось? - спросила Одри в изумлении.

- Да ты только взгляни... - в волнении пробормотал Питер. - Все деревья вокруг - деревья омбу...

- Боже... Это действительно так! - воскликнула Одри. - Фантастика, Питер! Взгляни... Да их тут десятки!.. Вся долина полна ими!.. То-то Феллугона будет рад!

- Не говоря уже о Стелле, - добавил Питер. - Все закачаются, когда мы вернемся и обо всем расскажем!

- Думаю, первым делом нужно, доложить Ганнибалу, - сказала Одри. - Но прежде облазим долину и выясним, нет ли там еще птиц.

Долина оказалась около полутора миль в длину и около полумили в ширину. По ней, извиваясь, тек ручей, ко-

торый в одном месте расширялся, образуя небольшое озерцо. Песок и грязь по берегам его были покрыты, будто ковром, узором из отпечатков лап пересмешников. Вот это здорово, - значит, их тут не одна дюжина. Но потребовалось некоторое время, чтобы отыскать и самих птиц. Облазив долину вдоль и поперек, наши отважные герои за два с половиной часа насчитали около четырехсот деревьев омбу и пятнадцать пар пересмешников. Кроме того, они открыли другой вход в долину и обнаружили, что она прямая, как лезвие ножа; с обеих сторон ее тянулись такие же обрывы, как тот, с которого они спустились. Двигаясь по течению ручья, Питер и Одри нашли расщелину, в которую падала вода. Забравшись туда, они выяснили, что расщелина становится все уже и уже и в конце концов сужается настолько, что человек едва может пройти в нее. Тут они увидели в конце солнечный свет, и до их ушей донесся звук водопада. Протиснувшись сквозь гущу ползучих растений, они обнаружили, что поток, образуя несколько небольших водопадов, устремляется в долину Матакамы. Было ясно, что если эту последнюю затопят, под водой окажется и Долина пересмешников.

- Как же с ними поступят? - спросила Одри по дороге к отвесной скале, с которой они спускались. - Переловят всех и перевезут куда-нибудь в другое место?

- Возможно. Правда, мне не совсем ясно, куда их можно перевезти. Но я надеюсь, им будет хорошо в любой долине. Впрочем, тем, кто станет это делать, придется проявить большую осторожность, иначе может возникнуть хорошенькая заварушка на религиозной почве.

- Как на религиозной? Почему на религиозной? - спросила Одри.

- Видишь ли, эта птица - считавшееся утраченным божество фангуасов, - сказал Питер. - Хотя не исключено,

конечно, что все они сделались завзятыми христианами и теперь им на это наплевать.

- Как бы там ни было, я чувствую, что заварушка в результате нашего открытия будет та еще, - задумчиво сказала Одри.

Дальнейшие события подтвердили ее правоту, но в тот момент они и представить себе не могли, какой шум вызовет находка пересмешников.

Было уже темно, когда наши путешественники добрались до обиталища Ганнибала, который как раз собирался приступить к обильному ужину. Когда они, грязные и растрепанные, ворвались к нему в столовую, он отложил вилку и устремил на них изумленный взор.

- Так-так. Судя по вашему внешнему виду, у вас за плечами масса славных подвигов и походов, как у настоящих бойскаутов, - произнес он. - Отлично. Значит, вам нужен хороший, плотный ужин. Слава Богу, мой повар всякий раз ухитряется наготовить столько, что хватило бы на все его восемьдесят четыре ныне здравствующих родича, так что голодными не останетесь. Эй, Могила! Будь любезен, поставь еще два прибора.

- Ганнибал, мы сделали величайшее открытие! - сказал Питер.

- Мы обнаружили, что долина реки Матакама... - взволнованно начала Одри.

- Полна деревьев омбу и птиц-пересмешников, - продолжил Питер.

- Да, да... Полна. Это просто чудесно, - завершила девушка.

Ганнибал глядел на них, потрясенный.

- Послушайте... а вы случаем... малость не перебрали «Нектара Зенкали»? - спросил он. - Вы ведь прекрасно

знаете, к чему приводят излишества в употреблении этой лучезарной жидкости.

- Ганнибал, мы серьезно, - сказал Питер. - Нами открыто около четырехсот деревьев омбу и пятнадцать пар пересмешников.

Ганнибал посмотрел собеседникам прямо в глаза и понял, что они не лгут.

- Боже... Вот это да! - вымолвил он. - Ну, расскажите, расскажите скорее!

Питер и Одри бросились наперебой рассказывать, а их ужин нетронутым остывал на столе. Когда они закончили, Ганнибал повел их в гостиную и расстелил на полу крупномасштабную карту. Вглядевшись в нее, наша взволнованная парочка отыскала-таки долину, за которой с легкой руки навсегда закрепилось название «Долина пересмешников».

Ганнибал осмотрел местность на карте с помощью сильной лупы.

- Беда в том, - сказал он, - что топографические исследования горной части острова не проводились уже много лет. Правда, эти топографы - такие отъявленные пьяницы, что едва ли могут отличить омбу от дуба, а пересмешника от гуся. Но если вы верно определили местоположение долины, значит, если будет затоплена долина реки Матакама, та же участь постигнет и ее. Да, выкинули вы штуку! Как выразилась бы ее Неправдоподобие... то есть ее преподобие Длиннаяштанина, вы разворошили осиное гнездо. Прежде всего нужно связаться с Кинги и сообщить ему обо всем.

Ганнибал придвинул телефон.

- А, это вы, Наполеон?

- Да, сэ', масса Ганнибал, - ответил хриплый проникновенный голос.

- Соедини меня с Королевским дворцом, да поживей, - приказал он.

- Сию секунду, сэ', - донесся из трубки, словно кваканье лягушки из колодца, полный сомнения голос Наполеона. Он мигом соединил Ганнибала сначала с портом, потом с Домом правительства, затем с пожарной охраной и снова с портом.

- Черт возьми! - рявкнул Ганнибал. - И ты удивляешься, что король изобрел трость-письмоноску?

Наконец в трубке раздался такой хлопок, что она чуть было не взорвалась, как граната. Зато связь с дворцом была установлена, причем трубку взял сам король.

- Простите за столь поздний звонок, - сказал Ганнибал, - но у меня для вас сообщение чрезвычайной важности. Питер Флокс и Одри Дэмиэн сделали величайшее открытие, и я думаю, вам нужно доложить об этом в первую очередь. Могли бы мы прибыть к вам и рассказать?

- Разумеется, - ответил Кинги, - коль скоро это так важно.

- Боюсь, это произведет эффект разорвавшейся бомбы, - серьезно сказал Ганнибал. - Это не телефонный разговор. Сейчас подъедем.

Когда Ганнибал и юные первооткрыватели добрались до дворца, он был весь в огнях. Гостей долго вели по длинным мраморным коридорам, наконец перед ними распахнулись огромные двойные двери и они вошли в большую гостиную, уставленную кушетками с немыслимым количеством подушек и странной неуклюжей викторианской мебелью. На одной из кушеток, почти утопая в ней, возлежал Кинги со своим сыном-наследником, принцем Талибутом двух лет от роду. Мальчуган прыгал у папаши на животе и визжал от радости, когда родитель щекотал его. На другой кушетке сидела высо-

кая стройная зенкалийка редкостной красоты - принцесса Матисса. Она встала, грациозным жестом поприветствовала гостей и предложила напитки, а затем взяла за руку своего не в меру расшалившегося отпрыска и легкой поступью вышла из зала.

- Ну что ж, - сказал Кинги, когда она покинула гостиную, - говорите без утайки, с чем пришли. Надеюсь, это не очередная вновь открытая для науки медуза? Право же, моим именем нельзя назвать больше чем одну.

- Нет, это не медуза, - сказал Ганнибал. - Это кое-что посущественней. Вот эта парочка лазила по долинам в районе реки Матакама и обнаружила в одной из них множество деревьев омбу и пересмешников.

В гостиной воцарилось долгое молчание. Король широко раскрытыми глазами смотрел на собеседников.

- Да вы что... издеваетесь надо мной? - выдавил он наконец.

- Нет, нет, это правда, - сказал Питер. - В это невозможно поверить, но это правда.

- Пятнадцать пар, - добавила Одри, - и все такие ручные! Они вам так понравятся, Кинги!

- И приблизительно четыре сотни деревьев омбу, - заключил Питер.

Кинги и Ганнибал обменялись долгими многозначительными взглядами.

- Так что же... Вы не считаете, что это замечательное открытие? - изумленно спросила Одри.

Ганнибал и Кинги, как по команде, встали со своих мест и принялись ходить взад-вперед по гостиной, словно часовые. Хоть Ганнибал и не был коротышкой, но по сравнению с Кинги он выглядел карликом. Измеряя шагами гостиную, они обменивались репликами, причем каждый, судя по всему, претендовал на роль адвоката дьявола.

- Так что же, вы не считаете великим событием обретение заново вашего старинного бога? - спросил Ганнибал.

- Это, конечно, вызовет трения с миссионерами, - сказал Кинги.

- С другой стороны, это вызовет проблемы с затоплением долины, - сказал Ганнибал.

- Мы не имеем права затоплять ее. Даже если мы сами захотим, общественное мнение воспротивится, - сказал Кинги.

- Но ведь птиц можно переловить и переселить куда-нибудь в другое место.

- А деревья омбу? Мы же не можем выкопать их и пересадить, - парировал Кинги.

- Если мы не затопим долину, весь наш с англичанами проект полетит к черту.

- Точно. А Лужа сядет в лужу и подхватит простуду, - сказал Кинги, зажмуриваясь от удовольствия.

- Но, с другой стороны, правительство Великобритании вряд ли будет обрадовано. Они попробуют оказать на нас давление.

Кинги и Ганнибал снова принялись вышагивать по гостинной, на сей раз не произнося ни слова.

- Конечно, - сказал Кинги. - Есть только один путь избежать этого.

- А именно? - спросил Ганнибал.

- А именно - затопить долину, не сказав никому ни слова.

- Точно, - сказал Ганнибал.

Питер и Одри, потрясенные, смотрели друг на друга.

- Но, с другой стороны, - рассудительно сказал Кинги, - имеем ли мы право лишать мир части его биологического наследия, а наш собственный народ - его старинного бога?

- Сказать по совести, я не нахожу ни одного аргумента, оправдывающего такой поступок, - заметил Ганнибал.

Кинги глубоко вздохнул. В его вздохе звучало отчаяние.

- Похоже, нам придется перестать деликатничать и поступиться интересами Лужи, - сказал он скорбным тоном, хотя лицо его так и сияло от удовольствия.

- Так вы - «за»? - спросил Ганнибал.

- Ну да, да, я «за», «за»! - с раздражением ответил Кинги.

- Вот и прекрасно, - с облегчением выдохнул Ганнибал.

- Но! - предупредил Кинги, подняв свой длинный толстый палец цвета шоколада. - Не избежать жуткой драчки! Не следует думать, что Лужа спокойно примет все как должное. Значит, дело надо провернуть с большой осторожностью, иначе он попытается скинуть меня и получится хорошенькая катавасия.

- А что, нельзя издать специальный указ? - спросила Одри. - Вы же король, как-никак!

- В том-то и дело, что нельзя, - сказал Кинги. - Мне нет равных, когда я веду себя как диктатор, но право же, должен быть иногда хоть какой-то проблеск демократии!

- Застаньте их всех врасплох, вам мой совет, - сказал Ганнибал. - В конце концов, этого они ожидают меньше всего! Первое, с чего начнете завтрашнее утро, - раструбите об этой истории местной и мировой прессе, и я гарантирую вам такой шум, что поостынут даже самые горячие защитники проекта.

- Вы еще не знаете Лужу, - сказал король.

В течение следующего часа Кинги и Ганнибал меряли шагами гостиную, обсуждая стратегию. Наконец, когда

было оговорено все по пунктам, они приступили к действию, Одри срочно командировали к отцу, чтобы он тут же явился в редакцию: пусть хоть всю ночь работает, но к утру спецвыпуск «Голоса Зенкали» должен быть готов! Личный секретарь Кинги Эймос Гумбалу получил задание сесть на телефон и обзвонить всех членов Законодательного совета, созывая их на специальную встречу завтра в полдень. Королевского курьера тут же снарядили в единственную в Дзамандзаре фотолабораторию, чтобы там проявили все отснятые Питером пленки, и приставили к нему королевского гвардейца - проследить за выполнением поручения. Между тем Ганнибал и Питер в спешном порядке сочиняли пресс-релиз, который поутру собирались отправить по телеграфу корреспонденту агентства «Рейтер» в Джакарте. Едва высохли чернила, как они тут же бросились в редакцию поинтересоваться, не могут ли они чем-нибудь помочь, и застали весь штат в состоянии сильного волнения: отец и дочь, с головы до пят заляпанные типографской краской, уже верстали первую полосу. Около десяти вечера были запущены печатные машины, и вскоре все собравшиеся с гордостью разглядывали оттиснутый жирной-прежирной краской сигнальный экземпляр «Голоса Зенкали» с алым грифом «Спецвыпуск». Непосредственно под заголовком было указано, что Дэмиэн, в порыве ирландского энтузиазма, сочинил и набрал все сам, ни с кем не проконсультировавшись, - заявление откровенное, но пробуждавшее сомнения в правдивости всего изложенного. Зато сама за себя говорила огромная фотография пересмешника с подписью:

БОГ ОБРЕТЕН ВНОВЬ!

ПТИЦА НЕ КАНУЛА В НЕБЫТИЕ!

Этому заголовку суждено было приковать к Зенкали внимание всего мира.

Конечно, находка дерева омбу и пересмешника - событие, само по себе сенсационное во всемирной биологии и заслуживающее того, чтобы весь мир засуетился. Но прибавьте к этому, что открытие было сделано в долине, куда практически не ступала нога человека и которой вдобавок грозило затопление, а птица являлась старинным божеством аборигенов, - и любой газетчик вам скажет, что этого вполне достаточно для начала новой мировой войны. А поскольку к тому же через два дня в порту Дзамандзара должна была пришвартоваться «Императрица Индии» с войсками, оркестрами и Очень Важными Персонами на борту, то объективно описать ситуацию, которая складывалась на Зенкали, мог только непредубежденный историк.

На следующее утро отец и дочь Дэмиэн, Ганнибал и Питер направились в здание парламента. Парламент располагался в большом уютном зале с алыми, обитыми кожей креслами, спинки которых были сделаны в виде двух полумесяцев. Перед креслами стоял громадный деревянный трон, над ним нависал балдахин с изображениями дельфина и пересмешника. Беломраморный пол был устлан малиновыми коврами. Малиновые занавески ниспадали толстыми складками, прикрывая окна, сквозь которые в залу струился солнечный свет. Вся четверка расселась на деревянных скамеечках на высоко расположенных хорах, похожих на ласточкины гнезда, прилепившиеся в одном из углов. Это были места для Очень Важных Персон и для прессы.

Королевский секретарь Эймос Гумбалу блестяще справился с заданием, и ассамблея собралась в полном составе. Слева места занимали фангуасы, справа - гинка. Большинство племенных вождей носили традиционные белые или пестрые одеяния и тубетейки, украшенные богатой вышивкой, но несколько были одеты по-евро-

пейски. Среди этих последних бросался в глаза Лужа, одетый в изысканный костюм цвета бархатной синей ночи, бледно-желтую рубашку цвета примулы, ярко-голубой шелковый галстук и новые туфли под цвет рубашки.

Ровно в полдень фанфаристы во дворе парламентского здания возвестили о прибытии Его Величества в собственной королевской карете, которая была гораздо больше других и роскошно украшена. Экипаж подкатил к ступеням, и вышел Кинги - в бледно-лавандовой мантии и элегантных черных сандалиях с золотыми пряжками. На голове его была надета маленькая расшитая золотом тюрбетейка. На одной руке красовалось кольцо с квадратным аметистом размером с почтовую марку. В другой он держал свиток. Его лицо было невозмутимо спокойным, так что нельзя было догадаться, что у него на уме. Видя, каким отдохнувшим и расслабленным выглядит владыка, Питер подумал: «Никому и в голову не придет, что он и Ганнибал целую ночь трудились над заявлением, которое Кинги сейчас огласит». Высокий и статный, он шествовал по малиновому ковру, ведущему к трону.

Все присутствующие встали и поклонились. Направляясь к трону, Кинги постоянно кивал головой направо и налево. Каждый дюйм его шестифутового тела был исполнен величия, а походка, несмотря на огромные габариты, была мягкой и скользящей. Поднявшись по ступеням на трон, он повернулся, поприветствовал собравшихся в зале кивком головы и сел. Тут же по всему залу раздались шум и скрип - это вслед за монархом садились участники встречи. А вот и Лужа собственной персоной - так нежно хлопает себя пальчиком по коленке, а глаза - ну, совсем без выражения, как у рептилии! Интересно, как-то он воспринял новость? Кинги неспешным, но решительным жестом вынул футляр с очками и нацепил

их на нос, после чего медленно, с достоинством развернул свиток.

- Он знает свою роль, старый черт, - прошептал Ганнибал.

Король еще раз поправил очки и мгновение-другое проглядывал текст, который должен был зачитать. В зале воцарилась напряженная тишина.

Прокашлявшись, владыка начал:

- Друзья! Мы собрались здесь сегодня, точнее, я в срочном порядке собрал вас сегодня, чтобы довести до вашего сведения новости, имеющие для Зенкали первостепенную важность. Иными словами, значение того, что я имею вам сообщить, настолько огромно, что вряд ли может быть преувеличено. Я хочу сказать, что важность известия, которое вы сейчас услышите, не имеет прецедента во всей истории Зенкали. Я бы даже сказал, что ничего подобного не имело места во всей мировой истории.

На этом месте Кинги прокашлялся, вынул носовой платок и тщательно протер им стекла очков. Тишина в зале стояла такая, что ее почти можно было потрогать рукой. Оратор снова надел очки и устоял в зал.

- Как нам всем доподлинно известно, - высокопарно продолжал он, - в тот печальный период, когда мы находились под французским владычеством, фангуасы понесли весьма прискорбную потерю: они лишились своего старинного и самого почитаемого божества Тио-Намала, которого на острове представляли в образе птицы-пересмешника. Тяга французов к изысканной кухне взяла верх над французской учтивостью. Они не пощадили пересмешника, не взирая на его святость в глазах фангуасов. Бедная птица стала достоянием прошлого.

Оратор сделал паузу.

- Горестно говорить... - продолжил он, вынул носовой платок и снова протер очки, - ...горестно говорить, что с исчезновением пересмешника список навсегда утраченных биологических видов, некогда существовавших на Зенкали, пополнило и дерево омбу. Еще прискорбней то, что фангуасы потеряли свое божество. Это привело к всплеску враждебности между фангуасами и гинка.

В этом месте король вновь сделал паузу и яростно, в упор посмотрел в ту сторону, где, тихо покачиваясь, сидели представители племени гинка.

- Однако, - сказал король, поднимая огромную ручищу ладонью наружу, как бы благословляя, - новость, которую я вам сейчас сообщу, можно без преувеличения считать чудом. - После этих слов он озарил собравшихся своей роскошной улыбкой. - Ни дерево омбу, ни птица-пересмешник не канули в небытие. Они снова с нами! - закончил он.

В зале тут же поднялся невообразимый шум. Фангуасы вставали во весь рост и орали не своими голосами, с некоторыми сделалась истерика; гинка свистели, перешептывались и жестикулировали. Король позволил в течение минуты выплескивать накопившиеся эмоции, а затем поднял свою могучую ладонь, и в зале снова воцарилась тишина.

- Позвольте теперь рассказать о том, как же произошло это замечательное открытие. Всем вам хорошо знакомы Питер Флокс и Одри Дэмизн. Исследуя район реки Матакама, они наткнулись на удаленную долину, хранившую свои тайны. Там они нашли не менее пятнадцати пар пересмешников и около четырехсот деревьев омбу.

Фангуасы, которые слушали последнюю фразу затаив дыхание, одновременно сделали полный выдох. Питер, все это время не сводивший взгляд с Лужи, обратил вни-

мание на то, что его и без того маленькие глазки уменьшились до бесконечно малого размера, а пальчик, непрерывно стучавший по коленке, наконец успокоился.

- Однако, - сказал король, сняв очки и помахав ими в воздухе, - хотя только что сообщенная вам новость обладает чрезвычайной важностью как с биологической, так и с религиозной точки зрения, я не вправе скрывать от вас тот факт, что это событие влечет за собой осложнения. И весьма серьезные осложнения.

Оратор вновь сделал паузу. Лужа незаметно сдвинулся ближе к краю своего кресла.

- Проблема заключается в следующем. Если мы собираемся воплотить в жизнь проект, о котором пока лишь ведутся разговоры, мы столкнемся со значительной трудностью. А именно: придется затопить долину, где обитают и птица-пересмешник - символ божества Тиомала, и дерево омбу.

Лужа почти свернулся калачиком и ушел в себя. Он был так же непроницаем, как спящий кот.

- В настоящее время на пути к нам для участия в церемонии подписания договора с правительством Великобритании находится немало дорогих друзей Зенкали. И вот теперь торжества подписания повисли на волоске. Прежде чем прийти к окончательному решению, необходимо подвергнуть вопрос тщательному изучению. Но поскольку корабль с нашими гостями вот-вот пришвартуется у берегов

Зенкали, мы не можем отменить торжества. Поэтому я предлагаю посвятить эти празднества возвращению нашего божества Тиомала. После торжеств мы вновь засядем за работу и выработаем окончательное решение по вопросу о плотине. Но я должен вам признаться, что на осуществление замысла не следует питать больших надежд.

Кинги сделал очередную паузу и блаженно улыбнулся. Лужа слегка выгнулся, словно змейка, готовая к атаке.

- И вот теперь, триста лет спустя, - сказал король, могучим рывком вставая с трона, - я могу даровать вам наше старинное благословение.

Он внимательно оглядел аудиторию.

- ...Да пребудет Тиомала с вами! - громовым голосом произнес он.

Затем он спустился вниз и величественно выплыл из зала сквозь взволнованную, кланяющуюся, обменивающуюся репликами толпу.

Глава пятая ЗЕНКАЛИ ВЗБУНТОВАЛСЯ

Не успели в парламентском зале смолкнуть последние слова монаршей речи, как специальный выпуск «Голоса Зенкали» в мгновение ока разошелся у уличных торговцев и все население острова обо всем узнало. Сказать, что сообщение произвело фурор, было бы слишком слабо - всех последствий не смог предусмотреть даже Ганнибал.

Гинка, которые многие годы пребывали в блаженной уверенности, что обладателями истинного божества являются они одни, восприняли новое открытие с нескрываемой враждебностью. Еще бы: ведь само сознание того, что у них есть настоящее божество, а у фангуасов такого нет, давало им как этническому меньшинству основание ставить себя выше большинства. И вот теперь они этого лишились! «Как это наши соперники посмели воскресить пересмешника, истребленного столько лет назад?» - негодовали они и с упорством, достойным лучшего применения, принялись дискредитировать сенсационную новость, распуская слухи, будто никакого пересмешника нет и все это - обычная утка. Они договорились до того, что газета якобы была куплена, что объявление о находке пересмешника - всего лишь средство для надругательства над чувствами и чаяниями этнического меньшинства, и вообще вся эта история - шитый белыми нитками заговор сильных против слабых.

Со своей стороны, фангуасы, которые из поколения в поколение испытывали комплекс неполноценности по причине отсутствия у них истинного божества, восприняли известие о возвращении пересмешника очень бурно и радостно. А посему наивно думать, что они, стиснув зубы, проглотили обиды и насмешки со стороны

гинка. И в самой столице, и в селениях, где испокон веков представители обоих племен жили по принципу: худой мир лучше доброй ссоры, обстановка стала быстро накаляться. Сперва борьба ограничивалась словесными перепалками. Потом всплыли прошлые обиды и дошло до кулаков. Поначалу счет разбитым носам и выбитым зубам шел на единицы, затем на десятки, но ситуация явно грозила выйти из-под контроля. Пришлось задействовать зенкалийскую полицию: после стольких безмятежных лет, когда самым большим происшествием считалось препровождение в участок не в меру нализовавшегося забулдыги, а самым значительным подвигом - находка украденных цыплят, стражи законности и порядка оказались на линии огня. То-то радовался начальник зенкалийской полиции, бывший старший инспектор полиции Глазго Ангус Мак-Тавиш - еще бы, ведь его подчиненным наконец-то предоставился шанс продемонстрировать, на что они способны, и доказать, что гимнастические упражнения и соревнования по рукопашному бою, на которые ушли годы подготовки и которым находилось применение разве что во время Бернсовых празднеств, - отнюдь не пустая забава! Его затеи называли показухой... Что ж, пусть убедятся в обратном и возьмут свои слова назад! К несчастью, при всяком споре берущий на себя неблагоприятную роль посредника сам неизбежно оказывается битым и той и другой стороной. Стоило в дело вмешаться полиции, как вся ярость, с которой фангуасы и гинка сражались друг против друга, мгновенно обернулась против стражей закона и госпиталь в Дзамандзаре мигом наполнился констеблями с разбитыми носами, сломанными ногами и проломленными черепами.

Между тем «Императрица Индии» держала курс на Зенкали и в положенный час бросила якорь у зенкалийс-

ких берегов. Прибывшие на торжества лоумширская бригада легкой пехоты, флотский оркестр и команда по физическому воспитанию, представлявшая королевский воздушный флот, сойдя на берег в самом беззаботном настроении, неожиданно вынуждены были выступить в роли миротворческих сил. Они ждали, что их встретят цветами и улыбками добродушные зенкалийцы, не говоря уже об очаровательных зенкалийках, а вместо этого их встретили бранью, угрозами и градом камней, ни один из которых, к счастью, не попал в цель. Нетрудно догадаться, как разочарованы были brave во-яки - они-то надеялись блаженно провести салют, а потом уже отвести душу с курочками Мамаши Кэри. И вот, здарсьте пожалуйста, им вручают крышки от мусорных баков вместо щитов и посылают на раскаленные от солнца улицы Дзамандзара усмирять толпы разбушевавшихся фангуасов и гинка!

Сэр Осберт и высшие военные чины нашли убежище в Доме правительства под охраной королевской лейб-гвардии. Но и в Доме правительства ситуация стала накаляться. Тамошний повар, выходец из племени гинка, повздорил с дворецким, который был фангуасом, и тот вскрыл ему череп открывалкой для консервов. В результате в голове у бедняги-повара все тонкости и хитрости кулинарного искусства перепутались, и как он ни старался, все обитатели Дома правительства сошлись во мнении, что его кушаньями можно только свиней кормить. К тому же у Изумрудной леди, едва она прослышала о сенсации, возникла навязчивая идея, что к ней вот-вот ворвутся островитяне и передушат всех ее цесарок на жаркое. Спросите, с чего ей это пришло в голову? А вот с чего: до нее дошло, что виновницей возникшей заварушки стала какая-то птица, но она не понимала ка-

кая и решила от греха подальше запретить все свои сорок цесарок в гостинной - целее будут.

В эти смутные дни негодование Питера, вызванное возникшей глупой ситуацией, несколько смягчалось тем, что он проводил время в обществе своего дядюшки. В их компанию входили также хрупкий старец-маразматик в звании маршала авиации; рябой, словно грецкий орех, и к тому же беспробудно пьяный бригадир; контр-адмирал с красным, как земляника, лицом и круглыми голубыми глазами истого морского волка - в том смысле, что они были абсолютно пусты; и лорд Хаммер⁸ (ну, это был парень не промах, не зря носил такое имя!). Забавно было смотреть, как вся четверка пробиралась к своему утреннему кофе по ковру из цесарочьего помета.

Между тем ситуация на острове становилась все хуже. И католический, и протестантский миссионеры одновременно почувствовали, что от них отходит верная паства, по большей части состоявшая из фангуасов. Единственной, от кого никто не ушел, была Джу. Поэтому, когда отец О'Мэлли и его преподобие Брэдстич пригласили ее пойти с ними во дворец для заявления протеста, она согласилась крайне неохотно.

- Отвратительно... Это же богохульство... Поклоняться птице... - сказал королю отец О'Мэлли. По мере того как негодование его возрастало, его ирландский акцент становился все более густым, словно овсяная каша. - Вы же глава государства! Явите собой пример, положите этому конец! Неужели вы не понимаете?

- Име-е-енно так, име-е-енно так, - проблеял его преподобие Брэдстич, вытирая пот с лица, похожего на толстенную сальную свечу. - Не мне вам рассказывать, как это подрывает основы христианства! Вчера я читал проповедь всего лишь четверым.

⁸ Хаммер- по-английски «молот».

- Какой стыд!.. Какой позор!.. - вторил О'Мэлли.

Кинги возлежал в своем кресле и любезно смотрел на них. Затем он обратился к Джу, которая еще не брала слова.

- Ну а вы что скажете, ваше преподобие Длинна-яшаль?

- А мне-то что? Мне все равно, - сказала Джу, слегка возмущенная тем, что ее привели сюда да еще заставляют выступать. - Меня все это не касается. Я так и сказала своей пастве: можете относиться к пересмешнику как вам заблагорассудится, я все равно никого из вас не прогону. Мое мнение - Бог создал пересмешника прежде человека, и Божью волю мы обязаны уважать. Если ты боготворишь птицу - значит, считаешь одно из творений Божьих, а следовательно, считаешь и Его Самого. Так я считаю.

- Но это же идолопоклонство, - проямлил отец О'Мэлли.

- Не-е-гоже так поступать истинному христианину, - проблеял Брэдстич. - Вы ме-е-е-ня удивляете, Длинна-яшаль.

- Не перестану заявлять, что это - подрыв истинной веры, - пробурчал О'Мэлли. - Это нужно прекратить.

Услышав это, Кинги, до того мирно возлежавший на подушках, вдруг сел.

- Я, кажется, не учу вас, чему поклоняться, а чему не надо, - холодно заявил он. - Мы, зенкалийцы, почли бы такое за дерзость. Ну так вот: завтра я издам указ - всем иностранцам или начать почитать пересмешника, или покинуть Зенкали. Что вы на это скажете, а?

Отец О'Мэлли вздрогнул, как будто Кинги ударил его.

- И это... после стольких лет моей работы... после того, как я спас столько душ?

- Э-э-это... будет ве-е-есьма ре-е-е-троградный шаг, - проблеял Брэдстич.

Джу печально улыбнулась Кинги:

- Я так считаю - твой остров, поступай как знаешь, - сказала она. - Но мне будет очень жаль его покинуть.

Король долго смотрел на них, а затем вздохнул.

- Ну-ну, не беспокойтесь. Такого указа я не издам, - сказал он, и миссионеры вздохнули с облегчением.

- Вместе с тем, - продолжил он, подняв могучую розовую ладонь, - попрошу выслушать, все, что я скажу, чтобы вы не забывали, где находитесь. Если хотите знать мою точку зрения - мне все равно, что вы там проповедуете, лишь бы это не причиняло вреда другим. Оценивая позиции всех троих, я скажу без обиняков: права Джудит Длиннаяшаль. У меня нет ни малейшего намерения вмешиваться в верования моего народа, и я не собираюсь при водить их в соответствие с вашими, кстати сказать, весьма эксцентричными представлениями о божественном. Если кто-нибудь из моего народа пожелает обратиться в вашу веру, он имеет на это полную свободу. Равно как и полную свободу верить во все, что ему нравится, лишь бы это не шло во вред Зенкали. Вы всегда должны помнить следующее: то, что один человек почитает как божество, для другого, может стать, - просто волшебная сказка. Но ведь и божества, и волшебные сказки имеют право на существование в этом мире.

- Кинги, да вы остры, как гвоздь! - с удовлетворением сказала Джу.

- Благодарю, - величественно произнес Кинги.

Он встал с кресла, давая понять, что аудиенция окончена, и поникшие духом представители католической и англиканской церквей, а также торжествующая Джу побрели к выходу.

- Ну, ребята, - сказала она, когда вся троица покинула дворец, - мне пора. Моя паства меня дождалась. У нас сегодня занятия по хоровому пению.

Ей явно хотелось насыпать соперникам соль на раны.

...В смутной ситуации, когда едва ли сотый понимает, что творится вокруг, когда каждый ожидает зла от любого себе подобного, когда никто не стесняется в средствах для достижения цели, люди начинают принимать на веру любую чушь, которую они в нормальных обстоятельствах пропустили бы мимо ушей. Когда кто-то пустил слух, что вся популяция пересмешников была тайком отловлена и спрятана не где-нибудь, а в Английском клубе, в этом ни на минуту не усомнился ни один зенкалец. В результате у стен Английского клуба сошлись воинственная группа гинка, вознамерившаяся перебить пойманных птиц, и команда крепких, как сталь, фангуасов, вознамерившаяся их защитить.

События развернулись в тот блаженный час, когда все английские поселенцы на Зенкали, общим числом около тридцати пяти душ, блаженно попивают напитки со льдом, флиртуют с чужими супругами (обычно в самой бесхитростной манере, не требующей похвальбы остроумием), почитывают «Панч» или «Иллюстрейтед Лондон ньюс» месячной давности, играют на бильярде или в крокет, а то и просто сидят на скамеечках и обсуждают поведение аборигенов. Несмотря на то что в последние дни поведение черномазых становилось все возмутительнее, англичане были по-прежнему убеждены, что благополучно отсидаются за высокой, аккуратно подстриженной живой оградой из ги-бикуса. Что бы там ни творили снаружи зенкалийцы, англичане верили, что здесь, в ухоженном райском уголке, они в полной безопасности. Каково же было их удивление, когда высокая живая

ограда оказалась поверженной лавиной воинственно настроенных фангуасов и гинка.

Табби Фотескью, удалой регбист с богатейшей мускулатурой и без единой извилины в мозгу, схватил крокетный молоток и проломил несколько черепов - как фангуасских, так и гинкаских. Потребовались дружные усилия пяти дюжих зенкалийцев обеих этнических групп, чтобы совладать с ним и окунуть головой в заросший лилиями пруд, являвшийся одной из ботанических достопримечательностей Английского клуба.

Куда горестнее оказалась судьба Мелани Трит - хрупкой старой девы, любимым занятием которой было мазюкать акварельки на сюжеты из жизни зенкалийцев. Ее загнал в угол близорукий да к тому же вдрызг пьяный фангуас и поцеловал в обе щеки. После этого случая в творчестве мисс Трит стали все явственнее проступать эротические мотивы.

Во время свалки у владельца амеловой плантации Сэнди Шора сбили с носа и втоптали в землю очки. В результате острота его зрения упала практически до нулевой. Не в силах вынести такой обиды, бедняга Шор кинулся с крокетным молотком на секретаря клуба Билла Меллора, которого принял за вожака аборигенов, и поверг наземь, лишив сознания. За мужа вступилась миссис Меллор. Прежде она слыла безобидной тихоней, мухи не обидит: взяла себе крючком да варила варенье. Но на сей раз она была до того разгневана нападением на своего благоверного, что невольный обидчик тут же получил по затылку бутылкой рома со сливками. Удар не только послал его в нокаут, но и оставил порядочный шрам на скальпе.

Суматоха была полная. Лужайки для гольфа и для игры в кегли, за которыми ухаживало, как за малыми детьми, не одно поколение англичан, стали похожи на воспа-

ханное поле - так катались по ним мятежные зенкалийцы и добропорядочные англичане. Мачете и бильярдные кии, дубинки и крокетные молотки, копыя и бутылки нанесли непоправимый ущерб ухоженному торфяному покрытию. В этот момент самый активный и зловредный участник свалки из племени гинка решил стяжать себе лавры Герострата. Вспышка - и пламя охватило веранды, поползло по клинообразным доскам, и вскоре изящное белое здание Английского клуба полыхало как свеча. Погибли и чучела звериных голов, и многолетнее собрание подшивок «Панч», и пожелтевшие групповые фотографии старейших членов клуба, и картотека действительных членов, не менее сложная и интригующая, чем родословное дерево королевской семьи какой-нибудь из малых европейских монархий. К тому времени когда подросли лоумширский контингент, полиция и пожарная бригада, от здания осталась только горстка тлеющих углей. Территория же клуба выглядела так, будто по лужайкам и клумбам прогулялось стадо бегемотов. Каждой из двух имеющихся на Зенкали карет «скорой помощи» пришлось сделать по десять рейсов, чтобы перевезти в госпиталь всех участников побоища. А так как здешний госпиталь явно не был рассчитан на последствия подобных событий, пришлось демонтировать один из шатров, предназначенных для праздничных торжеств, и перенести его в госпитальный сад для приема пострадавших. Давно не видывала такого наплыва «постояльцев» и местная тюрьма, так что всех, кто проявил меньшую активность во время событий, пришлось отпустить по домам, взяв с них торжественную клятву, что, когда надо будет, сами явятся для отсидки.

И гинка, и фангу асы расценили налет на Английский клуб как свою крупнейшую победу. По мнению же англичан, героическая оборона клуба настолько измотала

силы противника, что ее можно было рассматривать как большой стратегический успех, превосходящий по значению Дюнкеркскую операцию.

Между тем возник еще один источник возмущения. Военный контингент, уже высадившийся на Зенкали, получил подкрепление: в дзамандзарский порт вошел фрегат Ее Величества «Конрад», длительное время несший службу на море без захода в порты. Вполне естественно, первое, куда нацелился экипаж, было заведение Мамаши Кэри. Представьте же себе тревогу и разочарование бравых моряков, когда они от миротворческих сил на острове узнали, что Кармен призвала своих юных леди ко всеобщей забастовке в знак протеста против планов затопления пересмешников.

- Пусть говорят что хотят, мои до'огие, - доверительно сказала Кармен Питеру и Одри. - Я обожаю зве'ей и птиц и не поте'плю жестокости, ни за какие ков'ижки. Когда я думаю о том, что этим бедным созданиям г'озит затопление, у меня се'дце к'овью обливается. Пусть и у моих ку'очек се'дце к'овью обливается! Я заявляю: «Девушки! Никаких услуг джентльменам, пока п'облема не будет аз'ешена и уг'оза для этих бедных созданий не будет лик-види'ована».

Гнев и возмущение бравых вояк были настолько сильны, что они готовы были собственными руками передуть этих самых пересмешников, если бы знали, где их найти и как распознать.

Тем временем капитан Паппас пришел из Джакарты с очередным пополнением для заведения Мамаши Кэри в количестве шести штук. Кроме них, на его посудине прибыла большая группа разношерстных журналистов и телевизионщиков. Все они выглядели настолько изможденными, что стало ясно: новые кадры Мамаши Кэри времени в пути даром не теряли. Впрочем, их ждал от-

дых: Кармен немедленно ввела их в курс происходящих событий и девушек не пришлось долго уговаривать присоединиться к стачке. Прибытие журналистов и телевизионщиков в таком количестве создало критическую ситуацию с их размещением. Как всегда, выручил самоотверженный Питер, забронировав небольшую гостиницу под названием «Восходящая луна», которой заправляла единственная на Зенкали китайская семья. У хозяйки гостиницы было весьма оригинальное имя - Сунь-Нос-В-Чай. И Питер чуть не до слез смеялся, когда Одри рассказала ему, откуда оно произошло. Родители Сунь-Нос-В-Чай не умели ни читать, ни писать, когда прибыли на Зенкали из Гонконга. Оказавшись на острове, китайская чета решила во что бы то ни стало принять протестантизм, и когда родилась первая дочь, естественно, пригласили священника-протестанта окрестить ее. Родители хотели наречь дочку звучным именем - «Ваш-Любимый-Куст-Хризантем-Расцвел» и пошли к соседу, немного знавшему грамоте, чтобы тот записал это имя на бумаге. При виде новорожденной сосед настолько растрогался, что подарил ей «на зубок» серебряную чайную ложечку, а в придачу к ней - жестяную коробку ароматного чая; в нее-то и положили записку с именем, чтобы была целее. Как назло, протестантский священник был на острове новичком и вдобавок не знал ни бельмеса на пиджин-инглише. Он спросил у родителей, как они желают окрестить ребенка. «Сунь руку в чай, - сказала мамаша счастливому папаше, - достань записку». Священнику показалось, что она говорит: «Сунь нос в чай», и прежде чем кто-либо смог его остановить или разъяснить, он так и записал в метрике. Впрочем, впоследствии самой девочке имя так понравилось, что собственного сына она вполне сознательно нарекла следующим образом:

Альберт Сунь-Нос-В-Чай-И-Вынь-Сухим.

Итак, мамаша Сунь-Нос-В-Чай и ее отпрыск Альберт Сунь-Нос-В-Чай-И-Вынь-Сухим вылизали и вымели дочиста свою гостиничку, в которой разместился весь пестрый журналистский и телевизионный люд. Среди прибывших был Дэниэл Брюстер, снискавший известность своими исключительно нудными сериями кинопутешествий «По миру с Брюстером». На нем были тяжелый твидовый костюм-двойка и войлочная шляпа. У Брюстера было круглое одутловатое лицо, бледные глаза, масляная лизоблюдская улыбка и огромные, влажные, красные руки. Телеоператор Стивен Блор был важный толстяк с отекавшими, раздраженными глазами и разрушившимися зубами, которые он громко и смачно сосал всякий раз, когда задумывался. Несмотря на столь отталкивающую внешность, он хвастался, что пользуется успехом у женщин.

- Сколько у вас тут славных девочек! Никак не ожидал от такой дыры, - заметил Блор, когда Питер отвозил его в гостиницу.

- Правда? - холодно спросил Питер.

- О да, - сказал Блор, потирая руки. - Столько красавиц! Ну, хоть вот эта... Прелесть, шельма! Эх, притормозить бы тележку, чтоб она одарила меня взглядом, а? Мой девиз - «любовью за любовь», истинные джентльмены денег не дают!

- Стив - настоящий друг, - хихикая, объяснил Дэниэл Брюстер. - Он - душа всего коллектива «Би-би-си», понятно тебе? Без него не обходится ни одна вечеринка, ни одна компания! Вот только немного заиклился на девках, правда, Стив?

- Именно так, - сказал Стив таким тоном, будто разговор велся об эпидемии гриппа.

- Да, он истинный друг! - с гордостью повторил Брюстер.

- Думаю, в гостинице вам будет хорошо, - сказал Питер, переводя разговор на другую тему. - Она хоть и небольшая, но уютная. Ее хозяйева - китайцы.

- Хотелось бы надеяться, что она чистая, - угрюмо сказал Блор, - а то знаю я этих китаезов! И уж точно не собираюсь есть всякую муру, которую они готовят.

- Китайская кухня славится на протяжении уже многих веков, - заметил Питер.

- Ну вот сам ее и ешь, - сказал Блор. - А мне этой ерунды не нужно. Ну, я малость пошатался по таким местам и понимаю, что здесь не закажешь приличной английской еды. Рыбу, жареную картошку, яичницу с беконом... Бифштекс... И с меня довольно. Да и любой останется доволен. А то, знаешь, я разных деликатесов не люблю. Терпеть не могу этой поганой иностранной еды!

- Стив - истинный англичанин, - с восхищением сказал Брюстер.

- Знаю, в большинстве стран света как-то по-дурачки питаются. А мне что за дело? Я из-за этого страдать не намерен, - договорил Блор.

Питер чувствовал, что радость от обретения пересмешника быстро улетучится, если судьба пошлет ему бесконечный поток таких, как Блор.

- Вот устроимся, и я возьму интервью у тебя и у девушки, - сказал Брюстер таким тоном, будто оказывал Питеру честь, - а потом мы со Стивом поедem в горы посмотреть на этих птиц и эти деревья. Нам нужен материал для фильма.

Питер сделал глубокий вдох, чтобы не выдать волнения.

- Во-первых, я не уверен, что мисс Дэмиэн согласится давать интервью, - сказал он, - а во-вторых, местоположение долины до поры до времени держится в секрете.

- Но для меня-то можно сделать исключение? - сказал Дэниэл Брюстер оскорбленным тоном. - Одной моей программы, показанной по ящику, будет достаточно, чтобы Зенкали нанесли на карту.

- Зенкали уже нанесен на карту и без вашей помощи, - сказал Питер. - В любом случае, если хотите попасть в долину, вам придется переговорить с Олифантом и с Кинги.

- Да уж, конечно, они мне не откажут, - сказал Брюстер. - Они же наверняка видели мои программы!

- Не думаю, - сказал Питер. - На Зенкали нет телевидения.

- Как, у вас нет телестанции?

- Нет. И я считаю, это лучше всего свидетельствует о цивилизованности нашего острова, - заявил Питер.

Весь остаток пути до гостиницы ехали в полном молчании. Затем Питер вернулся в порт и повез еще троих репортеров в «Восходящую луну».

- Что вы с мисс Дэмиэн делали в горах после того, как совершили открытие? - спросил бледный, словно труп, корреспондент из «Дейли рефлексор» с удивительно жирными волосами и обкусанными ногтями. - Вы помолвлены, или как?

- Или как, - отрубил Питер, которому Сайбели (так звали корреспондента) был не менее противен, чем телевизионщики. - Мы просто исследовали долины, которым угрожает затопление.

- Вы провели там ночь? - допытывался Сайбели.

- Да, - сказал Питер и тут же пожалел об этом, поняв, что сболтнул лишнее. Он пожалел об этом еще больше, когда увидел, что результатом его честного и прямого ответа явилась передовица в «Дейли рефлексор» с заголовком

«Джентльмен и птица: необычайное приключение в горах», который, как заметил Ганнибал, можно трактовать двояко.

Два других репортера, Хайбери и Куне, представляли соответственно «Тайме» и агентство «Рейтер». Эти, к счастью, не были так агрессивны и интересовались исключительно находкой пересмешника и дерева омбу, не пытаясь выяснить у Питера подробности его отношений с Одри. Питер вздохнул с облегчением, но как только он разобрался с представителями прессы, жизнь подбросила ему новые заботы.

Когда «Императрица Индии», высадив на Зенкали десант военных, вернулась в Джакарту, ее владельцы приказали капитану срочно плыть назад на остров, и на сей раз с небывалым количеством пассажиров.

Первым из вновь прибывшей депутации на берег сошел сэр Ланселот⁹ Хейверли-Эггер, председатель Всемирной организации по защите исчезающих видов (которая известна ее друзьям под аббревиатурой ВОПЕС), - бывший, а ныне кающийся охотник на крупную дичь, многогранный натуралист и неплохой дипломат по натуре. Это был коренастый лысый коротышка с бледно-зелеными глазами и огромными рыжеватыми усищами, излучающий самодовольство. Его сопровождал секретарь Всемирного треста натуралистов, досточтимый Альфред Клаттер, похожий на насекомого богомола под хмельком. Он носил поношенную соломенную шляпу, держал под мышками целую кипу книг по орнитологии и мощный медный телескоп. Тут был также президент Американской лиги орнитологии Хайрам Ф. Харп в алой куртке с белыми фланелевыми вставками. Его смуглое лицо и начищенные до белизны зубы казались вдвое

⁹ Сэр Ланселот - герой-рыцарь, персонаж романов «артуровского цикла» (Кретьен де Труа, Т. Мэлори и др.).

крупнее, нежели обычные человеческие, а бычья шея была увешана таким количеством кинофотоаппаратуры, что и японский турист лопнул бы от зависти. Следом за ним выступал Седрик Джагг - владелец одного из крупнейших сафари-парков «Джаггз Джангл», который в своем неуклюжем помятом костюме из белой парусины совершенно выпадал из компании титулованных аристократов и богатых американцев. Затем на берег сошли еще около дюжины разномастных гостей, так или иначе связанных с вышеназванными организациями. В телеграмме, извещавшей зенкалийцев об их прибытии, они именовались «секретарями» или «ассистентами».

Питер позаимствовал из Дома правительства адъютанта Диггори и впряг его в работу. Бедняга носился по всему порту, высунув язык, словно добрая рыжая овчарка, сгоняя всех в одно стадо и располагая полукругом вокруг Питера, готовившегося сказать речь.

- Леди и джентльмены, - изрек Питер, слегка повысив тон, чтобы пестрая толпа замолчала. - Леди и джентльмены! Мое имя - Питер Флокс, я - помощник политического советника правительства, мистера Ганнибала Олифанта. Приветствую вас от имени Его Величества короля Тамалавала Третьего!

Поднялся восторженный шум, который Питер решительно пресек и продолжил свою речь:

- Король уполномочил меня сообщить, что он со всем радушием приветствует вас и выражает надежду на ваше счастливое пребывание на Зенкали. Однако, ввиду конфликтной ситуации, возникшей на острове в последние дни, его величество уполномочил меня разъяснить, что, хотя мы делаем все возможное, чтобы ваше пребывание на Зенкали было спокойным и вы были надежно защищены, находясь на острове, вы в некоторой степени подвергаете себя риску.

Последнее слово эхом отозвалось в группе собравшихся, пронесясь по ней, точно шипение змеи. У distinguished Альфреда Клаттера глаза с испугу полезли на лоб и расширились до чрезвычайности, а под невообразимыми роговыми очками они и вовсе казались размером с чайные блюдца. Резко повернувшись к стоявшему справа коллеге, чтобы обсудить столь шокирующее заявление, он больно задел Седрика Джагга своим могучим телескопом.

- Как же так, парень... - пропищал Хайрам Ф. Харп, и на его массивном смуглом лице ясно обозначилась тревога. - Да как же так... конфликтная ситуация... риск... Почему нас не известили?.. С кого спросить?..

- Секундочку, мистер Харп, - сказал Питер, поднимая руку. - Видите ли, находка пересмешника вызвала религиозные трения между двумя племенами живущими на Зенкали.

- Как религиозные трения?! - спросил изумленный Харп. - Ей-богу, что может быть общего между орнитологией и религией?!

- Это долго объяснять, - сказал Питер. - Как только вы разместитесь, вас посвятят во все подробности возникшей ситуации.

- Но ведь вы же сказали - риск... А риск - это связано с опасностью, не так ли, молодой человек? Дайте мне ответ! Объясните мне, что здесь происходит? В конце концов, среди прибывших есть женщины!

- Уверяю вас, все будет принято к сведению, - ободряюще сказал Питер. - Большинство из вас будут размещены в большом здании на окраине Дзамандзара, под охраной отряда лейб-гвардии Его Величества и отряда лоунширцев. Будет сделано все, чтобы ни на минуту не подвергать вас опасности.

- Но все равно, все равно мне это не нравится, - пропищал Харп. - В конце концов, мы, мужчины, отвечаем за себя, но если что-нибудь случится с одной из этих прелестных девочек... Даже подумать страшно!

Он выпустил остаток воздуха из щек; его огромные глаза так выразительно крутились, что «прелестные девочки» застыли в немом восхищении.

- Поверьте моему слову, - серьезно сказал Питер, сам, впрочем, не до конца веря, что говорит правду. - Ситуация стабилизируется, и мы надеемся, что через несколько дней все войдет в нормальное русло.

- Надеюсь, не доходило до кровопролития? - допытывался Харп. - Скажите же, молодой человек: доходило до кровопролития или нет?

Питер изобразил на лице очаровательную и успокаивающую улыбку.

- Да нет, ни одного убитого, - бросил он будто вскользь. - Так, проломили несколько черепов, и все.

- Несколько черепов??? - в ужасе выдавил Харп. - Так вы говорите - несколько че-ре-пов??? Боже!.. Извините меня, но с нами маленькие леди... Боже мой, что все это значит?.. Несколько черепов... Знайте же, молодой человек, что травма черепа может оставить человека калеккой на всю жизнь!

- Полагаю, мистер Флокс говорит в фигуральном смысле, - мурлыкающим голосом, словно кошка, играющая мышью, сказал сэръ Ланселот, впервые взявший слово. - Я уверен, что Его Величество король Тамалавала делает все, чтобы мы чувствовали себя на Зенкалэй как дома. Он просит только о том, чтобы мы приняли к сведению неординарность ситуации и не подливали масла в огонь. Я совершенно уверен, что Его Величество не дал бы нам раз решения сойти на берег, если бы нам угрожала реальная опасность.

Питер моментально вспомнил, как раздражен был владыка, когда заявил в своем утреннем выступлении: «При таком положении дел нам легче было бы обойтись без всей этой толпы любителей животных, но мы не в силах их остановить. С каким бы наслаждением я ткнул кого-нибудь из них копьём в бок!» Но о данном заявлении его королевского величества Питер почему-то умолчал.

- Полагаю, - продолжал сэр Ланселот, аккуратно взявший ситуацию в свои руки, - нам достаточно в точности выполнять то, что скажет мистер Флокс, и все будет в полном ажуре.

- Спасибо, сэр, - сказал Питер.

- Благодарю. Значит, так: предлагаю сейчас же отправиться в тот дом, который мистер Флокс с такой любезностью подыскал для нас, - сказал сэр Ланселот и обратился к Питеру с ласковой улыбкой: - Ну а меня вы поселите в Доме правительства?

Заявление сэра Ланселота звучало скорее как требование, нежели как вопрос. Питер сглотнул слюну и глубоко вздохнул. Он был предупрежден, какого мнения о себе сэр Ланселот.

- Боюсь, не получится, досточтимый сэр, - успокаивающим тоном начал он. - Ввиду нынешней неординарной ситуации Дом правительства переполнен. Сэр Адриан и Изумрудная леди просили меня передать вам свои извинения и разъяснить, что имевшиеся в Доме правительства небольшие свободные площади уже заняты людьми, направленными британским правительством для изучения вопроса, связанного со строительством аэродрома.

- Уф! - сказал сэр Ланселот, концентрируя в этом единственном междометии высшую степень разочарования, отвращения, недоверия, горя и страдания - не многим удастся добиться такой выразительности. - Что ж

делать! Такие времена настали, что всем нам приходится учиться глотать горькое со сладким.

- Вы правы, сэра, - с улыбкой сказал Питер. - Вы и досточтимый Альфред Клаттер будете моими дорогими гостями. Я постараюсь, чтобы вы чувствовали себя как дома. А теперь, - сказал он, - милости прошу за мной. Вас ожидает целый парк королевских карет. Ну, друзья, по карета-ам!

Питеру удалось без проволочек расселить всю ораву в гостинице, а сэра Ланселота и досточтимого Альфреда он уютно усадил у себя на веранде и вручил каждому по большому стакану виски. Убедившись, что гости чувствуют себя превосходно, Питер рассыпался перед ними в извинениях и сообщил, что торопится на специальную встречу во дворец.

- Как - во дворец? - спросил сэра Ланселот, блеснув глазами; он даже не пытался скрыть своего изумления. - Ах да. Так, стало быть, вы направляетесь во дворец?

- Я езжу туда всякий раз, когда меня вызывают, - подтвердил Питер.

- Мне очень хотелось бы встретиться с королем Тамалавала, - сказал сэра Ланселот. - Мы большие друзья с герцогом Пейзанским, который, если мне память не изменяет, был его однокашником.

- Да, да, вы совершенно правы. А я вожу дружбу с лордом Гроттингли, который, если мне память не изменяет, тоже был его однокашником, - сказал досточтимый Альфред, стремясь не отстать от сэра Ланселота.

- А я на дружеской ноге с принцем Умберто Челлини, с которым, насколько мне известно, король хорошо знаком, - сделал ответный ход сэра Ланселот, грозя поставить досточтимому Альфреду мат. - Я уверен, что король будет рад услышать новости о своих друзьях.

- Конечно, сэр, я ему обо всем доложу, - сказал Питер.
- А теперь, простите, я должен ехать.

В связи со сложившимися обстоятельствами король временно снял запрет на въезд в центр города механического транспорта; правда, пользоваться им было разрешено только правительственным чиновникам. Питер позаимствовал у полиции лендровер. Впрочем, население Дзамандзара так привыкло к безобидным королевским каретам, что решительно не желало менять свой образ жизни в связи с появлением смертоносных тарахтелок. Жители, как и прежде, медленно двигались по улицам, останавливаясь поболтать или даже поиграть в кости прямо на проезжей части. Питер негодовал, и все-таки ему пришлось снизить скорость своего механического экипажа до скорости королевской кареты, иначе он передал бы полстолицы. В результате он опоздал во дворец на целых полчаса и вбежал внутрь в крайне взвинченном состоянии.

Его проводили в королевскую столовую, которую Кинги иногда использовал как конференц-зал. Это был милый зал, выкрашенный кремовой и салатовой краской, с бронзового цвета ковром и лепниной на потолке. Вся компания собралась на одном краю гигантского обеденного стола, во главе которого восседал Кинги в бледно-желтом халате; взгляд его, как всегда, выражал решимость и уверенность в себе. Справа от него ссутулился Ганнибал и, полузакрыв глаза, курил сигару. Слева, будто застыв, сидел сэр Осберт. Его монокль был настолько прочно ввинчен в глазницу, будто составлял неотъемлемую часть тела. За ним сидел лорд Хаммер - дородный, мясистый, с черными как сажа волосами и розовым, как у младенца, лицом. Только острые фиолетовые глаза, похожие на лисьи, разрушали впечатление невинности. Его крупные короткие руки постоянно чертили золотым

карандашом в роскошном блокноте какие-то невообразимые конструкции. Прибавьте к этому дорогую зажигалку, золотой портсигар и роскошный футляр от очков - и портрет готов. Когда Питер влетел в зал, все обернулись к нему.

- А, это вы, Питер, - сияя, сказал король. - С добрым утром! Наконец-то вы здесь... Ну, все в порядке, можем начинать.

- С добрым утром, Кинги, - сказал Питер, занимая место по соседству с Ганнибалом. - Простите за опоздание, но я забегался, размещая последнюю партию вновь прибывших.

- Понятно, - хмуро сказал Кинги. - И с ними - доблестный сэра Ланселот? Я не сомневался, что рано или поздно он даст о себе знать.

При упоминании этого имени лорд Хаммер чуть не выронил свой карандаш, а сэра Осберт изобразил на лице удивление.

- Сэр Ланселот? - выпалил он, еще крепче ввинчивая свой монокль в глазницу и глядя на Кинги так, как смотрит на монарха простой зевака, случайно оказавшийся на параде. - Тот самый сэра Ланселот Хейверли-Эггер? Так этот разбойник тоже здесь?!

- Как, вы знаете сэра Ланселота? - спросил Кинги.

- Знаю ли я сэра Ланселота? Не то слово! - с чувством произнес сэра Осберт. - До того осатанел, что и слышать о нем не хочется! Он из этих сумасшедших любителей животных. Чуть что, сразу лезет и затевает склоку! Нельзя копнуть лопатой землю, чтобы Он тут же не появился с кучей таких же, как он, чокнутых и не устроил скандала: мол, здесь нельзя строить, потому что это, видите ли, угрожает какому-нибудь редкому горностаю или ласке. Или, мол, нельзя осушать это болото, потому что здесь водится какая-то уникальная гадюка или жаба!

Понимаете теперь, какая угроза от него исходит? Он же просто враг прогресса!

- Боюсь, что он прибыл на Зенкали именно с этой целью, - сказал Кинги. - Было бы наивно думать, что он с одобрением отнесется к строительству плотины и аэродрома, тем более теперь, когда мы заново обрели птицу-пересмешника.

- Мы и без того попали в смешную ситуацию, - сердито рявкнул сэр Осберт, - а тут еще этот Хейверли-Эггер!

Лорд Хаммер глубоко вздохнул.

- Итак, приступим к обсуждению вопроса о строительстве аэродрома, ваше величество? - спросил он неожиданно жалобным и вкрадчивым, как у ребенка, голосом.

- Вопросы этого мы, конечно, коснемся, - ласково сказал Кинги, - но простите мою дерзость, лорд Хаммер, не кажется ли вам, что ваше появление на Зенкали несколько преждевременно? Во-первых, неизвестно, будет ли строительство вообще иметь место. Но даже если и будет, о торгах на право проведения этих работ мы объявим особо.

В зале на мгновение воцарилась тишина. Сэр Осберт заерзал в кресле. Лорд Хаммер придвинул к себе толстыми ручками все свои причиндалы.

- Хотя я полностью доверяю моим людям, - сказал он, - но когда речь идет о столь крупных и масштабных работах, я предпочитаю осмотреть все сам, прежде чем участвовать в торгах, - закончил он и ласково улыбнулся, словно дитя с лисьими глазами.

- Понимаю, - сказал Кинги.

- Весьма похвально, - отрезал Ганнибал.

- Что ж, - сказал сэр Осберт, - полагаю, время приступить к сути дела. Нельзя задерживаться с ответом по поводу столь значительной проблемы, тем более что пра-

вительство Ее Величества ждет. Мой вам совет - стройте плотину и затопляйте долины. Чем скорее вы сделаете это, тем быстрее весь мир забудет об этой дурацкой птице.

Король холодно посмотрел на него.

- Если я вас правильно понял, - спросил он, - вы называете «дурацкой птицей» старинное божество фангуасов?

Сэр Осберт мгновенно покраснел.

- Я имел в виду... - начал он.

- Скажите мне, сэр Осберт, - перебил его Кинги, - какова будет ваша реакция, если я предложу взорвать собор Святого Павла или Вестминстерское аббатство с целью постройки аэродрома?

- Так это не одно и то же... - начал было сэр Осберт.

- Вот именно! - сказал Кинги. - Дурацкая птица - языческий бог черномазых, а собор Святого Павла и Вестминстерское аббатство - святыни цивилизованного белого человека. В самом деле, что между ними может быть общего?

В зале на миг воцарилось молчание, чреватое взрывом.

- Так вот, - заявил Кинги. - Позвольте проинформировать вас, сэр Осберт, равно как и вас, лорд Хаммер, что вопрос такой важности не может быть решен, не будучи предварительно вынесенным на особое совещание для принятия решения. До этого я ничего не могу сделать.

- Но... Разве король не обладает абсолютной властью? - спросил сэр Осберт, и в голосе его прозвучала презрительная усмешка.

- Увы, нет, - с улыбкой ответил король. - Мы стараемся быть демократичными! Надеюсь, вы не забыли, каких усилий стоило вашей стране привить на Зенкали демократические принципы, сэр Осберт? Надеюсь, вы не

предложите нам отказаться от них, потому что находите их неудобными?

- Так когда же вы объявите о своем решении? - спросил сэра Осберта. Его глаза искрились от гнева.

- Послезавтра, - спокойно ответил король. - Я объявлю о нем лично.

Когда сэра Осберта и лорда Хаммера покинули зал, Кинги велел подать напитки и несколько мгновений все сидели в полной тишине.

- Так каким, по вашему мнению, будет решение особого совещания? - спросил наконец Ганнибал и зажег сигару.

Кинги вытянул могучие смуглые руки, словно собиравшись исполнить замысловатый цирковой фокус.

- Не имею ни малейшего представления, мой милый Ганнибал, - ответил он, пожав плечами.

- Лужа там будет? - спросил Питер.

- Согласно нашей конституции, если особое совещание собирается для обсуждения вопроса, касающегося безопасности и будущего страны, в его работе должно принимать участие равное количество гинка и фангуасов, - сказал Кинги. - Так что Лужа со своими приспешниками составляют половину всего комитета.

- А их никак нельзя нейтрализовать? - спросил Ганнибал.

- Я могу руководить ими, но боюсь, нейтрализовать не удастся никак, - сказал Кинги. - Сейчас трудно делать предположения. Подождем подходящего момента - вот тогда и пошлем в нокаут.

...Питер ехал домой в подавленном настроении. Добравшись, он увидел поджидавшую его на пороге Одри, и на душе у него сразу сделалось светлее. Подойдя к Питеру, она коротко поцеловала его и взгляделась в его лицо.

- Вижу, ты устал, бедняга, - сказала она. - Выпить хочешь?

- Ради Бога, - сказал он, плюхаясь в кресло, - и дай стакан побольше. А где сэр Ланселот и досточтимый Альфред?

- В ванной. Они очень польщены приглашением на обед в Дом правительства, вот и прихорашиваются. Так что на этот вечер мы от них избавимся. Предлагаю: еще по паре стаканчиков, поплавать всласть, потом поужинать - и пораньше на боковую, а то на тебе лица нет.

- Прекрасно, - сказал Питер, допивая стакан.

Он уже начал рассказывать Одри о впечатлениях сегодняшнего дня, как вдруг появились досточтимый Альфред и сэр Ланселот, оба во фраках.

- А, мистер Флокс! - весело сказал сэр Ланселот. - Вы уже! Ну, что там говорил Его Величество?

- Его Величество... хм... передавал вам пламенный привет и сказал, что, как только события чуть поутихнут, он с удовольствием вас примет.

- Пр-ревосходно, пр-ревосходно, - замурлыкал сэр Ланселот.

- Блестяще, - поддержал досточтимый Альфред.

- Ну, нам пора, - сказал сияющий сэр Ланселот. - Нас пригласили на обед в Дом правительства.

- Желаю вам всего доброго, - сказал Питер.

Когда гости ушли, Одри допила стакан и села поближе к Питеру.

- Ну, как по-твоему, что будет дальше? - спросила она. - Или тебе не хочется говорить об этом?

- Бог его знает, - хмуро сказал Питер. - Да и вряд ли кто знает. Ситуация крайне сложная.

- Как ты думаешь, они не станут затоплять долины?

- От этих идиотов всего можно ожидать, - сказал Питер, - но я думаю, они на это не пойдут. Вопрос в том,

как найти компромисс, - вот в чем вся сложность. Ломаю над этим голову, и все безрезультатно.

- Выпей-ка еще стаканчик да хорошенько поужинай - вот что тебе сейчас больше всего нужно, - сказала Одри и встала. В этот самый момент появился Эймос.

- Пожалста, сэ', - к вам мистер Лужа, - с отвращением сказал Эймос.

- Лужа? - изумился Питер. - Ты не ошибся?

- Нет, сэ', это правда, - стоически сказал Эймос.

Питер взглянул на Одри.

- Какого черта? - пробормотал он.

- Не знаю, - ответила она, - но будь осторожен.

- Эймос, пригласи Лужу войти, - сказал Питер.

Лужа, одетый в элегантный парусиновый костюм и при галстукке, какой носят регбисты, быстрым шагом влетел в комнату. На лице его играла вкрадчивая улыбка, но глаза по-прежнему были лишены выражения. Увидев Одри, он поначалу задержал шаг, но затем решительно продолжил движение, вытянув вперед руку.

- Милый Флокс, милая мисс Дэмиэн, - сказал он и отвесил легкий поклон, - простите мое внезапное вторжение.

- Бог простит. Сядь, выпей с нами, - сказал Питер.

- Премного благодарен за вашу любезность. Мне бы бренди с содовой, если можно.

- Эймос, будь любезен, подай Луже бренди с содовой, - сказал Питер.

Когда напиток был подан, Лужа нежно зажал стакан между крохотными ладошками. Он аккуратно скрестил ноги, боясь помять складку на брюках, и уставился на Питера своими черными как смоль глазенками.

- Простите, Флокс, - сказал он, - я с уважением отношусь к мисс Одри Дэмиэн, но я надеялся, что вы будете

один... Я хотел поговорить с вами об очень деликатном деле...

- Если хотите, я уйду, мистер Лужа, - сладко сказала Одри.

- Ничего. Я думаю, то, что Лужа хочет поведать мне, не оскорбит твоих ушей, - твердо сказал Питер.

- Да, да, - ответил тот. - Я только хотел поделиться с вами своими мыслями. Я, конечно, понимаю, что проблема, о которой я поведу речь, волнует вас обоих. Поэтому я буду благодарен, если вы останетесь, мисс Дэмиэн. Ваше мнение по этому вопросу будет для меня столь же ценно, как и мнение мистера Флокса.

Он допил стакан, вытащил из рукава шелковый носовой платок и изящным жестом вытер рот.

- Не сомневаюсь, вы догадались, о чем я поведу речь, - продолжил Лужа. - Об удивительном открытии, сделанном вами и мисс Дэмиэн.

- А тебя-то это почему волнует? - спросил Питер, притворившись, будто не понимает, о чем пойдет речь.

- О, это действительно уникальное открытие в биологии, - продолжал Лужа, - которое делает честь вам обоим. Но тем не менее позвольте заметить, что это палка о двух концах.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Питер.

- Между нами, вы ведь светский молодой человек, а мисс Дэмиэн - высокоинтеллектуальная молодая леди. Мы знаем, что, каким бы важным с биологической точки зрения ни было это открытие, оно не будет иметь такого значения для благополучия острова, как аэродром. Стало быть, смешно предполагать, что мы позволим этому открытию помешать развитию острова, которое, при любых обстоятельствах, столь важно для народа Зенкали.

- Ты имеешь в виду - с финансовой точки зрения? - спросил Питер.

- Естественно, - сказал Лужа, и его черные глазки блеснули. - Аэродром принесет острову богатство.

- А тебе - в первую очередь, - сказал Питер.

Лужа откинулся в кресле, продолжая сжимать свой стакан крохотными ручонками.

- Я не собираюсь вводить вас в заблуждение, мистер Флокс, - хмуро сказал Лужа. - Я и в самом деле хочу заработать детишкам на молочишко, но ведь выиграют и сотни других зенкалийцев! Даже такие чудаки, как вы, в конечном счете выиграют.

Лужа наблюдал за Питером поверх края своего стакана. Не дав оппоненту вставить слово, он продолжил:

- Как вам известно, у нас на острове имеется особое совещание. Скажу вам честно, старина: я не знаю, как там развернутся события. Все просто впали в истерику и стали сверхчувствительными, а в столь напряженной атмосфере даже особое совещание может допустить ошибку и поставить на проекте крест. Это будет огромным несчастьем, полным крахом для острова! При сложившемся положении вещей никто не хочет взглянуть дальше собственного носа, и более чем вероятно, что, исключительно в результате ошибки, может быть избран неверный путь. Так что, по-вашему, следует делать?

Вопрос носил явно риторический характер, ибо не успел Питер выступить с каким-либо предложением, как Лужа возобновил свой монолог.

- Мне представляется, - сказал Лужа, стараясь казаться дружелюбным, - мне думается, старина, что самое простое - это устранить стоящее на нашем пути препятствие. Устраним - и дела с постройкой аэродрома пойдут как по маслу.

На секунду воцарилась тишина.

- Ясное дело, - сказал Питер. - И как же ты предлагаешь это осуществить?

- Вот в том-то все и дело, - сказал Лужа и обнажил в улыбке свои крохотные белые щенячьи зубки. - Я ничего не могу добиться без сотрудничества с вами и мисс Дэмиэн, поскольку мне неизвестно местонахождение долины, о которой идет речь. Но я ни в коей мере не желаю утруждать вас. Если бы я просто получил информацию, то все остальное я бы взял на себя.

- Если я тебя правильно понял, - сказал Питер, - ты хочешь, чтобы мы с мисс Дэмиэн сообщили тебе координаты Долины пересмешников, а устранение препятствия - или как это там у тебя называется - ты берешь на себя?

- Точно так, - сказал Лужа.

- Каким образом? - спросил Питер.

Лужа изящно пожал плечами и стряхнул с коленки невидимую глазу пылинку.

- Есть разные пути, - осторожно сказал он.

- Конкретнее, - настаивал Питер.

- Наиболее убедительным средством будут огонь и ружья, - сказал Лужа, - и к тому же все происшедшее можно будет свалить на бандитов из племени гинка, которые будто бы устроили налет. Свидетельства - это я тоже беру на себя.

- А я-то что с этого буду иметь? - спросил Питер. Глазки Лужи заблестели, словно у рыбака, почувствовавшего первую поклевку рыбы на крючке.

- Я, конечно, понимаю, что за услуги нужно платить, - шелковым голосом сказал Лужа. - Мне понятно ваше желание, чтобы я оплатил наличными ваше открытие. Уверяю вас, вы не сочтете меня скрягой, мистер Флокс.

- Тем не менее позволь поинтересоваться, на что способна твоя щедрая рука, - мягко сказал Питер.

- Ну, допустим... пять тысяч фунтов, - предложил Лужа.

Питер взглянул на него и рассмеялся.

- И это... при всем том, что ты будешь иметь с аэропорта? - насмешливо сказал он. - Ну, милый Лужа, это же несерьезно! Ну, а мисс Дэмиэн что с этого будет иметь?

- Ну, положим, шесть тысяч фунтов, - сказал Лужа, и глаза его заблестели с новой силой. - По шесть тысяч на брата. Идет?

- Послушайте, Лужа, вы ведь собираетесь заработать на этом аэродроме не одну сотню тысяч фунтов. Не так ли? - спросил Питер.

Лужа пожал плечами.

- Ну, будем считать, что я буду хорошо обеспечен, если дело выгорит, - сказал он, - но, право же, мистер Флокс, разве мое предложение недостаточно щедро? Я ведь беру на себя весь риск.

Питер сел в кресло и посмотрел на противника в упор. Лужа сиял, как игрок в покер, который знает, что у него в руке четыре туза. Он аккуратно поставил стакан на стол рядом со своим локтем, а затем льстиво наклонился вперед.

- Ну, ну, Флокс, ну, старина, - я не из тех, кто ходит вокруг да около, когда чего-то уж больно хочется. Никто никогда не называл меня скрягой. А если я предложу вам и, конечно, мисс Дэмиэн по двадцать пять тысяч фунтов за этот маленький секрет? Тогда вы не скажете, что это мало, а? И главное, кто знает - если дело выгорит, как мы задумали, может, можно будет рассчитывать на небольшое вознаграждение в будущем, а? Что скажете, старина?

Он энергично наклонился вперед. Его седые волосы сияли, черные глазки блестели, указательный палец от-

бивал дробь по коленке - видно было, что он не сомневался, какой ответ даст Питер.

Питер допил стакан и встал.

- Все дело в том, Лужа, - мягко сказал он, - что ты всего-навсего расфуфыренный арапчонок с бухгалтерской книгой вместо мозгов. По себе о людях судишь, дружище! Вот и решил, что всякий человек покупается и продается. Так заруби себе на носу, старина, что я не сообщу тебе координаты Долины пересмешников и за двадцать пять миллионов, не говоря уже о двадцати пяти тысячах!

Обмякнув, Лужа откинулся в кресле. Его лицо сделалось желтым, как у покойника. Глаза потускнели.

- Более того, признаюсь тебе, ты даже не представляешь, как я тебя ненавижу, - перешел в контратаку Питер. - У меня в голове не укладывается, в каких смертных грехах повинны бедные зенкалийцы, что Бог лишил их разума и они наделили такого жалкого карлика властью. Тебя следовало бы младенцем задушить в колыбели. Заверяю тебя, я сделаю все возможное, чтобы идея со строительством аэродрома не прошла. Мне доставит огромное удовольствие перевернуть твою тележку с яблоками. А теперь оставь нас, пожалуйста. У нас с мисс Дэмиэн свое представление о том, кого брать в компанию, а кого нет. Ты нам надоел хуже горькой редьки.

Лужа встал и побрел к выходу. Дойдя до порога, он обернулся. Его лицо было по-прежнему мертвенно-бледным, и блеск в глазах, казалось, погас навсегда. Они, как и прежде, были лишены всякого выражения.

- Ты об этом пожалеешь, Флокс, ты еще расскажешь в том, что оскорблял меня! Никто никогда не смел говорить со мной таким тоном. И помни, я не потерплю, чтобы кто-нибудь стоял у меня на пути. Тем более такой ублюдок, как ты!

Он вышел, на прощанье хлопнув дверью. Питер снова развалился в кресле.

- Ну, - сказала Одри, - ты-то уж точно знаешь, как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей.

- Точно. Я сразу понял, что он меня в грош не ставит, - с улыбкой сказал Питер.

- Да, но его нельзя недооценивать как противника. Я серьезно, - сказала Одри. - Как ты думаешь, что он предпримет?

- Ну, пока ему не известно местоположение долины, он ничего предпринять не сможет, - сказал Питер.

В этом он жестоко ошибался.

Глава шестая

ЗЕНКАЛИЙЦЫ ПОДНИМАЮТ ГОЛОС

На следующее утро, собравшись позавтракать, Питер увидел, что сэра Ланселот и досточтимый Альфред, уютно устроившись на веранде, азартно поглощают яичницу с беконом, закусывая фруктами из огромной вазы. Не успел Питер присесть, как сэра Ланселот тут же пристал к нему с разговором.

- Да, Флокс, ситуация на Зенкали очаровательна, просто очаровательна, - сказал он, помахивая перед Питером грязным ножом. - Столько всяких факторов и хитросплетений!

- Именно так, сэра, - сказал Питер. Не мог же он сказать прямо, что ему не хочется начинать день с обсуждения ситуации на Зенкали.

- Конечно, необычная, очень необычная, - сказал досточтимый Альфред, борясь с плодом манго размером с небольшую дыню. - Я только что сказал сэру Ланселоту, что наблюдал нечто подобное, когда был в гостях у кумкватского магараджи. Там работы были остановлены из-за священных обезьян. Я бы даже так сказал - священные обезьяны остановили работы. Что, здорово у меня язык подвешен? Ха-ха! Вполне, - сказал сэра Ланселот, думая, смеяться ему или нет, и решив, что не стоит. - Как я говорил своему другу министру внутренних дел Великобритании Артуру Мендалю, когда он недавно приезжал на уик-энд с маркизом Оркнейским и лордом Беллройалом, - когда природоохранное дело вторгается в политику и религию, ситуация получается щекотливая, и даже очень.

- Нечто похожее я говорил кумкватскому магарадже, - сказал досточтимый Альфред, - но он далек от этих проблем...

- Когда заседание особого совещания? - спросил сэра Ланселот. - Сегодня?

- Да, в одиннадцать тридцать, - ответил Питер.

- Это в здании парламента?

- Нет, во дворце.

- Прекрасно. Надеюсь, к обеду результаты станут известны? - спросил сэра Ланселот.

- Возможно, что и так, - ответил Питер, - но сейчас трудно сказать. Ситуация слишком сложна, и дебаты могут затянуться.

- Верно, верно, - согласился сэра Ланселот, - не стоит спешить со столь важным решением. Как говорится, тише едешь - дальше будешь.

- Вот именно, - сказал досточтимый Альфред, очарованный этой мудростью. - Ей-богу, здорово сказано.

- Ну, теперь извините, мне нужно уйти. Необходимо убедиться, что ни с кем из прибывших гостей ничего не случилось, а затем ехать во дворец на совещание, - сказал Питер.

- О, так вы тоже будете на совещании? - спросил сэра Ланселот с плохо скрываемым изумлением.

- Его Величество специально просил, чтобы я и Ганнибал присутствовали на совещании в качестве наблюдателей. Обычно же совещание проходит при закрытых дверях.

- Это интересно, - задумчиво сказал сэра Ланселот. - С нетерпением буду ждать сообщения из первых рук.

Когда Питер, пройдя длинную веранду, спустился в сад, до него долетели слова досточтимого Альфреда:

- Это мне очень напоминает ситуацию в Рио-Муни. Помню, как я говорил герцогу Пеллигросскому...

Оставив спорщиков выяснять, кто из них вхож в более высокие аристократические круги, Питер на полном газу покотил к себе в контору. Покончив с неотложными де-

лами, он полетел напрямик к старинному голландскому плантаторскому дому, желая удостовериться, что все остальные его подопечные живы-здоровы. Прибыв туда, он несколько удивился, увидев капитана Паппаса. Сидя на широкой прохладной веранде, капитан и Седрик Джагг тянули большими стаканами «Нектар Зенкали». Они уже одолели полбутылки, и алкоголь успел оказать свое действие.

- П'ивет, п'ивет, п'ивет! - вскричал Джагг. - Мисте' Флокс, как мы 'ады вас видеть! Ну, 'ассказывай, 'ади Бога, где ты шлялся! Ха, ха!

Его жирное лицо покрылось крохотными бисеринками пота, а редкие гладкие волосы, видно, давно не знали расчески. С трудом встав на ноги, он нетвердой походкой заковылял по веранде и с жаром схватил Питера за руку. Капитан же остался неподвижно сидеть за столом, даже не моргнув ни разу.

- Садись, выпей с нами! Послушай, я аскажу, что я п'идумал! - сказал Джагг с широкой улыбкой, несколько кося глазами. - Поп'обуй!.. Вот!.. Зенкалийский некта!... оскошная штуковина!.. От одного глотка шесть на г'уди вы'астает! И на 'уках, и на ногах...

В это мгновение Питера разобрало любопытство, с какой целью Джагг вообще приехал на Зенкали. Он ведь не относился ни к одной категории, на которые подразделялись остальные прибывшие. Желая удовлетворить свое любопытство, он позволил потащить себя за руку к столу и впихнуть в кресло.

- Что будем пить? - спросил Джагг, садясь за стол и со всей серьезностью глядя на Питера. - Б'енди, 'ом, джин?

Что угодно! Плачу за все! Слышишь?.. Плачу за все!

- Спасибо, я с утра не пью, - сказал Питер. - Мне бы чашечку кофе, если можно.

Выговаривая каждое слово громким голосом, чтобы быть уверенным, что его правильно поймут, Джагг передал просьбу слуге-зенкалийцу. Одержав сей триумф в области лингвистики, он вытер рот алым платком и дальше уже не сводил глаз с Питера.

- Ты легок на помине! Я как 'аз гово'ил о тебе с капитаном, а ты тут как тут! Знаешь капитана? Это мой ста'инный п'иятель.

- О да, конечно, я превосходно знаю капитана, - ответил Питер, улыбаясь капитану, который подтвердил слова Питера многозначительным морганием своих агатовых глаз.

- Я как 'аз 'асказывал капитану, что могу помочь в 'аз'ешении наз'евшей здесь п'облемы. П'едставь, у меня в 'уках ключ к 'аз'ешению! - продолжал Джагг, наливая себе очередной стакан зенкалийского зелья.

- Правда?! - спросил изумленный Питер и взглянул на капитана, который, казалось, лишился дыхания, а глаза его снова потеряли блеск и застыли на месте.

- О да, - экспансивно сказал Джагг. - У меня в 'уках ключ! Не знаю, что вам обо мне известно, мисте' Флокс, но я - Джагг из «Джунглей Джагга», самого лучшего в ми'е сафа'и-па'ка, и заслуга в этом - вашего поко'ного слуги!

- Да, я знаю, что вы - владелец сафари-парка «Джунгли Джагга», - сказал Питер.

- И не только владелец, но и тво'ец! - торжественно изрек Джагг. - П'ошу не забывать об этом!

- Ну да, конечно, - согласился Питер. - Я только не понял, чем это может нам помочь?

- В этом - 'ешение ваших ка'динальных п'облем, - заговорщицки усмехнулся Джагг.

- Я что-то не улавливаю хода ваших мыслей, - сказал изумленный Питер.

- Смот'и сюда, - сказал Джагг, наклонившись вперед и помахав стаканом под самым носом у Питера. - У вас п'облема, так надо понимать? Вы не можете затопить эти че'товы долины из-за этих че'товых пе'есмешников, или я не п'ав? А если вы не затопите долины - вы не пост'оите гид'оэлект'останции и не сможете п'иступить к соо'ужению аз'од'ома. Вы заб'ели в тупик и не находите выхода. Понимаешь, нет?

Питер кивнул.

- Так, на чем же мы остановились?.. Ах да, - Джагг оглянулся и перешел на шепот: - То, что я тебе скажу, - ст'ожайший сек'ет! Я не желаю, чтобы о нем узнали эти че'товы п'и'одоох'ани... П'и'одоох'ани... Ну, в общем, вся эта толпа сумасб'одов. Ха! Ха!

Для поднятия боевого настроения он высосал еще один стакан лучезарной зенкалийской жидкости.

- Так вот, - продолжил он и вытер рот тыльной стороной ладони. - Объясняю тебе, что же я соби'аюсь п'едп'инять. Если вы избавитесь от птиц, вы сможете начать ст'оительство аз'од'ома, ведь ве'но?

- Положим, что так, - осторожно согласился Питер.

- П'авильно, - сказал Джагг, выдыхая струю дыма. - Так вот, я - тот самый, кто поможет тебе избавиться от этих пе'натых! И не только избавлю, но и положу этому вашему людоедскому ко'олю п'иличную сумму в ка'ман.

Он развалился в кресле, едва заметно махнул Питеру рукой и напыщенно кивнул, после чего отхлебнул еще «нектара».

- Как видишь, я все п'едусмот'ел, - заявил он. - Пойди и пе'едай вашему че'номазому ко'олю, вождишке из дикого племени, чтобы он ни о чем не беспокоился. Все бе'ет на себя Джагг! Джагг позаботится обо всем! Единственное, что мне надо, - получить от него 'аз'ешение на

отлов этих ду'ацких птиц и коо'динаты долины, где они находятся. Вот увидишь, им хо'ошо будет в моем сафа'и-па'ке «Джунгли Джагга»! Я еще и денежки п'иплачу! Пятьсот фунтов наличными за штуку - о-го-го! Не п'авдали, щед'о? И вообще, я делаю такое важное дело, что п'авильнее было бы самому слупить денежки с вашего ко'олька-каннибала! Он еще будет меня уп'ашивать, чтобы я их заб'ал! Но Джагг - честный па'тне', он так не делает бизнес! Честность для меня - п'евыше всего! И я ни минуты не сомневаюсь, что, заб'ав птиц к себе, я создам им хо'ошую 'екламу да и сам внакладе не останусь. П'едставляешь, какую 'екламу я сочиню для своего сафа'и-па'ка?

«Даже исчезнувшие виды возрождаются к жизни в сафари-парке «Джунгли Джагга»! А, каково? Я заполучу тысячи новых посетителей, слышишь, тысячи!»

- Да, но вы ничего о них не знаете, - решительно запротестовал Питер. - Вы даже не знаете, что они едят.

- Что они едят... хм... Что же эти... хм... птицы... едят... Ну, 'аз они птахи, надо думать, они едят то же, что и д'угие птахи, - сказал Джагг, слегка помахивая рукой и пытаясь увильнуть от ответа. - Ну, допустим, то же, что и ст'аусы.

- Ну а если... они едят то, что имеется только здесь и что вы там, у себя, достать не сможете? - допытывался Питер.

- Так можно п'иучить их лопать что дают, - отрезал Джагг. - Поголодают и п'иучатся, помяни мое слово!

- А климат? - не отставал Питер. - Не забудьте, здесь ведь очень жарко. А вдруг они не перенесут холода?

- Хм...- произнес Джагг, и в его туповатых глазах впервые забрезжила мысль. - Сколько, ты сказал, их там насчитывается?

- Мы насчитали пятнадцать пар, - ответил Питер. - В

действительности может быть и больше.

- Всего, стало быть, т'идцать? Очень хо'ошо. П'едположим, по до'оге в Англию половина из них пе'едохнет. Так все 'авно останется пятнадцать! П'едположим, эти последние пятнадцать п'отянут еще па'у недель. Может, чуть больше. Это будет...- Джагг закрыл глаза, наморщил лоб и начал что-то вычислять в уме. - Так, п'едположим, они п'отянут две недели, надеюсь, конечно, что чуть дольше...

П'и хо'ошей 'екламе... Это будет... Сумасшедшие деньги! За две недели я положу себе в ка'ман пятьдесят тысяч фунтов чистыми! А то и больше!

Питеру чуть не сделалось дурно.

- Так вы... допускаете, что все пересмешники погибнут?

- Послушай, ведь до того, как ты отк'ыл их, мы без них п'ек'асно обходились, ве'но? - сказал Джагг. - Значит, и дальше п'ек'асно без них обойдемся. Конечно, будет нехо'ошо, если они все околеют, очень даже нехо'ошо. Но что делать, такова уж судьба диких животных и пе'натых. Доход от них ог'омный, но ведь возможен и 'иск.

- То есть... как? - спросил Питер, готовый услышать что угодно.

- Ну, вот тебе хотя бы такой п'име'... П'ошлой зимой мы п'ивезли целое семейство леопа'дов. Целых десять штук, понимаешь? П'едставляешь, в какую копеечку мне это влетело? Ну так вот - я благополучно доставил их в па'к, и... Ты не пове'ишь, что было дальше! В этот день дежу'ил сто'ож-идиот, кото'ый 'аботает у нас без году неделя, - так он возьми да и выпусти их на ночь из клетки!.. Ну, они за ночь и околели в глубоких суг'обах. Не-ве'оятно, но это так! Вп'очем, что же это я в'у? Два оста-

лись живы, уме'ли только к вече'у следующего дня. Что ж подделаешь, возиться с леопа'дами - т'удная штука!

- Ну а... с этим сторожем-идиотом вы что сделали? - спросил Питер, не в силах поверить услышанному. - Вы его уволили?

- Зачем же? - сказал Джагг и с жалостью во взоре посмотрел на Питера. - Бог мой, зачем же я буду б'ать г'ех на душу? Если бы я п'огнал его в шею, как ты советуешь, у меня бы до сих по' лежал камень на се'дце. Нет, я отнесся к этому как к к'охотной ошибочке. Позвал к себе и гово'ю: с кем не бывает, только надо учиться на своих ошибках! И что ты думаешь? Исп'авился и ве'но служит! Значит, п'инял к сведению. А что касается зве'ей - все дело случая, так я считаю.

- Ну, положим, судьба будет к ним благосклонна, - сухо сказал Питер. - А что, если они не захотят размножаться в неволе?

Джагг рассмеялся столь сердечным смехом, что на глазах у него выступили слезы.

- Да как же это... не захотят 'азмножаться? Животным свойственна тяга к п'одождению 'ода, а? - сказал он, вытирая глаза своим алым носовым платком, - Ну, в общем, как бы там ни было, я их заби'аю, а капитан платит мне хо'ошую цену за п'аво отвезти их в Джака'ту. От тебя требуется всего-навсего пе'едать мое п'едложение вашему че'номазому ко'олишке. Я получаю птиц - он получает по пятьсот фунтов с клюва - и нет п'облем! Да, и не забудь пе'едать, что если дело выго'ит и они п'инесут мне большую п'ибыль, он может 'ассчитывать на дополнительное вознаграждение. Нитку цветных бус или что-нибудь в таком 'оде.

Джагг развалился в кресле и принялся дико гоготать.

- Что ж, - сказал Питер, вставая, - я передам ваше предложение Его Величеству. Надеюсь, он заинтересу-

ется. Ну а теперь извините, я должен навестить остальных прибывших. Спасибо за кофе.

- Приятно было с тобой пот'еяться, - серьезно сказал Джагг, протягивая руку. - Приятно поболтать с па'нем, кото'ый знает, что где почем.

Отправившись на поиски остальных гостей, Питер жался, что потерял столько времени с этим Джаггом. Нет уж, конечно, он не отдаст пересмешников на верную смерть в «Джунгли Джагга»!

Гости блаженствовали, принимая солнечные ванны в садике позади дома. До Питера донесся голос Харпа:

- В общем, так, нам придется занять жесткую позицию по отношению к королю. Да, друзья, очень жесткую! Мы должны продемонстрировать ему, что никакие фокусы не обманут природоохранное движение, решительно никакие!..

Увидев Питера, он прервал свой монолог и, сияя невинной белозубой улыбкой, шагнул ему навстречу, протягивая руку.

- А, мистер Флокс! Какая прелесть! - сказал он, заключая руку Питера в свои.

- Простите, я вас прервал, - сказал Питер.

- Прервал? Да нет, что вы, что вы... Мы тут просто так, болтаем с юными леди и джентльменами... Садитесь, выпейте с нами! Чем можем служить?

- Это я собирался узнать, чем могу служить, - сказал Питер. - Я пришел выяснить, хорошо ли вы устроились и желаете ли, чтобы я что-нибудь для вас организовал.

- Весьма любезно с вашей стороны, - ответил Харп. - Мы не хотим обременять вас. Мы понимаем, сэр, вы очень, очень занятой человек.

- Ничего страшного, - с улыбкой ответил Питер. - Это же входит в мои обязанности.

- Нам просто стыдно беспокоить вас, - сказал Харп и вытащил из кармана шорт лист бумаги фантастических размеров. - Я тут поутру обежал всех наших мальчиков и девочек, чтобы удостовериться, все ли живы-здоровы и все ли у всех о'кей, и мы составили кратенький список предложений. Поймите, это всего лишь предложения, нам просто интересно ваше мнение.

Весь последующий час Питер ломал голову, как ему справиться с «кратеньким списочком» предложений.

Мисс Элисон Грабуорти не давали покоя тараканы, осы, бабочки и гекконы, разделявшие с нею жилище. Адольф Цвигбюрер, представив критический анализ всего и вся, подчеркивал, что в Швеции все делают не так. Сеньорита Мария Роса Лопес требовала врезать ей новый замок, потому что ее терзала мысль: вдруг у мажордома-зенкалийца есть запасной ключ и как-нибудь ночью он ворвется и похитит ее. А надо сказать, что этой крючконосой горбунье было под семьдесят и морщины избороздили ее лицо, словно шляпку сморчка. «Едва ли ее опасения имеют под собой почву», - думал Питер. Но, как бы там ни было, ему удалось выполнить все прихоти и фантазии гостей, начиная с просьбы Харпа класть ему побольше льда в виски и тщательнее мыть овощи и фрукты, из которых ему готовят салаты, и вплоть до требования герра Руди Майнштоллера починить ему часы. Этому суровому представителю Всемирной организации за спасение природы казалось невыносимым позором, если часы у швейцарца в неисправности, - этого его родная страна, конечно, не выдержит, от этого она погибнет безвозвратно! Что ж! На Зенкали отыскалась-таки часовая мастерская, и смуглокожий мастер справился с заданием блестяще.

Когда Питер наконец дополз до жилища Ганнибала, его истомила дикая головная боль и не менее жуткая

жажда. Ганнибал восседал в своем гигантском кресле-качалке в длинной светлой гостиной, овеваемый мощными вентиляторами. Как всегда, вокруг него на полу сидела свора его любимых собак, а на столе громоздились пачки бумаг; часть их успела сверзиться со стола на пол. Нацепив очки на кончик носа, он что-то усердно писал. Когда Питер вошел, он на секунду оторвался от бумаги, молча показал на стол с напитками и снова вернулся к своей писанине. Залпом выпив стакан, Питер подвинул кресло и сел рядом с Ганнибалом. Так он сидел, высасывая стакан за стаканом, пока Ганнибал наконец не кончил писать. Перечитав написанное, он снял очки и поднял стакан.

- Ваше здоровье, - сказал Ганнибал.

- Благодарю, - ответил Питер.

Они выпили, как добрые друзья, и мгновение помолчали.

- Ну, - наконец сказал Ганнибал. - Что нового?

Питер не спеша допил стакан, а затем поведал Ганнибалу о предложении Джагга. Ганнибал в буквальном смысле слова закачался от дикого хохота.

- Каков нахал! - весело сказал он. - Маленький розовощекий наглец. И «король-каннибал»... Кинги живот бы надорвал от смеха!

- Как, вы собираетесь ему рассказать об этом?! - встревоженно спросил Питер.

- А почему бы и нет? - сказал Ганнибал. - Бедняге уже несколько дней не до смеху, пусть порадуетя.

Питер снова наполнил стаканы и сел.

- Ну а как вам весь этот идиотизм? Этот американец Харп, требующий добавки льда, или этот швейцарец со своими часами?

- А известно ли вам, что, глумясь над столь любимым американцами льдом и над швейцарскими часами, вы

подрываете корни двух великих культур и грозите потрясением основ двум великим державам? - торжественно изрек Ганнибал.

- Так или иначе, - с улыбкой сказал Питер, - позвольте рассказать про этого проходимца Лужу. Это куда существеннее.

- Как - Лужа? - изумился Ганнибал. - А ему-то что от тебя надо?

Питер поведал о визите Лужи и о том, чем он закончился. Ганнибал присвистнул.

- Следует думать, он здорово потрепал себе нервы, когда пытался подкупить вас с Одри, - сказал он. - Было бы наивно думать, что это так просто... А вдруг противник прибегнет к давлению?

- Кто, например? - спросил Питер.

- Ну, хотя бы твой дядюшка Осберт. Мне никогда не нравился его союз с Хаммером - более прочный, чем связь сиамских близнецов, - а как только я узнал, что Лужа знаком с вашим дядюшкой, я почувствовал, как здорово запахло жареным.

- Вы хотите сказать, что мой дядюшка будет стоять за сделку насмерть? - недоверчиво спросил Питер. - По-вашему, он тоже сорвет на этом куш?

- Тут происходят и более странные вещи, - заметил Ганнибал. - Вся беда в том, что у нас нет доказательств... Во всяком случае, таких, которые могли бы быть приняты к сведению в суде.

- А как, по-вашему, можно их получить? - взволнованно спросил Питер. - И если удастся, то можно ли будет наконец похоронить идею строительства аэропорта раз и навсегда?

- Не уверен, хотя это, несомненно, позволило бы нам перевести дух, - сказал Ганнибал. - Но я не представляю, каким путем мы можем их раздобыть. Разве только эта

отвратительная троица явится сюда и вручит нам покаянное письмо с подписями. Во всяком случае, в данный момент мы бессильны что-либо предпринять. Поедемте-ка лучше на заседание особого совещания и посмотрим, как там пойдет дело.

Особое совещание включало в себя всех значительных и малозначительных вождей племен гинка и фангуасов, по двадцать с каждой стороны; при равенстве голосов решающий голос оставался за Кинги. Собравшиеся, одетые в пестрые халаты, сгрудились вокруг длинного, до блеска отполированного стола. В своем королевском одеянии пурпурного цвета с золотым шитьем у ворота и на манжетах Кинги выглядел особенно величественным. На общем фоне резко выделялся один только Лужа в неизменном безупречном костюме и с галстуком регбиста. Когда Ганнибал и Питер заняли положенные места, Кинги обратился к собравшимся с речью.

- Я начну вот с чего, - сказал он своим богатым раскатистым голосом, который прямо-таки создан был для риторики. - Наше особое совещание должно уяснить одну простую вещь. Мы не имеем права лишать фангуасов их вновь обретенного божества - это было бы равносильно лишению племени гинка - их божества, которое всегда оставалось при них. Стоящая перед нами проблема заключается в следующем: если мы дадим ход нашим планам затопления долин - а на заседании парламента уже достигнута договоренность о продолжении работ по подготовке строительства аэродрома, - под воду уйдут и птицы-пересмешники, и деревья омбу. Таким образом, мы сегодня должны решить, как построить аэродром без нанесения ущерба религиозным чувствам фангуасов. Поэтому сейчас я подойду к каждому и попрошу его высказать свое мнение в индивидуальном порядке. После этого может быть открыта общая дискуссия.

Кинги медленно обходил стол и спрашивал, у кого какие идеи. Кто-то высказывался кратко и определенно, а иные, не имея никаких конкретных предложений, тем не менее не прочь были почесать языками и бубнили что Бог на душу положит. Ганнибал слегка пофыркивал от нетерпения и в какой-то момент послал Питеру записку: «Похоже на то, что все они «за». Но я снабдил Кинги рядом аргументов «против», и есть надежда, что они работают. Напомни мне, что я хотел встретиться с этим идиотом Друмом».

Наконец, после двух часов сотрясения воздуха, когда участники вскакивали с мест, стучали кулаками по столу и пытались перекричать друг друга в самой демократичной манере, Кинги поднял руку, прося тишины.

- Всем вам была дана возможность высказаться, и все вы внесли предложения, которые застенографированы, - изрек он, по-отечески обводя глазами стол. - Позвольте мне поблагодарить вас за столь серьезный подход к проблеме и выдвижение столь деловых и разумных предложений.

Он сделал паузу, надел очки и взглянул на листок бумаги, который держал в руке. Затем снял очки и ласково взглянул на членов особого совещания.

- Тем не менее, сколь бы умными и полезными ни были ваши предложения, ни одно из них не может быть расценено как реальное решение проблемы. Поэтому, если позволите, я выдвину свое собственное - полагаю, оно послужит делу.

Члены особого совещания внимали королю, загипнотизированные его могучим обликом. Только Лужа - это не ускользнуло от внимания Питера - смотрел на короля, прищурился и тихонько отбивая указательным пальчиком по полированной поверхности стола барабанную дробь.

- Итак, - продолжил Кинги, - наша задача заключается в том, чтобы спасти и дерево, и птицу. Каков наилучший вариант решения? Вывод очевиден: если мы не хотим, чтобы они находились там, где находятся в данное время, нам придется переместить их. А если так, то требуется детальное изучение всех биологических аспектов жизни птицы: только тогда можно будет подобрать подходящее место для ее переселения. Ситуация с деревьями несколько сложнее, и решение ее куда более дорогостоящее. Как вам известно, в Америке длительное время совершенствовались методы переселения взрослых деревьев, и я предлагаю изучить возможности пересадки деревьев омбу в то самое место, куда мы собираемся переселить пересмешников.

Обе партии, участвовавшие в работе совещания, ответили на монаршее заявление восторженным шумом. Один лишь Лужа оставался молчалив и даже не пытался скрыть презрительную усмешку. Во время общей дискуссии он не выдвинул никакого предложения, а лишь пожал плечами и сказал, что присоединится к решению большинства.

- Я отдаю себе отчет, - продолжал Кинги, - что эта программа потребует много времени и средств, но я уверен, что это - единственно возможный путь. Я также уверен, что на проведение этой важнейшей операции по спасению уникальных видов мы получим финансовую помощь из разных стран. Исходя из вышеизложенного, я предлагаю учредить специальный фонд - «Фонд Пересмешника» - и, со своей стороны, дам задание профессору Друму немедленно приступить к изучению пересмешника и подготовке материально-технического обоснования пересадок деревьев омбу. Полагаю, вы все проголосуете за данный метод решения проблемы?

Участники совещания были настолько очарованы новаторским подходом Кинги, что в зале на мгновение воцарилась ошеломляющая тишина. Затем все подняли руки и в один голос сказали «да». Собравшиеся смотрели друг на друга сияющими глазами, кивали головами в знак одобрения и смеялись, будто проблема была уже решена.

- Прекрасно, - сказал Кинги. - На этом наша встреча заканчивается. Месяца через два, когда у профессора Друма будут готовы результаты исследований, мы соберемся снова.

Он встал и повел Ганнибала и Питера к себе в апартаменты, а многоголосое взволнованное сборище двинулось к выходу. В кабинете Кинги уже был приготовлен термос с напитком «Оскорбление Величества». Кинги молча разлил угощение по стаканам, и все трое подняли первый тост.

- Итак, - сказал Кинги, глотнув кокосового молока, обильно сдобренного спиртным, - благодарите Бога за свою мудрость, Ганнибал! Похоже, сработало.

- Не надо переоценивать, - сказал Ганнибал. - Это дало нам долгожданную возможность перевести дух, но не более того. Переселение целого леса омбу выльется в астрономическую сумму, и при этом весьма вероятно, что птицы будут страдать, а то и перемрут по той или иной причине, если их вывезти из долины. В общем, дело может оказаться неподъемным. Но в нашем распоряжении несколько недель на обдумывание альтернативного пути - полагаю, это весьма ценно.

- Представляю, как Друм обрадуется, - сказал Питер. - Его хлебом не корми, только дай ответственное задание.

- Вот именно, - сказал Ганнибал. - Как только допьешь, скачи на поиски Друма и тащи ко мне.

- Сейчас, - сказал Питер, заглотив питье и встал из-за стола. - Если он у себя, я доставлю его к вам на дом через полчаса. О'кей?

- Идет, - сказал Ганнибал. - Только прежде дай мне пропустить еще стаканчик этого убийственного королевского зелья.

Когда Питер доехал до крохотного домика на окраине столицы, где поселился Друм, его сердечно встретила хозяйка - полная немолодая зенкалийка, сообщившая, что Друм ушел накануне, захватив с собой сумку для коллекций и провизию в дорогу, и не вернулся до сих пор.

- Не знаете ли, куда он умотал? - спросил Питер.

- Не знаю, сэ'. Моя никогда не знает, куда он уходит, - сказала зенкалийка, шевеля в пыли пальцами ног. - Масса Друм никогда не ставит меня в известность, куда он уходит.

- Вы говорите, что он взял с собой полно каклет?

- Да, да, я ему нажарить полно каклет на дорогу.

- Значит, он мог уйти на два-три дня?

- Нет, сэ', - твердо сказала дама. - Он взял каклет самое большее на два дня, сэ'.

«Остается одно - оставить ему записку», - подумал Питер.

- Проводите меня в комнату масса Друм, мамочка. Я написать грамота для масса Друм, а когда он вернется, вы ему передать.

- Моя слышала, сэ', - сказала хозяйка и повела его в комнату Друма.

В отличие от внешности Друма, его обиталище, к удивлению Питера, выглядело безупречно. Комната была уставлена полками со справочной литературой, толстыми папками, на каждой из которых были аккуратные наклейки, рядами банок и клеток из металлической сет-

ки, где томились различные насекомые; на столе стоял большой блестящий микроскоп, снабженный оборудованием для микрофотографии; всему было скрупулезно отведено свое место. Найдя на столе блокнот, Питер написал Друму краткую записку с просьбой безотлагательно явиться в дом Ганнибала и передал ее хозяйке, которая для надежности засунула ее между своими огромными грудями и заверила, что передаст ее Друму без всяких промедлений, когда он возвратится.

Вернувшись к Ганнибалу, Питер, к своему удивлению, обнаружил, что тот проводит пресс-конференцию. На широкой веранде были расставлены полукругом стулья, на которых восседала пишущая и телевизионная братия. Все жадно хлестали большими стаканами крепкие напитки и не менее жадно внимали Ганнибалу.

- Итак, джентльмены, вам должно быть ясно, что обретение вновь птицы-пересмешника и дерева омбу является одним из важнейших открытий в области биологии в нынешнем столетии. Возможно, оно сделало бы честь любому столетию; в конце концов, боги возвращаются к нам не каждый день.

- Чем были вызваны беспорядки? - спросил корреспондент газеты «Тайме» Хайбери, чье лицо расцвело пурпурным румянцем вследствие жары и Ганнибалова гостеприимства.

- С исторической точки зрения... - начал Ганнибал, но тут его взгляд упал на вернувшегося Питера. - А, это ты, Питер! Присаживайся к нам, налей стаканчик - видишь ли, я желаю, чтобы журналисты и телевизионщики немного набрались... немного набрались от меня правды и культуры. Сам видишь, какую борьбу я веду за это! Ну, да ничего страшного. Просто одна из обязанностей, которую несем на своих плечах мы, строители Империи!.. На чем же я остановился? Ах да, на причине возникно-

вения беспорядков. Видите ли, с исторической точки зрения практически любое открытие, которое может служить новой отправной точкой в мышлении, неизменно вызывает шум. Помните, какими скандалами сопровождалось, например, введение на севере Англии прялки «Дженни»?

Те представители прессы, которые кичились своим знанием истории, выглядели сконфуженно. Ганнибал обошел всех с кувшином некоего напитка, убийственного даже для быка, и наполнил стаканы.

- Вы уклонились от ответа на вопрос об имевших место беспорядках, - настаивал Куне из агентства «Рейтер».

- Подумаешь, - беззаботно сказал Ганнибал. - Это было не опасней, чем драчка школьников.

- Но они же спалили Английский клуб! - воскликнул Сайбели из «Рефлектора» таким тоном, будто речь шла о судьбе Александрийской библиотеки.

- Да его давно собирались снести, - ласково сказал Ганнибал. - Они просто оказали услугу англичанам, избавив их от этого рассадника антисанитарии. Страховку получим - не такой выстроим! Будет у нас клуб весь из хромированной стали и стекла, более соответствующий образу великой Британии!

- Вы заявили, будто это не опаснее, чем драка школьников, - взял слово Хайбери, - но ведь госпиталь переполнен ранеными!!!

- Ваша репортерская аккуратность вас не подвела, мой милый друг! - сказал Ганнибал. - Вот именно, ранеными! Ни одного смертельного случая! А что вы думаете, стычки такого масштаба ограничиваются парой царапин? Ей-богу, я бывал свидетелем матчей по регби с куда более драматичным исходом.

- Но все равно, почему столько раненых, коли вы называете происшедшее «дракой школьников»? - язвительно сказал Хайбери.

- Милый друг, будьте рассудительны, - с теплой улыбкой возразил Ганнибал. - Дыма без огня не бывает.

- Правда ли, что одна из англичанок была похищена кем-то из этих ужасных черномазых? - спросил Сайбели, облизываясь в предвкушении разговора на щекотливую тему.

- По-моему, вам следовало бы подбирать выражения. Зенкалийцы достойны большего уважения, - сказал Ганнибал. - Уверяю вас, дело не пошло дальше кулачного боя с применением пары крокетных молотков и нескольких копий. Люди были так увлечены сражением, что им было не до плотских утех.

- Как отреагировал на все это король? - спросил Куне.

- Он был крайне огорчен, - сказал Ганнибал. - Его Величество годами трудился, чтобы достичь мира и согласия между гинка, фангуасами и иностранными колонистами, и, естественно, был шокирован этим глупым и бессмысленным взрывом насилия.

- Правда ли, что король помещается у вас на ладони? - не отставал Сайбели.

- Король ростом шесть футов четыре дюйма и весом свыше двухсот пятидесяти фунтов, - сказал Ганнибал. - Интересно, какая же у меня должна быть ладонь, чтобы он поместился на ней?

Публика расхохоталась. Тягостная атмосфера пресс-конференции, посвященной неприятной теме, сменилась радостной атмосферой коктейля, на котором Ганнибал выступал в роли веселого, радушного и внимательного хозяина.

- А что решило особое совещание? - спросил Куне.

- Ну, - сказал Ганнибал, зажигая сигару, - на мой взгляд, они пришли к наилучшему варианту решения проблемы.

Ганнибал изложил гостям план, принятый на особом совещании, постоянно подчеркивая, что идея исходила от Кинги и была поддержана всеми участниками, и неоднократно намекая на то, что если Великобритания так уж жаждет получить этот аэродром, пусть готовится выложить кругленькую сумму за переселение пересмешников и деревьев омбу на новое место, во всяком случае, ей придется покрыть большую часть расходов.

- Полагаю, нами задумано нечто не имевшее прецедента во всей мировой истории, - сказал Ганнибал. - Во всяком случае, я не могу привести аналогичные примеры. По сути дела, мы переселяем пересмешников вместе со средой обитания.

- Какие блестящие телепрограммы можно будет сделать! - восторженно воскликнул Брюстер.

- О да, я ожидаю, что этим заинтересуются телекомпании всего мира, - сказал Ганнибал. - Мы еще хорошо поторгуемся!

- Как это... поторгуемся? - в ужасе спросил Брюстер. - Но ведь... исключительное право должно принадлежать «Би-би-си»! Что бы там ни было, вы же все-таки английская колония!

- Через несколько недель мы официально получим статус самоуправляющейся территории, - подчеркнул Ганнибал. - Но и в этом случае следует ожидать, что ваше предложение будет встречено с пониманием и сочувствием.

Наконец пишущая братия, марая последние слова Ганнибала в своих блокнотах и расточая благодарности, покинула гостеприимного хозяина.

- Фу! - сказал Ганнибал, усаживаясь в свое знаменитое кресло-качалку. - Поддай-ка мне выпить, дружочек. Я так страдаю от жажды! А что делать? Не успел вернуться - глядь, они уже сидят у меня на пороге! Вот и пришлось сказать пару слов, чтобы отвязались. Я старался разложить все по полочкам, чтобы они потом не выдали за мои слова плод собственного воображения.

- Спасибо вам, Ганнибал, - сказал Питер. - Теперь я от этой обязанности избавился. Но мне по-прежнему необходимо добыть официальное заявление для прессы, «Голоса Зенкали» и сэра Ланселота.

- Ну, так приступай, - сказал Ганнибал и, запрокинув голову, выпил стакан. - Какие новости от Друма?

- Он где-то в лесу. Я оставил ему записку, чтобы он немедленно, как вернется, скакал к вам.

- Прекрасно. Вы обедали?

- Нет, - сказал Питер, неожиданно сообразив, что чертовски голоден.

- Ну, прошу в дом, перекусим - и за работу: пресс-релиз должен быть готов к сроку. Да, кстати, передай сэру Ланселоту и досточтимому Альфреду, что я сегодня жду их на ужин. Ну, разумеется, и вас с Одри тоже.

- Благодарю, - сказал Питер. - Я всем передам. Они будут в восторге. Боюсь, они уже чувствуют себя заброшенными.

По дороге домой Питер почувствовал, что не видел Одри уже целые сутки - с того знаменательного разговора с Лужей, и внезапно понял, как недостает ему ее присутствия, но тут же взял себя в руки. Собственно говоря, Одри - славная девчонка, с ней приятно провести время, но не более того. Так он себя уверял. Нет, он твердо решил, что останется холостяком! Жениться на такой капризуле?! Груды детских пеленок? Нет, увольте, эти игрушки не для него! Или вот еще картинка: он бьется как

рыба об лед, стараясь свести концы с концами, а ей, видите ли, приспичило покупать шиншилловую шубку! Потом ломай себе голову, как расплатиться с долгами! (Правда, было неясно, с чего это ему взбрело в голову, что она бросится покупать именно шиншилловую шубку, - просто он утвердился во мнении, что это самый тяжкий грех благоверной после измены.) И все же, думал он, как ему не хватало мисс Одри! Ему было так весело с ней! Он решил, что позвонит ей сразу, как только переступит порог дома.

К своему облегчению, он обнаружил, что сэр Ланселот и досточтимый Альфред наслаждаются жизнью, ныряя у рифа. Значит, можно спокойно сесть за запоздалый обед, а затем и за пресс-релиз. Он как раз собирался позвонить Одри, когда ввалились его постояльцы, мокрые как мыши. Он передал им приглашение Ганнибала, чему они были несказанно рады.

- Ну наконец-то мы встретимся с Силой, стоящей позади Трона, - с удовлетворением сказал сэр Ланселот.

- Не думаю, чтобы ему польстило такое определение, - сказал Питер. - Он только вносит предложения, но принимать или отвергать их - решает король.

- Понятно, понятно, - сказал сэр Ланселот. - Ну а до чего договорились на особом совещании? Приняли там какие-нибудь решения?

- Приняли, но это все полумеры, - сказал Питер.

Он начал объяснять, как все было. Сэр Ланселот нахмурился и надул губы.

- Не уверен, что ВОПЕС это устроит, - скорбно сказал он.

- Точно, не устроит, - изрек досточтимый Альфред, вращая глазами за стеклами очков. - Равно как и мою организацию.

- А почему так, сэр? - раздраженно спросил Питер.

- Задача ВОПЕС заключается в том, чтобы бороться не просто за сохранение видов животных, но и за сохранение их естественной среды обитания, - разъяснил сэра Ланселот. - Идея особого совещания пересадить все деревья омбу и переселить всех пересмешников противоречит нашим принципам. Как председатель заявляю с уверенностью, что ВОПЕС эта схема не устроит. Надо придумать что-то иное.

- Мы разделяем это мнение, - решительно заявил досточтимый Альфред.

- Боюсь, что вам придется разъяснить все это королю, - сказал Питер. - Это его идея. Но в действительности он высказал ее лишь затем, чтобы добиться для себя и Ганнибала отсрочки. А за это время можно будет придумать что-нибудь новое, хотя что - один Бог ведает.

- Не хотите ли вы сказать, что на самом деле не имеете намерения воплощать в жизнь эту бредовую схему? - спросил сэра Ланселот.

- Боюсь, как бы не пришлось, если не найдут альтернативы, - сказал Питер. - Но это влетит в копеечку.

- По-моему, следует серьезно и без обиняков поговорить обо всем с королем с глазу на глаз, - сказал сэра Ланселот, хмурясь и надувая губы. - В такие кошки-мышки с природой не играют. Это предосудительно.

- Что верно, то верно, - проблеял досточтимый Альфред, - с матерью-природой в кошки-мышки не играют.

- Сегодня вечером поговорю обо всем с Ганнибалом, - сказал Питер. - А теперь я позвоню мисс Дэмизн.

В радостном предвкушении Питер бросился к аппарату. При посредстве конторы Наполеона Ватерлоо он связался сначала с местной меняльной конторой, затем с Домом правительства и рыбным рынком. Наконец в трубке раздалось торжественное шипение, будто одно-

ременно казнили на электрических стульях трех знаменитых гангстеров, и ответила контора «Голоса Зенкали».

- Привет, Симон, - сказал Питер. - На проводе Флокс. Можно Одри?

- А, привет, Питер, - ответил папаша Дэмиэн. - Только... разве она не у тебя?

- Да нет... - слабым голосом сказал Питер. - А почему вы решили, что она у меня?

- Вчера вечером она сказала, что едет к тебе, и ее до сих пор нет. Я и подумал, что она провела ночь у тебя.

Питера бросило в холод.

- Вы имеете в виду, - сказал он, - что не видели ее со вчерашнего вечера?

- Именно так, - сказал папаша Дэмиэн. - Ее и след простыл. Если она не у тебя, то где же ее черти носят?

- Я не представляю, - ответил Питер.

- Это подозрительно, - с тревогой сказал Дэмиэн. - А вдруг с ней что-нибудь случилось?

- Да не волнуйтесь вы так, - ободряюще сказал Питер.

- Я позвоню кое-кому и, если что выведаю, сразу сообщу вам.

- Спасибо, - сказал Дэмиэн, - но если отыщешь эту чертову подзаборницу, не забудь передать, что я выскажу ей все, что о ней думаю.

Битый час при содействии и поддержке Наполеона Ватерлоо Питер обзванивал все места, где могла находиться девушка: Дом правительства, Ботанический сад, заведение Мамаши Кэри, одного за другим всех английских колонистов; единственным человеком, кому он не мог дозвониться, была Джу. Ее телефон упорно молчал. В конце концов Питер, у которого душа была не на месте, позвонил Ганнибалу и объяснил ситуацию.

- Ну и как ты думаешь, что могло случиться? - спросил тот.

- Не знаю, - взволнованно ответил Питер. - Но мне все это не нравится. Я не могу дозвониться Джу, но если ее и там нет, прямо не знаю, что и думать. Впрочем... А если Лужа...

Ганнибал присвистнул, и на секунду воцарилась тишина.

- Не возьму в толк - неужели он такой идиот, что решился на похищение? Здесь ему не Чикаго, в конце концов!

- Но вы забыли, как он безуспешно пытался подкупить меня, - сказал Питер, - и в каком прискорбном настроении он от меня уходил.

- Слушай, - сказал Ганнибал, - только не горячись.

Позволь мне кое-что разведать, а затем встретимся и соберем военный совет. А за это время попытайся дозвониться Джу.

- О'кей, - сказал Питер. - Но если это действительно дело рук Лужи, имейте в виду, Ганнибал, я ему сверну шею.

- Я помогу, - сказал Ганнибал.

Питер снова попытался дозвониться до Джу, но напрасно. В трубке раздавались лишь долгие редкие гудки. В раздражении он швырнул трубку и стал вышагивать по комнате. Затем налил себе стакан. У него в голове не укладывалось, что Лужа, каким бы мерзким и отчаянным он ни был, окажется настолько туп, что будет угрожать Одри. Но если он тут ни при чем, то где же она? Заплыла далеко в море и наткнулась на акулу? Или потерпела аварию на одной из удаленных горных дорог и теперь лежит, истекая кровью, среди обломков машины? При мысли об этом Питера прошиб холодный пот, и он налил себе еще стакан.

Вдруг он услышал шум приближающейся машины, скрип тормозов, прыжки по ступеням лестницы и гул го-

лосов. Дверь распахнулась, и в комнату впрорхнула раскрасневшаяся и взволнованная Джу - ее знаменитая шляпа сдвинулась на один глаз. К удивлению Питера, за нею вошли капитан Паппас и Леонардо-да-Винчи Браун.

- Вот это да! - сказала Джу без долгих предисловий, направив на него указательный палец. - По твоему лицу видно, что ты только сейчас заметил ее отсутствие. Верно я говорю?

- Да, - сказал Питер. - Так где же она, Джу, где?

Джу села в кресло, поджав свои длинные ноги, сняла шляпу и стала обмахиваться ею, как веером.

- У Лужи, - только и сказала она.

Глава седьмая

ЗЕНКАЛИЙЦЫ ПОТРЕЯСНЫ

За окнами сгущалась тьма. Зазвенели и застрекотали сверчки, им вторили тонкими голосами гекконы: «Тик-ток! Тик-ток!» Теплый воздух был напоен ароматами цветов, а во мраке кустов, словно летучие опалы, сияли светлячки.

Но для Питера ничего этого не существовало.

- Как это следует понимать - у Лужи? - выдавил он наконец. - Что ты имеешь в виду?

- Что слышал, - сказала Джу, устремив на него совиный взгляд. - Лужа похитил ее прошлым вечером, когда она возвращалась домой.

- Ну а... где же она?! - спросил Питер, глядя на носки своих туфель. - Дома у Лужи? Неужели этот мелкий, омерзительный негодяй...

- Ну, ну, не спеши с выводами, - утешающе сказала Джу. - Она не у Лужи дома, его самого там тоже нет. Так что успокойся, не гляди так злобно, а лучше поднеси мне стаканчик.

- Прости, Джу, - сказал Питер и начал разливать напитки по стаканам, стараясь, чтобы никто не заметил, как у него трясутся руки. - Но, право же, где она и как ты обо всем этом узнала?

- Начнем с того, - сказала Джу, отхлебнув из стакана, - что она цела, можешь не волноваться. А узнала я об этом вот как: там был Леонардо-да-Винчи Браун.

- Но я думал, что это твой садовник... - начал Питер.

- Точно так, - сказала Джу. - И по совместительству один из моих лучших информаторов.

- Как... информаторов? - спросил потрясенный Питер.

- А вот так, - ответила Джу. - С того самого момента, как в воздухе стала носиться мысль о строительстве это-

го идиотского аэродрома, я почувствовала, что обязана держать руку на пульсе событий. Для начала я попросила самых смысленных из моих прихожан докладывать обо всем, что в этой связи делается. От Леонардо я узнала, что твой дядюшка и лорд Хаммер имели с Лужей закулисные беседы. Он слышал, как сэр Осберт и лорд Хаммер убеждали Лужу немедленно предпринять какие-то шаги, чтобы не допустить срыва сделки. Сэр Осберт так и сказал, без обиняков: «Как хочешь, а долину нужно избавить от этих чертовых деревьев и дурацких птиц. И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше». Бедняга был здорово напуган, потому и пытался тебя подкупить. Или я не права?

- Но откуда тебе об этом известно?

- Подросток по имени Тюльпан, что служит у тебя, - тоже мой человек, - сказала Джу.

- Ну и ну! Да ты похлеще всяких коммунистов! - воскликнул Питер.

- Куда им до меня! - с гордостью подтвердила Джу. - Я всегда неукоснительно придерживалась принципа Священного Писания «Око за око, зуб за зуб!», а ситуация сложилась такая, что есть где развернуться. Да и вообще, сдается мне, что христиане стали слишком сентиментальными. Нет, размазни не в моем вкусе! Короче говоря, я дала Леонардо задание втереться в доверие к Луже. И что бы ты думал - он так вошел в роль, что стал членом его шайки сорвиголов и хулиганов, которые были главными зачинщиками беспорядков и на чьей совести - поджог Английского клуба. Им же было поручено и похищение Одри, что они вчера вечером и сделали. Надо сказать, члены шайки были отнюдь не в восторге от этого боевого задания, поскольку они давно знакомы с Одри и испытывают симпатию к ней. Но Лужа так взял их в оборот, что они не посмели ослушаться. В общем,

они привезли ее в одну из небольших лесных хижин, где селятся охотники на оленей, после чего сам Лужа пытался разговорить ее. Но перед этим Леонардо сумел привлечь внимание Одри и знаками показал ей, что сообщит мне обо всем.

- Благодарите Бога, что он послал вам Леонардо, - с жаром произнес Питер. - Ну что, Леонардо, отведешь нас туда?

- Да, конечно, - сказала Джу. - А если понадобится помощь, мы с капитаном Паппасом тут как тут.

Капитан Паппас хорошенько прокашлялся.

- Да, сэ, можете на меня рассчитывать, - сказал он. - Мисс Одри - прекрасная девушка, очаровательная леди. Этот черномазый сукин сын Лужа слишком много на себя берет. Ну, мистер Фокстрот, надеюсь, ты задашь ему перцу, а? Я помогу!

- Спасибо, - с облегчением сказал Питер. - Как только доберусь до него - сразу пушу его на корм акулам!

- Не стоит. Думаю, он нам еще послужит живым, - раздался голос.

Все обернулись и увидели Ганнибала, стоявшего в дверном проеме.

- Ганнибал! - вскричал Питер. - Ты как раз кстати!

Знаешь, этот мерзавец Лужа...

- Знаю, знаю, - сказал Ганнибал, снимая свою гигантскую «сола топи» и усаживаясь рядом. - Вы так орали, что за километр слышно. А если бы на моем месте оказался Лужа?!

- Мы как раз собирались на помощь Одри, - сказал Питер. - Пойдешь с нами?

- Конечно, - сказал Ганнибал, - но не сейчас.

- То есть в каком смысле - не сейчас?!

- А вот в каком, - сказал Ганнибал. - Сейчас, в семь часов вечера, всякий добропорядочный зенкалиец кол-

дует над котелком. Раньше чем в половине девятого они не кончат ужинать, но зато сразу после этого заваливаются спать. Это одна из тех любопытных привычек, которые зенкалийцы унаследовали от французов. Значит, если мы сейчас отправимся к охотничьей избушке, врасплох мы их не застанем. Стало быть, лучше всего отправляться туда в час пополуночи.

- Все это, конечно, прекрасно, - сказал Питер. - А вдруг, пока мы тут сидим сложа руки, Лужа попытается вытянуть из Одри сведения о местоположении долины?

- Ты имеешь в виду допрос с пристрастием? - спросил Ганнибал. - Это исключено. Такого не потерпит ни один из его шайки. Или я не прав, Леонардо?

- Да, сэ', мистер Ганнибал. Лужа наказал всем не трогайте мисси Одри, а то он всем хвосты накрутит, - серьезно сказал Леонардо.

- Ну ладно, - неохотно согласился Питер, хотя знал, что ожидание истреплет ему нервы. - Положим, вы правы.

- Значит, так, - сказал Ганнибал, - сейчас я заберу к себе в гости двоих. Полагаю, остальным неохота тащиться ко мне в гости на обед и неохота, чтобы те, кого я увезу, тут околачивались. Я заеду за вами в полночь. Сколько времени понадобится, чтобы добраться туда, Леонардо?

- Это недалеко, сэ', - сказал Леонардо. - Неподалеку от дома мисси Джу.

- Заодно заедешь и за мной, - сказала Джу. - От меня до места полчаса пути.

Ганнибал взглянул на Питера.

- А сколько времени потребуется, чтобы доехать до Долины пересмешников? - спросил он.

- Это зависит от того, как туда добираться. Если лезть через скалы, как мы, то не доберешься и за полдня. Но в долину можно попасть и через расщелину, сквозь кото-

рую стекает водопад. Самое большое - полчаса от дороги. А почему ты спрашиваешь?

- Да так, просто поинтересовался. Ты когда-нибудь спрашивал дорогу у ирландца?

- Нет, - ответил Питер, удивленный столь странным вопросом.

- Ничего. Это я так, - сказал Ганнибал и увел с собой сэра Ланселота и досточтимого Альфреда. Потом ушли Джу с Леонардо и Паппасом.

Когда часы пробили полночь, явился Ганнибал с двумя своими гостями. У обоих были пурпурные лица, а ноги выписывали кренделя. Отправив гуляк спать, Питер и Ганнибал покатили к дому Джу. Ночная прохлада была пронизана тысячами самых диковинных запахов, а воцарившаяся на небе канареечного цвета луна ярко освещала лес. Время от времени в свете фар вспыхивали, словно алмазы, глаза мангуста. Темные чащи были украшены мириадами мерцающих светлячков.

- Как ты справился с сэром Ланселотом и досточтимым Альфредом? - полюбопытствовал Питер.

Ганнибал только хмыкнул.

- Неплохо. С первого взгляда ясно, что они настроены творить добро, так что, на мой взгляд, им вполне можно простить даже те слабости, которые кажутся предосудительными. Тем не менее во время обеда я победил Ланселота в счете Очень Важных Персон. Суди сам, какие у меня козыри: три члена королевских семейств из небольших стран, восемь герцогов, четырнадцать сэров и целая куча премьер-министров. Он остался под таким впечатлением, что просил называть его просто Ланс.

Питер рассмеялся.

- Ну, это чудачество безобидное, - сказал он. - Не то что непомерное самомнение этого сноба, Дэниэла Брюстера.

- Хватит трепаться, - прервал его Ганнибал. - Кстати, ты взял ружье?

- Нет, - с сожалением сознался Питер.

- Ну, может, это и к лучшему, - сказал Ганнибал. - Я захватил свой маленький «смит-вессон». Правда, попасть из него в цель довольно затруднительно, зато бабахает не хуже пушки, а нам это как раз и нужно.

Наконец они добрались до дома Джу. Там их поджидали хозяйка, Паппас и папаша Дэмиэн, одетые в костюмы цвета хаки. На Джу была также огромная ковбойская шляпа, в руке она держала внушительное ружье, на плече у нее висел кожаный патронташ, а на бедре - пугающих размеров охотничий нож.

- А, вот и вы! Ну что ж, мы в полной боевой готовности! - воскликнула она. - Симон, налей-ка нам выпить! А я пока достану шашки.

- Шашки?! - изумился Ганнибал. - Ты что... хочешь изрубить их на котлеты?!

- Ганнибал, хоть ты и очень умный человек, но временами порешь такую чушь, что стыдно слушать, - строго сказала Джу. - Я имею в виду не клинки, а всего-навсего дымовые шашки. Я тут отыскала книгу - называется «Сто утех, забав и шуток для прилежных детей», и там нашелся великолепный рецепт дымовых шашек. Такие и ребенок сделает! Капитан Паппас тут же привез мне все необходимые компоненты из Джакарты, и я набила ими длинные трубки и колбы.

- Паппас! Понимаю, тебе хотелось ублажить ее, но впредь думай хоть немного! - сурово сказал Ганнибал.

- Ты прав. Это самая воинственная и кровожадная христианка, которую я когда-либо видел, - сказал Дэмиэн, радуясь, что теперь может бесконтрольно хлестать бренди стакан за стаканом. - Клянусь, будь она ирландс-

кой католичкой, она поставила бы на колени британское правительство и отбила у него Северную Ирландию.

Порывшись в шкафу, Джу достала четыре шарообразные колбы и распихала их по карманам.

- Ну что, - сказала она, залпом допивая стакан, - все готовы? Прекрасно! Тогда в путь, привезем назад это бедное дитя, чтобы наша крошка могла принять ванну и сытно поужинать.

Они проехали около двух миль, а затем, следуя указаниям Леонардо, поставили машину под гигантским баньяном на обочине. Засветив фонари и послав Леонардо вперед, они двинулись по узкой петляющей тропке, огибающей деревья и прямые побеги гуавы. Паппас с помощью мачете срубил четыре деревца, вытесал из них шестифутовые колья и раздал Дэмиэну, Ганнибалу и Питеру.

- Они незаменимы для драки, - объяснил он. - Ткнешь противнику в ноги - он не убежит. Ткнешь в голову - тем более.

- А мне? - раздраженно спросила Джу.

Паппас неохотно вытесал кол и для нее. Она с великой радостью водрузила его на плечо, едва не снеся при этом голову Питеру. Процессия продолжила путь, но примерно через четверть часа Леонардо остановился и сел на корточки.

- Теперь мы почти у цели, сэ, - прошептал он и направил свет фонаря на тропинку. Затем он расстелил на дорожной пыли карту, расправив ее веточкой.

- Эта хижина, сэ, - сказал он, - на берегу реки. В ней две комнаты. В одной сидит мисси Одри, а в другой - четыре человека стражников смотреть, чтобы она не убежала.

- Там есть еще охрана? - спросил Ганнибал.

- Да, сэ', еще два стражники. Один вот здесь, а другой вот тут.

- Превосходно, - сказал Ганнибал. - Мы с Симоном обезвредим одного, а Питер и Паппас займутся другим.

Встретимся у хижины.

- О'кей, - сказал Питер и вместе с Паппасом скрылся за кустарником.

- А про меня забыл? Я-то что делать буду? - раздраженно спросила Джу.

- Пошли со мной, - сказал Ганнибал. - Да смотри не прострели мне голову своей пушкой!

Питер и Паппас пробирались вслед за Леонардо между деревьями, Из-за того что они не могли зажечь фонари, им пришлось двигаться медленно, к тому же они боялись хрустнуть веткой, чтобы раньше времени не потревожить врага. Вдруг Питер увидел впереди крохотный костерок, мерцавший среди стволов. Питер сперва удивился, а потом сообразил, что его развел охранник и, сам того не зная, выдал свое точное местоположение. Тут и Леонардо остановился и шепнул Питеру на ухо:

- У огня сидит стражник, сэ'. Хочешь, я пойти его стукнуть?

- Не надо, - выдохнул Питер. - Оставь эту птицу мне.

Не спуская глаз с объекта поражения, Питер двинулся вперед, дюйм за дюймом приближаясь к мерцающему костерку, перед которым, как ему казалось, лежало огромное дерево. Вдруг это дерево встало и пошло. Оно оказалось крупным зенкалийцем, завернутым в одеяло и с внушительным копьём в руке. К счастью, объект находился спиной к Питеру. Пока он потягивался и позевывал, собираясь развернуться на сто восемьдесят градусов, Питер решил действовать. Он сделал три шага вперед, метнул свой кол, и прежде чем противник успел посмотреть, что это свистит в воздухе, снаряд стукнул

его по затылку. Верзила-зенкалицец, успев-таки фыркнуть от удивления, выронил копье, упал ничком и замер. Тут Питер и сам почувствовал удар - по руке.

- Молодец, мистер Фокстрот, ловко ты этого недоноска, - прохрипел Паппас - На том свете будет помнить...

- Не надо, что ты! - встревоженно вскричал Питер. - Только не это...

Он с волнением опустил на колени и, повернув противника на бок, приложил ладонь к его широкой грудной клетке. К счастью, верзила еще дышал, и под массивной сеткой ребер сердце билось, как часы. Похоже было, что он еще долго не придет в сознание, но Питер не стал испытывать судьбу. Он немедленно порвал одеяло зенкалийца на полосы, связал ему руки сзади, а ноги накрепко привязал к молодым деревцам. Слева от себя он услышал донесшийся из лесу крик, прерванный треском, будто сломали небольшую ветку, - очевидно, это Ганнибал столь же ловко расправился со вторым стражником... Теперь оставались еще четверо в охотничьей хижине.

Питер прошел мимо еще не потухшего костерка; лес закончился, и он вышел на лужайку, по которой извивалась крохотная речушка. На противоположном берегу и приютилась хижина охотников на оленей. Она была довольно большая, и, осторожно обойдя ее кругом, Питер отметил, что у нее две двери и два закрытых тяжелыми ставнями окна. Одна из дверей была заперта на мощный засов - значит, там и находилась Одри, а вторая просто захлопнута. С другой стороны лужайки появились Ганнибал, Симон и нелепая в своем одеянии Джу. Выйдя им навстречу, так, чтобы они увидели его в лунном свете, Питер помахал рукой. Ганнибал помахал в ответ, и вскоре все пятеро были вместе.

- Ну что, все в порядке? - прошептал Ганнибал. - Ты справился со своим охранником?

- Конечно. Он накрепко привязан к деревьям.

- Здорово. Мой обернулся ровно за секунду до того, как я на него набросился, и хотел поднять дикий крик, но не успел. Ты слышал?

- Да, чуть-чуть. Каковы теперь наши планы?

- Судя по всему, у хижины две комнаты с отдельными входами, поэтому дымовые шашки Джу будут в самый раз. Если мы сможем открыть дверь и швырнуть их туда, фактор внезапности сработает на нас, - сказал Ганнибал.

- Ты одного не учел, - вмешалась Джу. - Только я одна знаю, как их бросать.

- Ну, ясно, ясно, не мне тебя учить, кровожадная карга, - сказал Ганнибал. - Симон, давай открывай дверь, а Джу метнет туда свое оружие. Потом сразу запираем дверь на засов. Через пять минут они уже не смогут сопротивляться и мы возьмем их тепленькими.

- Я не забавлялась так с тех пор, как участвовала в соревнованиях по классической борьбе и дзюдо, - призналась Джу Питеру.

Они двинулись по лужайке в направлении хижины. Папаша Дэмиэн занял позицию у двери.

- Готова? - шепнул он.

Джу вынула шашки из кармана, поигрывая ими в своих могучих ладонях.

- Так точно, сэр, готова! - кивнула она.

Дэмиэн со страшной силой рванул на себя дверь. Джу тут же метнула шашки в темную глубину. Оттуда послышались треск, звон разбитого стекла и дикий крик ужаса. Дэмиэн тоже захлопнул дверь, и в следующий момент могучее бревно, заменявшее замок, заняло свое

место. Из хижины донеслись какофония приглушенных звуков, кашель и отчаянный стук кулаками в дверь.

Как только стало ясно, что оружие возымело действие, Питер бросился к другой двери и отомкнул засов. За дверью стояла хохочущая Одри - целая и невредимая. Питер обнял ее и расцеловал.

- Ну как, власть насиделась? - спросил он. - А то, если тебе нравится быть похищенной, я не стану силком тащить тебя домой.

- Ты мой герой, - сказала Одри и засмеялась еще громче при виде остальных своих спасителей.

- Вот неблагодарная тварь! Ты всегда была такой, - сказал папаша, целуя дражайшую дочь. - Мы тут жизнью рискуем, чтобы спасти тебя, а она ржет как ни в чем не бывало!

- Но вы все так смешно выглядите! - стала оправдываться Одри. - А что вы сделали с моими беднягами-похитителями?

- Удушили, - с наслаждением сказала Джу.

- Как - удушили?!

- Джу сделала дымовые шашки, - сказал Питер, - ну, мы их и забросали. Вот откуда весь этот шум.

- А теперь мы их вытащим и повесим на ближайшем баньяне, - сказал папаша Дэмиэн, потирая руки.

- Не надо, ради Бога, - раздраженно сказала Одри.

- Это еще почему? - поинтересовался Питер.

- Они были так милы со мной, бедняжки, - объяснила Одри, - у меня и в мыслях не было причинять им зло. А если вы, ваше преподобие, отравили их насмерть, я ни за что не прощу вам. Пойдемте сейчас же выпустим их.

- Если мы их выпустим, это будет конец всему нашему делу, - сказал Ганнибал.

- Так вам вообще не надо было их трогать, - сказала Одри. - Вам нужно было только приехать, и они с радостью передали бы меня с рук на руки.

- С рук на руки? - недоверчиво произнес Ганнибал.

- Именно так.

- Почему?! - спросил Ганнибал.

- Они знали, что вы приедете, - нетерпеливо сказала Одри. - Ганнибал, ты порою такой несносный!

- Но кто им сказал? Откуда они это узнали?

- Я им сказала.

- Ты им сказала?! - изумился Ганнибал. - Я молчу!.. Мы тут пробираемся по лесным чащобам, словно партизанский отряд, разбавленный начинающими бойскаутами, а они, видите ли, поставлены обо всем в известность?!

- Ну да, - сказала Одри. - Им не хотелось меня похищать. Это все поганец Лужа. Он их заставил. Ну, отпирай, пока они там не задохнулись.

Как только Питер снял засов, из комнаты выползли четверо насмерть перепуганных зенкалийцев. Они хрипели, кашляли, судорожно хватали ртами воздух, по лицам у них лились потоки слез. Белый удушливый дым, клубившийся в хижине, имел жуткий запах тухлых яиц и прорванной канализационной трубы.

- Чем же ты начинила свои шашки, Джу? - спросил Ганнибал.

- Видишь ли, когда я приготовила первую опытную партию, мне показалось, что там чего-то не хватает, - созналась Джу. - Вот я и подмешала кое-чего для запаха.

- Вот это да! - произнес потрясенный Ганнибал. - Какая же ты, к дьяволу, служительница церкви?! Ты самая настоящая ведьма, прямо с шабаша, только летаешь в шляпе, а не на помеле!

- А я-то думала, ты оценишь! Это первые дымовые шашки в моей жизни, - укоризненно сказала Джу.

Между тем Питер и Одри оказывали незадачливым похитителям первую помощь. Благодаря холодной воде из ручейка и поряточной фляге бренди, неохотно пожертвованной Дэмиэном, они вскоре пришли в чувство, но дыхание у них по-прежнему было хриплым и они здорово кашляли. Питер выяснил, что двое стражников, оставшихся в лесу, тоже очнулись, и хотя у каждого на затылке было по шишке величиной с куриное яйцо, похоже, этим дело и ограничилось.

- Ну, - сказал Ганнибал, - коли вы удовлетворены тем, что никому из противников не угрожает командиров ка на тот свет, может, объясните, что все это значит?!

- Охотно, - сказала Одри, - но сначала давайте побыстрее доберемся до телефона - у нас мало времени, мы должны позвониться до дворца.

Когда они возвратились в миссию Джу, Одри за стаканом бодрящего вина рассказала, как все произошло.

- Сама во всем виновата, - хмуро призналась она. - Я ехала домой, смотрю, дорога перегорожена огромным деревом, а рядом несколько зенкалийцев с мачете: стоят себе вроде раздумывают, как бы убрать препятствие. Я готова была подождать, пока они справятся с этим, но тут с другой стороны подкатил Гарутара - ну, помните, кузен Лужи, который всегда клялся, что ненавидит его, - и наорал на столпившихся вокруг дерева людей. Потом, перебравшись через ствол, подошел к моей машине и сказал: мол, они послали за пилой, но операция по распилке займет минимум несколько часов, а поскольку сам он решил вернуться в город, то может подбросить и меня.

- И ты согласилась? - изумился Ганнибал.

- Да, как видишь... Прежде чем успела раскаяться в собственной дурости, мы уже свернули в лес. Тогда я решила: черт с ними, все равно сопротивляться бесполезно, а там, Бог даст, пока я буду среди них, может, узнаю что-нибудь полезное.

Питер вздохнул и поднял глаза к небу.

- Так вот, - продолжала Одри, - когда мы вошли в хижину, там уже находился Лужа - в костюме сафари, да еще в тирольской шляпе - ни дать ни взять Джунга Дин! Он был довольно вежлив, но отпускал сальности, и тон его был угрожающим. Как только я сказала все, что думаю, по поводу проведенной операции, он улыбнулся и выбил у меня почву из-под ног, раскрыв все свои карты.

Она сделала паузу и отхлебнула глоток.

- Он заявил, что если я не сообщу, где находится заветная долина, сорвется строительство аэродрома и электростанции и он останется без денег. И тогда, хоть он и не мстителен, он устроит веселую жизнь всем, кого я люблю и ценю. Он сказал, что непосредственно мне угрожать не будет, так как меня все равно ничем не проймешь, но медленная пытка, когда мне из года в год придется беспокоиться о жизни и здоровье родных и близких, заставит меня капитулировать.

- Ну что за сволочь! - пробормотал Ганнибал.

Питер ничего не сказал - он наблюдал за Одри, по лицу которой было видно, что она подходит к чему-то важному и неожиданному.

Одри усмехнулась.

- Я попыталась поставить его на место, - сказала она, пожав плечами, - но все напрасно. Я говорила ему, что даже если он узнает, где находится долина, и уничтожит ее, это не принесет ему дивидендов, так как все зенкалийцы ополчатся против него. В ответ он лишь рассмеялся и сказал, что ему начхать на Зенкали и его обитате-

лей. Как только долина перестанет существовать, он тут же отправится в Джакарту, где его уже будут ждать денежки.

- Об этом я как-то не подумал, - сказал Ганнибал. - Так вот почему он действовал отчаянно.

- Точно, - сказала Одри. - Отчаянно, но в открытую.

- Так что же ты сделала? - спросила Джу.

- Я сказала ему, где находится долина, - выпалила Одри.

На мгновение воцарилась тишина.

- То есть... как это... сказала? - спросил Питер.

- И это... моя родная дочь... Господи, прости ее, если сможешь, - проблеял папаша Дэмиэн.

- Одри, милая, как же так?! - взвизгнула Джу.

Одного только Ганнибала заявление Одри ничуть не встревожило. Наоборот, глаза у него заблестели.

- Я чувствовал, что Одри найдет самый простой и остроумный выход, - сказал он. - Ну, прекрасная ирландка с душой Макиавелли, признавайся, что за этим кроется?

- Сказать-то я ему сказала, - с улыбкой ответила прекрасная ирландка, - только вряд ли это принесет ему пользу. Я расписала во всех подробностях самую дальнюю дорогу и не забыла поведать об опасностях, подстерегающих на пути. Тем не менее он решил туда отправиться - я сама слышала, как он говорил Гарутаре, что пойдет туда с отрядом из тридцати человек, как только зайдет солнце.

А поскольку я знала, что Леонардо поведет вас ко мне на выручку, то особенно не беспокоилась - времени у нас за глаза хватит.

- Блеск! - сказал Ганнибал. - Не рой другому яму, сам в нее попадешь!

- Именно так! Судьба послала сюда прекрасную ирландку, чтобы она перехитрила коварного арапчонка, и

вот свершилось! - с гордостью сказал Дэмизэн, похлопывая дорогое чадо по спине.

- Так каков же твой план? - спросил Питер.

- Кинги может отдать приказ своей гвардии войти в долину через расщелину с водопадом. Когда Лужа со своей шайкой доберется до обрывистой скалы, мы будем поджидать внизу. Начнут слезать - и...

- ...тепленькими попадут к нам в руки! - крикнула Джу, которая была в восторге от этой идеи.

Ганнибал ухмыльнулся и встал.

- Так, теперь буду дозваниваться до дворца, - сказал он.

- А я наделаю еще шашек, - с энтузиазмом сказала Джу, когда Ганнибал вышел из комнаты.

- Да ты что, с ума сошла? Ты же можешь покалечить птиц! - воскликнула Одри.

Джу села. Вид у нее был печальный.

- А может, тебе вообще не стоит ехать с нами, Джу? - спросил Питер. - Еще затеешь там свалку, как ты любишь, а это, прямо скажем, сослужит дурную службу церкви. Наконец вернулся Ганнибал.

- Жаль, что это отняло столько времени, - извинился он, - но Наполеон и Иисус лыка не вяжут в такой поздний час.

- Так что сказал Кинги? - спросила Одри.

- Его лейб-гвардия в полном составе будет поджидать заговорщиков на перекрестке дорог, ведущих в Долину пересмешников, - ответил Ганнибал. - Гвардейцы будут на месте через час. Король был несказанно обрадован, что представилась возможность поставить подножку Луже. При этом он сердечно благодарил тебя за столь остроумную идею и извинялся за своих земляков, которые так дурно обошлись с тобой.

- Спасибо Кинги, но дело-то еще не сделано, - возразила Одри.

- Ну, так будет, - сказал Питер.

- Ни минуты не сомневаюсь, - согласился Ганнибал. - Ну, ваше преподобие, приготовьте-ка нам кофе - несколько галлонов горячего кофе - и в путь!

Отважные бойцы встретились с королевской гвардией примерно в четверти мили от водопада, скрывавшего вход в долину. Гвардия состояла из отборных воинов устрашающего роста, которых возглавлял капитан Крэклинг Сам-мервиль, в свое время служивший в лейб-гвардии Ее Величества. Это был ладный и исправный офицер, державший свою немногочисленную рать в ежовых рукавицах.

Он подошел к Ганнибалу и отдал честь, тогда как воины замерли в ожидании распоряжений.

- Я проинструктировал личный состав, сэр, - сказал Крэклинг. - Спасти долину любой ценой, но кровопролития без надобности не допускать.

- Так точно, - сказал Ганнибал. - Более того, по возможности постарайтесь обойтись без лишнего шума.

- Есть, - ответил Крэклинг. - Об этом я тоже предупредил. Кстати, сэр, я вижу, и женщины с вами? Право, война - чисто мужское дело. Это не для женщин. Заварушка может подняться такая, что впору оглохнуть,

- Вы еще не знаете этих леди, - сказал Ганнибал, которого позабавили рассуждения капитана. - Мисс Дэмиэн и раскрыла весь этот заговор, а ее преподобие Длиннаяшаль мастерит такие бомбы, что хоть записывай ее в партизаны - даром что служительница церкви.

- Ну, раз так, тогда другое дело, - с сомнением сказал капитан, полагая, что Ганнибал все выдумывает, - но лучше пусть все-таки держатся подальше от линии огня.

- Под мою личную ответственность, - сказал Ганнибал.

...Колонна продвигалась к водопаду с величайшей осторожностью. Конечно, было маловероятно, что Лужа со своей шайкой их услышит, но искушать судьбу не стоило. У входа в расщелину капитан поставил стражу из шести человек, а все остальные полезли в щель. Кто спотыкался, кто вообще плюхался в воду, но все-таки колонна медленно приближалась к цели. Когда добрались до Долины пересмешников, уже занималась заря. В ее бледном жемчужном свете виднелись деревья омбу с массивными кронами на толстых стволах. Когда же свет зари из жемчужного превратился в бледно-желтый, словно цветки примулы, со всех сторон раздалось: «Ха, ха! Ха, ха! Ха, ха!» - это здоровались друг с другом пересмешники.

А вот и скала, с которой так неудачно сверзился Питер, когда они с Одри впервые попали в долину. Значит, если шайка Лужи будет точно следовать инструкциям девушки, ей придется спускаться здесь.

Крэклинг развернул свои силы так, чтобы они могли действовать, не открывая огня. Утренний воздух был прохладен, и Одри покрылась мурашками - отчасти от холода, отчасти при мысли, что Лужа каким-то образом почует, что его провели, и не заявится. Последние клочья тумана, похожие на лебяжий пух, растаяли, и небо озарилось яркой голубизной.

- Скоро будет, - прошептал Питер, глядя на часы. - Я только боюсь, что наш друг Лужа не пойдет с ними. Так не хотелось бы, чтобы он улизнул!

Капитан Паппас, сидевший неподалеку, словно хмурый медведь, придвинулся поближе и взглянул на Питера своими хитрыми черными глазками.

- Не волнуйтесь, мистер Фокстрот, - произнес он рочующим шепотом. - Даже если он удерет отсюда, ему не удрать с Зенкали.

- Почему? - спросил Питер.

- Он заплатил мне пятьсот фунтов, чтобы я отвез его в Джакарту, - бесхитростно сказал капитан Паппас, - но после скандальной истории с мисс Одри я его не повезу.

- Ты хочешь сказать, что если бы он не тронул Одри, но погубил долину, ты помог бы ему смыться? - спросил ошеломленный Питер.

Глаза Паппаса снова заблестели.

- Еще чего! Просто попросил у него плату вперед. А какой идиот платит вперед? Сам видишь, делец он никудышный. Ни один грек не стал бы платить вперед. В общем, я проинформировал мистера Ганнибала о планах Лужи, его схватят - и долина спасена. Все будет о'кей! - сказал он.

- Ну а... пятьсот фунтов? - спросил в свою очередь Ганнибал.

- А что пятьсот фунтов! Так я и вернул их этому мошеннику! - раздраженно сказал Паппас. - Греки так не делают бизнес.

Прежде чем они возобновили дискуссию о странной этике бизнеса, возле них неожиданно возник капитан Крэклинг.

- Ну, теперь потише, сэ, - сказал он Ганнибалу. - Один из моих караульных, которых я поставил у высокого дерева, доложил о приближении противника.

Питер и Одри переглянулись: они чувствовали себя победителями оттого, что Лужа явился-таки в расставленную ими ловушку. Джу медленно сложила ладони вместе, даже невозмутимый Ганнибал был взволнован. Только капитан Паппас оставался бесстрастным - у него

был вид человека, озабоченного лишь тем, как лучше потратить пятьсот фунтов.

Наконец на вершине скалы послышался шум - это явилась шайка Лужи. Пребывая в абсолютной уверенности, что кроме них здесь никого нет, налетчики перебрисывались крепкими словечками, пели какие-то непристойные куплеты и громко гоготали. Когда они подошли к самому краю, разгорелись ожесточенные дискуссии, как лучше привязывать веревки и кто какую поклажу понесет, спускаясь вниз. До засевших в засаде долетел и голос Лужи, который отдавал бесчисленные распоряжения и без конца выговаривал за что-то своим подчиненным. Было ясно, что его контингент куда более беспечен и недисциплинирован, нежели королевская лейб-гвардия, недвижно притаившаяся в кустах у подножия скалы. Но вот с вершины спустились первые три веревки, а вот и сами противники поползли вниз, нагруженные мачете, канистрами с керосином и разномастным огнестрельным оружием, начиная с кремневых охотничьих ружей и кончая древними арабскими, заряжающимися с дула. Судя по всему, этот арсенал был куда опаснее для горе-охотников, нежели для птиц. Наконец все сорок человек спустились вниз и весело болтали в ожидании своего предводителя и его дальнейших инструкций. К удивлению Питера, сам Лужа соскользнул по веревке с необыкновенной для такого щеголеватого карлика легкостью и грациозностью. Коснувшись земли, он тщательно вытер руки белым шелковым платком, поправил на голове тирольскую шляпу и повернулся к бандитам, намереваясь сказать речь.

В это самое мгновение вокруг них плотным грозным полумесяцем сомкнулось кольцо лейб-гвардейцев. Поднявшись из кустов и держа винтовки наперевес, молча-

ливые отважные борцы притиснули непрошенных гостей к отвесной скале.

Потрясенный Лужа на мгновение замер, а затем стал беспомощно оглядываться по сторонам, облизывая розовым язычком губы. Навстречу ему шагнул Крэклинг.

- Именем короля! Бросайте оружие! - В голосе его звучала гордость за успешно проведенную операцию. - Вы арестованы.

Выйдя из оцепенения, все участники налета, побросав ружья, мачете и канистры, кинулись к веревкам. Они отпихивали и пинали друг друга, надеясь первыми добраться до вершины и задать стрекача.

- Гвардейцы, вперед! Арестовать их всех! - резким, взволнованным голосом скомандовал капитан Крэклинг.

Королевская лейб-гвардия рванулась вперед, словно из лука выпустили мощную стрелу черно-защитного цвета, и в мгновение ока у подножия скалы образовалась свалка. Поскольку противник побросал оружие, гвардейцы со спокойной душой сделали то же самое и налегке, с одними короткими, но крепкими дубинками бросились на отступающую визжащую ораву.

Лужа, чей щегольской наряд по-прежнему был без единого пятнышка, недвижно стоял в гуще свалки. Поначалу Питер подумал, что такова его реакция на внезапный поворот событий, расстроивший все его планы, что он признал свое поражение и хочет сдаться как можно торжественнее. Но Питер ошибся. К тому же ошибочному мнению пришли и гвардейцы: расценив поведение Лужи как молчаливый акт капитуляции, они позабыли о нем и занялись остальными, которые отчаянно вопили и яростно сопротивлялись. На это и рассчитывал хитроумный Лужа. Неожиданно для всех он пригнулся и дал стрекача, петляя, точно заяц, между деревьями омбу.

Одного он не учел - в кустах его поджидали Ганнибал с товарищами.

Как только Лужа обратился в бегство, Питер вскочил и бросился вдогонку. Ему стоило огромных усилий сократить дистанцию между собой и преследуемым, который оказался неожиданно легок на ногу. Ганнибал решил несколько снизить накал страстей, хотя и понимал, что добыча по праву принадлежит Питеру. Как только Лужа поравнялся с кустарником, Ганнибал тщательно прицелился и изо всей силы метнул деревянный кол, вырезанный капитаном Паппасом. Просвистев в воздухе, нехитрый снаряд поразил Лужу между лопаток и поверг его наземь.

- Bravo! Отличный бросок! - зааплодировала Джу, прыгая от радости.

Лужа катался по земле, отрывисто дыша, будто ему на шее затягивали петлю. Лицо у него сделалось серым - его в равной мере повергли в шок внезапный удар в спину и вид подскочившего к нему растрепанного и тяжело дышавшего Питера, следом за которым подбежали и остальные.

- Ф-Флокс! - каркнул он, злобно сверкая глазами.

- Точно так, любезный мой, - неласково сказал Питер, наклонившись и подняв Лужу за шиворот. - Ну, гадюка, теперь мы с тобой рассчитаемся!

Примерившись, Питер изо всех сил ударил Лужу в челюсть. Бедняга раза два перекувырнулся и застыл в сидячем положении. Глаза у него потускнели, по лицу ручьем текла кровь. Удар приятным покалыванием отозвался в руке Питера. В этот апперкот он вложил всю боль и тревогу прошедших недель и с гордостью мог считать его шедевром искусства.

- Это за себя, - сказал Питер, снова приближаясь к Луже, хватая его за лацканы и поднимая, словно котенка, - а вот это за мисс Дэмизн!

Он снова занес руку для удара, но Лужа вынул из рукава тонкий нож и всадил Питеру в грудь. Удар пришелся в небольшую серебряную фляжку, которую Питер позаимствовал у Симона и носил в грудном кармане. Фляжка спасла Питеру жизнь, но поскольку Лужа бил под углом, то лезвие, скользя по металлу, проехалось по лицу Питера от подбородка до скулы. Теперь уже Питер оказался застигнутым врасплох. Бросив Лужу, он опустил глаза и увидел, что по куртке струится кровь. Воспользовавшись ситуацией, Лужа с оскаленными зубами, словно кровожадный хищник, снова бросился на Питера, на этот раз целясь ножом в живот. Питер только собирался парировать удар, как вдруг невесть откуда возникла могучая смуглая рука, покрытая густой шерстью, и сжала ручонку Лужи, как в тисках. Лужа заорал не своим голосом, и в тот же миг другая такая же рука обрушилась на его шею. Лужа обмяк и упал, будто сложенная кукла.

- Уф! - недовольно сказал капитан Паппас (а у кого еще могут быть такие могучие волосатые руки?). - Этот ублюдок и ножом-то не умеет пользоваться как следует.

- Питер, ты цел? - крикнула подскочившая Одри.

Питер повернул к ней лицо, на котором, словно маска, застыла свернувшаяся кровь; слабые ручейки еще стекали вниз. Порез от подбородка до уха был похож на след от сабельного удара и доходил до самой скульной кости.

- Да, - сказал Питер, пытаясь улыбнуться, - нож-то, оказывается, куда страшнее, чем кажется на первый взгляд.

- Если бы он был страшнее, чем кажется на первый взгляд, тебя бы уже на свете не было, идиот! - сказала

Одри и залилась слезами. - Какого черта ты с ним сцепился?

- Он же вполовину меньше меня ростом, - попытался отшутиться Питер. - Отчего бы не сцепиться?

- Подойди, я промою тебе рану, - сказала Одри.

- Нет уж, предоставь это мне! - возразила Джу. - Это должно быть сделано очень аккуратно, если не хочешь, чтобы шрам у него остался на всю жизнь.

Она тщательно смыла кровь и наложила на рану две полоски пластыря из небольшой походной аптечки, которую догадалась захватить с собой.

- Ну, милая, - сказала она Одри, - теперь скорее вези его в госпиталь! Там есть доктор Мафузи - настоящий кудесник, а иглу держит, будто искусный вышивальщик! Вот увидишь, пять секунд - и твой кавалер будет выглядеть как расшитый ковер, даже еще прекраснее. Да, захвати своего отца на случай, если Питер вдруг упадет в обморок и ему понадобится помощь в пути.

- Это я-то - в обморок?! - раздраженно сказал Питер. - Еще чего! Нет, позвольте сперва рассчитаться с этим недоноском...

- Не надо, - твердо сказала Одри. - Джу права.

- Оставь Лужу, мы им займемся сами, - сказал Ганнибал. - Пришьем ему, ко всему прочему, покушение на убийство.

- Аминь, - сказала Джу.

И, словно эхом, отозвалось многоголосое: «Ха, ха! Ха, ха!» Печальный крик раздавался из кустов, из рощ деревьев омбу - словно реквием по крохотному тельцу Лужи, скорчившемуся между листьями.

Глава восьмая

ЗЕНКАЛИЙЦЫ ПРАЗДНУЮТ ПОБЕДУ

Кинги возлежал в своем необъятном гамаке, дрыгая ногой и недовольно хмурясь. Возле владыки сидели Ганнибал и Питер с залепленным пластырем лицом. Все трое тянули большими стаканами дьявольское зелье под названием «Оскорбление Величества», но, даже несмотря на это, ни один не выглядел счастливым.

- Поймите меня правильно, Питер, - сказал Кинги, делая очередной глоток, - не думайте, что я не испытываю по отношению к вам и Одри чувство благодарности за то, что удалось спасти долину и вывести на чистую воду этого мошенника Лужу. Если бы на Зенкали существовали должность вице-канцлера и орден Подвязки, вы получили бы и то и другое, и я еще посетовал бы, что награда слишком мала. Впрочем, я найду способ отблагодарить вас, но в свое время. Нам удалось обезвредить Лужу, но это не решило проблему с долиной. Ко мне по-прежнему являются сэр Осберт и сэр Ланселот с диаметрально противоположными предложениями, каждое из которых по-своему ценно. Поэтому я и позвал вас с Ганнибалом - сегодня в одиннадцать часов они оба придут сюда для обсуждения вопроса.

- Ну, что же, - сказал Ганнибал.

- Это единственный путь, мой дорогой. Пусть оба выскажут свое мнение, поглядев в глаза друг другу. Вдруг до чего-нибудь и договоримся.

- По-моему, Кинги прав, - сказал Питер, с трудом открывая рот после наложения швов. - Если все аргументы будут исчерпаны, расскажем сэру Осберту все про Лужу.

- Прекрасная мысль, - сказал Кинги, светлея лицом. - Об этом я как-то не подумал. Кстати, вы разыскали Друма?

- Какое там! По-прежнему шляется где-то по лесам. Я оставил ему записку, - сказал Питер.

- Ну не поразительно ли? - раздраженно воскликнул Ганнибал. - То надоедал хуже горькой редьки, путался у всех под ногами, а когда позарез нужен - как сквозь землю провалился.

Ненадолго воцарилась тишина.

Кинги допил стакан и выкарабкался из гамака.

- Я вижу, сюда идет мой слуга Малами - представим, что это сама Немезида! Пошли, джентльмены.

В просторной столовой с противоположных концов огромного стола восседали сэры Осберт и сэры Ланселот, демонстрируя свое безразличие друг к другу, словно два кота на каменной ограде сада. Оба встали и холодно поклонились королю, когда тот, источая притворное радушие, вошел в комнату.

- Мой дорогой сэры Ланселот, мой дорогой сэры Осберт, простите, что запоздал, - выпалил король, блестя зубами. - Все дела, государственные заботы! Но мы ведь не для этого здесь собрались. Не желаете ли прохладительных напитков? Сегодня такой жаркий день! Тут у меня почти все, что душе угодно... Прекрасно, вам, сэры Осберт, виски с содовой, а вам, сэры Ланселот? Джин с тоником - отлично... Ганнибал, Питер, вот вам целый кувшин напитка из кокосового молока, который вы так любите... Ну, все устроились? Вот и замечательно!

Кинги сел и оглядел стол взором, пылающим, как вулкан, и яростным, как лавина.

- Итак, сэры Ланселот, вы получили мое письмо? Копию я, естественно, послал сэру Осберту. Теперь я был бы рад выслушать ваши мнения.

Кинги развалился в кресле, сделав серьезное, значительное лицо и переплетя большие смуглые пальцы. Сэр Осберт и сэр Ланселот смотрели на него так, будто видели в первый раз. На короткое время воцарилась тишина. Затем сэр Ланселот прокашлялся и пренебрежительно усмехнулся.

- Итак... если не возражаете, я начну первым, - предложил он. - Полагаю, мои взгляды помогут определить наши дальнейшие действия.

Сэр Осберт фыркнул так, что звук отразился эхом, но сэр Ланселот сделал вид, что не заметил.

- Ваше Величество, я досконально изучил ваше письмо. Позвольте с самого начала выразить свое понимание и сочувствие в связи с неординарностью и сложностью положения. Идея строительства аэродрома возникла до того, как была открыта Долина пересмешников, и я, будучи консерватором, полностью ее отрицаю, но решение, строить или не строить, должны принять зенкалийцы, и только зенкалийцы.

Он бросил взгляд на сэра Осберта, отпил глоток и продолжал:

- Позвольте разъяснить позицию организации, которую я представляю, и свою собственную. По всему миру вследствие человеческой деятельности истребление невозобновимых природных богатств идет с фантастической скоростью. Порою мы делаем это целенаправленно и сознательно, иногда - просто не отдавая себе в этом отчета, но всегда во имя прогресса. Мы сами, выражаясь фигурально, рубим сук, на котором сидим. Моя организация не является обструкционистской, как предполагает сэр Осберт. Мы просто призываем к осторожности. Мы глубоко озабочены жизнью животных и состоянием среды их обитания; кстати говоря, большинство людей упускают из виду тот факт, что в понятие «среда обита-

ния» могут входить как тропические леса, так и трущобы Лондона. Оппоненты неизменно выдвигают возражение: мол, что значат для нас эти твари по сравнению с нашей чудесной техникой, покорением сил природы, способностью, как нас уверяют, вершить наши, собственные судьбы? Увы, нам нечем ответить на столь простой вопрос.

- Вот именно, - фыркнул сэра Осберт. - Нечем.

- По крайней мере, мы сознаемся в своем невежестве, сэра Осберт. Мы не пытаемся скрывать его, как это делаете вы.

Сэр Осберт покраснел.

- Вы говорите, что все ваши аргументы, все ваши obstructионистские действия базируются на невежестве? - прорычал он. - Так как же с вами человечество сможет идти по пути прогресса? Вы же только и делаете, что тащите всех назад.

- Все равно я стою на своем: коли нужно выбирать между строительством аэродрома и плотины или сохранением Долины пересмешников, мои симпатии решительно на стороне долины, - заявил сэра Ланселот, - потому что, помимо ее интереса с чисто биологической точки зрения, мы не знаем, какова может быть ее важность для жизни острова.

- Важность? - вскричал сэра Осберт. - Даже если и будет установлена важность этой долины для жизни острова, мы все равно не будем сидеть развесив уши и бить баклуши! Мой дорогой сэра, вы сошли с ума! Двадцатое столетие на дворе! В нем не может быть места экологическим излишествам...

Ему пришлось прервать свою речь, поскольку Ганнибал затрясся от смеха. Сэр Осберт ошалело посмотрел на него.

- Я прошу прощения, - с притворной учтивостью сказал Ганнибал, - но выражение «экологические излишества», по-моему, редкостный перл изящной словесности, равных которому я давно не слышал. Мне нравится! В нем звенит колокол прогресса!

- Точно так, - сухо сказал сэр Ланселот, - только боюсь, что эти, как их называет сэр Осберт, экологические роскошества... э-э... излишества касаются нас всех, будь то природозащитники или проектировщики прогресса.

- Я и не знал, что сказал что-то смешное, - буркнул сэр Осберт.

- Нет, нет, вовсе не смешное, - возразил сэр Ланселот. - Очень даже печальное.

Король чуть приблизил к спорщикам свое огромное тело.

- Я в принципе согласен с вами, сэр Ланселот, - сказал он. - Но позвольте, если возможно, перевести дискуссию на волнующую нас всех проблему. Что вы думаете по поводу того плана действий, который мы приняли? - спросил он, переводя взгляд с одного дуэлянта на другого.

- Считаю данный план абсурдным, - сказал сэр Осберт, - ибо он задерживает реализацию всей схемы на неопределенный срок. Позвольте прямо заявить от имени правительства Ее Величества, чьим представителем я являюсь, что оно не потерпит колебаний в вопросе, от которого зависит безопасность не только стран Содружества, но и самого Зенкали.

- Мне лестно, когда вы заявляете, что русские устремили свой алчный взор на такой Богом забытый остров, как Зенкали, - пробормотал король.

- Да не то что на Зенкали - на весь Индийский океан! - раздраженно сказал сэр Осберт. - Но похоже, мне так и

не удастся втолковать вам, что из-за этих чертовых деревьев и дурацких птиц безопасность всего мира может оказаться под угрозой!

- Напоминаю еще раз, что птица-пересмешник является воплощением старинного божества фангуасов, - холодно заметил король. - Надеюсь, больше об этом напоминать не придется.

- Извините, - буркнул сэра Осберт.

- А вы что скажете, сэра Ланселот? - спросил король, переводя свой взгляд василиска с сокрушенного сэра Осберта на другого участника диспута.

- С моей точки зрения, трудность заключается в следующем. Даже если будет установлено, что пересмешники могут жить за пределами той небольшой экологической ниши, к которой они адаптировались, и даже если то же будет доказано в отношении деревьев омбу, мы сохраним их, так сказать, в вакууме. Моя же организация стремится к сохранению видов, по возможности, на местах. Так что у меня есть опасения, что мы будем против перемещения птиц и деревьев за пределы долины. Кроме всего прочего, стоимость этой операции повергнет вас в обморок, а я не могу дать совет, где искать на нее средства. В порядке компромисса я могу, вслед за вами, признать ее достоинства, но боюсь, моя организация будет принципиально против.

- Право, не смешно ли, что будущее рода человеческого оказывается под угрозой из-за какого-то дерева и какой-то птицы? - взвился сэра Осберт, который уже оправился после конфуза.

- Меня поражает, как это вы не понимаете, что будущее рода человеческого зависит от охраны, а отнюдь не хищнической и непрерывной эксплуатации природы, - сказал сэра Ланселот, чье терпение явно подходило к концу.

- Джентльмены, джентльмены, - примиряюще сказал король. - Я прекрасно понимаю, что какие-то ваши надежды не оправдались, но, пожалуйста, не выходите из себя. Вы оба изложили мне свою точку зрения, оба привели ценные аргументы в защиту своей позиции. Теперь позвольте сообщить об этом особому совещанию. Если у его членов возникнет желание задать вам вопросы, не будете ли вы так любезны изложить свои взгляды непосредственно им?

- С удовольствием, - сказал сэр Ланселот.

- Еще одна задержка... - пробурчал сэр Осберт, пожав плечами. - Ну что ж, придется согласиться, хоть я и полагал, что ситуация ясна как Божий день...

- А именно? - вкрадчиво спросил король.

- Я хотел сказать, что каждому должно быть ясно, как важен для Зенкали аэродром, - выпалил сэр Осберт.

- В таком случае не надо упускать из виду, как важны для зенкалийцев пересмешник и дерево омбу, - сказал Кинги. - Вы сейчас оба будете шокированы, но минувшей ночью была предпринята попытка вторжения в долину с целью уничтожения всех деревьев и птиц.

- Боже, Боже, как же так? - воскликнул сэр Ланселот. - Как это случилось?

Сэр Осберт хранил молчание.

- К счастью, заговор был раскрыт и злодеи схвачены, - мягко сказал Кинги. - Надеюсь, в скором времени выяснится, кто стоял за спиной заговорщиков.

Лицо сэра Осберта стало белым, точно у покойника, а затем стало медленно наливаться румянцем. Он нервно прокашлялся.

- Вот негодяи... Вот мерзавцы... - сказал он абсолютно бесцветным голосом. - А знаете ли вы, кто в этом заговоре участвовал?

- К сожалению, зачинщиком был один важный государственный чиновник, - скорбно сказал Кинги. - Он будет депортирован. Но больше всего нас интересует, кто же все-таки стоял за ним.

- Боюсь, его трудно будет расколоть, - сказал сэра Осберт, - но даже если это удастся, все равно вряд ли вытянешь из него всю правду.

- Ну, я думаю, мы сумеем развязать ему язык, - сказал Кинги, - но вам я больше не хочу докучать этой чушью. Как только у меня будут новости, я вам сообщу. Кстати, если хотите задать вопросы еще кому-нибудь, не стесняйтесь. Мистер Ганнибал и юный мистер Флокс будут рады ответить.

Он проводил обоих противников до дверей столовой и передал на попечение мажордома. Затем он вернулся и сел за стол.

- Ну, - обратился он к Ганнибалу, - что вы об этом думаете?

- Мои симпатии на стороне сэра Ланселота, - признался Ганнибал. - Он хоть честный малый, а вот в честности сэра Осберта позволю себе усомниться.

- Согласен, - сказал Кинги, - однако Лужа по-прежнему не пришел в сознание, и мы не в состоянии проверить эту точку зрения. Фактически мы не можем предпринять ничего разумного, пока не появится Друм и не очнется Лужа. Полагаю, самое для вас правильное - это идти домой и ждать новостей.

Голова у Питера дико ныла, а вся левая половина лица пылала, как после сильного ожога. Ганнибал взял беднягу за руку, и оба покинули дворец.

- Я просил Одри приехать ко мне к обеду, - сказал он. - Я, конечно, уложу тебя в постель, но, весьма возможно, ты скоро понадобишься. Уж прости мне такой эго-

изм. Выпей фунт аспирина, поплотнее пообедай - и будешь здоров.

- Вот именно, аспирин, - согласился Питер, - а потом завалиться бы в постель и отключиться!

Когда Ганнибал привел Питера к себе домой, нашим героем тут же занялась Одри. Она скормила ему фунт аспирина, который он запил прохладительными напитками, и искупала в бассейне, не погружая в воду, естественно, изувеченного лица. Затем последовал спокойный роскошный обед, и к концу его, попивая кофе на веранде, Питер почти полностью пришел в норму. Тогда Ганнибал, оставив молодежь, умчался в город по каким-то делам.

- Не знаю, как ты себя чувствуешь после всего этого, да еще с таким шрамом на лице, а у меня за последние дни просто в голове помутилось, - сказала Одри. - Как вспомню, какой тихой, блаженной жизнью мы жили, пока не открыли эту Долину пересмешников, так прямо выть хочется.

- Я тоже совершенно выбит из колеи, - хмуро сказал Питер. - Я даже задумываюсь, стоило ли вообще открывать эту треклятую долину.

- Ну что ты, Питер! Ты понимаешь, что говоришь?

- Не знаю! А собственно, что она дала хорошего? На улицах - толпы угрюмых вояк, блуждающих, как мартовские коты, и устраивающих друг с другом драки - из-за забастовки в заведении Мамаши Кэри. Церкви пусты. Гинка и фангуасы готовы перегрызть друг другу глотки. Кинги и Ганнибал не находят себе места. Остров наводнили ужасные люди вроде Брюстера и кучи любителей животных. Действительно, было райское, тихое местечко: ну зачем мы его взбаламутили?

- Да что за вздор ты несешь! - возмутилась Одри. - Фангуасы рады, что вновь обрели свое божество. Видел

бы ты доктора Феллугону, когда я рассказала ему о целой роще омбу! Бедняжка, он ударился в слезы и со всех ног кинулся к Стелле, да так, что я не поспевала за ним! Нет, с моей точки зрения, открытие принесло куда больше хорошего, чем дурного!

- Да, похоже, ты права, - сказал Питер. - Хотелось бы только найти выход из тупика, в котором мы очутились.

- Единственная причина, почему мы оказались в этом тупике, заключается в том, что бедняжка Кинги не упускает ни одной возможности, дабы проявить свой демократизм, - сказала Одри. - Ему ведь ничего не стоило надавить на особое совещание по вопросу о плотине, но он всегда стремится отыскать наиболее мягкий способ решения любой проблемы.

- Боюсь, после сегодняшней утренней встречи он перестанет так деликатничать, - хмуро сказал Питер.

Тут к нему неслышным шагом подошел Могила.

- Пожалста, сэ', масса Флокс, - сказал он. - Пришел масса Друм.

- А, Друм! - вскричал Питер. - Как раз вовремя! Пригласи его сюда!

- Да, сэ', - ответил Могила.

Друм скользящим шагом вошел на веранду, сверкнув своей желтозубой улыбкой. На нем была та же самая одежда, в которой Питер видел его в последний раз, и было ясно, что он несколько дней не мылся и не брился. Большой ящик для коллекций, который он нес на своем тщедушном плече, совершенно перекошил его детскую фигурку.

- Профессор Друм, - сказал Питер со всей сердечностью, на какую был способен по отношению к этому неопрятному человечку, - а мы вас так ждали! Его Величество и мистер Олифант горят желанием побеседовать с вами.

Друм сделал неуклюжий поклон.

- А! - сказал он. - Значит, я им понадобился-таки? Что ж! Люди везде одинаковы - в поисках решений обращаются к науке как к последнему средству, хотя заботятся о ней в последнюю очередь!

- Присядьте-ка с дороги да выпейте... Чего вам? Ах да, лимонного сока, - вспомнил Питер. - Ганнибал будет здесь через десять минут.

- Да, хорошо бы лимонного сочку для прохладнения, - сказал Друм, усаживаясь в кресло, сплетая свои волосатые ноги и ставя себе на колени ящик с коллекциями, который он крепко обхватил руками, словно только что родившегося, и притом хилого, младенца.

- Ура! Смилоствовались сильные мира сего! Снизослиттаки до простого человека! - изрек профессор, с жадностью и сипением потягивая лимонный сок.

- Я что-то недопонял вас, профессор, - сказал Питер.

Друм поднял свой длинный заскорузлый палец:

- Мой милый Флокс! Забыл, сколько раз я просил аудиенции у Кинги или Олифанта! Много-много раз! А сколько раз они избегали меня, делали вид, что меня нет? Но мы, люди науки, хоть и отвержены массаами, но не считаем это оскорблением. Нет! Мы, ясно мыслящие ученые, прекрасно отдаем себе отчет в том, что миром правят бездари! Поверишь ли, Флокс, но вряд ли во всем мире найдется хоть один политик, для которого биология - не пустой звук. Многие даже не представляют себе, как функционируют их собственные почки, не говоря уже о чем-то более хитроумном! При слове «эколог» они думают, что это иностранец из какой-то загадочной страны! Биология сводится для них к плотским утехам, которым они обучаются еще за школьной партией! Нужно ли удивляться, мистер Флокс, что последние, к кому наши владыки обращаются за консультацией, - это мы,

авторитетные ученые! Вот когда ситуация окончательно запутывается, они и прибегают к нам со слезами, умоляя помочь, как ребенок к папаше со сломанной игрушкой, умоляя починить!

- Видите ли, Друм, на это была масса других причин, - осторожно начал Питер и честно, без обиняков сказал собеседнику, что хоть он и сочувствует ему, но вид у него настолько непрезентабельный, что все шарахаются.

- Как вы заметили, ситуация на острове весьма непростая, - продолжал Друм.

- Как же, заметил, - сухо сказал Питер.

- Открытие, которое сделали вы и мисс Дэмизн, имеет неоспоримую важность, - заявил Друм, потянувшись за соком, но пронес стакан мимо рта и облил подбородок. - Я имею в виду для будущего Зенкали.

- Вы имеете в виду - в связи с аэродромом? - поинтересовался Питер.

- Ну да, и еще по ряду других причин, - сказал Друм, и глаза его внезапно хитро блеснули.

- Могли бы вы прояснить хоть что-нибудь по поводу вашего открытия? - начал было Питер, но собеседник прервал его.

- Прояснить, говорите? Хоть что-нибудь? Да я все разъяснить готов, все! Наши правители могут спать спокойно, - сказал он и разразился диким, резким смехом. - Я нашел решение проблемы! Пусть они отшивали меня, пренебрегали мною, насмехались надо мной - я непрерывно, неустанно, днем и ночью, скрупулезно разрабатывал свою жилу. Меня переполняло такое вдохновение, которое мало кого из гениев посещало...

- Не хотите ли вы сказать, что вам удалось решить проблему Долины пересмешников? - спросил Питер, прерывая жизнерадостный самоанализ профессора Друма.

Друм поставил на стол недопитый бокал и еще крепче прижал к себе ящик.

- О да, - прошептал он, не в силах скрыть волнение. - Я решил ее, мистер Флокс! Решение проблемы здесь, вот в этом ящике.

Прежде чем Питер и Одри смогли сказать что-нибудь по этому поводу, на веранду, спотыкаясь, вошел Ганнибал.

- А, Друм! - с улыбкой сказал он. - Милый мой, тебя-то нам и надо!

- Меня это не удивляет, - сказал Друм, отвесив свой обычный неуклюжий поклон.

- Профессор Друм как раз начал объяснять, как он решил проблему Долины пересмешников, - объяснил Питер.

Ганнибал бросил на Друма острый взгляд.

- Ну, коли так, то ты и в самом деле умнейший на Зенкали человек, - скептически произнес он.

Друм так и засиял от удовольствия.

- Благодарствую, благодарствую. Право, весьма польщен. Да, - сказал он.

- Ну так что же? - спросил Ганнибал. - Не томи нас долгим ожиданием! Где же ответ?

- Вот здесь, в ящике, - ответил Друм. - Скажите, а у вас не найдется случайно стола, чтобы все продемонстрировать?

- Пошли, - сказал Ганнибал и повел ученого в просторную гостиную.

Там он показал ему стол, где высились пирамиды книг и курганы папок с бумагами, и свалил все на пол.

- Достаточно? - спросил он.

- Превосходно, - сказал Друм и, поставив ящик на стол, принялся распаковывать его. Он вытащил оттуда несколько маленьких круглых жестянок с отверстиями в

крышках, черную плоскую коробку, небольшой пресс для сушки растений и пачку фотографий. Одри, Питер и Ганнибал, стоя у края стола, наблюдали за Друмом, раскладываявшим свои причиндалы, как дети за фокусником, готовящимся показать волшебный трюк.

Приготовив все как надо, Друм сложил руки за спиной, откинул голову, прикрыл глаза и начал свою лекцию таким педантичным тоном, будто читал ее не для трех человек, а для огромной аудитории, полной студентов. Сколь бы непривлекательной ни была персона профессора Друма, она тем не менее обладала некоей гипнотической силой, и все трое слушали затаив дыхание.

- Всем вам хорошо известно значение дерева амела для экономики Зенкали, так что останавливаться на этом нужды нет. Да! Но лишь недавно удалось установить, что цветок дерева амела может опыляться только бабочкой амела, обладающей приспособленным для этого длинным хоботком.

На сем месте профессор прервал свой доклад и открыл плоскую коробку. К ее пробковому дну были тщательно приколоты булавками самец и самка бабочки амела с вытянутыми вперед хоботками.

- Как только было сделано данное открытие, стало ясно, что необходимо доскональное изучение этого насекомого, которое нуждается в особой защите, коль скоро мы хотим сохранить дерево амела как вид. Да!

Здесь профессор снова прервал свою речь и засмотрелся себе под ноги, словно собираясь с мыслями.

- Таким образом, я был приглашен на Зенкали с целью выполнения задачи, для которой подходил только я со своим уникальным опытом, накопленным в ходе успешного выполнения ответственных задач в прошлом. Но я понимал, что выполнение данной задачи, как и разгадка любой экологической проблемы, будет не из легких.

Нет! Что мы знали об этой бабочке? Практически ничего. Мы знали, что существует некоторое различие во внешнем виде самцов и самок - вот видите, желтые подкрылья у самца, - и знали, чем питается взрослое насекомое. Но жизненный цикл этого насекомого оставался нам неизвестен. А почему? Потому что растение, которым питается взрослое насекомое, далеко не всегда совпадает с тем, которым питается личинка. В случае с бабочкой амела мы не только не знали, чем питается личинка, но и сама эта личинка вообще не была описана. Следовательно, моей первоочередной задачей было разрешить данную проблему. Казалось бы, чего проще - отловить несколько самцов и самок, подождать, пока они отложат яйца, и, как только вылупится личинка размером с булавочную головку, предложить ей различные виды растительной пищи. Но опыты успеха не имели. Что бы я ни предлагал, личинки неизбежно чахли и гибли. Да!

Друм открыл другую коробку. Там были еще пара бабочек амела, небольшая ветка с кладкой крохотных белых яиц, словно инкрустированных в ткань листа, и колба с заспиртованными в ней несколькими черными гусеницами. Друм достал папку для гербариев и развязал ее.

- Здесь, - сказал он, - образчики четырехсот двадцати видов растений - как местных, так и привозных, - которыми я безуспешно пытался кормить личинок бабочки амела. Да! И вот наконец я сделал потрясающее открытие...

Он покопался в папке и вытащил оттуда белый кусок картона, на который был наклеен лист в форме наконечника стрелы.

- Перед вами, - произнес он торжественно, - то единственное, что едят гусеницы бабочки амела. Это лист дерева омбу!

- Вот это да!.. - сказал Ганнибал, закатив глаза. - Значит...

- Пожалуйста, не перебивайте, - запротестовал Друм. - Дайте мне закончить. Да! Случилось так, что в своих блужданиях по горам я наткнулся на заветную долину вскоре после того, как ее открыли мистер Флокс и мисс Дэмиэн. Там-то я и нашел личинок бабочки амела на листьях деревьев омбу. Да! Но, приближаясь к разгадке одной тайны, я приближался и к разгадке другой. Как вам известно, до открытия долины считалось, что существует единственный экземпляр дерева омбу, и хотя оно давало семена, они никогда не прорастали. Это было загадкой и для меня, и для доктора Феллугона. Да! Значит, для проращивания семени необходим некий каталитический агент, но пока я не попал в долину, я и представления не имел, что это может быть. А теперь... Теперь я знаю!

Профессор Друм сделал паузу. Слушатели застыли в немом восхищении.

Друм покопался в пачке фотографий и извлек одну, которую молча предложил вниманию публики.

- Вот это да! - выдохнула Одри. - Это же... пересмешник!

- Именно так, мисс Дэмиэн, - сказал Друм, величественно склонив голову. - Пересмешник. Да.

Ганнибал подтянул кресло к столу и сел.

- Если я правильно понял, - сказал он, - бабочка амела, на которой держится экономика острова, так как только она опыляет дерево амела, откладывает яйца на листья дерева омбу, а это последнее, в свою очередь, не может существовать без пересмешника. Так?

- Верно, - сказал Друм.

- Почему?

- Потому, - объяснил Друм, - что внешняя оболочка семян омбу обладает особой прочностью. Значит, нужно, чтобы птица склевала это семя, и оно, пройдя сквозь ее пищеварительный тракт, подверглось воздействию соков. Только так оно сможет прорасти, когда снова ляжет в землю.

Ганнибал протяжно и гулко свистнул:

- То есть стоит затопить долину - и мгновенно рухнет вся экономика острова?

- Совершенно точно, - сказал Друм.

- Вот это да! Друм, да вы - гений! - крикнул Питер, вскакивая на ноги и тряся Друму руку.

- Это значит, что мы ни при каких обстоятельствах не можем затопить долину, а значит, не можем строить аэродром, - заключил Ганнибал. - О славный день!

- Вы уверены, Ганнибал? - спросила Одри.

- Абсолютно уверен, - отрезал Ганнибал, изобразив зверскую улыбку. - Это именно то, что нужно Кинги. Все со мной, во дворец! И вы, профессор! Собирайте ваши образчики, возьмите с собой. Кинги захочет все их посмотреть. Поедьте скорей!

Ганнибал рассадил всех по королевским каретам, и они помчались во дворец, сопровождаемые лающей сворой псов.

Кинги слушал разъяснения Друма поначалу с недоверием, затем - с надеждой и наконец - с нескрываемой радостью.

- Мой милый профессор Друм! - воскликнул он. - Не в силах выразить, как я вам благодарен! И не только я, но и весь Зенкали! Уверяю вас - отныне мы перед вами в неоплатном долгу!

- Вы очень добры, Ваше Величество, - сказал Друм, сияя от удовольствия и на радости переплетая ноги, словно винт штопора.

- Питер, будьте так добры, налейте нам пять больших бокалов «Оскорбления Величества», - сказал Кинги. - Поднимем тост!

Пока Питер разливал по бокалам лучезарную жидкость, Кинги забрался к себе в гамак, закрыл глаза и погрузился в глубокое раздумье; приподнялся он лишь тогда, когда ему подали бокал.

- За пересмешника! - торжественно произнес он и изучающе посмотрел на Друма. - Как вы думаете, профессор, - продолжил он, - можно ли будет перевезти несколько деревьев омбу и нескольких птиц в Дзамандзар?

- А почему бы и нет? Насколько я понимаю, климат и почва в долине и в столице почти одни и те же. Я не советовал бы вам перевозить всех птиц и все деревья, потому что они очень привыкли к этой долине. А несколько особей и несколько деревьев - вполне возможно. Птица всеядна, и уж так получилось, что плоды деревьев омбу ей больше всего по вкусу. Мне представляется, что омбу - дерево неприхотливое и способно приживаться даже на малоплодородных почвах. Следовательно, если обеспечить молодым деревцам должный уход, в будущем можно будет разбивать плантации омбу параллельно плантациям амела. Да.

- Великолепно, великолепно! - сказал Кинги, поглядывая на Ганнибала, а у самого в глазах плясали озорные искорки. - Ну, что? Давайте устроим парад по такому случаю!

- Парад? - изумился Ганнибал.

- Именно парад! - воскликнул Кинги. - В конце концов, на острове сейчас находятся представители всех видов вооруженных сил, куча гостей самого различного ранга; многие из них ожидали больших торжеств и церемоний - так не будем же лишать их этого удовольствия! Мы возвели столько сооружений, поставили столько

шатров, вылизали дорожки для проведения парадов - и все напрасно? Питер, вспомни, сколько ты сам вложил труда и сил - не жаль? А главное - мне так хотелось покрасоваться в новой форме, и я не желаю этой возможности упускать. Значит, так: устраиваем грандиозное празднество и с этой целью доставляем в столицу пару пересмешников и шесть штук деревьев омбу для показа на параде, после чего деревья могут быть высажены в Ботаническом саду, а пересмешников поселим в Королевском дворце - павлины уже порядком поднадоели. Ну, как по-вашему? Неплохая идея?

Все согласились, что идея хорошая, и даже Друм, который после второго бокала «Оскорбления Величества» начал было икать и хихикать, согласился, что она заслуживает внимания.

- Мне придется специально по этому поводу собрать заседание парламента и сделать заявление, - сказал Кинги. - Ну как, Питер, можно будет поручить вам с Одри операцию по доставке в столицу деревьев и птиц?

- Конечно, - с воодушевлением сказал Питер. - Рад стараться!

- Полагаю, дело будет так, - сказал Кинги. - Устроим грандиозный парад, а затем гигантский праздник в саду у стен дворца. Согласны?

- Согласны, - ответил Ганнибал.

- Значит, на том и порешили, - сказал Кинги с глубоким удовлетворением. - Ну как, профессор Друм, еще по бокальчику? В конце концов, мы не каждый день пьем за новое открытие великого гения! Выпили? Ну а теперь за вас, Одри! Так, милая? Вот и отлично!

Три следующих дня Одри и Питер не вылезали из Долины пересмешников. Они выбрали и поместили полдюжины молодых деревьев омбу, которые были осторожно выкопаны и пересажены в бочонки с землей командой

дюжих зенкалийцев. Операция проходила под наблюдением доктора Феллугоны, который, впрочем, больше путался под ногами, чем помогал делу, поскольку каждые полчаса разражался слезами радости, так что приходилось все бросать и успокаивать его.

С птицами дело обстояло иначе. Питер соорудил для них огромную проволочную клетку, положил в нее разные изысканные приманки и с помощью Одри заманил туда пару пернатых. Птахи вошли в клетку без малейшего колебания и отнюдь не выказывали каких-либо признаков недовольства пленением. Скорее их тревожило другое - что лакомые кушанья, которые припасли для них Питер и Одри, когда-нибудь закончатся. И точно: едва только клетку открыли, чтобы их выпустить, как они, хлопая крылышками и отчаянно крича, принялись носиться взад-вперед. Еще бы, только что был корм под клювом, а теперь вдруг исчез! Нужно ли говорить, что впоследствии, когда потребовалось заманить их в небольшую клетку для показа на параде, сделать это не составило никакого труда.

Между тем Лужа, придя в сознание и поняв, что его могут обвинить в целой куче преступлений, в том числе в покушении на убийство, принялся выкручиваться. Разве он так уж был заинтересован в строительстве аэродрома и плотины? Вот вам свидетельства в письменном виде, что это все сэр Осберт и лорд Хаммер! В их руках средства, они намеревались сорвать на этом куш, так с них и спрос! Кинги, который не прочь был при случае схитрить, утаил от Лужи, что планы строительства теперь окончательно отпали, и сказал, что если в добавление к письменному свидетельству против сэра Осберта и лорда Хаммера он напишет письмо, в котором полностью раскается в своих грехах, то в этом случае его наказание ограничится высылкой с Зенкали. Лужа ухватился

за предложение владыки как за соломинку, и капитан Паппас спецрейсом вывез его с острова, честно отработав свои пятьсот фунтов. Что до сэра Осберта и лорда Хаммера, то Кинги пригласил их во дворец для встречи.

- Вам, конечно, хорошо известно, - начал Кинги самым холодным тоном, - что ваш общий знакомый Лужа являлся членом моего кабинета. Он был арестован и выслан с Зенкали по множеству причин, но главная из них заключалась в том, что он стремился проташить идею строительства аэродрома и плотины любой ценой, поскольку это сулило ему большие деньги.

В зале воцарилась зловещая тишина. Во время этой затянувшейся паузы сэр Осберт несколько раз менял цвет, становясь то красным, то белым, то бледно-желтым, а лорд Хаммер, покрывшись испариной, переключал, словно детские кубики, бумажник, футляр от очков и портсигар.

- Причиной того, что суровое тюремное заключение было заменено ему высылкой, стало не только чистосердечное раскаяние, но и ряд документов, свидетельствующих о том, что и вы... джентльмены...

- Подлог! Сплошной подлог! - проворчал сэр Осберт.

- Так вы ему поверили? Нельзя доверять таким, как Лужа, - пропищал, словно флейта, лорд Хаммер.

- Тем не менее эти документы заронили в мою душу сомнения и могли бы вызвать серьезные опасения у правительства. К счастью, мне нет необходимости обнародовать их, - заметил Кинги.

Сэр Осберт вздохнул с облегчением, а лорд Хаммер вытер взмокший лоб.

- Причина тому заключается в следующем: благодаря открытию профессора Друма была доказана необходимость существования Долины пересмешников для экономики острова, следовательно, она не подлежит затоп-

лению ни при каких обстоятельствах. Тем не менее эти документы, вместе с признанием Лужи, будут находиться в особой папке и в случае надобности могут быть использованы в будущем.

- А не лучше ли просто уничтожать такие вещи? - спросил сэр Осберт. - Попадут еще в недобрые руки!

- Вот именно! Все это - злостные наветы! - сказал лорд Хаммер.

- Эти бумаги - в моих надежных руках, - мягко сказал Кинги, - и всем остальным будут недоступны. Теперь о другом. Мне известно, что британскому правительству стоила больших забот и денежных затрат посылка сюда войск и гостей, и я полагаю, оно не обрадуется, если эти денежки уйдут в песок. Ну а для нас обретение старинного божества - великое событие, вполне достойное празднования. Итак, внимание: в следующий вторник состоится грандиозный парад и народное гулянье в саду у стен дворца. Надеюсь, сэр Осберт, я могу рассчитывать, что находящиеся на острове войска примут участие в торжествах?

- О да... да, конечно, - сказал слегка ошалевший сэр Осберт. - Я... буду рад помочь...

- Да, конечно, - сказал лорд Хаммер. - Можете на нас рассчитывать.

- Прекрасно, - сказал Кинги. - Ценю вашу любезность. Я передам юному мистеру Флоксу, чтобы он поддерживал с вами связь, когда дело дойдет до окончательного согласования деталей.

- Конечно, конечно, - сказал сэр Осберт. - Я буду только рад, если в столь уникальном мероприятии будет и капля моего участия.

- О да, - сказал лорд Хаммер. - Случай действительно уникальный.

Питер и Одри вернулись из Долины пересмешников для участия в заседании парламента, на котором Кинги должен был огласить решение относительно плотины и аэродрома. Кинги и Ганнибал заперлись на двое суток, трудясь над речью для владыки. Они переписывали ее шестой раз подряд, и к трем часам утра Ганнибал стал выходить из себя.

Наклонившись вперед, Кинги взял его за запястье.

- Милый друг! - мягко сказал он. - Не ворчите на меня так! Мы ведь оба знаем, что это будет самая выдающаяся речь из всех, которые мне когда-либо доводилось произносить, поскольку я буду говорить о том, что считаю благом для моего народа, моей страны. Для меня большая честь, что вы помогаете мне в этом, как всегда помогали во всем.

Ганнибал взглянул на владыку и улыбнулся.

- Вы слишком деликатны для монарха, - сказал он. - Я всего лишь взбалмошный балбес. Не обращайтесь на меня внимания.

- Мой друг, как мне не обращать на вас внимания, если ваши советы всегда были только добрыми. Ведь вы любите Зенкали, и, не скрою, я чувствую вашу привязанность ко мне, а это мне так лестно!

- Об одном я просил бы вас, - угрюмо сказал Ганнибал, - молчите об этом: не дай Бог широкой публике подумать, что я чувствую привязанность к черномазому.

Кинги запрокинул голову, заливаясь смехом.

- Милый Ганнибал, - сказал он, протирая глаза, - если бы не вы да не газета «Голос Зенкали», как скучно было бы мое правление!

Наконец они отстучали текст на машинке, нещадно барабанив по клавишам, и хотя содержание речи в значительной мере было придумано Ганнибалом, заключенные в ней чувства полностью принадлежали Кинги.

И вот наступил торжественный час. По такому случаю все надели свои самые красочные одеяния. Партер пестротой и яркостью напоминал лоскутное одеяло. На самом монархе был алый с желтым, ослепительно блестящий халат. Его Величество медленным шагом прошествовал по залу, отвешивая торжественные поклоны то правой, то левой стороне. Он выглядел словно только что вылупившаяся из куколки яркая бабочка. Дойдя до громадного трона, он аккуратно, чтобы не помять складки своего платья, сел на него. Затем вынул очки и, нацепив их на нос, аккуратно разложил листы с записанной на них речью. Наконец он поднялся с трона и мгновение простоял молча; одеяния ниспадали с его могучей и величественной фигуры, словно победные знамена.

- Друзья, - начал он своим глубоким, раскатистым голосом, - сегодня я имею честь сообщить вам новости, которые не только удивительны сами по себе, но и представляют исключительную важность для всех нас и будущего Зенкали. Мы здесь, на нашем острове, живем в век чудес. Нам повезло, ибо для большинства людей чудеса остались где-то в глубокой древности; до недавнего времени я тоже так считал, но теперь позвольте поставить этот тезис под сомнение.

Он сделал паузу. В зале стояла удивительная тишина - трудно было поверить, что столько людей могут вести себя так тихо.

- Нам придется обойтись без аэродрома, - сказал Кинги, сняв очки и используя их для того, чтобы подчеркивать высказываемые мысли, - и вот почему. Если бы мы пошли на строительство аэродрома, то ввергли бы экономику Зенкали в глубокий хаос. От этого пострадали бы все без исключения. Позвольте разъяснить, как мы пришли к такому выводу.

Он снова надел очки, заглянул в свои записи, а затем посмотрел в зал.

- С открытием пересмешника вновь обретено старинное божество фангуасов. Не много найдется примеров, что бы судьба настолько благоволила к народу, возвращая ему божество, которое считалось утраченным. Но это открытие оказалось чудесным вдвойне. Это божество незримо и неслышно, как и положено добрым божествам, поддерживало благополучие всех зенкалийцев - и фангуасов, и гинка. Профессор Друм, которого вы все хорошо знаете, сделал потрясающее открытие. Вам известно важное значение дерева амела для экономики Зенкали, а благодаря деятельности все того же профессора - и значение бабочки амела. Профессор Друм трудился днем и ночью, изучая жизненный цикл этой удивительной бабочки, ибо с ее исчезновением исчезло бы и дерево амела, а отсутствие сведений о ее размножении и развитии лишило нас возможности обеспечить ей соответствующую защиту. Теперь мы можем это сделать.

Король снова сделал паузу, чтобы сказанное дошло до всех.

Ганнибал, наблюдавший за венценосным оратором с почтением и восхищением, только сейчас понял, почему владыке с таким трудом давалась эта речь. Еще бы - ведь ему предстояло разъяснить сложную биологическую проблему столь же просто и красочно, как если бы он учил детей азбуке с помощью разноцветных кубиков с буквами.

- Обиталищем бабочки амела, местом, где она откладывает яйца, оказалась Долина пересмешников, - заявил Кинги

Услышав в ответ странный шум в зале, он поднял свою могучую руку, прося тишины, и продолжал:

- Но это еще не все. Вылупляющиеся из яиц гусеницы бабочки амела питаются исключительно листьями дерева омбу.

Он снял очки и воздел их кверху.

- Профессор Друм предлагал гусеницам четыреста двадцать разных растений, - сказал Кинги, подняв руки и растопырив пальцы, будто собирался отсчитать на них это число, - но во всех случаях они чахли и гибли. Только после того, как профессор Друм добрался до Долины пересмешников и собственными глазами увидел, как гусеницы амела поедают листья омбу, значение этой долины стало понятно окончательно и бесповоротно.

Кинги достал большой шелковый платок, вытер брови, а затем, зажав его меж пальцев, словно крыло бабочки, жестикулировал, подчеркивая сказанное.

- Возможно, у вас глаза на лоб полезли от удивления: есть ли на свете что-либо более необычное, чем только что вами услышанное? Кто бы мог подумать, что в течение стольких веков наше благосостояние зависело от крохотного мотылька, а его жизнь, в свою очередь, - от дерева, которое мы полагали давно исчезнувшим! Теперь это дерево вновь открыто, но чудеса на этом не кончаются. Профессор Друм установил, что в не меньшей степени, чем существование бабочки зависит от дерева омбу, существование самого дерева омбу зависит от пересмешника. Когда плод дерева падает на землю, птица съедает его. Проходя по ее пищеварительному тракту, семя подвергается воздействию различных соков, в результате чего оболочка становится мягче и семя получает возможность прорасти. Теперь вам понятно, дорогие друзья, каким образом наш старинный бог незримо и неслышно помогал нам на протяжении веков? Когда пересмешник освобождает свой кишечник, семя попадает в почву и дает начало дереву.

Король убрал платок, снял очки и на несколько долгих мгновений задержал свой взгляд на слушателях.

- Ну как, друзья, полезно узнать, что наше благополучие зависит, во-первых, от невзрачного мотылька?

С этими словами он столь изящно поднял свою смуглую руку, будто она и в самом деле была бархатисто-темным крылом бабочки, а потом повернул ее розовой, словно обратная сторона крыла, ладонью к публике.

- Во-вторых, от дерева.

Сказав это, он описал руками полукруг, будто изображал крону омбу на могучем стволе.

- А в-третьих, - рявкнул он, предупреждаясь подняв вверх палец, - хотел бы я знать, что вы почувствовали, поняв свою зависимость от конечного продукта пищеварения птицы?

Парламентарии зашептались между собой, усиленно жестикулируя.

- Так вот, друзья мои, все мы связаны одной цепью, - сказал Кинги, переплетая пальцы и как бы иллюстрируя вышесказанное. - Дерево амела, бабочка, дерево омбу, пересмешник и наконец мы все. Никто из нас не выживет без других звеньев этой цепи. Без этих деревьев и прочих живых существ погибнут все наши надежды на будущее Зенкали. Без аэродрома обойтись мы сможем, а вот без помощи матери-природы - нет.

Оратор снял очки и, преисполненный августейшим достоинством, направился к выходу, оставив публику обсуждать услышанное.

Великий парад имел грандиозный успех. Спецвыпуск «Голоса Зенкали» открывался огромным заголовком: «Бог жилище обрел в королевском саду». Под этим замечательным лозунгом и прошло все мероприятие.

Во главе парада выступал сам Кинги, ехавший в изысканно украшенной королевской карете; перед ним шагал

лоунширский оркестр, игравший национальный гимн Зенкали. В его основу легла бесхитростная популярная мелодия, слегка аранжированная самим Кинги, когда он купался в ванне. Проникновенные слова сочинил не кто иной, как Ганнибал:

*Слава тебе, наш родной Зенкали,
Наш процветающий остров любви!
И солнца восход, и морской прибой
Поют тебе славу, наш остров родной!*

Вся эта процессия двигалась сквозь пеструю толпу, сбежавшую позевать на невиданное зрелище. До участников парада долетал щекочущий ноздри запах надутых, одетых в свежестыранную одежду человеческих тел, аромат цветов добросердечности, а главное - терпкий запах, какой ударяет в нос, когда откупориваешь бочонок редкого вина, - таков, должно быть, запах амброзии. Процессия катила сквозь море бронзовых, шоколадных и медных лиц, озаряемых, словно вспышками, белозубыми улыбками, сквозь лес плещущих розовых ладошек - казалось, всеобщую радость и ликование народа можно было потрогать руками.

Вслед за королевской каретой, в которой восседали губернатор и Изумрудная леди, ехала повозка, где величаво покоились шесть массивных бочонков, любезно предоставленных владелицей заведения «Мамаша Кэри и ее курочки». В бочонках были высажены шесть молодых деревьев омбу - коротких, толстопузых, машущих публике переплетенными ветвями. Их сопровождали профессор Друм, выглядевший еще более убийственно, чем прежде, в новом фланелевом костюме, кое-как заколотом булавками, и доктор Феллугона с огромным белым платком, обильно смоченным слезами радости. Он

постоянно гладил стволы деревьев омбу, как бы желая воодушевить их. За ними, чередуясь с войсками в начищенных мундирах, ехали королевские кареты с высокими гостями. Вот сэра Осбери лорд Хаммер - у них такой вид, будто они час назад были на волоске от смерти и лишь чудом вырвались из пасти крокодила. А вот сэра Ланселот и досточтимый Альфред - оба улыбаются и машут толпам людей так, будто все здесь присутствующие принадлежат к высшим кругам высшего общества. А вот повозки с представителями прессы - приходится сожалеть о том, что они изрядно набрались, причем отнюдь не знаний, - и весь природоохранный контингент. Представитель Швеции выглядит угрюмее, чем скалы Скандинавии, - так может выглядеть только швед среди восторженной, рукоплещущей, счастливой до экстаза публики. А вот швейцарец - он ни на секунду не отнимает от уха блестяще отремонтированные часы в страхе, что они могут остановиться снова. Вот Харп и Джагг - они изрядно дерябнули «Нектара Зенкали» и, завернувшись в огромный звездно-полосатый флаг, который Бог ведает где позаимствовали, лежат в повозке и машут публике. В общем, веселая, не слишком формализованная процессия в лучших традициях тропиков. Правда, одна неприятность все-таки произошла. Платформа для телекамер, сооруженная по специально разработанному Питером проекту, оказалась атакованной простыми смертными, справедливо решившими, что отсюда лучше видно парад. Стоило двумстам пятидесяти слишком возбужденным зевакам на нее взгромоздиться, как вся машина рухнула в тартарары. Брюстер был вне себя от ярости и пытался разогнать нахалов, нещадно лупя их сценарием по щекам и ушам, но вскоре оказался затоптанным. «Я - представитель Би-би-си!» - орал он, но что поделаешь, если для зенкалийцев это пустой звук. Блор со своей

чрезвычайно дорогой, на зависть япошкам, камерой был сметен с верхушки платформы и рухнул с пятнадцатифутовой высоты вниз. Жалобные крики вроде: «Что вы делаете?! Мы же из Би-би-си, а не из Ай-ти-ви!» - потонули в грохоте рушащегося сооружения: предназначенное для двоих, оно, конечно, не выдержало нагрузки двухсот пятидесяти. К счастью, зенкалийцы спружинили мягко и плавно, словно электрические угри. Большинство из них приземлились аккуратно на макушку Брюстеру, который отделался переломом ключицы, несколькими синяками да фингалом под глазом.

Толпы фангуасов и гинка пели песни, кричали, играли на барабанах и дудках, а девушки обоих племен танцевали с такой грацией, будто их тела вовсе лишены костей, - такое под силу только темнокожим.

Наконец процессия достигла дворцовых ворот. Шикарно разодетая стража салютовала ружьями. Сначала в ворота вошел оркестр, затем въехал король и остальные участники парада, ну а толпе зевак пришлось пока задержаться. Дожидаясь своей очереди, люди шутили, смеялись, пялили глаза сквозь ажурную кованую ограду. С обратной стороны ворот счастливые лица выглядели словно баклажаны в плетеной корзине.

Когда наконец всем удалось просочиться в залитые ярким солнцем королевские сады, праздник разгорелся с новой силой.

Взволнованные всеобщим вниманием к себе, пересмешники были наконец выпущены из клеток, и первое, что в благодарность за это сделал самец, - с силой клюнул короля в ногу. (На следующий день «Голос Зенкали» вышел под заголовком «Король укушен Богом» - первоначально набрали «Король ушиблен Богом», но, к счастью, бестактность была исправлена при подписании номера в печать.) Это было воспринято как сигнал к все-

общему гулянию, в ходе которого были поглощены галлоны напитка «Оскорбление Величества», целые блюда с жареной олениной и молочными поросятами, не говоря уже об огромных корзинах разноцветных овощей. Вездесущий король старался поговорить со всеми, перекинуться шуткой с каждым, и его раскатистый смех раздавался над толпами веселых гостей, словно гром.

Питер и Одри неожиданно обнаружили, что любят друг друга. Как зачарованные двигались они рука об руку, сквозь толпу.

- Слушай, - сказал Питер, наполняя стакан Одри в четвертый раз, - бродить в толпе, все равно что плавать у нашего рифа. Тебя носит волнами туда-сюда, а взору открываются удивительные сцены из жизни подводного царства.

- Намек понят, - сказала Одри. - Пойдем поплаваем. Рука об руку, словно скованные одной цепью, они покинули торжество.

По дороге на море они увидели Харпа и Джагга, возлежавших бок о бок в шезлонгах. Ключкнувший Харп говорил с таким завыванием и с такой вибрацией адамова яблока, что производил впечатление американского лося, подзывающего самку.

- Ну да, - хмуро ответил Джагг, как только стихли последние сонорные звуки. - У нас их было несколько штук разом, да вот беда: все поотдавали концы! Что и говорить, хитрая это штука - американский лось! Чуть что, сразу откидывает копыта! Нет уж, охота была с ними связываться, попробую-ка другого зверя, который не помрет! Слоны хороши в этом отношении, к тому же увидел разок слона - и впечатлений на всю жизнь. В общем, нужны такие виды, которые способны поразить воображение публики! Да вот беда: все такие животные

дохнут как мухи! Купишь, бывало, вбухаешь деньжищи, а он у тебя на второй день окочурится - прямо беда!

- А ты попробуй ламантина, - сказал Харп. - Ламантин - это как раз то, что тебе нужно. Помню, я со своей супругой Мэми ездил купаться во Флориду - там мы всласть поплавали вместе с ламантином. Вдруг Мэми и говорит: «Не правда ли, Хайрам, он совсем как человек, разве что не говорит?» А я говорю: «Что правда, то правда, надень на него лифчик - и он будет совсем как ты».

- Ну и... что же она ответила? - спросил потрясенный Джагг.

- А ничего... Просто ушла от меня, - сказал Харп.

Одри и Питер двинулись дальше.

А дальше они наткнулись на досточтимого Альфреда, который рассказывал Друму сложную и запутанную историю, в которой были замешаны три герцога, один раджа и даже один наследный принц.

- Всегда утверждал и буду утверждать: если включишь в разговор нужных людей, - проблеял он, - то и вести разговор будет куда легче.

- Да, но таковыми я всегда считал ученых, - сказал Друм. - Все остальные без них беспомощны, как слепые котята.

- Позвольте с вами не согласиться, - возразил досточтимый Альфред, - я веду речь немного не о том. Я имею в виду, что если не получишь поддержки нужных людей, вам будет куда труднее в жизни.

- Возьмем хотя бы мое несравненное открытие, - сказал Друм, не желая слушать собеседника. - Что случилось бы с Зенкали, если бы не я? Когда мой доклад будет напечатан полностью, он произведет настоящий фурор.

- Согласен, - сказал досточтимый Альфред, - ведь вы не только спасли дерево омбу, пересмешника и еще де-

рево амела - вы ведь самого короля - понимаете, короля!
- замешали в ваше дело!

- Ну, это как раз ерунда, - сказал Друм. - Пусть теперь делают с деревьями и ртицами что хотят. Главное, я опубликую свой материал и реабилитирую себя в глазах научного мира. Никогда не забуду, как из-за крохотной ошибки в оценке популяции мухи цеце на акр площади в кратере вулкана Нгоронгоро - машинистка ляпнула пару лишних нуликов, только и всего! - меня освистали во всем академическом мире! Ну уж теперь я воздам им сполна! Вот погодите, опубликую свой доклад...

Питер и Одри двинулись дальше.

Дальше на их пути повстречались губернатор и Изумрудная леди, которые, по какой-то непонятной причине, вели беседу с Кармен.

- О, как я 'ада, - сказала Кармен, - как я несказанно 'ада, что и де'евьям, и птицам ничего не уг'ожает. Ей-бо-гу, не в'у, ваше п'евосходительство!

- Превосходно! Объявляю всем благодар-ность! - сказал губернатор.

- П'изнаюсь вам, ваше п'евосходительство, сколько не'вов я пот'епала с моими ку'очками! Это все 'авно что де'жать собаку на запо'е и не выпускать на дво'. Какого туда стоило убедить их в сп'аведливости общего дела!

- Благородное женское тело - становой хребет Империи! - заключил губернатор.

Наконец в разговор включилась Изумрудная леди, вставив себе в ухо слуховой рожок.

- Приходите почаще к нам на обед, - сказала она с удивительным радушием. - Мы так редко видим вас и ваших очаровательных девочек.

- Охотно, - сказала Кармен, розовея от удовольствия, -

если вы действительно хотите видеть их в Доме п'авительства, то уве'яю вас, они будут де'жать себя достойно и не докучать джентльменам.

- Черт возьми, - сказал губернатор.

Одри и Питер последовали далее, по пути выпив еще по стакану. Внезапно до них долетел сердитый голос капитана Паппаса, о чем-то торговавшегося с лордом Хаммером.

- Точно, - говорил Паппас. - У меня остались все бумаги, которые этот недоносок Лужа отдал мне на хранение. Но это было еще до того, как мы его раскусили.

- Так, - сказал лорд Хаммер, - а что конкретно представляют собой эти бумаги?

Паппас нахмурился еще больше.

- А почему я знаю? Я никогда не читаю чужих частных бумаг. Теперь этот недоносок изгнан с острова - так, как по-вашему, что мне делать с ними?

Он уставился на лорда Хаммера своими крохотными черными глазками, стараясь изобразить на лице святую невинность.

- Ну а если, - осторожно начал лорд Хаммер, - мы вместе изучим бумаги Лужи, то, может быть, вместе придем к заключению, что с ними делать? А?

- О'кей, - сказал капитан Паппас и улыбнулся широкой золотозубой улыбкой мошенника с большой дороги.

- Ну что, завтра я принести их все гуртом, чохом! Идет?

- Откуда у него бумаги Лужи?! - в изумлении прошептала Одри.

- Он грек, и этим все сказано, - объяснил Питер.

Следующими звуками, которые долетели до ушей наших влюбленных, было гоготанье швейцарцев из природоохранной делегации, которым адмирал читал долгую, несколько путаную лекцию по европейской истории.

- Когда мы бились при Ютландии, ваши brave парни находились справа от нас, - произнес он, и от волнения его глаза увлажнились. - Развертывание кораблей в боевой порядок...

- Да как же так, сэр? - перебил его швейцарец, который во всем любил точность. - У нас же нет флота.

- Как нет?! - изумленно спросил адмирал. - Не может такого быть! У всех есть.

- Но Швейцария - маленькая страна, - сказал швейцарец, складывая руки чашечкой, словно изображая птичье гнездо. - Мы со всех сторон окружены сушей!

- Тьфу! - сказал адмирал. - Терпеть не могу сражаться на суше! Прислушайтесь к моему совету: обзаведитесь флотом - и будете непобедимы!

Одри и Питеру не хотелось больше слушать. Так, а вот и сам Кинги в своем изысканном халате! Он с нежностью смотрит на сэра Ланселота, который так захвачен всеобщей атмосферой праздника, что на его всегда суровом лице нет-нет да и проскользнет улыбка.

- Я очень рад, - проворковал сэр Ланселот, - что привез вам хорошие новости от герцога Пейзанского. Он очень просил меня вам о нем напомнить.

- О, милый Бертрам, - сказал Кинги, просветлев лицом. - Он был моим замечательным однокашником в Итоне! Не знаю почему, но мы все его звали «Бертрам-тарарам»!

Не было похоже, чтобы сэра Ланселота это как-то тронуло. Он крепче сжал в руке стакан и оглянулся.

- Я очень рад, что нам удалось найти столь блестящее решение этой проблемы, - сказал он.

- Нам здесь, на Зенкали, - сказал Кинги, - обычно худо-бедно удавалось вести дела на благо острова. Корю себя за то, что недооценивал вас, видя в вас лишь разумного и сочувствующего мне человека.

- Спасибо, спасибо, - сказал сэр Ланселот, сияя от удовольствия. - Я так рад слышать это, ваше величество! Мы, ревнители охраны природы, всегда во все суемяся, всегда вставляем палки в колеса, и нам ой как трудно убеждать людей, что все это для их же блага. Люди думают, что мы помешались на любви к животным, ставя их выше интересов человека.

- Согласен, - сказал Кинги. - По-моему, все, что здесь произошло, лишний раз подчеркивает сказанное вами. Без понимания биологической архитектоники нашего острова мы могли бы в одночасье погубить и его экономику, и самих себя.

- Именно так, - сказал сэр Ланселот. - Истории, подобные той, что имела место в нашем микрокосме, происходят повсюду в мире, и, как правило, последствия их бывают более прискорбными.

- Хорошо, что мы здесь, на Зенкали, обладаем достаточной властью для принятия решений, - сказал Кинги. - Я всегда чувствовал, что во многих странах мира власть слишком распылена, чтобы быть эффективной. Демократия по-своему хороша, но подчас при помощи диктатуры - в мягкой, разумеется, форме - можно добиться большего.

- Положимте, что так, - с сомнением сказал сэр Ланселот.

- А вот и счастливая парочка, благодаря которой заварилась вся эта каша, - сказал Кинги и обхватил своими могучими руками Питера и Одри за плечи. - Милая Одри, - сказал он. - Вы сегодня выглядите счастливой как никогда! Не потому ли, что вы решили взять себе в мужа честного малого в лице Питера Флокса?

- О да, - сказала улыбающаяся Одри. - Я решила: в чем он нуждается больше всего, так это в сварливой жене.

- Ему следовало бы почитать за счастье, что на него будет ворчать такая красавица, как вы, - сказал Кинги. - И я открою вам секрет: наш благодарный остров подарит вам на свадьбу плантацию деревьев амела.

- О, Кинги, - сказала Одри. - Вы так щедры!

- Скорее предусмотрителен, - сказал Кинги. - Я надеюсь, что благодаря этому Зенкали станет вашим родным домом навсегда.

- Не сочтете ли вы «оскорблением величества», если я поцелую вас? - спросила Одри.

- Сочту, если откажетесь, - твердо сказал Кинги. Ну, Питер, пошли, сообщим обо всем папочке, - сказала Одри.

- Заодно передайте, что если он еще раз тиснет обо мне какую-нибудь гадость, то я выкину его за шкуру с острова. «КОРОЛЬ УКУШЕН БОГОМ». Какой подрыв репутации монарха, а!

...Под гигантской бугенвиллеей, где была ключом жизнь насекомых, плавно покачивался королевский гамак, в котором восседали Ганнибал и Джу. Под гамаком, скрестив ноги по-турецки, сидел папаша Дэмиэн.

- Ну, уважаемый и обожаемый предок, у меня для тебя новость! - сказала Одри. - Наш высокочтимый король подарил нам с Питером плантацию амела!

- Как - плантацию амела? - спросил Симон. - Что бы моя родная дочь позорила отцовские седины, живя во грехе у него под боком на плантации амела?

- Боже, да что ты несешь! - сказала Одри. - Разве я собираюсь жить во грехе?!

- Не хочешь ли ты сказать, о моя дражайшая дочь, что ты по глупости решила повести сего неоперившегося отрока к церковному алтарю? Смилуйся, о Матерь Божия, это еще хуже, чем жить во грехе!

- Ну, ничего, немножечко греха тоже не помешает, - сказала практичная Джу. - В конце концов, грехи - это мой хлеб, без них я осталась бы без работы! Но, я надеюсь, у вас все серьезно? Могу я вас обвенчать?

- А где же еще им завязать брачные узы, как не здесь? - сказал Ганнибал. - О Господи! Я теряю не только ту единственную девушку, которую искренне любил, но и добрую помощницу. А я ведь так рассчитывал на тебя еще на девяносто ближайших лет!

- На все воля Божья, - сказал Питер.

- Что ж, - произнес, Ганнибал, - теперь, когда всю эту заваренную вами кашу удалось расхлебать, я отниму у Питера еще немножечко времени - если, конечно, эта паршивка хоть ненадолго оставит его в покое... Питер, у меня к тебе будет вот какое задание: я задумал выпуск нового, исправленного издания своей книги.

- Это какой же?

- «Зенкали. Фрагментарный путеводитель для случайного приезжего».

- Так это... ваша?! - спросил изумленный Питер.

- «Ваша»! Ты еще спрашиваешь «ваша»! Ну а кто еще на острове, по-твоему, обладает такой эрудицией и таким блестящим знанием английского, чтобы проделать столь титаническую работу? - спросил Ганнибал.

- Так вы действительно собираетесь готовить новое, исправленное издание? - спросил Питер.

- Безусловно, - ответил Ганнибал, - если ты готов мне помочь.

- Я-то готов, но мы сначала хотели бы провести медовый месяц, - сказал Питер.

- Как - медовый месяц? Вы же еще не повенчаны! - удивился Ганнибал.

- Мы решили поступить наоборот, - как бы извиняясь, объяснила Одри. - Сначала медовый месяц, потом венчаться.

- О Святой Павел и двенадцать апостолов! Так, стало быть, моя дочь будет стоять перед алтарем и каяться во всех грехах?! - воскликнул Симон, бия себя в лоб. - Только из-за чистоты души моей я не потерплю такого!

- Если не секрет, где вы намерены провести этот странный предсвадебный медовый месяц? - поинтересовался Ганнибал.

- Как это - где? - перебила Джу, выскакивая из гамака. - Черт побери, есть только одно подходящее место. ДО-ЛИНА ПЕРЕСМЕШНИКОВ.

ЭПИЛОГ

- Ты можешь притиснуться ко мне поближе? - спросил он.

- Никак, Питер. Ты и так умудрился втиснуть два тела в спальный мешок, рассчитанный на одного. Куда уж ближе?

- Ну, еще поближе, - сказал он, довольный.

Лунный свет струился на причудливо толстые переплетающиеся фигуры деревьев омбу, хранивших покой влюбленных, а ветви окружающих их кустов мерцали от множества светлячков.

- Когда ты в первый раз решила, что любишь меня? - спросил Питер, не боясь показаться банальным.

- Сразу, как только увидела, - с удивлением сказала Одри. - А почему ты спрашиваешь?

Питер осторожно поднялся на локте и взглянул на ее лицо.

- Сразу? - переспросил он, потрясенный услышанным.

- Напомни, когда ты меня впервые увидела?

- Как когда? В то утро, когда ты пришел к Ганнибалу. Ты был таким лапочкой... Ну как брошенный щеночек.

- Вот спасибо, - холодно сказал Питер. - Это самый романтический комплимент, который я когда-либо слышал.

- Так я же не в том смысле. Я имела в виду - хорошенький щеночек, - запротестовала Одри. - Ну, такой, как в зоомагазинах, что невозможно удержаться!

- Понятно. Такой же кудлатый?

- Ну да. И такой же вислоухий и беспомощный. Он тебе на полу будет лужу делать, будет туфли грызть, а все равно - такая лапочка!

- Да что ты говоришь! Разве я в твоём присутствии когда-нибудь заикался о желании сделать лужу на полу?

Или погрызть твою обувь - туфли, тапки, сапоги или что там еще?

- Да нет, ты прекрасно знаешь, что я имею в виду, - сказала Одри. - Не притворяйся тупицей.

Пауза.

- Ну, хорошо. Ты знаешь, что происходит с этими очаровательными щенками после того, как их приносишь из зоомагазина? - продолжал Питер.

- А что?

- Из них получают волкодавы.

- Я всегда мечтала о собственном волкодаве! - мечтательно сказала Одри.

- Ну а я вот не влюбился в тебя с первого взгляда, - заговорщицки сказал Питер. - Ты показалась мне привлекательной, но не более того.

- Что-что, а я-то хорошо запомнила, как ты посмотрел на меня в первый раз. У тебя был взгляд похотливого развратника - точь-в-точь как у молодца-итальянца, только-только ставшего мужчиной, - сказала Одри.

- Ну уж нет! - раздраженно сказал Питер. - Я не глядел на тебя взглядом похотливого развратника.

- Глядел. И своим первым же взглядом не только раздел, но и затащил в постель, - сказала Одри. - Что я пережила, одному Богу известно.

- Позвольте с вами не согласиться, - сурово сказал Питер. - Я в жизни не позволял себе бросить такой взгляд на женщину.

- Я так и поняла, - сказала Одри. - Вот почему мне это так понравилось.

- Вот уж не думал, что наша первая с тобой ссора будет в спальном мешке, - сказал Питер. - Здесь и места-то маловато! Даже подушками не побросаешься!

- Согласна. В спальном мешке маловато места - и не только для ссоры, - жалобно сказала Одри.

- Ничего. При желании найти можно. Я покажу.

Воцарилась тишина.

- Ты мой маленький, мой миленький волчонок, - наконец сказала Одри.

- Да еще такой, который проявляет ловкость в стесненных обстоятельствах, - сказал Питер.

- Да еще какую ловкость! - согласилась Одри.

...Луна совершала свой неслышимый путь по небу, и под ее лучами словно оживали деревья омбу - казалось, будто они переходили с места на место или собирались в группы, словно заговорщики. Светляки, будто крохотные карманные фонарики, освещали свой замкнутый мирок зеленым пульсирующим светом. На бескрайней черноте небосвода оставляли следы падающие звезды, а неподвижные сияли, словно сосульки, освещенные солнцем. Луна, прежде золотая, как лепестки подсолнуха, стала бледной, словно поганка.

Вдруг из глубины рощи омбу раздался голос - полусонный, словно первый утренний крик петуха:

«Ха, ха! Ха, ха!»

Потом тот же голос зазвучал мягче, как бы вопрошая:

«Ха, ха? Ха, ха?»

Ему ответил другой голос, успокаивающий:

«Ха, ха, ха, ха».

И наконец со всех сторон раздалась жалобные, но сладостные крики:

«Ха, ха!.. Ха, ха!.. Ха, ха!..»

- Послушай! - сказал Питер. - Как ты думаешь, что это такое?

- Как что? - спросила она.

- Пересмешники, - сказал Питер. - Хорошо смеется тот, кто смеется последним. ЭТО ВЫПАЛО ИМ!

И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ...

Если кого-то из читателей интересует, как получилась эта книга, я могу ответить так: я писал ее в добром настроении, когда легко на сердце, и, вообще-то говоря, понарошку. Но события, подобные тем, что в ней описаны, происходили и происходят в различных частях света.

Если кто-то подумает, что описанная в книге связь между деревом амела и бабочкой амела, деревом омбу и пересмешником сильно преувеличена, позволю себе заметить, что в природе существуют и куда более сложные ассоциативные связи. Взять хотя бы птицу оропендола из Южной Америки, которая живет колониями в длинных, похожих на свисающие корзины гнездах. В некоторых регионах у этой птицы есть опасный враг - муха, залетающая в гнезда и откладываяющая свои яйца прямо на птенцов, после чего личинки начинают на них паразитировать. В этих же регионах водится оса, для которой муха, а также ее яйца и личинки - лакомое блюдо. Складывается впечатление, что взрослые оропендолы каким-то образом осознают полезность ос для защиты своего потомства и допускают их в свои гнезда, чтобы те очищали нежных крошек от паразитов. В тех же регионах, где не встречается злобная муха, оропендола не терпит ос и убивает их, если они оказываются возле гнезд.

Сюжет книги - обретение, казалось бы, давно утраченной птицы - подсказан случаем, произошедшим несколько лет назад в Новой Зеландии. В забытой Богом долине, где ваш покорный слуга имел счастье побывать, была обнаружена птица такаэ, иначе ноторнис, считавшаяся давно вымершей. Значит, у нас еще сохраняется надежда, что даже сегодня, когда гораздо более часты примеры разрушения природы человеком, мы еще можем отк-

рыть популяцию миниатюрных динозавриков, скрывающуюся где-нибудь в глухом болоте.

Персонажи этой книги, разумеется, вымышленные, но за ними стоят люди, с которыми я встречался во время путешествий. Отрицательные персонажи конечно же списаны с отрицательных характеров, и если эти люди узнают себя - надеюсь, у них найдется время для размышлений.

В заключение хочу сказать вот о чем. НА НАШЕЙ ПЛАНЕТЕ МНОГО ПЕРЕСМЕШНИКОВ И ДЕРЕВЬЕВ ОМБУ, КОТОРЫЕ БУДУТ НЕСКАЗАННО БЛАГОДАРНЫ ВАМ ЗА ПОДДЕРЖКУ. ПРАВО, БЕЗ ВАШЕЙ ПОМОЩИ ОНИ ПРОСТО НЕ СМОГУТ СУЩЕСТВОВАТЬ!

Джеральд ДАРРЕЛЛ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Замечательная история Джеральда Даррелла о птице-пересмешнике отражает его усилия по спасению животных, которым грозит уничтожение, во всем мире. Его крестовый поход за сохранение огромного разнообразия животной жизни на нашей планете включает в себя программу восстановления двух видов, которые считались вымершими, - Mallorcan midwife toad и ямайкской игуаны. А Эсмеральда была бы полностью счастлива, узнав о попытках спасения самой редкой свиньи на земле!

Этот поход за спасение угрожаемых видов не закончился со смертью Джеральда Даррелла в 1995 году. Его работу неутомимо продолжают три созданных им фонда охраны дикой природы.

На протяжении многих лет читатели книг Джеральда Даррелла находились под таким глубоким впечатлением от его жизни, что хотели сами включиться в эту борьбу, поддержав его фонды охраны дикой природы. Мы надеемся, что и Вы ощутите те же чувства, потому что своими книгами и своей жизнью Джеральд Даррелл взывает к нам.

«Животные - это огромное безгласное и лишенное права голоса большинство, - писал он, - которое может выжить только с нашей помощью».

Пожалуйста, не давайте Вашему интересу угаснуть после того, как Вы перевернете последнюю страницу. Пишите нам, и мы расскажем, как Вы сможете стать участником нашего крестового похода за спасение животных от вымирания.

Если Вы захотите узнать больше или сделать пожертвование, пишите по одному из этих адресов:

Jersey Wildlife Preservation Trust

Les Augres Manor

Trinity

Jersey JE3 5BP

ENGLISH CHANNEL ISLANDS

Wildlife Preservation Trust International 3400 West Girard Ave Philadelphia 19104-1196 USA

Wildlife Preservation Trust Canada 56 The Esplanade Suite 205, Toronto, Ontario M5E 1A7 CANADA